

Марзия Искендерова

АЗЕРБАЙДЖАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ
XVIII- НАЧАЛА XIX ВВ.
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ имени А.А.БАКИХАНОВА

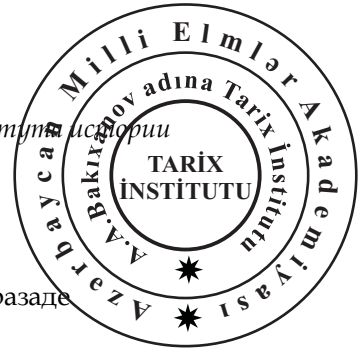

МАРЗИЯ ИСКЕНДЕРОВА

**АЗЕРБАЙДЖАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ XVIII –
НАЧАЛА XIX ВВ. В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
И РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(20-80-е годы XX века)**

Баку – 2009

Рекомендовано к печати Ученым Советом Института истории
им. А.Бакиханова НАН Азербайджана

Научный редактор:

доктор исторических наук, проф. Т.Т.Мустафазаде

Рецензенты:

доктор исторических наук
кандидат исторических наук
кандидат исторических наук

Дж.М.Мустафаев
Ш.П.Гамидова
С.М.Гаджиева

Искендерова М.С. Азербайджано-русские отношения XVIII – начала XIX вв. в азербайджанской и русской историографии (20-80-е годы XX века). Б., Elm, 2009, 440 с.

ISBN 978-9952-453-24-9

В работе прослеживаются этапы изучения азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. в исторической литературе 20-80-х годов XX века.

Основу исследования составил глубокий анализ азербайджанской и русской историографии, в ходе которого рассматривается процесс выработки доминирующей концепции данной проблемы, полностью соответствующей требованиям советской эпохи. В работе показан вклад азербайджанских и русских учёных в разработку азербайджано-русских отношений в указанный период. Несмотря на идеологическую обусловленность и тенденциозность, их труды имеют неопределимое значение для дальнейших историко-научных изысканий в этом направлении.

Работа рассчитана на широкий круг читателей.

0503020907
655(07)-2009

© Искендерова М.С., 2009,

В В Е Д Е Н И Е

Процесс демократических преобразований в постсоветских республиках, в том числе в России и в Азербайджане, способствует росту национального самосознания, стремлению к самостоятельному развитию, зарождению новых отношений. Естественно, складывающиеся в этих условиях межгосударственные связи строятся на другой, принципиальной основе, более унифицированной, направленной на установление равноправных отношений, налаживание деловых контактов, политических, экономических и культурных взаимосвязей между обоими государствами, поиски путей урегулирования межнациональных конфликтов и их объективную оценку, углубление связей в различных областях науки, в особенности, исторической.

Реальная национальная политика невозможна без научного осмысления истории возникновения, становления и развития межнациональных отношений, без учёта их экономических, политических и региональных особенностей. Поэтому изучение межнациональных отношений призвано стать объективной научной основой национальной политики в современных условиях.

Вместе с тем, в сложившейся на современном этапе в России и Азербайджане политической ситуации, в особенности в Азербайджане, 20% территории которого оккупирована Арменией, объективный и справедливый подход к исторической действительности со стороны такой большой державы как Россия, где до сих пор решаются межнациональные проблемы, имеет определяющее значение.

В свете сказанного проблема всестороннего изучения политических и социально-экономических аспектов такого

важного и весьма обширного вопроса, как состояние изученности азербайджано-русских отношений, представляется весьма актуальной и своевременной. География при этом не является основополагающим фактором, хотя она и не отбрасывается. Именно взаимосвязи Азербайджана с Россией на протяжении нескольких веков и составляли определяющее звено в цепи исторических событий, происходивших в Азербайджане. Но период XVIII – нач. XIX вв. явился кульминационным, поскольку в это время был заложен фундамент азербайджано-русских отношений, в полную силу получивших развитие в более поздний период. Происшедшие в указанный период события во многом предрешили дальнейшую судьбу азербайджанского народа, повлияв на ход его социально-политического и культурного развития. Поэтому, оставаясь предметом пристального внимания историков, политологов, экономистов, обществоведов, данная проблема не теряет своей актуальности и по сей день.

В свою очередь, в процессе дальнейшего изучения истории азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., наряду с продолжением выявления новых исторических фактов, нового осмысления событий того периода, с особой остротой возникает потребность выделить историографический аспект как предмет специального изучения. Отдельные историографические моменты по различным вопросам азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. отражались в основном в общих трудах по социально-экономической и политической истории Азербайджана, а также российско-кавказских отношений в целом, поскольку историографический сюжет был обязательной частью этих работ. Ни в азербайджанской, ни в русской историографии нет специального обобщающего труда, посвященного анализу роли азербайджано-русских связей, как в истории Азербайджана, так и во взаимоотношениях России с южно-кавказскими народами на протяжении интересующего нас исторического периода. Все эти доводы подтверждают не-

обходимость написания историографической работы по данной тематике.

Историографическое изучение проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. отличается многоплановостью, как сюжетного характера, так и широтой хронологических рамок. В данной работе мы предприняли попытку определить основные направления азербайджанской и русской историографии, ограничившись 20-80-ми годами XX века, исключив при этом, как объект историографического изучения, источники по истории азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. Такое ограничение рамок и предмета нашего исследования объясняется тем, что историографический анализ источников, на наш взгляд, является предметом отдельного изучения.

В настоящем исследовании нами ставилась цель не только проследить эволюцию советской исторической науки в области изучения азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., уделив при этом внимание её различным сторонам и направлениям, критическому анализу наиболее распространённых концепций, связанных с происходящими изменениями в идейно-политических процессах в советском обществе, но и определить новое в методологии изучения данного вопроса.

Именно в этом смысле эти исследования можно считать отражением советской эпохи, наложившей определенный отпечаток на историю азербайджанского и русского народов. Несмотря на огромный исторический промежуток времени, охватывающий периоды от XVIII – нач. XIX вв. до 20-80-х годов XX века, суть азербайджано-русских отношений практически не изменилась. В основе этих отношений, за исключением короткого времени существования независимой Азербайджанской Демократической Республики, вплоть до распада СССР доминировал колониальный характер. Почти до конца 80-х годов XX века Коммунистическая партия, в чьих руках находились все бразды правления в

бывшем СССР, в своей национальной политике руководствовалась утвердившимися в XVIII – начала XIX вв. установками в азербайджано-русских отношениях.

Исходя из вышеизложенного, перед нами были поставлены следующие задачи:

1) классифицировать работы азербайджанской и русской историографии 20-80-х годов XX века в области изучения проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. по периодам;

2) выявить характерные черты азербайджанской и русской историографии 20-80-х гг. XX в. в разработке ряда вопросов политических и экономических связей Азербайджана с Россией XVIII – начала XIX вв. каждого периода;

3) раскрыть степень освещения азербайджанскими и русскими историками 20-80-х гг. XX в. основных аспектов проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв.;

4) проанализировать формирование и развитие важнейших и наиболее распространенных концепций изучаемой проблемы в азербайджанской и русской историографии 20-80-х гг. XX в. на основе принципа объективного историзма;

5) изучить взаимообусловленность сложившихся тенденций в изучении проблемы азербайджано-русских связей XVIII – начала XIX вв. с идеологизированностью взглядов историков исследуемого периода;

6) сделать соответствующие выводы на основе сравнительного анализа основных направлений указанной проблемы в рассматриваемых трудах;

7) выделить особенности проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. как в трудах, имевших непосредственное отношение к теме, так и в работах, в которых она была отчасти затронута;

8) проследить за изменением широты охвата вопросов в азербайджанской и русской историографии с 20-х по 80-е

гг. XX века и их разнообразием, содержания и формы изложения, и рассмотреть позиции исследователей в отношении их сути.

Сложившиеся с 90-х годов XX века новые формы взаимоотношений между Азербайджаном и Россией показывают, что изучение азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв., нашедших отражение в азербайджанской и русской историографии предшествующего периода (в 20-80-х годах XX в.), необходимо для предостережения от повторения ошибок, а также извлечения уроков, полезных как для решения этой актуальной проблемы сегодня, так и определения тенденций и перспективы её дальнейшего развития.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что только в наступившую новую эпоху открылась возможность не только для критики с позиции здравого смысла, но и для создания действительной картины предшествующего развития такой важной и интересной исторической отрасли, как азербайджано-русские отношения XVIII – начала XIX вв. во всём её многообразии.

Безусловно, глобальные изменения в международных отношениях с распадом СССР не могли не отразиться на деятельности учёных-историков, начертавших и определивших совершенно новый, в корне отличающийся от традиционно ложного, фальсифицированного подхода, курс в изучении данной проблемы. Проведение историографического исследования работ этих учёных – задача будущих поколений.

Взаимоотношения Северного Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX вв. являются важной научной проблемой, от решения которой зависит изучение многих вопросов истории Азербайджана в разные периоды его развития. Только всесторонний и объективный анализ этой проблемы, как и других проблем истории Азербайджана, поможет приблизить нас к исторической истине, создать

правдивую картину истории нашего народа, определить ясные перспективы на будущее.

ГЛАВА I

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ XVIII – НАЧ. XIX ВВ. В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (20-е – I пол. 40-х гг. XX в.)

После трагических апрельских событий 1920 г. в Азербайджане в результате российской интервенции начался совершенно иной этап в истории республики. Новый политический строй требовал и новых идеологических установок, оправдывающих и восхваляющих новый режим. Бесспорно, что историческая наука не осталась в стороне от этого процесса. Относительно изучения проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. правящий режим был особенно заинтересован в раскрытии истоков взаимосвязей Азербайджана с Россией. Хотя, казалось бы, для азербайджанских историков открылись возможности глубокого изучения богатого исторического прошлого азербайджанского народа, однако, в то же время советский режим сразу же поставил четкие ориентиры со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сменив «царскую идеологию» на «большевистскую», Советская власть, по-сути, оставалась верной имперской политике. Наиболее ярко эта тенденция отразилась именно в исторической науке и, в частности, в освещении вопросов азербайджано-русских отношений указанного периода. Так, азербайджанские историки отдавали предпочтение вопросам, которые не затрагивали бы национальные ценности азербайджанского народа, а соответствовали бы приукрашенной советской действительности с целью утверждения в народе восприятия Азербайджана в составе Советской Рос-

сии как великого блага.

По мере выявления новых источников и совершенствования методологических принципов исследования данная проблема продолжала разрабатываться в течение многих десятилетий, хотя изучение ее и велось неравномерно. Поэтому, несмотря на определенные шаги в области истории изучения азербайджано-русских отношений указанного периода,¹ однако вместе с тем возникла настоятельная необходимость в написании историографической работы, подводящей итоги изучению азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. Тем более, что на современном этапе восстановления государственной независимости Азербайджана, когда отношения его с Россией приобрели совершенно иную окраску, особенно остро ощущается отсутствие обобщающего труда такого характера.

Не претендуя на всесторонний охват многогранной литературы, мы остановились на основных, на наш взгляд, работах, дающих наиболее полную характеристику азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв.

Проблема развития и расширения азербайджано-русских связей XVIII – нач. XIX вв. имеет своих исследователей, как в русской, так и в азербайджанской историографии. Данную работу мы начали с выявления характерных черт публикаций 20-40-х годов. Иными словами, мы рассматриваем период, когда история азербайджанского народа стала изучаться как самостоятельная дисциплина,² и предпринимались лишь первые попытки изучения проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв.

Следует отметить, что уже в этот период некоторыми исследователями был сделан анализ достижений азербайджанской историографии.³ Кстати, если до Октябрьского переворота основными центрами кавказоведения являлись Петербург и Москва, то после установления Советской власти центры изучения истории народов Южного Кавказа стали перемещаться в столицы южнокавказских республик и

постепенно подавляющее большинство научных кадров кавказоведов сосредоточилось в этих республиках.⁴ Поэтому изучением прошлого азербайджанского народа, в том числе, проблемами азербайджано-русских связей XVIII – нач. XIX вв. занимались преимущественно в Азербайджане.

Подытоживая развитие историографии Азербайджана за период 20-30-х годов авторы первых историографических работ не раскрывали степени изучения азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., это были лишь первые попытки в изучении общего курса историографии. Более того, следуя установкам идеологов Советской власти, в изучении истории Азербайджана они взяли за основу марксистско-ленинскую концепцию, ставшую основополагающей идеологией в исторической науке Азербайджана за все последующие годы вплоть до развала СССР.

С начала 60-х годов историографическая наука в Азербайджане получила бурное развитие. Появились общие историографические работы, в которых уделялось некоторое внимание и вопросу изучения азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. в публикациях 20-40-х годов.⁵

Отмечая роль этих работ в систематизации развития исторических знаний о прошлом азербайджанского народа в целом, следует отметить, что должной историографической оценки началу процесса изучения азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. в них нет. Вместе с тем, следует особо остановиться на изданной в 2001 г. работе М.М.Алиева «Историография завоевания Северного Азербайджана Россией». Автор скрупулезно изучил не только исследования 20-30-х годов по названной теме, но и классифицировал всю подобранную литературу до 90-х годов XX в. М.М.Алиев отчасти дал историографическую оценку некоторым вопросам по избранной нами проблеме азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. Если рассматривать завоевание Северного Азербайджана Россией

как итог азербайджано-русских отношений указанного периода, то попытки автора произвести историографическую разработку отдельных моментов нашей проблемы вполне объяснимы. Однако он сконцентрировал своё внимание исключительно на историографическом исследовании проблемы завоевания Северного Азербайджана Россией. Следует отдать должное М.М.Алиеву в том, что, определив хронологические рамки классифицированной литературы, он показал динамику изменения концепций предстоящей проблемы с присущими им терминами, начиная от «наименьшего зла» и до «присоединения к России». Более того, автор показывает как начало зарождения той или иной концепции, так и способствующие этому условия. М.М.Алиеву удалось собрать воедино работы, раскрывающие распространённые концепции, и даже сгруппировать те из них, авторы которых придерживаются единой точки зрения. Вместе с тем, М.М.Алиев даёт историографическую оценку проблеме завоевания Северного Азербайджана Россией в общих трудах по истории Азербайджана, Грузии, Армении и Южного Кавказа в целом.

Забегая вперёд, отметим, что М.М.Алиев провёл историографический анализ данной проблемы и в работах 90-х годов XX в., то есть того периода, когда с изменением политической обстановки в стране, с распадом СССР и восстановлением государственности Азербайджана сложились условия для объективного изложения исторических событий. Тем самым он показал освобождение исторической науки в целом и, в частности, историков, занимавшихся проблемой завоевания Северного Азербайджана Россией от пут политической конъюнктуры. Автор зафиксировал новый подход исследователей, отказавшихся от тенденциозного изучения проблемы.

Вместе с тем следует указать, что, хотя в монографии М.М.Алиева, и дана некоторая историографическая оценка ряда аспектов азербайджано-русских отношений XVIII –

нач. XIX вв., тем не менее, она в основном сводится к перечню вопросов в изучаемых работах. Поскольку проблема азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. не являлась предметом специального исследования М.М.Алиевым, в монографии отсутствует широкий историографический анализ почти всех её направлений.

В свою очередь, поставив перед собой цель, изучить историю азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., мы не могли оставить эту тему незавершенной и не дать историографическую разработку вопроса о завоевании Северного Азербайджана Россией.

Таким образом, вышеизложенное позволяет нам сказать, что рассматриваемая нами проблема вполне своевременна, тем более, что в настоящее время, как было уже отмечено, изучение азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. давно уже достигло той черты, когда требуется оглянуться на пройденный путь.

С провозглашением Советской власти в Азербайджане ряд созданных учреждений начал научную разработку истории Азербайджана. Азербайджанский университет, Общество обследования и изучения Азербайджана, Азербайджанский комитет по охране памятников старины, искусства и др. издали много статей, очерков и материалов по отдельным вопросам истории Азербайджана. Относительно азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. следует отметить, что в указанный период этой проблеме не было уделено должного внимания, о чем говорит отсутствие монографических исследований. По этой теме были опубликованы лишь несколько статей, о которых речь пойдет ниже.

Вопросы исследуемой нами проблемы отчасти нашли своё отражение в ряде изданных в 20-х годах XX в. общих трудах по истории Азербайджана. Авторы некоторых из них занимали определенные должности в правительстве Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920 гг.).

Поэтому естественно, что в период Советской власти в Азербайджане эти труды залежались в архивах и не упоминались в историографии Азербайджана. Речь идёт о работах Мухаммедхасана Валили (Бахарлы) «Азербайджан (Природно-географический, этнографический и экономический очерк)» (1921 г.), Рашид бека Исмаилова «История Азербайджана» (1923 г.), Джаваншира Зейналоглы «Краткая история Азербайджана» (1924 г.). Только в 90-х годах они были переизданы благодаря усилиям азербайджанских учёных, что и позволило дать историографическую оценку содержащимся в них аспектам изучаемой нами проблемы.

В работе М.Валили, в отличие от двух последних работ, вскользь затрагивается период XVIII в. и опускаются политические события. Тем не менее, внимание автора привлекает одна из основ азербайджано-русских отношений этого времени, каковой являлась торговля Азербайджана с Россией. Он справедливо подчеркивает, что выгодное географическое положение Азербайджана и определяло его роль моста между Азией и Европой. Дав краткую предысторию внешних торговых связей Азербайджана с древнейших времен, автор придает первостепенное значение взаимоотношениям его с Россией, которые стали доминирующими с XVI века.⁶ Успешное развитие русской торговли в Азербайджане, доказательством чего являлись большие товарные амбары в Шемахе, по мнению автора, продолжалось до 1712 г., когда «лезгины разорили русских купцов».⁷ Как видим, автор, также как и некоторые исследователи того времени, выдаёт выступление народных масс во главе с Гаджи Давудом против иранского и феодального гнёта за разбой лезгин.

Говоря о торговле Ширвана с Европой М.Валили в очередной раз подчеркивает транзитное значение Азербайджана. В подтверждение последнего также приводится факт о том, что именно Петр I в 1718 г. дал разрешение европейским купцам о провозе иранского шёлка сухопутно через

территорию России в свои страны.⁸

Более того, автор показывает, что эту же роль Азербайджан продолжал играть и после завоевания североазербайджанских ханств Россией. При этом он отмечает не только основную продукцию торговли – шёлк-сырец, шёлковые изделия, частично нефть, но и торговые пути, проходившие через Азербайджан и соединявшие Европу с Азией. Направление водных и сухопутных дорог свидетельствует о тесных торговых взаимоотношениях Азербайджана первую очередь с Россией в изучаемый период.⁹

В работе уделяется особое внимание как важности Каспийского моря – единственного водного пути связывавшего Азербайджан с Россией, так и выгоды Бакинской гавани, по глубине и незамерзаемости, которой не было равных не только в Азербайджане, но и на Кавказе.¹⁰

В вышеназванных общих работах Р.Исмаилова и Д.Зейналоглы на фоне царящих в Азербайджане в начале XVIII века хаоса и нестабильности народно-освободительная борьба во главе с Гаджи Давудом, получила более широкое отражение.¹¹ В них также отмечено обращение Гаджи Давуда к Турции.¹² В книге Д.Зейналоглы мы находим причину последнего, которая, по его мнению, заключалась в том, что Турция являлась единственной покровительницей Азербайджана.

Судя по интерпретации, автор в действиях руководителя народного движения Гаджи Давуда усматривает отношение Азербайджана к России. Вышеотмеченное обращение к Турции он представляет мерой против нависшей угрозы русского завоевания, которая, как подчеркивает автор, препятствовала закреплению успехов Гаджи Давуда.¹³

Антирусская позиция автора раскрывается в показе османов спасителями Азербайджана в сложившейся ситуации, русские же выдаются как завоеватели. Более того, если М.Валили и другие авторы ограничиваются констатацией факта разорения русских купцов в Шемахе во время этого

народного выступления, то Д.Зейналоглы справедливо усматривает в случившемся повод для вторжения Петра I в Азербайджан, хотя также называет повстанцев «лезгинами».¹⁴

Кстати в работе подчеркивается значение Шемахи как важного торгового центра и в подтверждение ведущей роли России в торговых отношениях с Шемахой автор указывает на нахождение здесь до 300 ранее упоминаемых русских купцов.¹⁵

Р.Исмаилов и Д.Зейналоглы верно связывают активизацию России на Южном Кавказе с именем Петра I, который «предвидел важную значимость этого региона для процветания России».¹⁶

В работах Р.Исмаилова и Д.Зейналоглы нашли отражение такие вопросы, как прикаспийский поход Петра I, его причины и результаты пребывания русских в Азербайджане, цели восточной политики России и т.д. Следует отдать должное этим авторам в том, что они посвятили специальные разделы описанию отношений Азербайджана с Россией в изучаемый период.

Р.Исмаилов, прежде всего, обосновывает начало прикаспийского похода Петра I после войны со Швецией.¹⁷ Уделив внимание далеко идущим замыслам Петра I и констатируя создание Комиссии для изучения Каспийского моря с целью осуществления намерения русского императора соединить его с Балтийским морем, автор подчеркивает, насколько мысль о завоевании данного региона владела Петром I.¹⁸

Автор не только связывает кризисную ситуацию в Иране и Азербайджане с прикаспийским походом, а выпячивает тот факт, что она, по его убеждению, «как нельзя лучше соответствовала восточной политике России и облегчила завоевание Азербайджана».¹⁹ В свою очередь, он показывает стремление Петра I воспользоваться сложившейся ситуацией. В работе демонстрируется умелая

политика России. Подтверждением сказанному является отраженная в письме Петра I шаху завуалированная цель прибытия русских войск, заключающаяся якобы в оказании ему помощи против восставших.²⁰ Представленный же факт о поручении Петра I русскому консулу в Гиляне вести переговоры с шахом, который в обмен на обещанное покровительство должен был отдать России прикаспийские земли (Гилян, Астрабад, Мазандаран, Ширван, Баку и Дербент),²¹ может служить ещё одним доказательством вышеотмеченного.

Наряду с этим Р.Исмаилов считает необходимым подчеркнуть главную цель, преследуемую Петром I при оккупации Кавказа и прикаспийских земель, которая состояла в завоевании Индии.²²

Д.Зейналоглы в общем констатирует результаты пребывания русских в Азербайджане, заключавшиеся в захвате Петром I без сопротивления ряда городов, а в дальнейшем – юго-западного побережья Каспийского моря, в том числе и города Баку. Правда, вопрос о завоевании Баку в его труде получил несколько широкое освещение.

Вместе с тем в работе А.Р.Исмаилова неслучайно уделяется внимание взятию Петром I Дербента. Наделение Петром I правителя города Имамгулубека такими регалиями, как чин генерал-майора, военачальника, правителя ханства, на наш взгляд, сознательно выпячивается автором, что свидетельствует об оценке императором мирной сдачи городских ключей.²³

Описывая действия Петра I, связанные с завладением Баку, автор акцентирует внимание на его отношении к азербайджанским правителям в целом. По мнению Р.Исмаилова, отправка одного отряда во главе с молодым офицером в Баку свидетельствует об изначальном предубеждении России в их слабости (азербайджанских правителей – М.И.).²⁴

Изложенный автором материал позволяет не только выявить смелый отказ бакинцев от российского покрови-

тельства, но и воочию увидеть разницу в их отношении к приходу русских войск по сравнению с жителями Дербента.²⁵

В работах Д.Зейналоглы и Р.Исмаилова раскрываются причины возвращения Петра в Россию, которые, хотя и «не дали возможность Петру осуществить свои мечты относительно Южного Кавказа и, прежде всего, построить на берегу реки Куры торговый центр»,²⁶ в то же время, не препятствовали императору дать Матюшкину поручение захватить Баку. В названных работах нашло отражение описание выполнения этого задания. Желая подчеркнуть стратегическую важность для России данного региона в числе фактов авторы заостряют внимание и на примере строительства ворот с изображением именно города Дербента, построенных в честь торжественной встречи Петра I в Москве.²⁷

При описании взятия Баку русскими войсками мы вновь убеждаемся в изначальном антирусском настроении бакинцев, стремившихся дать отпор врагу. Следует отдать должное авторам в том, что они не ограничиваются констатацией военной оккупации Баку. Бомбардировка и разорение города, разрушение части крепостных стен, захват пушек и военного снаряжения, арест и отправка в Россию султана крепости – всё это очередное наглядное свидетельство захватнической сути русского царизма.²⁸

Д.Зейналоглы не скрывает также недовольства населения, вызванного действиями русских, в частности, размещением ими воинских частей, в караван-сараях, превращением мечетей в склады. Описывая жестокость русских завоевателей, автор сообщает факты об уничтожении ими части бакинского населения и переселении многих жителей в Россию в ответ на связь назначенного правителя Дергахгулу²⁹ с Турцией и вынужденного переезда его в Шемаху. А показ переселенческой политики царизма, результатом которой явилось размещение в Баку татар из России вследствие учинённого погрома, подтверждает не только вышеска-

занное, но и осознание содеянного русскими.³⁰

Пребывание русских войск в Баку автор называет истинной трагедией для местного населения, от которой они смогли освободиться после их ухода.³¹

Хотя Д.Зейналоглы и Р.Исмаилов и уделяют внимание Стамбульскому (между Россией и Турцией, 1724 г.) и Гянджинскому (между Россией и Ираном, 1735 г.) договорам, между тем они обходят стороной значимость их для Азербайджана, им не дана должная оценка. Так, Д.Зейналоглы констатирует не только причину подписания Петром I договора с Турцией, заключавшейся в нежелании вступать в войну с османами, но и посредничество Франции в переходе ряда азербайджанских городов под власть России.³² Вместе с тем игнорируется его несправедливый характер для Азербайджана. Более того, опять-таки, выпячивая якобы спасительную роль Турции, автор отмечает недовольную реакцию в Стамбуле на занятие некоторых азербайджанских городов Россией, выраженную в распространяемых слухах о том, что «мусульман бросили на москвичей».³³

Что касается договора России с Ираном, то Р.Исмаилов, указывая в работе причину возврата Россией Азербайджана Ирану, справедливо подчеркивает, что преемники Петра I не смогли осуществить его планы в отношении Южного Кавказа.³⁴ Конкретизируя данный вопрос, Д.Зейналоглы считает, что начавшиеся в Дагестане и Азербайджане восстания и война с Турцией вынудили русских уйти.³⁵

Вышеуказанные авторы освещают и события второй половины XVIII века. Хотя в их работах больше места отведено захватническим действиям России в Азербайджане, тем не менее, Р.Исмаилов мельком затронул и деятельность Фатали хана Губинского, что, безусловно, объясняется неординарностью самой личности губинского правителя.

Следует отдать должное тому, что определяя главную

мотивацию обращения Фатали хана, находящегося во вражде с другими ханами, за покровительством к России, автор основную причину согласия Екатерины II на отправку военной помощи хану объясняет ни чем иным, как желанием российского государства подчинить себе Азербайджан.³⁶

Неверная интерпретация событий приводит к тому, что в становлении Фатали хана правителем Дербента, автор отводит первостепенную роль российской помощи, тогда как речь шла лишь о восстановлении власти Фатали хана.³⁷

В работе обращается внимание на объединительную деятельность Фатали хана и констатируется достижение им больших успехов в этом направлении.³⁸ Однако Р.Исмаилов неуместно вновь акцентирует внимание на русском покровительстве. По его мнению, опираясь на последнее Фатали хан завоевал даже Ардебиль,³⁹ хотя общеизвестно, что его южный поход вызвал недовольство в правительстве Екатерины II.

Неслучайно, Д.Зейналоглы и Р.Исмаилов в своих работах отводят определенное место походу русских войск во главе с В.Зубовым, отправленных в Азербайджан Екатериной II в 1796 году. Авторы справедливо видят в лице Екатерины II продолжательницу восточной политики Петра I и верно указывают её цель «не только захватить Кавказ, но и всё побережье Каспийского моря».⁴⁰

В работах получили отражение повод и причина отправки Екатериной II русского войска в Азербайджан, отношение азербайджанских правителей к его приходу, итоги похода и т.д. Так, по мнению Д.Зейналоглы, стремление России нанести удар по османам и обезопасить Грузию от иранской угрозы являлось лишь внешним прикрытием наступления русских после разорения Тифлиса Ага Мухаммедом Гаджаром,⁴¹ а Р.Исмаилов утверждает, что Россия отводила первостепенную роль покровительству над Грузией, выраженному в договоре 1783 г. и нарушенному иранским шахом, так как связывала с ним быстрое и легкое завоева-

ние Азербайджана.⁴² Как видим, в высказываниях авторов по данному вопросу нет антагонизма; более того – они дополняют друг друга.

В рассматриваемых работах представлена разница в отношении азербайджанских ханов к приходу русских войск. Авторы не ограничиваются лишь констатацией сопротивления, оказанного русским войскам в Дербенте, но и показывают влияние падения Дербентской крепости на положение остальных ханств.⁴³ Если в отношении Шейхали хана Губинского и Мустафа хана Шемахинского авторы заняли последовательную позицию и показали их открыто враждебную реакцию,⁴⁴ то действия бакинцев изложены противоречиво. В частности, у Д.Зейналоглы факт об их героическом отражении натиска русских почему-то далее сменяется фактом о добровольной сдаче правителя Бакинского ханства.⁴⁵ Автор не только не раскрывает причину последнего, но и, руководствуясь патриотическими чувствами, теряет объективность. Известно, что Гусейнгулу хан Бакинский лишь ограничился приготовлениями к сопротивлению, которое он так и не рискнул оказать под влиянием действий русских войск в Дербенте, во избежание кровопролития своего народа.⁴⁶

Вместе с тем, в работе упоминается попытка заговора гарабахского и шекинского ханов против В.Зубова.⁴⁷

В обеих работах обращается внимание на то, что Зубов В., не встретив серьёзного сопротивления, завоевывал один за другим азербайджанские города и крепости. Причину этого Р.Исмаилов видит в междоусобной вражде ханов, что, естественно, влекло за собой ослабление азербайджанских правителей.⁴⁸ Большой успех В.Зубов уместно объяснялся применением им метода «разделяй и властвуй». Скорее завоевание Азербайджана зародило у В.Зубова мечту о завоевании даже Тегерана.⁴⁹

В работе Р.Исмаилова ужасающая картина деяний В.Зубова в Азербайджане выразилась словами «беда», «пе-

реполох»,⁵⁰ а у Д.Зейналоглы красноречивым свидетельством отношения населения к русским завоевателям явились приведенные факты о нападениях его на русские воинские силы и потвержении их большим потерям во время ухода из Азербайджана.⁵¹

Авторы однозначно расценивают поход В.Зубова в Азербайджан, как захватнический. Вместе с тем, они считают междоусобную борьбу ханов основным фактором, облегчившим и обусловившим, как поход В.Зубова, так и завоевание Северного Азербайджана Россией в начале XIX века. Как отмечает Р.Исмаилов, поход В.Зубова не послужил уроком для феодальных правителей Азербайджана; они не объединились перед надвигающейся опасностью быть завоеванными и не прекратили распри между собой.

В указанных работах большое место отводится описанию завоевания азербайджанских земель Россией в начале XIX века, событиям первой русско-иранской войны 1804-1813 гг. Д.Зейналоглы справедливо подводит нас к мысли о том, что завоевание Северного Азербайджана явилось продолжением политики Петра I и Екатерины II, претворением давно задуманных планов царизма. Раздел, в котором описываются указанные выше события начала XIX века, называется «Чёрные дни Азербайджана», что ясно показывает отношение автора к российской аннексии.

Д.Зейналоглы и Р.Исмаилов утверждают, что, приняв Грузию под покровительство, Россия рассматривала её как плацдарм для захвата Азербайджана, подчеркнув, что завоевание Азербайджана являлось для России наиболее жизненно важной задачей.⁵² Однако, судя по изложению, они считают началом завоевания Северного Азербайджана захват Гянджи, оставляя в стороне известный факт о том, что в составе Грузии в 1801 г. к России отошли такие азербайджанские земли как Борчалинское, Шамшадильское и Газахское султанства, а захвату Гянджи предшествовало подчинение – Джаро-Белаканских джамаатов.

Р.Исмаилов выпячивает оскорбительное отношение главнокомандующего русских войск Цицианова к местному населению.⁵³ И хотя порой чрезмерно рельефно ощущается антирусская позиция автора, тем не менее, его заслугой является подробное описание упорной борьбы гянджинцев во главе с Джавад ханом Гянджинским против Цицианова. На наш взгляд, автор не только стремился до конца отразить происшедшие события. Сознательно широкий их охват был нацелен на опровержение представления Цицианова о местном населении и выпячивание решительной позиции последнего, прежде всего как ответной реакции на несправедливо жестокие колонизаторские действия царской России.

Бомбардировка города, битва за каждую пядь гянджинской земли определенное количество захваченных у азербайджанцев боеприпасов и знамен, убийство Джавад хана Гянджинского с сыном, захват и разорение имущества гянджинского правителя и т.д.⁵⁴ – всё это представляет нарисованную автором живую картину гянджинского сражения, в ходе и после которого русские действовали исключительно агрессивными методами, будучи уверенными в том, что стоявшая перед ними цель оправдывает все средства.

Ярко и подробно описаны в работах осада Гянджи войсками Цицианова и борьба за неё. Приведенные в работах факты свидетельствуют об отваге гянджинского правителя, бесповоротно решившего не сдаваться, а также показывают насколько тщательно Джавад хан организовал оборону, прорвать которую русским удалось с помощью армян Гянджи.⁵⁵

Если учесть, что только в 90-х годах XX в. историки, освободившись от советской идеологии и методологии, смогли занять объективную позицию в отношении Джавад хана Гянджинского, то мы обязаны подчеркнуть заслугу указанных авторов, впервые давших достойную оценку героическим действиям гянджинского правителя.

В рассматриваемых работах уделено внимание резуль-

татам взятия русскими Гянджи. Как пишет Р.Исмаилов, Цицианов считал, что с захватом этого города, который он называл ключом, был открыт путь в Индию через Азербайджан.⁵⁶

Д.Зейналоглы, особо выделяя результаты и последствия падения Гянджинского ханства, вновь обосновывает своё мнение по поводу междоусобных распрей среди ханов, которыми, как он считает, и воспользовались русские войска при захвате этого стратегически важного пункта.⁵⁷

В работе Р.Исмаилова подробно рассмотрены договоры, подписанные в 1805 году между Россией и азербайджанскими ханами, в частности, Ибрагимхалил ханом Гарабахским и Мустафа ханом Шемахинским.⁵⁸ Раскрывая и анализируя пункты договоров, автор стремится воочию показать причины заинтересованности России в захвате данного региона и широкий ассортимент различных методов, применяемых ею для достижения этой цели – от коварных уговоров и обещаний до грубой военной силы. Приведенные автором данные свидетельствуют о том, что разобщенность и внутренняя нестабильность ханств вынудили некоторых ханов – гарабахского, шекинского и шемахинского – заключить договоры о переходе в состав России.

Автор не скрывает свое отношение к жестокому ханскому правлению, которое, по его мнению, и стало одной из причин прорусских настроений определенной части подданных Гарабаха и Газаха.⁵⁹ Как известно, в составе русских войск участвовали отдельные отряды из азербайджанских беков.

В работе особо подчеркивается помощь, оказанная русской армии со стороны армян Гарабаха.⁶⁰ Кстати, этот же факт отмечает и Д.Зейналоглы.⁶¹

Перечисленные в работе Р.Исмаилова условия вышеуказанного договора между Россией и Мустафа ханом Шемахинским позволяют наглядно убедиться в защите Россией, как своих подданных, так и единоверцев – армян, а так-

же в использовании ею междоусобной вражды ханов и действия по испытанному методу «разделяй и властвуй». ⁶²

Как было отмечено, в работе Д.Зейналоглы доминирующей является мысль об отсутствии единства в Азербайджане перед лицом иранских и русских захватчиков. В подтверждение говорится о совместных действиях джебраильцев с русскими против жителей Гарабаха, пожелавших переселиться в Иран в ответ на убийство русскими Ибрагим-халил хана Гарабахского. ⁶³ Однако автор явно преувеличивает, утверждая, что жители Гарабаха полностью переселились в Иран. ⁶⁴

В свою очередь, автор не сомневается, что сплочение азербайджанских ханов позволило бы избежать российского завоевания. В подтверждение он приводит факт о помощи губинского хана бакинскому правителю и объединении их усилий, в результате которого отправленная в Баку большая эскадра Завалишина вынуждена была отступить. ⁶⁵

Следует отметить, что и Д.Зейналоглы, и Р.Исмаилов дают относительно широкое описание взятия Баку в 1806 г. Р.Исмаилов прослеживает историческое изменение характера походов русских в Баку: от грабительских вторжений, сменившихся целенаправленными действиями русских в период правления Петра I и, наконец, до захватнической акции Цицианова, стремившегося любой ценой претворить в жизнь давно вынашиваемые Россией планы в отношении Баку. ⁶⁶ Вместе с тем, среди причин, побудивших последнего пойти на переговоры с бакинским правителем, Д.Зейналоглы называет и сопротивление азербайджанцев. ⁶⁷

Авторы обращают внимание также на угрозы русского командующего, пытавшего в ходе переписки с Гусейнгулу ханом Бакинским склонить его сдаться во избежание участи Джавад хана Гянджинского. Известно, что эти переговоры завершились убийством Цицианова во время встречи с правящими кругами Баку у стен крепости. ⁶⁸ Следует отдать должное авторам в том, что они пытаются определить свою

позицию по этому вопросу. Так, судя по изложению, Д.Зейналоглы считает бакинского правителя непричастным к убийству царского колонизатора,⁶⁹ а Р.Исмаилов характеризует это убийство как разбойничий акт ограниченного и недалекого правителя, очевидно, надеявшегося на то, как пишет автор, что в России Цицианов является незаменимым главнокомандующим.⁷⁰

В свою очередь в указанных работах представлено отношение к азербайджанским ханам в целом. Слабость последних и междоусобные распри, по мнению авторов, обусловили российское завоевание и, в частности, наступление Цицианова с немногочисленным войском. Р.Исмаилов считает, что Цицианов оказал неоценимую услугу России, так как «путь, проложенный им из Тифлиса во Владикавказ, облегчил военные и торговые сношения с Южным Кавказом и обеспечил неизбежность падения Азербайджана».⁷¹

На наш взгляд, уместно было бы вновь подчеркнуть как жестокость Цицианова, его пренебрежительное, оскорбительное отношение к местному населению, так и несправедливость по-сути российской аннексии.

Положительным моментом в работе Д.Зейналоглы, является то, что автор подробно изложил последствия падения Бакинского ханства, в результате которого было обеспечено русское господство на Каспийском море, значительно облегчилось завоевание Россией Губинского ханства и т.д. Безусловно, именно эти выводы автора в очередной раз показывают политическое и стратегическое значение указанной части территории Азербайджана и важность приобретения её Россией.⁷²

Доминирующими в работе Р.Исмаилова являются факты, раскрывающие отношение азербайджанских правителей к России. Яркие страницы борьбы Джавад хана Гянджинского переплетаются с показом позиции лавирования или же вынужденного подчинения остальных азербайджанских ханов русским. Примером могут послужить описанные

в работе действия Селим хана Шекинского и Ибрагимхалил хана Гарабахского.⁷³ Отношение же царского правительства к местным правителям, ярко вырисовывается при изложении событий, связанных с убийством последнего майором Лисаневичем.⁷⁴ Тем самым в очередной раз демонстрируется целенаправленность царизма, исключавшего любое препятствие в осуществлении предначертанной политики в данном регионе.

Наряду с этим Д.Зейналоглы и Р.Исмаилов обращают внимание на антироссийскую позицию некоторых азербайджанских ханов, в частности того же Селим хана Шекинского и Шейхали хана Губинского.⁷⁵ Однако, констатируя совместные выступления с русскими войсками шемахинского и лянкяранского ханов, Р.Исмаилов обходит вопрос о мотивации такого их поведения.⁷⁶ Здесь уместно будет отметить, что не только рассматриваемые нами исследователи, но и авторы последующих лет вплоть до недавнего времени неверно называли лянкяранских ханов тальшскими, а Лянкяранское ханство, соответственно, – Тальшским.⁷⁷

В отличие от Р.Исмаилова, Д.Зейналоглы с чувством патриотизма описывает и упорную борьбу за Иреван, и мужественное сопротивление лянкяранцев, в результате чего при захвате русскими Лянкярани они понесли большие потери.⁷⁸

Вместе с тем в ходе изложения Д.Зейналоглы захватчиками считает только русских, очевидно, считая естественными войну за азербайджанские земли со стороны Ирана и совместные действия азербайджанских и иранских военных сил.

Автор придерживается того же мнения при описании событий второй русско-иранской войны (1826-1828 гг.). Он игнорирует захватнические цели Ирана в отношении Азербайджана и видит в нём исключительно вражескую России сторону. Неслучайно, автор особо подчёркивает, что вступление иранских войск в Шушу вызвало оживление среди

азербайджанцев.⁷⁹ Он не хочет признать тот факт, что в сложившихся в тот период условиях правители мелких азербайджанских государств – ханств вынуждены были лавировать между двумя захватническими государствами – Ираном и Россией, стремясь сохранить свою независимость.

В то же время в работе выпячивается жестокость русских в Азербайджане после отхода иранской армии, сопровождавшаяся разгромом и разорением множества азербайджанских городов и населения.⁸⁰

Следует отметить, что в работе Р.Исмаилова вторая русско-иранская война почти не получила своего отражения; автор ограничивается констатацией захвата русскими войсками территорий Иреванского и Нахчыванского ханств.⁸¹ В работе же Д.Зейналоглы не только отдельный параграф посвящается завоеванию вышеуказанных ханств Северного Азербайджана Россией, но и определяется их военно-стратегическая значимость. Перед нами представлена живая картина упорной борьбы за эти города, в частности – Иревана, героической обороны, стойкости и смелости его защитников во главе с Гасан ханом.⁸²

Наконец, в обеих работах были затронуты Гюлистанский и Туркменчайский договоры.⁸³ Д.Зейналоглы особо подчеркнул, что после подписания Туркменчайского договора, в результате которого и Иреванское и Нахчыванское ханство перешли под власть России, царское правление в Азербайджане длилось 93 года.⁸⁴ Тем самым Д.Зейналоглы как бы подводит нас к мысли о начале колониального этапа в истории Азербайджана. Более того, раскрыв причины поражения Ирана, он считает естественным и поражение азербайджанских ханств, поскольку они выступали вместе с иранскими войсками. Автор указывает, что Иран всегда смотрел на земли северо-азербайджанских ханств как на своё владение.⁸⁵ Как видим, явно ощущается проиранская позиция автора, что часто мешает ему быть объективным при анализе фактического материала.

Подчеркнув значение Гюлистанского и Туркменчайского договоров для Иранского государства,⁸⁶ вместе с тем Р.Исмаилов игнорирует их тягчайшие последствия для азербайджанского народа. На наш взгляд, слабость азербайджанских ханов и междоусобицы автор рассматривает в качестве потворствующих факторов войн между крупными державами – Россией и Ираном за обладание территории Азербайджана и воспринимает завоевание северо-азербайджанских ханств Россией как успешный итог умелой и целенаправленной политики царизма. Кроме того, Р.Исмаилов утверждает, что Гюлистанский и Туркменчайский договоры имели немаловажную роль в падении Гаджарской династии и Иранского государства. Что касается гаджарской династии в Иране, то она только в 1925 г. сменилась династией Пехлеви, а само Иранское государство не только не перестало существовать, но и, как известно, согласно Туркменчайскому договору включило в свой состав южную часть территории Азербайджана.

Хотя авторы и верно определили суть указанных договоров, однако они не дали им должную ясную оценку поворотных моментов в исторической судьбе азербайджанского народа. Правда, описанные в работах последующие события указывают на последнее.

В целом, авторы первых общих работ по истории Азербайджана не ставили перед собой задачу всесторонне исследовать все проблемы истории Азербайджана, в том числе азербайджано-русские отношения XVIII – нач. XIX вв., поскольку понимали, что для этого ещё не сложились необходимые условия. Отсюда, – описательный, компилятивный характер этих трудов. Слабость источниковедческой базы последних исключает глубокое и аргументированное отражение вопросов азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. Этим следует объяснить несоблюдение авторами последовательности ряда событий. Рассматриваются не только не все из них, но и часть неверно

датируется. Если в отношении одних допускается преувеличение, то при описании других игнорируются мотивы и условия.

Вместе с тем нам следует отдать должное названным работам не потому, что они долгое время были преданы забвению и о них не упоминалось в историографии Азербайджана советского периода. Эти книги были первым опытом сводного систематического изложения истории родного края. Несмотря на недочёты, несовпадения, ошибочные суждения, которые объяснялись уровнем развития исторической науки того времени, отсутствием объективного и всестороннего подхода к историческому процессу, что признается и самими авторами, мы обязаны подчеркнуть, что они впервые затронули целый ряд вопросов истории Азербайджана указанного периода и, прежде всего, азербайджано-русские торговые взаимосвязи, признали факт завоевания Северного Азербайджана Россией, а также подняли целые пласты фактического материала.

К числу исследователей, предпринявших попытки создать обобщающие работы по истории Азербайджана следует отнести Е.А.Пахомова и В.М.Сысоева. В 1923 г. была издана книга Е.А.Пахомова «Краткий курс истории Азербайджана», в которой уделено место и вопросам XVIII – нач. XIX вв. В работе освещены такие важные политические события как поход Петра I в прикаспийские провинции Азербайджана в 1722 г., Рештский 1732 г. и Гянджинский 1735 г. русско-иранские договоры, нашествие Ага Мухаммеда Гаджара в Азербайджан, поход русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан и т.д.

Глубокий социально-экономический и политический кризис, охвативший страну, развал Сефевидского государства, представлены в работе Е.А.Пахомова «начавшимися смутами».⁸⁷ Широкою народно-освободительную борьбу повстанцев во главе с Гаджи Давудом и Сурхай ханом казыхумским автор выдает лишь за действия «местных раз-

бойничьих шаек», разоряющих города и грабивших иностранных купцов.⁸⁸ Тогда как именно эти антииранские выступления послужили поводом к началу прикаспийского похода Петра I в 1722 г.

Правильно усматривая в восточной политике Петра I выражение захватнических устремлений России, Е.А.Пахомов, тем не менее, не смог до конца правильно определить цель прикаспийского похода Петра I, заключавшейся, по его мнению, лишь в стремлении «овладеть торговыми путями в Персию и Индию».⁸⁹ Поэтому в работе не раскрыты не только причины похода и не выделен результат – включение, хотя и временное, прикаспийских провинций Азербайджана в состав России (1722-1735 гг.), но и начисто игнорируется политика русских властей в захваченных областях. Тем самым не дана должная оценка начальному этапу колонизации азербайджанских земель Россией.

Говоря о захватнических действиях Османской империи, Е.А.Пахомов указывает только на занятие турками Грузии. Из поля зрения автора Азербайджан совершенно выпадает, тогда, как стремление Турции осуществить свои экспансионистские замыслы по отношению к Азербайджану и определило активизацию действий России в данном регионе.⁹⁰

Рассматривая русско-иранские договоры 1732 и 1735 гг., Е.А.Пахомов не раскрывает причину уступки Россией прикаспийских провинций Иранскому государству, тем более что стремление России утвердиться на юго-западных берегах Каспийского моря и обладать теми источниками сырья и рынками сбыта, какими был богат Азербайджан, оставалось в силе.

Неверно высказывание Е.А.Пахомова о том, что по условиям Гянджинского договора 1735 г. только лишь Баку и Дербент возвращались Ирану, тогда как все прикаспийские провинции вновь оказались под иранским гнетом.

Останавливаясь на периоде существования азербай-

джанских ханств, автор указывает лишь даты занятия русскими войсками тех или иных ханств и городов, игнорируя при этом их экономические и политические отношения с Русским государством, которые в итоге и привели к аннексии азербайджанских земель.

В работе не прослеживается не только отношение народных масс, но и позиция феодальных правителей. В связи с этим, Е.А.Пахомов не может дать оценку политической подоплеку их непоследовательных и противоречивых отношений с Россией, когда феодальные правители Азербайджана то принимают, то отказываются от русского подданства. Автор ограничивается лишь констатацией того, что Шейхали хан Губинский, Мустафа хан Шемахинский, Гусейнгулу хан Бакинский и др. приняли русское подданство и затем отказались от него.⁹¹

Е.А.Пахомов подчеркивает важную роль видного государственного деятеля XVIII века Фатали хана Губинского в истории Южного Кавказа. Однако, не раскрывая должным образом его объединительную политику, он обходит стороной и вопрос о русской ориентации этой выдающейся личности Азербайджана, тогда как стремление губинского правителя получить военную помощь со стороны России в борьбе с внутренними и внешними врагами вовсе не означало готовность Фатали хана поступиться своей независимостью.

Констатируя занятие азербайджанских городов, Ага Мухаммед ханом Гаджаром в 1795 г.,⁹² и затем русскими войсками «из отряда Зубова»,⁹³ автор обоснованно ставит на одну чашу весов политику Ирана и России по отношению к Азербайджану, правильно определив их захватнические цели. Е.А.Пахомов уяснил, что если для азербайджанского народа нашествие Ага Мухаммеда Гаджара было опасным явлением, предвещавшим его порабощение, то поход русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан в 1796 г. также не представлял собой акт дружеской под-

держки азербайджанских ханств. Поход В.Зубова был организован с целью осуществления Россией экспансионистских планов в данном регионе, которым могли противодействовать иранские захватчики. В работе автор изложил последствия похода В.Зубова, его влияние на последующую судьбу азербайджанского народа.

Е.А.Пахомов не скрывает, что Россия проводит целенаправленную завоевательную политику, более того, он превозносит русское оружие, тем самым, доказывая исконную агрессивность России в отношении Азербайджана. Процесс завоевания Северного Азербайджана Россией автор фактически сводит лишь к военным действиям. На наш взгляд, в работе не уделяется должного внимания анализу социально-экономических и политических предпосылок этого акта.

Более того, автор неверно утверждает, что согласно Гюлистанскому договору 1813 г. «Персия отказалась от всех своих притязаний на Закавказье».⁹⁴ Известно, что по условиям этого договора Нахчыванское и Иреванское ханства ещё оставались за Ираном, поэтому окончательное завоевание Северного Азербайджана Россией было осуществлено только с подписанием Туркменчайского мирного договора 1828 года.

Завоевание Азербайджана Россией в ходе русско-иранских (1804-1813, 1826-1828 гг.), и русско-турецких (1806-1812, 1828-1829 гг.), войн сводится лишь к упрощенному заключению Е.А.Пахомова о том, что «в промежуток между 1804 и 1822 гг. территория Кавказского Азербайджана была объединена под русской властью путем упразднения отдельных ханств».⁹⁵ Из поля зрения автора выпадает и решающая роль заключения Гюлистанского и Туркменчайского договоров между Россией и Ираном, в результате которых разрешилась судьба всего азербайджанского народа, насильственно разделенного между этими государствами.

В 1925 г. вышла книга В.М.Сысоева «Краткий очерк

истории Азербайджана» (Б., 1925 г.), в которой, как отмечает сам автор, «делается попытка установить «вехи» истории политической, внешней, оставляя пока совершенно в стороне важнейшие элементы экономической истории».⁹⁶

В работе охарактеризованы основные политические события, происходящие в Азербайджане в XVIII – нач. XIX вв. Одним из них является поход Петра I в прикаспийские области Азербайджана в 1722 г., цель которого автор, как и Е.А.Пахомов, определяет стремлением Петра I «проникнуть в Персию и Индию».⁹⁷ Тем самым автор не отделяет Азербайджан от Ирана, а прикаспийские провинции Азербайджана изображаются как персидские. Кстати, в это время так называемая «Восточная Армения» (Западный Азербайджан – М.И.) и Восточная Грузия также находились в зависимости от Ирана. Однако никто из современных историков не называет их «Персией».

Говоря о завоевании азербайджанских городов, автор как бы акцентирует внимание на их значении в восточной политике Петра I. Ему удалось показать захватнический характер похода, хотя он и не выделяет его последствия для азербайджанского народа.

Рассматривая захватнические притязания в отношении Азербайджана, В.М.Сысоев подводит нас к мысли об идентичности политических целей Турции и России в отношении азербайджанских земель. В то же время, автор пытается доказать антирусскую настроенность местного населения и в качестве примера приводит восстание жителей Баку против русских в 1724 г. Однако автор умалчивает о том, что данное восстание представляло собой протест против захватнических действий России.

Автор ограничивается констатацией факта подписания между Россией и Ираном Рештского (1732) и Гянджинского (1735) договоров об уступке прикаспийских земель Ирану, оставляя в тени конкретно-историческую обстановку, вызвавшую эти действия России.

В то время как азербайджанские ханства в середине XVIII века превратились в самостоятельные мелкие государства, ведущие борьбу за сохранение независимости, В.М.Сысоев продолжает считать почти весь Азербайджан «персидским» и пишет: «... к этому времени (1794 – М.И.) вся Персия уже признала Ага-Мохаммеда своим шахом, и только одна Грузия и некоторые части Азербайджана ещё не хотели признать его власть...».⁹⁸

Кроме того, автор не смог оценить весь смысл борьбы азербайджанского народа против Ага Мухаммед хана, выразив его лишь в отказе Ибрагим хана подчиниться иранскому правителю.⁹⁹ Тем самым он затушевывает освободительную борьбу азербайджанского народа против иранских захватчиков.

В очередной раз, подчеркивая экспансионистскую сущность политики России в указанном регионе, В.М.Сысоев пишет: «После похода Петра I русские почти в течение 50 лет совершенно не заходили в Закавказье».¹⁰⁰ Вне поля зрения остаются экономические и политические отношения азербайджанских ханств с Россией, вообще исключена деятельность такого крупного государственного деятеля каким был Фатали хан Губинский и, естественно, не прослежены его взаимоотношения с Россией. Объектом исследования в работе стали лишь военные действия русских. Говоря о том, что «русские торговые суда стали ходить по морю»,¹⁰¹ автор обошел вниманием и очень важный, на наш взгляд, торговый договор 1782 г., подписанный между Губинским ханством и Россией.

Пытаясь показать заинтересованность русских деловых кругов в Южном Кавказе и Дагестане, автор повествует о научной поездке российского академика Гмелина по Дагестану,¹⁰² но ничего не говорит о пребывании его в Азербайджане, осмотре им нефтяных колодцев Апшерона и т.д., хотя эти факты с большей очевидностью свидетельствуют о стремлении России овладеть богатствами Азербайджана.

В.М.Сысоев утверждает, что «русские войска под начальством В.А.Зубова предприняли поход на Персию через Дербент, который сдался после упорной осады».¹⁰³ Тем самым, автор как бы игнорирует существование в тот период независимых азербайджанских ханств. Многие города были заняты без сопротивления, исключая Дербент.¹⁰⁴

Внимание В.М.Сысоева привлек факт союза феодальных правителей Азербайджана против русских, что имеет немаловажное значение в обстановке постоянных феодальных междоусобиц. Не конкретизируя данный факт, автор, очевидно, стремился усилить надвигавшуюся угрозу со стороны русских.

Высказывание автора о том, что «Павел не хотел завоеваний за Кавказом»,¹⁰⁵ вновь акцентирует внимание на завоевательном характере политики России. Действительно, Павел I, выступая против действий своей матери, отозвал русские войска из Азербайджана, но Россия вовсе не собиралась исключить Азербайджан из своих восточных экспансионистских планов. Из поля зрения автора выпали продолжавшиеся в этот период связи ряда азербайджанских ханств с Россией, и даже принятие некоторыми из них русского подданства. Хотя последнее не означало добровольную уступку своей ханской власти, а, наоборот, было выбрано этими ханами как одно из средств политических взаимоотношений с Россией с целью сохранения внутренней независимости.

В рассматриваемом труде, также как в работе Е.А.Пахомова, процесс присоединения Северного Азербайджана к России сводится лишь к военным действиям, оставляя в стороне всю сложность взаимоотношений азербайджанских ханств между собой и с Россией.

Гюлистанский мирный договор, подписанный между Россией и Ираном 12 октября 1813 г., в работе представлен как результат побед Котляревского.¹⁰⁶ Действительно, этот мир заключен был в итоге победоносного для России за-

вершения русско-иранской войны 1804-1813 гг. Но В.М.Сысоев, как и Е.А.Пахомов, не рассматривает его пагубную роль в судьбе азербайджанского народа, заключающуюся, прежде всего, в разделении Азербайджана между двумя государствами – захватчиками. По В.М.Сысоеву изложение военных действий 1826-1828 гг. и даже оценка Туркменчайского мирного договора отрицают факт завоевания Северного Азербайджана Россией, как результат сложного и длительного процесса развития отношений Азербайджана с Россией. Так, Туркменчайский мирный договор представлен в работе как конец «феодалного периода истории Азербайджана, периода существования многих мелких владетелей под рукой крупного сюзерена».¹⁰⁷

Таким образом, несмотря на методологические и фактологические недостатки, работы Е.А.Пахомова и В.М.Сысоева также являлись первыми шагами в составлении сводного курса истории Азербайджана, первыми попытками её научного осмысления. Что касается проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., то она не нашла в них должного отражения. Не вскрыты закономерности исторического процесса – социально-экономические и политические предпосылки завоевания Северного Азербайджана Россией, его последствия для азербайджанского народа.

Общим пороком этих трудов была методологическая слабость, увлечение политической, а также династийной историей. Из поля зрения авторов совершенно выпал экономический фактор, хотя тесные торгово-экономические взаимосвязи между Азербайджаном и Россией часто определяли мотивы внешней политики правящих кругов названных стран. Даже при освещении политических событий, авторы по-сути не раскрыли политических взаимоотношений Азербайджана с Россией.

Вышеизложенные недостатки объясняются, прежде всего, узостью и ограниченностью источниковедческой ба-

зы. Авторами использовались лишь доступные литературные источники, оставались не выявленными другие исторические материалы и прежде всего архивные документы, которые дали бы возможность более детально разработать историю Азербайджана указанного периода. В работах Е.А. Пахомова и В.М.Сысоева не дается должная оценка процессу и последствиям завоевания Азербайджана Россией. В них нашла отражение точка зрения великодержавных историков, которые на завоевание Кавказа смотрели как на цивилизаторскую миссию русского самодержавия по приведению в покорность «диких и коварных» азиатцев.¹⁰⁸

Недостаток фактического материала, неизученность истории страны средневекового периода, в том числе взаимоотношений Азербайджана с Россией в XVIII – нач. XIX вв. приводили к примитивности отдельных обобщений и схематичности изложения. Однако, нелишне будет вновь отметить, что отмеченные недостатки были неизбежны на раннем этапе развития советской исторической науки в Азербайджане в целом, когда только закладывалось начало становления истории азербайджанского народа, это был период определения основных направлений исторической науки в Азербайджане и накопления материала.¹⁰⁹

Естественно, что ни Е.А.Пахомовым, ни В.М.Сысоевым, стоявшими в начале этого пути не ставилась задача разрешения всех сложных вопросов исследуемой темы. А самое главное, как было отмечено ранее, указанные авторы исследовали взаимосвязи Азербайджана с Россией в XVIII – нач. XIX вв. исключительно в угоду требованиям Советской власти. Находясь под ее диктатом, они не могли объективно раскрыть те или иные стороны названной проблемы.

Но, несмотря на эти недостатки, заслуга Е.А.Пахомова и В.М.Сысоева состоит в том, что, впервые систематизировав события средневековой истории Азербайджана, они привлекли внимание к изучению вопросов истории Азербайджана XVIII – нач. XIX вв. Это были первые обобщаю-

щие работы по истории Азербайджана, где освещались исторические события XVIII – нач. XIX вв., а, в отличие от некоторых последующих работ, в них не затушевывается завоевательный характер политики России в Азербайджане.

Таким образом, указанные труды сыграли положительную роль в деле ознакомления общественности с историческим прошлым азербайджанского народа, одну из страниц которого составляли азербайджано-русские взаимоотношения XVIII – начала XIX вв., и поставили на повестку дня необходимость серьезной работы в этой области.

В исследуемый период большое значение имел выпуск работ, относящихся к истории отдельных областей или городов Азербайджана. Для полного представления истории Азербайджана XVIII – нач. XIX вв. необходимо знать историю каждого города, области, ханства, и, прежде всего, событий, предшествовавших их завоеванию Россией. С этой точки зрения, работа В.М.Сысоева «Баку прежде и теперь»,¹¹⁰ в которой рассматриваются и события, происходящие в Баку в XVIII – нач. XIX вв., имеет важное научное значение.

Освещая в работе прикаспийский поход Петра I, В.М.Сысоев называет его персидским. Тем самым азербайджанские города им выдаются за персидские, как это наблюдается у некоторых последующих авторов.

Хотя В.М.Сысоев правильно считает, что ограбление русских купцов ширванскими повстанцами в 1721 г. в Шемахе, а также стремление турок утвердиться в Южном Кавказе послужили удобным предлогом к началу Петром I в 1722 г. прикаспийского похода, однако автор, указав повод данного похода, умалчивает его истинные причины, заключавшиеся в стремлении Петра I использовать глубокий кризис в Сефевидском государстве в своих интересах.

В.М.Сысоев показывает заинтересованность Петра I в бакинской нефти, то важное торговое и политическое значение, какое придавал Баку русский император.¹¹¹ Неслу-

чайно, в работе уделено внимание и тому факту, что капитан-лейтенант Соймонов, участвовавший при взятии Баку в 1723 г., «по поручению Петра производил исследование и описание Каспийского моря».¹¹²

Автор дает подробное изложение взятия Баку русским флотом Матюшкина в 1723 г.¹¹³ Более того, в отличие от некоторых последующих работ, он говорит о сопротивлении бакинцев Петру I и позже Дергяхгулу бека – Матюшкину, и тем самым показывает негативное отношение местного населения, в том числе и правителя Баку, к пребыванию здесь русских.

Автор фиксирует важную роль Баку в прикаспийском походе. В то же время В.М.Сысоев не дает должную оценку факту завоевания прикаспийских провинций Россией, которое явилось результатом прикаспийского похода, и его последствиям для азербайджанского народа.

Фактически, В.М.Сысоев, коротко прослеживая общий ход событий с 1723 по 1747 гг., свел его к договорам (1723, 1724, 1732, 1735 гг.), согласно которым Россия, занявшая прикаспийские провинции Азербайджана, вынуждена была уступить их персидскому шаху.¹¹⁴ Однако причинно-следственные связи событий автором не раскрыты.

Рассматривая период существования в Азербайджане одного из появившихся в середине XVIII в. государственных образований – Бакинского ханства, В.М.Сысоев уделяет основное внимание деятельности последнего бакинского правителя Гусейнгулу хана, взаимосвязям этого ханства с Россией. Опираясь на сведения русского историка П.Буткова, В.М.Сысоев приводит обращение Гусейнгулу хана с просьбой о помощи к России для борьбы с претендовавшим на Бакинское ханство Шейхали ханом Губинским. При этом указывается даже на согласие Гусейнгулу хана принять русское подданство.

Однако отношения Гусейнгулу хана с Россией не всегда были последовательны. Автор не смог показать суть

проводимой Гусейнгулу ханом политики лавирования с целью сохранить свою внутреннюю независимость в условиях быстрой смены политической обстановки. Таким образом, В.М.Сысоев не раскрывает политическую подоплеку противоречивых и не всегда ровных отношений Гусейнгулу хана с Россией.

Благодаря выгодному географическому расположению и природным богатствам Бакинского ханства, у него издавна сложились особые торгово-экономические отношения с Россией, которые не вошли в круг вопросов, рассматриваемых В.М.Сысоевым. Так, игнорирование таможенной политики Гусейнгулу хана, на наш взгляд, не позволило до конца выяснить суть тех или иных действий России в отношении Бакинского ханства.¹¹⁵

Окончательное завоевание Россией Бакинского ханства, как и Северного Азербайджана в целом, как известно, осуществлялось в начале XIX в. Освещая эти события, В.М.Сысоев останавливается сугубо на военных операциях русских войск, связанных с захватом Баку в 1806 г.,¹¹⁶ описывает действия Гусейнгулу хана по восстановлению своих прав на бакинский престол в 1826 году.¹¹⁷

Ранее было отмечено, что В.М.Сысоев не скрывает колонизаторской сути политики России в отношении Южного Кавказа, в том числе Азербайджана. И в данной работе мы находим этому подтверждение: автор, верно характеризует Туркменчайский договор, «который совершенно решил судьбу Закавказья на долгие годы, закрепив его за Россией».¹¹⁸ Тем самым автор вновь подчеркивает завоевательный мотив в политике России.

Хотя в работе отсутствуют исторически обоснованные научные обобщения, проведенный автором анализ фактического материала далеко недостаточен и нет критического подхода, объективной оценки сведений дореволюционных русских историков, однако, в целом, В.М.Сысоеву удалось показать последовательный ход политических событий в

Баку в XVIII – нач. XIX вв., что, безусловно, заслуживает внимания.

Говоря об изучении прошлого азербайджанского народа необходимо отдать должное деятельности первого научного учреждения в Азербайджане – «Общества обследования и изучения Азербайджана», созданного в Баку в 1923 года. Касаясь значения этого «Общества», А.П.Новосельцев отмечает, что «создание специального научного коллектива, занимавшегося историей азербайджанского народа, было принципиально новым делом».¹¹⁹

Изданные на страницах печатного органа «Общества» – «Известий» работы исследователей оставили глубокий след и в изучении азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. Так, значительным для того времени событием было опубликование курса лекций выдающегося русского востоковеда академика В.В.Бартольда, прочитанных им на восточном факультете в Азербайджанском Государственном университете в 1924 г. и представлявших собой краткое изложение истории Азербайджана с древнейших времен до нового времени.

Лекция «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира»¹²⁰ посвящена политической истории прикаспийских областей. В ней В.В.Бартольд в сжатой форме показывает взаимоотношения прикаспийских областей с Россией в XVIII – нач. XIX вв. Однако, эти отношения рассматриваются только в плане военных действий России в прикаспийских областях. Так, автор пишет, что «только при Петре Великом... начинаются более определенные и умелые действия для завоевания русскими прикаспийских областей»,¹²¹ однако при этом он упускает те социально-экономические и политические условия, в которых было начато это завоевание. Более того, также как и у В.М.Сысоева, поход Петра I в прикаспийские области Азербайджана преподносится как «персидский».

Итог похода для России в работе сводится к началу

русской науки в области востоковедения и археологии. Тем самым автор крайне сузил значение похода, совершенно не учитывая основные последствия этого похода, как для России, так и для Азербайджана. Результат прикаспийского похода автор видит лишь в переходе к России «узкой береговой полосой», в то время как Турции были сделаны «очень широкие уступки»,¹²² игнорируя значение завоевания прикаспийских областей Азербайджана для России, как в экономическом, так и политическом отношении.

Говоря об «империалистических стремлениях России и Турции», В.В.Бартольд оставляет в тени положение местного населения, как под русским гнѐтом в прикаспийских областях, так и в областях, подпавших под турецкий гнѐт.

Вместе с тем верно утверждение о добровольной уступке Россией Ирану прикаспийских земель,¹²³ которые переживавшая экономический и политический кризис Россия удержать за собой была не в состоянии.

В.В.Бартольд отмечает, что «только в конце XVIII века русское правительство снова начало предпринимать шаги для восстановления своей власти в прикаспийских областях».¹²⁴ Во второй половине XVIII века территория Азербайджана входила в состав целого ряда образовавшихся в середине XVIII века ханств, и царское правительство вновь загорелось желанием к овладению источниками сырья и рынками сбыта, которыми был богат Азербайджан. Далее, относительно Туркменчайского договора 1828 г., автор исключает его решающую роль в судьбе азербайджанского народа. Уделяя внимание только границе и достижению цели русского завоевания «обратить Каспийское море во внутреннее русское море»,¹²⁵ тем самым В.В.Бартольд выпячивает такие факторы, как географические условия прикаспийских областей, завоевание прикаспийских областей Россией. И в то же время совершенно не показываются ни социально-экономические, ни политические предпосылки завоевания всего Северного Азербайджана Россией, его тяж-

кие последствия, прежде всего, для Азербайджана.

В целом, В.В.Бартольд не преследует цель изучить взаимосвязи азербайджанских ханств с Россией. Он ошибочно утверждает, что «отношение местного населения к этой борьбе между Персией и Россией было неопределенное, нельзя даже сказать, чтобы христианские владетели и христианское население Кавказа все время были на стороне России». ¹²⁶ Завуалированная политика царизма, направленная на то, чтобы вызвать лояльное отношение местного населения в какой-то степени достигла цели. Обращения некоторых азербайджанских правителей к России в борьбе против иранских захватчиков, о чём свидетельствуют многочисленные факты, показывают их определенную, хотя и не последовательную, позицию в отношении к России. Более того, лавирование азербайджанских ханов между Россией и Ираном ясно говорит о действиях феодального правителя в целях сохранения своей власти и независимости. Что же касается христианского населения Азербайджана, то оно с нетерпением ждало прибытия русских войск.

Хотя из-за ограниченности фактического материала многие вопросы изучаемой проблемы остались вне исследования В.В.Бартольда, ценность его работы состоит в том, что она включает в себя продуманную оценку, анализ сведений, почерпнутых из первоисточников.

Некоторые аспекты интересующей нас проблемы были затронуты в работе М.Н.Покровского «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» (Москва, 1924 г.), где он пишет о соперничестве России и Ирана в Южном Кавказе, в частности – о некоторых событиях первой и второй русско-иранских войн. Если В.В.Бартольд посвятил свою работу, в основном, политике и действиям России в прикаспийских областях в начале XVIII в., то М.Н.Покровский отражает их заключительный этап. М.Н.Покровский не ставил перед собой цели охватить все стороны азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., но, также как и

В.В.Бартольд, представленные в его работе их отдельные моменты рассматриваются в ракурсе завоевания Азербайджана Россией. Говоря о завоевании Россией ряда ханств в 1803-1804 гг., автор неверно считает их полупровинциями, полуваассальными владениями Ирана.¹²⁷

Будучи представителем русской шовинистической школы, автор считает необходимым отметить, что с завоеванием Гянджи она «получила весьма стильное в екатерининском духе имя – Елизаветполя (по имени жены Александра I)»,¹²⁸ как бы поставив на передний план значимость названия города для России и проигнорировав тяжкие последствия захватнических действий русской армии как в Гяндже, так и по всей территории Азербайджана.

В отношении характеристики личности Цицианова и оценки его убийства во время встречи с бакинским ханом, мы сталкиваемся с ранее высказанным Р.Исмаиловым суждением о том, что жестокость главнокомандующего вызвала у бакинского правителя мысль, что «со смертью русского генерала кончится и порабощение персов русскими».¹²⁹ По всей вероятности у автора наблюдается смещение понятий «перс» и «азербайджанец», но мы предполагаем, что он имел в виду последнее. Далее, автор подчеркивает, что последовавшее за убийством Цицианова (8 февраля 1806 г.) «как – будто оправдало суеверный предрассудок его убийцы: русские войска должны были отступить от Баку».¹³⁰

Констатируя условия Гюлистанского договора 1813 г., М.Н.Покровский остался верен своей позиции, считая азербайджанские ханства персидскими провинциями. Для русского историка – кавказоведа важно было указать выгоду России от заключения названного договора, нежели его итоги для азербайджанского народа. Сравнив Гюлистанский мирный договор с Бухарестским трактатом, подписанным между Россией и Турцией в 1812 г., автор отмечает преимущество первого для России, так как согласно его условиям «русские войска не вышли из оккупированных ими

ранее персидских провинций – и последние фактически остались в русском обладании». ¹³¹

Среди событий и явлений второй русско-иранской войны особый интерес вызывает показанное автором отношение местного населения к России. Так, говоря о начале войны, М.Н.Покровский противопоставляет торжественной встрече населения иранских войск его массовые выступления против русских в Лянкяранском ханстве во главе с Мир Гасан ханом; при этом автор опирается на сведения историков этой эпохи и русских деятелей на Южном Кавказе. ¹³² Следует отметить должное, что Покровский подчеркивает недовольство лянкяранского хана не столько российским завоеванием, сколько поведением русского коменданта в Лянкярани. Он пишет: «Хан Талышинский ещё более был выведен из терпения беззакониями и грабежами русского коменданта Ленкорани (он же и правитель ханства)». ¹³³

Уделив внимание восстаниям, поднятым в азербайджанских городах против русских, в частности – в Елизаветполе в 1826 г., М.Н.Покровский называет восставших мятежниками. По его мнению, то, что происходило в Елизаветполе является «театром настоящей революции». ¹³⁴ Более того, он указывает, что в местах, где население не решалось восстать открыто, оно оказывало пассивное сопротивление. ¹³⁵

М.Н.Покровский особо подчеркивает упорное сопротивление русским войскам в Южном Азербайджане, относимом автором к коренной области Персии. ¹³⁶

Если в период главнокомандующего Ермолова автор видит причину массового перехода беков и других слоёв населения северо-азербайджанских ханств в Иран в произволе русских военных чинов, ¹³⁷ то заслугой сменившего Ермолова Паскевича, заботившегося о том, чтобы «на первых порах не раздражать местного населения, и не трогавшего туземных властей», по мнению М.Н.Покровского, можно считать «желание азербайджанских ханов... проме-

нять прямое подданство Каджарам на вассальную зависимость от русского императора». ¹³⁸

В то же время автор, проявляя русский шовинизм, выдаёт недовольство шиитского духовенства во главе с тебризским муштехидом политикой Гаджаров за протест всех азербайджанских ханов.

Более того, наряду с констатацией безуспешности попыток и планов Паскевича относительно оставления за Россией Южного Азербайджана и указанием причины отказа ему царя, в работе подчеркивается, что из 70 млн. руб. ассигнациями, на которые Аббас-Мирза получил возможность выкупить Южный Азербайджан, 1 миллион достался непосредственно «графу Эриванскому». ¹³⁹ Как видим, М.Н.Покровский, в очередной раз, дает высокую оценку роли Паскевича в завершении завоевания азербайджанских земель.

Безусловно, будучи представителем русской великодержавной школы, М.Н.Покровский не скрывает завоевательный характер политики России. По мнению упоминаемого ранее М.М.Алиева, в 20-30-х годах XX в. М.Н.Покровский явился одним из основателей новой концепции в отношении завоевания Россией Южного Кавказа. Сравнив лавирующую политику России с открыто жесткими действиями Ирана, автор отдаёт предпочтение закабалению азербайджанских земель Россией. ¹⁴⁰ Очевидно, этим и объясняется тот факт, что, раскрыв причины спешного подписания Россией Туркменчайского договора, ¹⁴¹ М.Н.Покровский, также как и другие авторы, не считает нужным остановиться на его последствиях для Азербайджана.

Таким образом, отсутствие критического анализа политики России, констатации антирусской позиции в Азербайджане характерно для большинства исследователей этого времени, в то время, как именно эти вопросы имеют важное значение при историографическом изучении проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв.

Наряду с общими работами, в эти годы появились

первые специальные труды, посвященные разработке отдельных вопросов истории Азербайджана, в том числе азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. К их числу можно отнести и изданную в изучаемый период статью А.П.Фитуни «История последней столицы Ширвана»,¹⁴² в которой описываются политические события, происходящие в Ширване в XVIII – нач. XIX вв. На фоне истории крепости Фитдаг, автор прослеживает взаимоотношения Мустафы хана – правителя Шемахинского ханства с Россией.

Исходя из описываемых событий, шемахинский хан, начиная с похода русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан в 1796 г., предстает перед нами как феодал, ни в коем случае не желавший терять свою власть. Не подчинившись ни Ага Мухаммед шаху, ни В.Зубову, как показывает автор, Мустафа хан укрывается в крепости Фитдаг.

Освещая завоевательные действия России в отношении Шемахинского ханства, автор пытается показать и отношение местного населения к приходу русских войск в 1796 г., отмечая, что в условиях разорительных действий Мехти бека в период отсутствия Мустафы хана «все искали защиты в лице русских войск» и «появление русских дало возможность передышки мирным жителям».¹⁴³ Как видим, в отличие от предыдущих историков автор представляет русских исключительно в роли спасителей, начисто забывая об их колонизаторской цели и интересах России в данном регионе. Складывается впечатление, будто только русские могли обеспечить спокойную жизнь населению. Другое дело, что речь могла идти только о христианском населении, которое, как было отмечено выше, действительно с прибытием русских связывало большие надежды.

А.П.Фитуни оставляет в тени социально-экономические и политические условия, в которых был организован поход В.Зубова и старается оправдать агрессивные действия России. Автор, верно утверждает, что «6 ноября 1796 г. Ека-

терина II скончалась, сын Павел вступил на престол и отменил войну». ¹⁴⁴ Как известно, русские войска во главе с В.Зубовым без препятствий за короткий срок заняли Баку, Шемаху, Гянджу, за исключением Дербента, который Шейхали хан вынужден был сдать после упорного сопротивления.

В работе нет объективной оценки данного похода. А ведь он явился как бы продолжением осуществления восточной экспансионистской политики Петра I. Вместе с тем неудача и незавершенность похода В.Зубова объяснялась не только восшествием Павла I, как это показывают почти все исследователи. В недавно изданной работе азербайджанского историка Г.Мамедовой мы сталкиваемся с иной точкой зрения по данному вопросу. По её мнению. «Павел I отозвавший русские войска обратно своевременно предостерег В.Зубова, от дальнейших ошибок. Не способный на самостоятельные решения В.Зубов не смог сориентироваться в политических перипетиях в регионе и фактически провалил планы и надежды русского двора относительно Южного Кавказа...». ¹⁴⁵ В свою очередь Г.Мамедова приводит в подтверждение слова русского генерала Гудовича, обвинившего «В.Зубова в полной недееспособности и отсутствии у него полководческого дара». ¹⁴⁶

А.П.Фитуни отмечает негативное отношение шемахинского правителя к действиям главнокомандующего русских войск Цицианова по претворению в жизнь экспансионистских планов России. Вместе с тем в работе уделено место переговорам Мустафа хана Шемахинского с Цициановым, в результате которых был подписан трактат о присоединении Шемахинского ханства к России.

Автор справедливо даёт понять, что данный шаг шемахинского правителя был вынужденным, подтверждением чему является тот факт, что Мустафа хан до конца не рассеял своих сомнений и, сидя в Фитдаге, укреплял его и вскоре объявил столицей Шемахинского ханства. ¹⁴⁷

Отражая захватнический характер политики царизма в Ширване, как и в Азербайджане в целом, А.П.Фитуни подчеркивает и тот факт, что «русская власть старалась уговорить и уговорить местную ханскую власть, чтобы мирным путем подчинить беспокойных ханов России».¹⁴⁸ И в доказательство автор приводит письмо графа Румянцева к Мустафе хану, в котором говорится о приношении в дар шемахинскому правителю бриллиантового пера.¹⁴⁹ Складывается такое впечатление, будто в действиях России автор пытается найти «благородные» мотивы и порицает достойную позицию Мустафы хана Шемахинского – феодального правителя, осознавшего потерю своей независимости с подписанием вышеуказанного договора и не желавшего с этим мириться. Хотя в работе и показана политика лавирования Мустафы хана, но А.П.Фитуни не раскрывает причины этой политики, не определяет характерные черты взаимосвязей шемахинского правителя с Россией, не дает должным образом их политическую мотивацию.

Подписание Гюлистанского мирного договора представляется автором лишь как наступление некоторого перерыва в постоянных военных действиях между русскими и персами,¹⁵⁰ не анализируя его результатов, последствий договора для Азербайджана – в целом, и Шемахинского ханства – в частности. В отношении Туркменчайского мирного договора А.П.Фитуни ограничивается указанием на то, что с его подписанием был положен конец всем надеждам азербайджанских ханов, в том числе и Мустафы хана, на восстановление своих прав.¹⁵¹

В работе подчеркивается важное политическое и экономическое значение присоединения Шемахинского ханства к России, при этом особое внимание уделено будущим богатым поступлениям в русскую казну. Характеризуя богатства Шемахинского ханства, автор выделяет те преимущества, которые сулило России завоевание этого ханства.¹⁵² Как видим, очевидно, автор счёл нецелесообразным уделить

внимание тем последствиям, которые имели как вышеназванные договоры, так и российское завоевание – в целом для самого Шемахинского ханства. А вместо разглагольствования автора о провале надежд азербайджанских ханов, ему бы следовало более объективно и тщательно рассмотреть действия царского правительства по ликвидации азербайджанских ханств. Тем более, что весь процесс завоевания Шемахинского ханства представлен без социально-экономических и политических предпосылок и исключительно в плане военных действий против Мустафы хана.

Определяя отношение населения к свершившемуся историческому акту, автор высказывает противоречивые суждения. С одной стороны, он говорит о нем, как о народе, который, «успокоившись от всяких волнений и гонений», мечтал о мирной жизни, «годами ждал новых реформ и русского управления»,¹⁵³ с другой, – автор говорит о том, «насколько жители страны остались равнодушными к свершившемуся факту присоединения ханства к России»,¹⁵⁴ и с третьей, – он отмечает положительную сторону завоевания Россией для населения Шемахинского ханства, которое, по его мнению, ещё в 1707 г. выразило к этому стремление.¹⁵⁵ Но, как нам кажется, автор всё же более склоняется к радужному восприятию российского правления со стороны населения Шемахинского ханства, в очередной раз, оправдывая колонизаторские стремления русского царизма и игнорируя интересы феодальных правителей Азербайджана, главным образом определявших настроения народных масс.

Следует отметить, что имеющие место при изложении событий непоследовательность, частое отсутствие критического подхода к историческим фактам и их должной оценки объясняются не только ограниченностью фактического материала, но и характером самой работы, написанной в историко-этнографическом и археологическом аспекте.

Вместе с тем, статья А.П.Фитуни имеет немаловажное значение для выяснения некоторых аспектов отношений

Шемахинского ханства с Россией в указанный период и относится к числу первых попыток изучения данной проблемы.

Большое значение как для истории Азербайджана в целом, так и в изучении выбранной нами темы имела работа Е.С.Зевакина, являющаяся по-сути первым вкладом в разработку данной проблемы. Поэтому неслучайно, что в работах последующих исследователей азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. содержится историографическая оценка именно этого труда.¹⁵⁶

Работа Е.С.Зевакина, посвященная положению прикаспийских областей в период русской оккупации (1722-1735 гг.), отличается от предыдущих работ, как по постановке вопросов, так и по источниковедческой базе. Она основана прежде всего на большом архивном материале, извлеченном из московских архивов и имевшем большое значение при разрешении различных аспектов исследуемой проблемы.

Борьба за прикаспийские провинции рассматривается в работе Е.С.Зевакина как составная часть русско-иранских и русско-турецких отношений. В этой связи в статье освещены договоры 1723 г. между Россией и Ираном, и 1724 г. между Россией и Турцией.

Говоря о «наступательном моменте» политики России – походе Петра I в прикаспийские провинции, Е.С.Зевакин справедливо отмечает, что «с 1715 по 1721 гг. начинается подготовка к интервенции»,¹⁵⁷ хотя и не раскрывает мероприятия, которые были проведены Петром I перед походом.

Борьбу за прикаспийские провинции Азербайджана Е.С.Зевакин, в конечном итоге, считает борьбой России и Турции «за персидский рынок и за транзитный путь в Европу, через Россию или через Турцию».¹⁵⁸ Уместно будет согласиться с мнением автора о том, что путем захвата прикаспийских провинций Россия стремилась завладеть шелковой базой для развивающейся мануфактурной промышлен-

ности и для направления основных торговых путей между Азией и Европой через свою территорию.¹⁵⁹

Правильно определяется, хотя и несколько переоценивается роль вероисповедания во взаимоотношениях России и южнокавказских народов. Так, стремление России привлечь армян и грузин в занятые ею прикаспийские провинции в работе расценивается как расчет России на христианское население в упрочении своего господства. В отношении же азербайджанского населения автор утверждает, хотя и голословно, что «за немногими исключениями, мусульманское население завоеванных провинций относилось враждебно к русскому владычеству и искало поддержки то у Турции, то у шаха Тахмаспа».¹⁶⁰ В действительности же, азербайджанское население одинаково испытывало ненависть ко всем завоевателям.

Автор справедливо констатирует, что «меры Петра к поднятию разрушенного хозяйства прикаспийских областей не привели к желаемым результатам».¹⁶¹ Более того, в работе правомерно освещены политические мотивы и экономические условия, диктовавшие необходимость ликвидировать петровские завоевания в Прикаспии.

В работе на основе архивных материалов показано хозяйственное положение прикаспийских областей в период русской оккупации. В представленных Е.С.Зевакиным сводных таблицах доходов русской казны с прикаспийских провинций можно наглядно проследить за постепенным возрастанием этих доходов.

Вместе с тем, Е.С.Зевакин верно отмечает, что «в сравнении с годами, предшествующими русской оккупации, означенные цифры дают достаточно яркую картину упадка хозяйства»,¹⁶² что и явилось одной из причин отступления России из прикаспийских провинций.

Безусловно, политические и экономические мотивы отказа от прикаспийских провинций, впервые показанные Е.С.Зевакиным, имеют большое значение. Особая научная

важность данной работы определяется и тем, что в ней раскрывается социально-экономическая политика русского правительства и картина экономического состояния прикаспийских провинций Азербайджана в период их нахождения (1722-1735 гг.) в составе России. Правда, при этом остались в тени социально-экономические и политические предпосылки завоевания прикаспийских провинций Азербайджана Россией.

Вопросу о завоевании прикаспийских областей Азербайджана Россией посвящена и статья М.А.Полиевктова «Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа».¹⁶³

Поход Петра I в прикаспийские области Азербайджана в статье совершенно правомерно рассматривается как начало осуществления завоевательной политики русского царизма на Кавказе. Однако автор ошибочно называет этот поход «персидским», а азербайджанские города им выдаются как персидские. В этом отношении точка зрения М.А.Полиевктова идентична с мнением некоторых других историков и, в частности, Е.С.Зевакина, в то время, как известно, что этот поход был организован, в первую очередь, в прикаспийские провинции Азербайджана.

В статье ясно прослеживаются экономические интересы России в прикаспийских областях задолго до окончания Северной войны 1700-1721 гг., о чём свидетельствуют многочисленные разведывательные мероприятия Петра I с целью изучения Каспийского моря. Однако причину начала прикаспийского похода автор связывает только с турецкой опасностью, тогда как последняя лишь ускорила прикаспийский поход.

В статье совершенно уместно отмечается слабая разработка архивного материала, которому М.А.Полиевктов придает первостепенное значение при глубоком изучении указанного вопроса. Называя мотивы уступки Россией прикаспийских областей Ирану, М.А.Полиевктов ещё раз под-

черкивает высказанную как историками XIX в. Бутковым и Потто, так и советским исследователем Е.А.Зевакиным мысль о том, что медленное, незначительное возрастание доходов с прикаспийских областей в царскую казну не покрывало её расходов деньгами и людьми, что делало эти области для России нерентабельными.¹⁶⁴ Как было уже отмечено, переживавшая в этот период политический и экономический кризис Россия была не в состоянии удержать указанные территории под своей властью.

Вместе с тем, на наш взгляд, несколько сомнительно звучит утверждение М.А.Полиевктова о том, что в прикаспийских областях со стороны русских «никаких попыток развить новые хозяйственные культуры, организовать торговлю и транспорт, конечно, не делалось. Вся эта система была, по-видимому, унаследована от персидского правительства ...».¹⁶⁵

Известно, что в прикаспийских провинциях русские власти проводили весьма умеренную налоговую политику, осуществляли меры, направленные на расширение торговли, восстановление и развитие разрушенного хозяйства, составленные с этой целью многочисленные проекты представлялись на рассмотрение правительства.¹⁶⁶

М.А.Полиевков не только придерживается точки зрения Е.С.Зевакина о враждебности азербайджанского населения к русским, но и, противопоставляя персидское правление в прикаспийских провинциях российскому, он также голословно утверждает, что «персидское правительство и его агенты умели находить общий язык хотя бы с эксплуатирующей верхушкой местного общества, тогда как от вновь появившихся "хозяев", совершенно чуждых местному населению, всё это население, разоренное войною, все – от низов и до верхов, и эксплуатируемые и большинство эксплуататоров, попросту разбегались».¹⁶⁷

Вместе с тем, отличие своей работы от вышеназванных трудов М.А.Полиевктова видит в постановке вопроса о

попытках поднятия рентабельности прикаспийских областей в период русской оккупации. Расследуя этот вопрос, он анализирует хранящийся в московском архиве документ, датированный М.А.Полиевктовым 1732 г., автором которого явился участник прикаспийского похода И.Г.Гербер.¹⁶⁸ В этом документе содержатся предложения И.Гербера о поднятии рентабельности прикаспийских областей.

Анализ М.А.Полиевктовым документа имеет важное значение. Во-первых, он характеризует экономическое состояние отдельных областей хозяйственной жизни Прикаспия в период русской оккупации. Во-вторых, он показывает какое место занимали эти области в планах России исходя из их богатств и географического расположения. Так, Баку благодаря удобной гавани, а также нефти, соли, табаку, шафрану должен был стать главным узлом всей переднеазиатской торговли.¹⁶⁹ Этот город и Каспийское судоходство должны были обеспечить победу русского транзита из Азии в Европу и подорвать турецкий транзит.¹⁷⁰

М.А.Полиевктв приходит к правильному выводу о том, что эти проекты и предположения так и остались на бумаге, так как сложившаяся расстановка общественных сил в самой России и на международной арене вынудила Россию уступить прикаспийские области Ирану.

В целом, следует согласиться с азербайджанским историком Т.Т.Мустафаде, по мнению которого труды Е.С.Зевакина и М.А.Полиевктова явились не только непосредственным отражением концепции М.Н.Покровского, но также, как и его исследования, имели важное значение в раскрытии несостоятельности точки зрения дооктябрьских историков, оправдывавших внешнюю политику царизма.¹⁷¹

В 1934 г. была опубликована работа выдающегося востоковеда И.П.Петрушевского,¹⁷² посвященная истории Джаро-Балаканских вольных обществ в первой трети XIX века. Ставшая библиографической редкостью эта монография была переиздана в 1993 г. под редакцией профессора

В.Г.Гаджиева. К нашей теме близка её IV глава, отражавшая все перипетии завоевания Россией Джаро-Балаканских вольных обществ, период борьбы Джара с российскими завоевателями с 1803 по 1830 гг.

Хотя в работе не отражены взаимоотношения этих обществ с Россией в XVIII в., тем не менее, уже во введении автор указывает на значительную политическую роль Джаро-Балакана в Южном Кавказе, их сильное влияние на Грузию, в целом на Северный Азербайджан и Дагестан, на географическое положение, затруднявшее упрочение российской власти в данном регионе. Всё это подводит нас к мысли о том, что поскольку в указанный период завоевание Кавказа являлось первоочередной задачей внешней политики русского царизма, то на Джаро-Балаканские вольные общества российское правительство изначально смотрело как на объект захвата. Кроме того, как пишет И.П.Петрушевский, «не овладев Джарскими проходами, российское правительство не могло приступить к завоеванию Дагестана». Верно определив причинную обусловленность российского расширения в Южном Кавказе после 1801 г., И.П.Петрушевский выпячивает стратегическое положение России, требующее овладение азербайджанскими ханствами, чтобы закрепиться в присоединенной к ней Грузии. Объяснив заинтересованность России в данном регионе больше его природными богатствами, нежели угрозами со стороны Ирана, одновременно автор подчеркивает политическое влияние Джаро-Балаканских вольных обществ, как главного препятствия утверждению здесь российского владычества.¹⁷³ Подводя нас к причинам российской военной экспедиции в Джар, И.П.Петрушевский пишет: «Если непосредственным мотивом было желание укрепить власть России в Грузии, то основной причиной было желание обезопасить тыл от сильного врага в будущих войнах с Турцией и Персией».¹⁷⁴ Указав и торговую роль обществ, автор как-бы подтверждает захватнические цели русских военачальни-

ков, стремившихся лишить их «значения самостоятельных политических единиц».¹⁷⁵

Следует отдать должное И.П.Петрушевскому в том, что он не только даёт оценку сознательному выбору русскими метода военной экспансии. Подвергнув критике позицию русских великодержавных историков, рассматривавших военные действия России, как ответную реакцию на таковые со стороны джарцев, И.П.Петрушевский особо выделяет стремление последних к упрочению мирных отношений с русскими, которые должны были быть построены на основе независимости, а не подчинения России.¹⁷⁶

Важной для нас является критика лицемерной политики русских военачальников, прикрывавших свои захватнические цели предложениями о мире, открытый показ разрушительных действий русских во главе с Гуляковым, превративших Балакан «в ничто совершенно».¹⁷⁷

Стойкой и мужественной борьбе джарцев И.П.Петрушевский противопоставляет хитрую и умелую политику России, выраженную в том, что предложенные им условия мира были даны в форме прошения на имя Цицианова, а не двустороннего договора.¹⁷⁸

Объективность автора вновь идёт в разрез с мнением русских историков-кавказоведов (Дубровина, В.Потто и др.), объяснявших все конфликты с русскими властями ничем не оправданным упорством джарцев и считавших их неблагодарными и не оценившими «благодетельных забот о себе русского начальства».¹⁷⁹

Борьба вольных обществ за свободу и недовольство самой России сохранением здесь внутренней автономии, по мнению И.П.Петрушевского, обусловили установление напряженных отношений между ними. В работе раскрываются средства и методы, облегчавшие достижение Россией своей цели, среди которых особо отмечают внутренние раздоры среди вольных обществ. И.П.Петрушевский приходит к обоснованному выводу о том, что именно они обеспечили

успех русских, возобновивших прежнее соглашение.

Автор не только показывает обстановку, в которой крепло сопротивление джарцев.¹⁸⁰ Он аргументировано подтверждает и целенаправленность действий русских военачальников. Приведенные в работе факты о нежелании Цицианова отказаться от завоевания Джаро-Балаканских вольных обществ после смерти командующего Гулякова в 1804 г. в Закатальском ущелье, о союзе с иллисуйским султаном – являются красноречивым свидетельством указанно-го.¹⁸¹

Рассматривая отношения между Россией и Джаро-Балаканскими вольными обществами в период первой и второй русско-иранских войн, в работе прослеживается изменение тактической линии политики России по отношению к Джаро-Балакану при преемниках Цицианова, в основе которого лежало стремление удержать Джар от вооруженного выступления из-за отсутствия у России достаточных военных сил.¹⁸²

Обнаружив связь между борьбой бывших азербайджанских ханов за восстановление своей власти во время второй русско-иранской войны и джарской знатью, И.П. Петрушевский верно констатирует влияние борьбы ханов на решимость джарцев выступить против русских и, наоборот, подавляющее влияние на них бегства владетелей в Иран.¹⁸³

Автор наряду с упорством борьбы джарцев, продолжавшейся с 1809 г. до второй русско-иранской войны, демонстрирует её неровный характер. Присущие ей колебания, обусловленные определенными причинами, как показывает И.П.Петрушевский, имели печальные последствия, главным из которых было выражение покорности джарских и балаканских старшин.¹⁸⁴ Вместе с тем, на наш взгляд, приведённый в работе факт о том, что «Ермолов не решился предъявить джарцам чрезмерные требования»,¹⁸⁵ говорит об оценке Россией их стойкого и длительного сопротивления.

В целом, разбираемые в главе вопросы имеют важное значение для понимания поставленной проблемы. А справедливая критика со стороны И.П.Петрушевского русских историков-кавказоведов, хотя он и признает, что в их работах содержится богатый фактический материал, его глубокий анализ методов действий России, показ мужественной, но не лишенной недостатков борьбы джарцев, и т.д. – всё это является необходимым и важным при объективном изучении итогов азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., к каковым относится процесс завоевания Северного Азербайджана Россией и одними из первых жертв российской экспансии стали Джаро-Балаканские джааматы.

Особый научный интерес представляет богато документированная вводная статья И.П.Петрушевского «Система русского колониального управления в Азербайджане в I пол. XIX в.» в сборнике «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX века».¹⁸⁶

Определяя периоды в развитии колониальной политики царизма, автор характеризует ее как экономические, так и военно-стратегические моменты И.П.Петрушевский считает, что первый период «открывается захватом Восточной Грузии в 1801 г. и завершается войнами русско-персидской (1826-1828 гг.) и русско-турецкой (1828-1829 гг.)».¹⁸⁷ Действия русского царизма в этот период являются продолжением его политики в XVIII веке, определяемом автором как эпоха военно-феодальной экспансии.¹⁸⁸

Однако трудно согласиться с утверждением о том, что «непосредственная заинтересованность русского купечества в расширении торговли с Закавказьем и даже с Ираном до 20-х годов XIX в. не была ещё достаточно велика».¹⁸⁹ И.П.Петрушевский умаляет торгово-экономические интересы России в Азербайджане, занимавшие одно из главных мест в ее стремлении утвердиться в данном регионе, и игнорирует уже известные в истории факты, доказывающие их удельный вес в азербайджано-русских отношениях XVIII

– нач. XIX вв.

Хотя автор подчеркивает значение Азербайджана как сырьевой базы для русской мануфактурной промышленности, в то же время он констатирует, что развитие последней в тот период не было ещё настолько сильным, чтобы Россия могла и хотела «провести сколько-нибудь серьёзные меры по оживлению в Азербайджане хлопководства, шелководства и т.д.».¹⁹⁰

И.П.Петрушевский игнорирует мотивы, фактически определяющие политику царизма в Азербайджане, а именно – поддержка интересов дворян и купцов, желание сконцентрировать восточную торговлю по Волжско-Каспийскому пути, обеспечить нужды развивающейся шелкоткацкой промышленности России путем превращения богатого Азербайджана в сырьевую базу.

Во вводной статье автор не рассматривает попытки правительства Петра I оживить хозяйственную жизнь в захваченных прикаспийских провинциях Азербайджана, естественно, преследуя свои интересы.

Слабую заинтересованность русской буржуазии в торговле с Азербайджаном И.П.Петрушевский неправомерно объясняет застойным характером феодальной экономики Азербайджана в XVIII в., и прежде всего в области торговли.

Безусловно, ряд факторов, в частности борьба России и Турции за обладание Азербайджаном в 20-30-х гг. XVIII в., ширванское восстание 1721 г. тормозили развитие торговли, однако автор опускает вопрос о стабильных торгово-экономических отношениях между Азербайджаном и Россией в течение XVIII в. Указание автора, что «торговля Баку и Дербента с Ираном находилась в руках персидских купцов»,¹⁹¹ подтверждает нашу мысль.

Говоря о застое в экономике Азербайджана в XVIII в., И.П.Петрушевский не рассматривает социально-экономический и политический кризис, охвативший страну в первой

половине XVIII в., что, в свою очередь, помогало России в осуществлении ее планов в отношении Азербайджана.

Период ханств в Азербайджане И.П.Петрушевский однозначно характеризует как период экономического упадка,¹⁹² не затрагивая те выгодные условия, которые имелись в Азербайджане для развития русской торговли, а также активное участие азербайджанских и русских купцов в оживленной азербайджано-русской торговле во II пол. XVIII века.

Говоря об упадке торговли персидским, главным образом гиянским шелком во II пол. XVIII в. как «ведущей отрасли вывозной торговли с Европой», И.П.Петрушевский пишет, что «некоторый относительный подъем шелководства и торговли шелком (в Иране – М.И.) в последней четверти XVIII в. был не настолько значительным, чтобы стимулировать то или иное направление русской внешней торговли».¹⁹³ Тем самым автор отрицает удовлетворение нужд русских шелковых фабрик в сырье, в основном, за счет азербайджанского шелка, который вывозился в Россию как морским, так и сухопутным путем (через Кизляр). С провозглашением независимости азербайджанских ханств в середине XVIII в. были созданы относительно благоприятные условия для ещё большего развития торговых взаимоотношений Азербайджана с Россией.

Утверждая, что на ранних порах колониальная политика царизма в Азербайджане преследовала, в основном, военно-стратегические цели, И.П.Петрушевский в целом заключает, что «завоевание Закавказья сводилось для России к превращению его в плацдарм для дальнейшего наступления на Иран»,¹⁹⁴ и, так же как его предшественники, игнорирует тяжкие последствия этой агрессии для азербайджанского народа.

Тем не менее, обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что написанная на основе архивного материала обширная статья И.П.Петрушевского имеет важное значе-

ние для выяснения истоков колониальной политики русского царизма в Азербайджане в начале XIX века.

В целом, следует отметить, что вторая половина 30-х годов XX века не была благоприятна для развития общественных наук. Жесткий контроль и особенно уродливый прессинг в идеологической сфере деятельности в период господства культа личности Сталина и репрессий сковывали масштабы научно-исследовательской работы и творческую мысль в области гуманитарных наук, и, прежде всего исторической, тем самым создавая трудности на пути её развития. Нетрудно понять, что в подобной обстановке изучения ряда вопросов истории Азербайджана, а тем более азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., либо свертывалось, либо они сознательно фальсифицировались в угоду так называемой «линии партии».

Вместе с тем, открытие в 1934 г. исторического факультета Азгосуниверситета, в 1939 г. – Института истории, в 1940-1941 гг. – кафедры истории Азербайджана в Азгосуниверситете способствовали улучшению подготовки кадров историков – специалистов, что, в свою очередь, отчасти позволило осуществить исследование отдельных проблем истории Азербайджана.

Одним из важных результатов проделанной работы явилась изданная в 1941 году Институтом истории Азербайджанского филиала Академии Наук СССР на правах рукописи «История Азербайджана» (Краткий очерк), в которой изложены исторические события с древнейших времен до завоевания Северного Азербайджана Россией. Таким образом, была предпринята первая попытка создания сводного коллективного труда по истории Азербайджана.

Уделяя внимание прикаспийскому походу Петра I, в этом очерке, в отличие от предыдущих работ впервые было сказано о «Манифесте», изданном Петром I перед походом.¹⁹⁵ Как известно, в «Манифесте», составленном для местного населения, указаны далеко не истинные цели похода.

Однако подлинные мотивы, определяющие политику России в прикаспийских областях в первой половине XVIII века в работе не приводятся, т.е. по-сути игнорировались колониальные устремления царизма в отношении данного региона. Совершенно безосновательно содержащееся в работе утверждение о том, что «многие феодалы Дагестана и Закавказья были рады этому походу Петра», а также мысль о «нежелании (азербайджанского населения – М.И.) защищать Баку от российской армии».¹⁹⁶ Авторы пытаются доказать, якобы, доброжелательное отношение как феодальной части, так и народных масс прикаспийских областей к прибытию русских войск. Таким образом, авторы не только забывают об экспансионистских целях России в данном регионе, но и выдают доброжелательное отношение к ней христианского населения, о чём было уже сказано, за отношение всего населения прикаспийских областей Азербайджана.

При изложении мотивов, побудивших Россию уступить прикаспийские области Ирану,¹⁹⁷ недостаточно полно рассмотрены российско-иранские договоры.

Характеризуя хозяйственную жизнь азербайджанских ханств в период их образования, в очерке говорится о сокращении русско-азербайджанской торговли,¹⁹⁸ и это положение авторы относят ко всему XVIII в. Что касается вывоза нефти из Азербайджана, в числе стран-импортеров мы не находим упоминание о России, тогда как на ее долю приходилась большая часть вывозимой нефти.

В очерке рассмотрены и политические связи азербайджанских ханств с Россией. Некоторые передовые люди Азербайджана уже в XVIII в. видели в России своего гаранта в борьбе против Ирана. На это, как указывается в очерке, надеялся и Вагиф, визирь при Ибрагимхалил хане Гарабахском, стремясь с этой целью при посредничестве Грузии заключить союз с Россией,¹⁹⁹ а также видный государственный деятель Фатали хан Губинский.²⁰⁰

Однако при этом авторы не раскрывают политическую подоплёку указанного отношения к русскому государству. Они лишь указывают на отличие «более передовой» России от феодально-отсталых восточных стран – Ирана и Турции,²⁰¹ и этим авторы мотивируют тяготение народных масс Азербайджана, большинства его правителей к России, а мусульманского духовенства – к Ирану.

Как известно, Азербайджан занимал важное место в экспансионистских планах названных государств независимо от уровня их развития; здесь сталкивались их интересы. Стремление овладеть богатствами Азербайджана, то есть захватить этот выгодный источник сырья и рынок сбыта – вот главная цель, какой руководствовались в своих действиях правители агрессивных соседних государств. Владетели же азербайджанских ханств, о чём было не раз сказано, пытались сохранить свою самостоятельность и во избежание её потери и сообразно сложившейся обстановке лавировали между крупными державами.

Следует отдать должное авторам, не скрывавшим, что «российские цари совсем не пеклись о судьбах азербайджанского и других народов и совершенно не думали о желаниях и стремлениях лучших людей азербайджанского народа»,²⁰² что в очередной раз ясно подчеркивает захватнические устремления России.²⁰³ Говоря о помощи России Фатали хану Губинскому в борьбе против внутренних врагов, в очерке вместе с тем правильно отмечено, что российские дворяне и купцы «не желали, чтобы в Закавказье были большие объединенные «мусульманские» государства, которые могли бы дать сильный отпор захватническим попыткам России».²⁰⁴

Таким образом, складывается впечатление, что автор находит совпадение интересов прорусски настроенных ханов и России. Хотя в действительности, стремясь укреплять пророссийские настроения у отдельных азербайджанских владетелей, Россия, вынашивая далеко идущие планы, гото-

вила условия для будущих захватов, а ханы пытались использовать покровительство России для сохранения своей независимости. Это же мы наблюдаем при раскрытии действий России в период похода русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан в 1796 г.²⁰⁵

Рассматривая вопрос об организации похода, авторы очерков, как и многие последующие исследователи, неверно считают его, прежде всего, ответом на обращение азербайджанских ханов к России за помощью. Именно так была сформулирована цель похода в изданном накануне «Манифесте» Екатерины II, и тем самым были завуалированы подлинные цели русского правительства. Следует учесть, что, к сожалению, к моменту написания очерка данный «Манифест» не был выявлен, но, на наш взгляд, авторами очерка руководила исключительно мысль оправдать захватнические устремления России. Факт беспрепятственного занятия русскими войсками некоторых городов Азербайджана, за исключением Дербента, привлекает внимание опять-таки в подтверждение мнимого расположения большинства азербайджанских ханов к России. В свою очередь сопротивление, оказанное русским войскам в Дербенте, служит ярким свидетельством антирусской ориентации в Азербайджане и враждебной реакции на завоевательные действия России. Хотя авторы очерка пытаются представить русских чуть ли не в качестве спасителей, совершенно очевидно, что нашествие иранского правителя Ага Мухаммеда Гаджара, затронуло собственно интересы России в регионе, в результате чего правительство Екатерины II организовало захватнический поход русских войск во главе с В.Зубовым, якобы с целью организации обороны против иранских войск.²⁰⁶ Безусловно, Россия преследовала свои корыстные цели.

В работе рассматриваются также договоры некоторых ханств с Россией, подписанные, по мнению авторов, в обстановке исчезнувшей угрозы со стороны Ирана и Турции после отъезда русских войск из Азербайджана вступившим

на престол Павлом I.²⁰⁷ Нам кажется, что после поражения в двух русско-турецких войнах (1768-1774, 1787-1791 гг.) Турция не являлась той угрожающей силой, каковой пытаются представить её в очерке. А вынужденность подписания договоров некоторыми азербайджанскими ханами перед лицом мощного русского оружия характеризует позиции феодальных правителей, прибегнувших к данному средству во избежание потери своей независимости.

В очерке описаны события, связанные с активизацией захватнической политики русского царизма в Азербайджане после присоединения Грузии к России (1801 г.): подчинение Джаро-Белоканских вольных обществ, Гянджинского и Бакинского ханств. Большая часть азербайджанских ханов, вопреки мнению авторов, вели двойственную политику по отношению к России, о которой, правда, упоминается в работе. Однако, отдавая предпочтение необоснованному тяготению азербайджанских правителей к России, авторы не раскрывают причины их двойственной политики.

В работе особое внимание уделено международному значению Азербайджана, где переплетались захватнические интересы не только России, Ирана, Турции, но и Англии и Франции. Рассматривая вопросы русско-иранских войн (1804-1813 и 1826-1828 гг.), в очерке констатируется безуспешность попыток иранских феодалов привлечь на свою сторону азербайджанское население, которое, по мнению авторов, так и не поддержало их.²⁰⁸ Таким образом, авторы ошибочно относят это утверждение и к периоду второй русско-иранской войны (1826-1828 гг.), хотя известно, что бежавшие ранее в Иран азербайджанские ханы в этот период вернулись в Азербайджан с целью вновь стать здесь феодальными владельцами.

При описании событий первой и второй русско-иранских войн авторы отодвигают на второй план захватнические действия русских войск. Складывается впечатление, будто азербайджанское население только и желало русского

владычества. Для подтверждения этой мысли в очерке приведены факты о многочисленных добровольных отрядах из азербайджанцев, помогавших русской армии, что, якобы, свидетельствовало об активном участии азербайджанского населения на стороне русских в указанных войнах.²⁰⁹

Выдавая действия отдельных представителей высшего сословия, надеявшихся таким образом сохранить свои привилегии, за благорасположение всего азербайджанского населения к России, авторы твёрдо следовали заданному Советской властью курсу и всячески старались оправдать завоевательную политику России.

Более того, авторы игнорируют известный факт о том, что в некоторых местах бывшим азербайджанским ханам удалось благодаря широкой поддержке местного населения временно восстановить свою власть и русским войскам пришлось в начале второй русско-иранской войны покинуть Лянкяранскую, Шемахинскую, Шекинскую, Гарабахскую (кроме Шуши) провинции и Елизаветпольский округ.

Несмотря на вышеизложенное, при характеристике последствий Туркменчайского мирного договора, подписанного в 1828 году между Россией и Ираном, авторы очерка не могли не признать, что азербайджанский народ всё же оказался под гнётом царя и русских эксплуататоров – помещиков и буржуазии, явившимся «тяжелым ярмом, злом, давящим азербайджанский и другие народы Кавказа». Но, не смея отойти от советской тенденциозности, авторы вынуждены были указать, что в создавшихся условиях «присоединение к более развитой стране, какой была Россия, было наименьшим злом для азербайджанского и других народов Закавказья».²¹⁰ В очерке впервые выражена абсурдная мысль о завоевании Северного Азербайджана Россией, как единственно правильном пути в сложившихся условиях.

Таким образом, авторы рассматриваемой работы сознательно умалчивают о тяжелых отрицательных последствиях российской агрессии для азербайджанского народа,

лишенного своей государственности, поделенного на две части и обреченного на колониальное угнетение; они цинично утверждают, что это завоевание явилось «наименьшим злом» для азербайджанского народа.²¹¹

Следует отметить, что данное высказывание длительное время бытовало в научном обиходе применительно к такому тяжкому и преступному акту как завоевание Северного Азербайджана Россией. Как будто для приобщения к «передовой русской культуре» следовало лишить Азербайджан независимости, превратить его в колонию и разделить азербайджанский народ на две части.

В целом, в этой научно-популярной работе чувствуется дефицит анализа событий, их конкретизации, обобщающих выводов. Из поля зрения авторов совершенно выпал экономический фактор, в частности – издавна развивавшиеся и ещё более расширившиеся к концу XVIII в. азербайджано-русские торгово-экономические взаимоотношения. В очерке не раскрыты до конца и политические взаимосвязи Азербайджана с Россией.

Несмотря на эти и другие недостатки, это был первый обобщающий труд по истории Азербайджана, где была сделана попытка осветить историю страны с древнейших времен и где, в частности, рассмотрен ряд вопросов, необходимых для выяснения процесса развития азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. И хотя авторы очерка оправдывают завоевание Северного Азербайджана Россией, считая его «наименьшим злом», но и это утверждение для того времени было шагом вперед, т.к. само по себе уже предполагало не только положительный, но и отрицательный момент свершившегося акта.

Следует отметить, что об истоках формирования концепции «наименьшего зла», принятой в научной среде уже во II половине 30-х годов, говорится в упоминаемой нами работе М.М.Алиева.²¹² Мы согласны с его мнением относительно этой лженаучной оценки завоевания Северного

Азербайджана Россией, фактически навязанного исследователям правительственными кругами. Статью А.Аракеляна «Присоединение Карабаха к царской России»²¹³ М.М.Алиев приводит в качестве примера исполнения историками заказа «сверху» представить Россию в качестве «хорошего завоевателя».

Хотя статья называется «Присоединение Карабаха к царской России», однако автор освещает политическую жизнь исключительно Нагорного Гарабаха в изучаемый нами период XVIII – начала XIX вв. Более того, он пытается выдать предательство армян за борьбу всего Гарабаха против иранского гнёта. И даже когда речь идёт о Гарабахском ханстве во II половине XVIII в. А.Аракелян опять-таки имеет в виду территорию Нагорного Гарабаха.

В работе прослеживается свойственное всей советской историографии оправдание протектората царской России. Рассмотрев Гарабах, как яблоко раздора между Россией, Турцией, Ираном и рядом азербайджанских ханств, отдав предпочтение российскому протекторату, А.Аракелян считает его наименьшим злом по сравнению с разрушительными нашествиями Ирана и Турции.²¹⁴

Важным в статье А.Аракеляна является вопрос об опоре гарабахских меликов на Россию в борьбе с гарабахскими ханами, чем и объясняются наблюдаемые автором тесные их связи с русским государством. А.Аракелян также утверждает, что союз меликов с Россией был направлен не только против главы Гарабахского ханства Ибрагимхалил хана, но и иранской угрозы.²¹⁵ Отсюда, – положительные интонации при кратком описании похода В.Зубова, когда автор пытается подменить завоевательные стремления России, якобы, её освободительным предназначением.

В статье А.Аракеляна так же, как и в других исследованиях, поход русских войск во главе с В.Зубовым представляется в качестве ответной реакции на нашествие Ага Мухаммеда в Азербайджан, в ходе которого «интересам

русского царизма был нанесен сильный удар».²¹⁶ Более того, в деле выполнения В.Зубовым своей миссии в данном регионе автор выделяет немаловажную роль помощи местного населения, безусловно подразумевая, главным образом, поддержку русских со стороны христиан.²¹⁷ Оценка данного похода, как «победоносного», и констатация вынужденности отхода русских войск красноречиво показывают русофильскую позицию автора,²¹⁸ о чём свидетельствуют и представленные в работе факты о завоевании Гарабахского ханства Россией, о действиях Ибрагимхалил хана Гарабахского и т.д. Так, А.Аракелян не только ограничивается перечислением условий Кюрекчайского договора, заключенного между гарабахским ханом и русским командованием в 1805 году. Он особо подчеркивает признание Ибрагимхалил ханом господства царской России «без войны»,²¹⁹ пытаясь придать этому акту оттенок «добровольности».

Утверждение А.Аракеяна об использовании русским царизмом межнациональной розни для укрепления своего господства не мешает ему выставить Ибрагимхалил хана Гарабахского изменником России.²²⁰ Автор так и не смог или не захотел раскрыть подлинную суть взаимоотношений Ибрагимхалил хана с Россией. Преследуя главную задачу – показать взаимообусловленность интересов меликов и России, А.Аракелян не только принимает должным образом сепаратистские устремления гарабахских меликов, но и проявляет тенденциозность и субъективизм в оценке борьбы Ибрагимхалил хана за сохранение независимости своего ханства.

Следует отметить, что сведения об убийстве Ибрагимхалил хана Гарабахского, приведенные в статье А.Аракеяна, как замечает М.М.Алиев, отмечаются от сведений других исследователей. Вопреки известному факту о свершении этого убийства майором Лисаневичем ночью, когда хан спал, А.Аракелян утверждает, что один из меликов помог Лисаневичу, когда тот, догнав вышедшего из Шуши

Ибрагимхалил хана Гарабахского с семьей, убил его на дороге.²²¹

На наш взгляд, рассматриваемые в работе факты направлены на оправдание действий русских не только в данном конкретном случае. В частности, факты о награждении мелика за заслуги перед царской армией, «героические действия» майора Лисаневича, поддержка его со стороны местных жителей, хотя и подразумевалось только христианское население, – всё это говорит о приверженности автора к прорусской тенденции в отношении завоевания как Гарабахского ханства, так и всего Северного Азербайджана Россией в первой трети XIX века.²²²

Описывая события в Гарабахе в период второй русско-иранской войны А.Аракелян не без чувства гордости говорит о безуспешной осаде Шуши иранскими войсками и, наоборот, так называемой героической защите её русскими войсками.²²³

Чтобы усилить оправдание «присоединения» Гарабаха к России А.Аракелян голословно интерпретирует о совместной борьбе с русскими городских жителей и крестьян из разных районов Гарабаха.²²⁴ Возвышая военные успехи русских войск он не забывает об объективном участии на их стороне и местных отрядов, однако также как и почти все исследователи рассматриваемого периода не вносит ясность в данный вопрос.²²⁵ Как видно и А.Аракелян считает своим долгом представить русских в качестве спасителей, якобы освободивших Шушу от иранских захватчиков.

Созвучным с сегодняшним днём считается вопрос о выделении присоединения Нагорного Гарабаха к России. По мнению А.Аракеяна историческое значение последнего заключается в освобождении Нагорного Гарабаха от гнёта азербайджанских ханов.²²⁶ И пишет А.Аракелян об этом так, как-будто произошло свержение иноземного гнёта, а не утверждение чуждого здесь русского ига. А кто должен был управлять в то время на исконно азербайджанской земле

Гарабаха, как не азербайджанские ханы?

Статья А.Аракеяна является ещё одним ярким примером шовинистических идей и деяний армянских идеологов. На наш взгляд, А.Аракеян игнорирует пагубные последствия для населения присоединения Гарабахского ханства к России не столько из-за боязни отойти от заданного «сверху» курса в науке, сколько пытаясь, хотя бы косвенно, отделить Нагорный Гарабах от Гарабахского ханства, подчеркивая особое значение его присоединения к России, отличное от остальной территории Гарабахского ханства.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. вызвала коренную перестройку работы историков Азербайджана, как по объёму, так и по содержанию. Несмотря на то, что в результате военного времени объём исследовательских работ сократился, изданные в тот период научно-популярные брошюры, статьи имеют важное значение. Среди них особый интерес представляют те, которые отражали героическое прошлое азербайджанского народа, в том числе и азербайджано-русские взаимоотношения XVIII – нач. XIX вв. В частности, создаются работы, в которых уделялось внимание борьбе народов Южного Кавказа, в том числе азербайджанского, за свободу против иноземных захватчиков, воспевались патриотические традиции азербайджанского народа, традиционные узы «дружбы» азербайджанского народа с русским народом.

Публикация этих работ в годы Великой Отечественной войны служила исключительно цели идейной мобилизации в защиту нашего в то время отечества – СССР, воспитания патриотизма и национальной гордости. В этом смысле особо выделяется брошюра П.Н.Валуева «Фатали хан Кубинский». ²²⁷ Фатали хан Губинский будучи крупным государственным деятелем Азербайджана относился к числу передовых людей XVIII в., понимающих необходимость создания единого азербайджанского государства. К тому же он использовал Россию в борьбе со своими врагами. Поэто-

му неслучайно, что работа, посвященная деятельности Фатали хана Губинского, имеет важное значение для изучения указанной проблемы.

Фатали хан Губинский охарактеризован в работе, как смелый и талантливый военачальник, инициативный и дальновидный правитель, тонкий и расчетливый дипломат, у которого все было подчинено одной задаче – «слоमित сопротивление враждебных ханов и ханств, подчинить их своей власти».²²⁸

Повествуя о подчинении Фатали ханом Губинским Шекинского, Шемахинского и других ханств Азербайджана, П.Н.Валуев представляет Фатали хана, как борца за национальное единство Азербайджана. Большой интерес вызывают приведенные в работе материалы, отражающие взаимоотношения Фатали хана с Россией.²²⁹

П.Н.Валуев верно оценил дипломатические способности Фатали хана, благодаря которым ему удалось получить поддержку Екатерины II, пославшей ему на помощь русский военный отряд для восстановления его власти в Губинском ханстве.²³⁰

Объединительную политику Фатали хана Губинского в условиях феодальной раздробленности в Азербайджане автор характеризует как исторически-прогрессивную деятельность,²³¹ хотя социально-экономические условия того времени препятствовали существованию единого государства на территории Азербайджана.

Несмотря на целый ряд достоинств, работы П.Н.Валуева не лишены и недостатков. Так, в них часто отсутствует критический подход к тем или иным сведениям. Из поля зрения автора выпали экономические отношения северовосточного Азербайджана с Россией. Не раскрыта суть двойственной политики правительства Екатерины II в Азербайджане, и, в частности, по отношению к Фатали хану. Царское правительство не было заинтересовано в существовании на юге сильного мусульманского государства, каким

было государство Северо-восточного Азербайджана. Поэтому все действия Екатерины II по оказанию помощи Фатали хану диктовались исключительно интересами самой России.

П.Н.Валуев не только не анализирует причины, по которым российское правительство отклонило ходатайство Фатали хана о вступлении в подданство России,²³² но и не объясняет мотивы обращения губинским правителем именно к России за помощью в борьбе со своими внутренними врагами. Автору следовало отметить, что получение Фатали ханом военной помощи от России вовсе не означало отказаться от независимости своего государства, для создания которого он приложил немалые усилия.

В этот же период вышла статья З.Ибрагимова и Е.Токаржевского под названием «Братья по оружию».²³³ Она рассматривает вопросы боевого сотрудничества азербайджанского и русского народов, проявленные в годы русско-иранской (1804-1813 гг.) и русско-турецкой (1806-1812 гг.) войн.

Авторы говорят о той большой помощи, которую оказывали азербайджанские полки русской армии в период русско-иранских войн. Так, в статье приводятся примеры отражения неприятельских атак азербайджанскими воинами у Дилиджана, Заяма и др.²³⁴ Причем авторы подчеркивают, что азербайджанцы одержали победу над превосходящими силами противника.

Храбрость и отвага азербайджанских воинов не раз отмечались русскими генералами Тормасовым, Ермоловым и Паскевичем. Они уделяли большое внимание включению азербайджанских частей в состав русских войск на Кавказе.

В статье авторы создают идиллическую картину совместной борьбы русских и азербайджанских воинов против иранских захватчиков. Отсюда и исходит название статьи. Однако достаточно вспомнить, что Россия также выступала в роли захватчика азербайджанских земель, чтобы

от этой идиллии не осталось и следа. Недаром, превращая Азербайджан в колониальную окраину в результате этих войн, Россия не учла так называемую «братскую помощь» азербайджанцев.

Следует отметить, что авторы рассматривают события вне связи с той социально-экономической и политической обстановкой, которая сложилась в Азербайджане к началу XIX в., в отрыве от завязавшихся взаимоотношений между Азербайджаном и Россией. В участии азербайджанских воинов на стороне русской армии они видят лишь примеры боевого сотрудничества азербайджанского и русского народов, что вполне естественно. Поскольку данная статья, также как и другие, изданные в это время, отвечая конъюнктурным требованиям советского периода, призвана была доказать существование «исторических корней» дружбы между азербайджанским и «старшим братом» – русским народами. При этом сознательно игнорировались исторические моменты, противоречащие понятию «дружба».

В этот период было неуместно и несвоевременно говорить об экспансионистской политике русского царизма, нацеленной на завоевание Азербайджана, акцентировать на захватническом характере всех военных действий русских войск в XVIII – нач. XIX вв., не говоря уже о том, чтобы выпячивать корыстные цели участвовавших на стороне русской армии во время русско-иранских войн представителей привилегированного класса – азербайджанских беков. А поскольку в предшествовавшем первом обобщающем очерке по истории Азербайджана была заложена тенденция к оправданию аннексии Азербайджана Россией, то в тяжелых условиях тоталитарного режима авторы не посмели бы нарушить её.

В статье З.Ибрагимова «Из истории дружбы азербайджанского и русского народов»,²³⁵ вполне справедливо отмечают большие заслуги передовых людей Азербайджана того времени, много сделавших на пути сближения Азер-

байджана с Россией в целях обеспечения безопасности своей страны против иноземных поработителей.

Эту задачу преследовал, как указывается в статье, и выдающийся азербайджанский поэт и государственный деятель Вагиф, который вел переговоры с русским государством о помощи с ее стороны Гарабахскому ханству в борьбе против иранского правителя Ага Мухаммеда Гаджара.²³⁶

В статье отмечена и роль Фатали хана Губинского, объединившего, о чём было сказано ранее, под своей эгидой почти весь северо-восточный Азербайджан. Однако, на наш взгляд, автор утрирует, подчеркивая, что именно благодаря российской помощи Фатали хану удалось осуществить свою объединительную политику в Азербайджане.²³⁷ Также как и в предыдущих работах, в этой статье не раскрывается политическая подоплека российской помощи, тем самым игнорируются собственно захватнические интересы России в отношении Азербайджана. Автор пытается показать Россию исключительно с благородной стороны. Естественно, в тот период, т.е. в 40-х гг. XX века по ошибочному мнению автора захватнические замыслы в отношении Азербайджана могли иметь только Иран и Турция, с которыми, как необоснованно толковали исследователи, азербайджанские правители не поддерживали никаких отношений. Поэтому, не выходя за рамки тенденций советской науки, автор на передний план выдвигает обращения передовых людей Азербайджана именно к России и подразумевает дружественность этих взаимоотношений.

Подтверждение мы находим и в идентичной интерпретации участия азербайджанцев в рядах русской армии в русско-иранской (1804-1813 гг.) и русско-турецкой (1828-1829 гг.) войнах, констатации факта, так называемого, боевого содружества представителей азербайджанского и русского народов.²³⁸

Брошюра Э.Шукюрзаде «Из истории борьбы против каджарских захватчиков»²³⁹ посвящена одной из ярчайших

страниц борьбы азербайджанского народа за свою независимость – героической защите крепости Шуши от иранских захватчиков в конце XVIII в.

В работе уделено большое внимание взаимосвязям Гарабахского ханства с Россией. Правда, они не прослежены с самого начала образования Гарабахского ханства, что вполне понятно. Особенно активными эти взаимоотношения стали при Ибрагимхалил хане Гарабахском. Именно его грузинский царь Ираклий II призывал в письмах следовать своему примеру и принять покровительство России. Кстати, договор между Ираклием II и Россией был подписан в 1783 г. не в Гори, как указано в работе, а в Георгиевске.²⁴⁰

Э.Шукюрзаде, также как и в предыдущей статье, отметил старания выдающегося азербайджанского поэта, главного визиря Гарабахского ханства, государственного деятеля XVIII в. Вагифа, который стремился найти выход из создавшегося положения – угрозы порабощения ханства шахским Ираном. Он относился к числу тех передовых людей Азербайджана, которые понимали, что Гарабахское ханство не сможет своими силами выстоять против нашествия иранских захватчиков. Отсюда и внимание в работе переговоров, которые вели посланники Ибрагимхалил хана Гарабахского во главе с Вагифом в Тифлисе в 1784 г.²⁴¹ Правда, в последующих исследованиях нам не удалось встретиться с данным фактом, да и в этой работе он не получил своего документального подтверждения.

Автор справедливо отмечает, что действия Гарабахского ханства, направленные на сближение с русским государством, вызвали отрицательную реакцию, как в шахском, так и султанском дворах. Но ни подарки, ни обещания турецкого султана, ни попытки Ага Мухаммед шаха использовать вражду между меликами и Ибрагимхалил ханом Гарабахским не имели успеха. Гарабахский правитель и местное население твёрдо встали на защиту своей родины. Хотя Э.Шукюрзаде и пишет об отправке посланников к русскому

двору, однако в работе не уделяется внимание результатам посольства.

В работе освещена героическая защита крепости Шуша в период иранского нашествия в 1795 г., характеризующая мужественную и стойкую борьбу азербайджанского народа, заставившую Ага Мухаммед хана снять осаду крепости.²⁴²

Говоря об отношении России к событиям, происходящим в Азербайджане в этот период в целом, автор как бы отмечает пассивность царской политики и считает, что «существующие в это время отношения между царской Россией и Азербайджаном не привели к серьёзным изменениям ни в экономическом, ни в политическом положении Азербайджана». Так, с одной стороны, автор игнорирует те торгово-экономические отношения между Азербайджаном и Россией, которые в этот период получили свое дальнейшее расширение. А с другой, – автор указывает на отсутствие серьёзных изменений в политической жизни Азербайджана, очевидно имея в виду безответность русского правительства на многочисленные просьбы азербайджанских ханов о помощи против иранских захватчиков. Вместе с тем, говоря об отправке Екатериной II русских войск во главе с В.Зубовым в 1796 г. в Азербайджан, автор подводит нас к мысли, что данный поход был начат в ответ на вышеуказанные обращения азербайджанских правителей. На наш взгляд, по ошибочному мнению автора, внутреннее и внешнеполитическое положение Азербайджана требовали от России именно такого разрешения вопроса.

Таким образом, также как и в предыдущих работах, и в этом труде умалчиваются собственно интересы России в данном регионе, которые и были задеты нашествием Ага Мухаммеда Гаджара. Вторжение иранского завоевателя создавало угрозу устремлениям России на Кавказе, наносило удар по планам России, подрывало её позиции здесь. Россия ни в коем случае не могла допустить этого и с целью

укрепиться в бассейне Каспийского моря и во всем Южном Кавказе организовала вышеотмеченный завоевательный поход во главе с В.Зубовым.

Э.Шукюрзаде необоснованно утверждает, что местное население отвернулось от ханов, действовавших в пользу иранского шаха²⁴³ и, следовательно, по неаргументированном мнению автора, доброжелательно относилось к приходу русских войск. Автор пытается доказать, что выбор Ибрагимхалил хана Гарабахского неслучаен: опора на более развитую в экономическом и культурном отношении страну – Россию в отличие от феодально-отсталых Ирана и Турции обеспечивала безопасность Гарабахскому ханству. Вот почему, как отмечено автором, посланный Екатериной II посол был драгоценным даром для Вагифа, посвятившему всю жизнь борьбе за свободу своего народа.

Из вышеизложенного следует, что автор пытается оправдать прорусскую ориентацию гарабахского правителя и его визиря. Передовые люди Азербайджана, в том числе и Вагиф, в какой-то момент наивно верили в то, что русское государство может оказать бескорыстную помощь и не видели за отправленными с его стороны дарами претворение в жизнь дальновидной двойственной политики России, когда с одной стороны, Россия имела захватнические планы в отношении Азербайджана в целом, и каждого из ханств в отдельности, а с другой, чтобы не спугнуть азербайджанских правителей, умело скрывала свои агрессивные намерения и давала обещания обязательной помощи, отправляя им в знак наибольшей убедительности богатые подарки. Однако в работе не раскрыты политические интересы России. В работе рассмотрена реакция в иранских и турецких кругах на прорусскую ориентацию Гарабахского ханства, в то же время остается в тени суть отмеченной нами двойственной политики царской России, отношение русского правительства к принятию Гарабахского ханства под свое покровительство. Как и предыдущие авторы, Э.Шукюрзаде затушевывает

экспансионистские планы России в отношении Азербайджана, и в частности Гарабахского ханства. Складывается впечатление, что Ибрагимхалил хан был последовательным сторонником прорусской ориентации. В работе отсутствует правильная оценка политической мотивации обращения гарабахского хана к России, тогда как его интересы ничем не отличались от стремлений феодальных правителей, дороживших своей независимостью.

Как уже было указано, эти и другие вопросы изучаемой проблемы не были поставлены Э.Шукюрзаде в качестве объекта исследования. В его работе преследовалась лишь цель воспитания гражданских и патриотических чувств азербайджанского народа.

Другая работа Э.Шукюрзаде «Фатали-хан»²⁴⁴ охватывает события, связанные с внутренней и внешнеполитической деятельностью видного государственного деятеля XVIII века. Феодальная раздробленность, постоянные междоусобные распри между ханами, препятствовавшие объединению страны в единое государство, создавали большие трудности в претворении Фатали ханом своих планов по созданию централизованного азербайджанского государства.²⁴⁵

В отличие от предыдущих работ о Фатали хане Губинском, в данном труде шире обоснована русская ориентация этого правителя.²⁴⁶ Автор раскрывает и мотивы политики правительства Екатерины II, которое ни в коем случае не хотело усиления Фатали хана Губинского. Российскому правительству было невыгодно создание единого централизованного государства на территории Азербайджана.²⁴⁷

Далеко идущие планы в отношении Кавказа заставили Екатерину II отправить русские войска во главе с генерал-майором де-Медемом в Дербент, для восстановления там власти Фатали хана, но основным принципом политики Екатерина II в то время являлось недопущение усиления ни одного из владетелей Азербайджана и Дагестана.²⁴⁸

В работе, верно отмечены дипломатические способности Фатали хана Губинского, благодаря которым он использовал посланные русские войска для подчинения дагестанских владетелей.²⁴⁹

Отказ Екатерины II в принятии Фатали хана под русское покровительство Э.Шукюрзаде объясняет, хотя и недостаточно полно, ухудшением отношений России с Ираном и Турцией.²⁵⁰ Поэтому русское правительство отправило посланника Фатали хана Мирзабека Бояты с различными дарами обратно,²⁵¹ хотя после занятия Фатали ханом Ардебилля князь Потемкин в 1785 г. посылает ему дарственную грамоту.²⁵²

Как видим, автор пытается показать, что русское государство было заинтересовано в поддержании отношений с Фатали ханом. Однако этот момент в политике Екатерины II не получил достаточно чёткого объяснения, т.е. также как и в предыдущей работе Э.Шукюрзаде не раскрывает суть двойственной политики России в отношении Азербайджана.

В целом, работа Э.Шукюрзаде представляет для нас интерес тем, что освещенные в ней события позволяют понять, хотя и не до конца, мировоззрение передовых людей Азербайджана изучаемого периода, на примере Фатали хана Губинского. К сожалению, в работе, отвечавшей советским требованиям, выпячиваются исключительно взаимоотношения Фатали хана Губинского с Россией, которые определялись, прежде всего, его заинтересованностью в российской помощи с целью обезопасить независимое существование своего государства.

Исходя из вышеизложенного следует, что почти для всех работ 20-30-х годов XX в. был характерен однобокий подход к описываемым событиям. Авторы хотя и признавали захватнический характер политики царизма,²⁵³ однако при этом умалчивались последствия включения Северного Азербайджана в состав России. Мы вполне согласны с мнением указанного ранее азербайджанского историка конца

XX – начала XXI вв. Т.Т.Мустафазаде, который пишет о публикациях 20-30 годов, что «критика внешней политики самодержавия и раскрытие её сущности зачастую превращались под пером Покровского и его последователей в голос обличительства, анализ же классовых корней политики давался однобоко».²⁵⁴

В 40-х годах была заложена основа к такому подходу изучаемой проблемы, который, фактически, наблюдался и в последующие годы, правда, с некоторой корректировкой и дополнениями. Если авторы 20-30-х годов безудержно обличали царизм, смело утверждая о колониальной сущности его политики в Азербайджане в XVIII – нач. XIX вв., то в период Великой Отечественной войны в азербайджанской историографии взяла своё начало тенденция к её затушевыванию. Работы, изданные в военный период, отвечали духу времени. Они имели важное политико-воспитательное значение. Выпячиваемые в этих работах борьба азербайджанского народа против иранских захватчиков; «боевое сотрудничество» представителей азербайджанского и русского народов, взаимоотношения передовых людей Азербайджана с Россией в исследуемый период, по мнению авторов, должны были способствовать сплоченности, единению, союзу прежде всего с русским народом, нацеливали на укрепление тех дружественных связей между азербайджанским и русским народами, которое необходимо было перед лицом общего врага. Это было особенно актуально для того времени.

Великую Отечественную войну вынуждены были вести все народы, в том числе и азербайджанский, так как насильно находились в составе СССР под диктатом Коммунистической партии России. Поэтому исследователи, рассматривая корни азербайджано-русских взаимоотношений в XVIII – нач. XIX вв., не смели преподносить те или иные вопросы в невыгодном для партии свете. Отсюда и воспитание масс в духе псевдопатриотических традиций, за кото-

рыми авторы затушевывали фактически колониальное положение азербайджанского народа.

Однако, несмотря на все эти трудности, к числу которых можно также отнести отсутствие национальных кадров и источниковедческой базы для расширения масштабов исследований, вышеперечисленные работы следует рассматривать как начальный этап изучения истории Азербайджана средневекового периода и, безусловно, они внесли свою лепту в разработку отдельных аспектов проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. Так, в комплексном изучении указанной темы узловым считается вопрос о русской ориентации. По мере выявления новых источников и совершенствования методологических принципов исследования трактовка этого вопроса претерпевала изменения. В ряде работ, изданных в 20-30-х годах, как мы убедились, либо отношение азербайджанского населения к России оставалось в тени, либо голословно утверждалась его враждебность. Уже в 40-х годах (т.е. в период Великой Отечественной войны) авторы отдавали предпочтение так называемому тяготению азербайджанского населения к России в XVIII в. с целью оправдать завоевание Азербайджана Россией. Более того, если в работах 20-30 годов XX в. при утверждении захватнических устремлений России в данном регионе всё же отсутствует должная оценка значения и последствий «присоединения» Северного Азербайджана к России, то в 40-х годах был сделан первый шаг, хотя и не совсем верный и объективный, на пути к определению подлинной сути этого исторического акта.

Примечания

¹ Ализаде А.А. и Левиатов В.Н. Историческая наука в **Азерб. ССР**. – Изв. АН **Азерб. ССР**, №10, 1947; Сумбатзаде А.С. Развитие исторической науки в **Азерб. ССР** за годы Советской власти. – Вопросы истории, №11, 1957; его же. Развитие общественных наук в **Азерб. ССР** за годы Советской власти. – Изв. АН **Азерб.**

- ССР, №10, 1957; его же. Историческая наука Азербайджана между XX и XXI съездами КПСС и перспективы ее развития. – Вопросы истории, №10, 1959; его же. Историческая наука Азербайджана на современном этапе. – Вопросы истории, №12, 1972; Гулиев А.Н., Гасанов И.М., Стригунов И.В. Развитие исторической науки в Азербайджане в конце XIX – нач. XX вв. – Баку, 1960; Ибрагимов З.И. и Токаржевский Е.А. Развитие советской исторической науки в Азербайджане. – Баку, 1964; Гусейнов И.А. Развитие гуманитарных наук в Азербайджане за годы Советской власти. – В сб. «Развитие науки в Советском Азербайджане». Баку, 1967 и др.
- ² Новосельцев А.П. Некоторые проблемы историографии средневекового Закавказья. – Вопросы истории, №3, 1982, с. 17.
- ³ Qubaydulın A. 10 il içərisində Azərbaycanında tarix elminin inkişafı. – Bakı, 1930; Иманов Г. Вопросы историографии Азербайджана. Наши достижения и ближайшие задачи – Труды Азерб. ФАН СССР, т. 30, Баку, 1936; Климов А.А., Джафарзаде И.М., Ямпольский З.И. Об итогах изучения истории Азербайджана за 20 лет. – Изв. Азерб. филиала АН СССР, №2, Баку, 1940; Ализаде А.А и Левиатов В.Н. Историческая наука в Азерб. ССР – Изв. АН Азерб. ССР, №10, 1947.
- ⁴ Новосельцев А.П. Некоторые вопросы историографии древней и раннесредневековой истории народов Закавказья. – История СССР, №1, 1974, с. 69.
- ⁵ А.С.Сумбатзаде. Развитие исторической науки в Азерб. ССР за годы Советской власти. – Вопросы истории, №11, 1957, сс. 208-209; его же. Развитие общественных наук в Азерб. ССР за годы Советской власти. – Известия АН Азерб. ССР, №10, 1957, сс. 82, 87, 91; его же. Русская, советская историография и историческая наука в Азербайджане. – История СССР, №1, 1975, сс. 85-100; İbrahimov C. Sovet hakimiyyəti illərində Azərbaycanında tarix elminin inkişafına dair – Труды Азерб. Гос. пед. института им. В.И.Ленина, т. 14, Баку, 1960, с. 143; Ибрагимов З.И. и Токаржевский Е.А. Развитие советской исторической науки в Азербайджане. Баку, 1964, сс. 10-12, 16, 18, 33; Гусейнов И.А. Развитие гуманитарных наук в Азербайджане за годы Советской власти. – В сб. «Развитие науки в Советском Азербайджане». Баку, 1967, сс. 269, 271 и др.

- ⁶ Vəlili M. (Baхарlı). Azərbaycan. Coğrafi-təbii etnoqrafik və iqtisadi mulahizat. – Bakı, 1993, ss. 166-168.
- ⁷ Речь идёт о 1721 г. Раз допущенная опечатка повторялась некоторыми другими авторами. – Там же, с. 168.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же, сс. 168-169.
- ¹⁰ Там же, с. 184.
- ¹¹ İsmayılov R. Azərbaycan tarixi. – Bakı, 1993, с. 66. В работе указанное выступление неверно датируется 1701 г. Правильно – 1721 г.; Zeynalov C. Müxtəsər Azərbaycan tarixi. – Bakı, 1992, с. 69.
- ¹² Zeynalov C. Указ. раб., сс. 69-70.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, сс. 69, 83.
- ¹⁵ Там же, с. 83.
- ¹⁶ İsmayılov R. Указ. раб., с. 84.
- ¹⁷ Там же, с. 85. Имеется в виду Северная война 1700-1721 гг.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, с. 86.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же, с. 88. Имеется в виду отправка из Дербента в Баку поручика Лунина, которого автор неверно называет Левнином.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же; Zeynalov C. Указ. раб., с. 90.
- ²⁷ İsmayılov R. Указ. раб., сс. 89-90; Zeynalov C. Указ. раб., с. 81.
- ²⁸ İsmayılov R. Указ. раб., с. 90. Автор утверждает, что русские захватили в Баку 72 пушки. Эта цифра нам кажется маловероятной.
- ²⁹ Zeynalov C. Указ. раб., с. 81. В работе его имя даётся как Махмуд Дарга.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Имеются в виду условия Гянджинского договора 1735г.
- ³² Там же, с. 70.

- ³³ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 70.
- ³⁴ İsmayılov R. Указ. раб., с. 92.
- ³⁵ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 90.
- ³⁶ İsmayılov R. Указ. раб., с. 81.
- ³⁷ Там же. После поражения на Гавдушанской равнине в 1774 г. Фатали хан обратился к России. С помощью отправленного Екатериной II войска он восстановил свои права. Безусловно, со стороны России это была не бескорыстная помощь.
- ³⁸ Речь идёт о государстве Северо-восточного Азербайджана.
- ³⁹ İsmayılov R. Указ. раб., сс. 82-83.
- ⁴⁰ Там же, с. 74.
- ⁴¹ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 90.
- ⁴² İsmayılov R. Указ. раб., с. 93.
- ⁴³ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 90; İsmayılov R. Указ. раб., с. 95.
- ⁴⁴ Zeynaloğlu С. Указ. раб., сс. 79-87, 90; İsmayılov R. Указ. раб., с. 95.
- ⁴⁵ Zeynaloğlu С. Указ. раб., сс. 81, 90.
- ⁴⁶ См. подробно: Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX вв.) – Баку, 1989, сс. 89-92; Искендерова М.С. Бакинское ханство. – Баку, 1999, сс. 123-125; Мамедова Г. О походе В.Зубова в Азербайджан 1796 г. – Баку, 2003, сс. 47-51.
- ⁴⁷ Zeynaloğlu С. Указ. раб., сс. 81, 90.
- ⁴⁸ Там же, с. 90; İsmayılov R. Указ. раб., с. 95.
- ⁴⁹ İsmayılov R. Указ. раб., с. 95.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 90.
- ⁵² Там же. В работе неверно указана дата принятия Грузии под покровительство России, как 1803 г. Правильно – 1801 г.; İsmayılov R. Указ. раб., с. 99.
- ⁵³ İsmayılov R. Указ. раб., с. 101.
- ⁵⁴ Там же, сс. 104-105; Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 91.
- ⁵⁵ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 91; İsmayılov R. Указ. раб., сс. 103-104.
- ⁵⁶ İsmayılov R. Указ. раб., с. 105.
- ⁵⁷ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 92.
- ⁵⁸ İsmayılov R. Указ. раб., сс. 106-107, 108-109. В работе договор датируется 1804 г. Правильно – 1805 г.

- ⁵⁹ Там же. Указ. раб., сс. 107, 108.
- ⁶⁰ Там же, с. 107.
- ⁶¹ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 94.
- ⁶² İsmayılov R. Указ. раб., с. 109.
- ⁶³ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 94.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. В работе завоевание Баку датируется 1809 г. Правильно – 1806 г.
- ⁶⁶ İsmayılov R. Указ. раб., сс. 110-111.
- ⁶⁷ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 95.
- ⁶⁸ Там же; İsmayılov R. Указ. раб., с. 111.
- ⁶⁹ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 95.
- ⁷⁰ İsmayılov R. Указ. раб., сс.112-113.
- ⁷¹ Там же, с. 113.
- ⁷² Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 95.
- ⁷³ İsmayılov R. Указ. раб., сс. 113, 115.
- ⁷⁴ Там же, с. 113.
- ⁷⁵ Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 97; İsmayılov R. Указ. раб., с. 117.
- ⁷⁶ İsmayılov R. Указ. раб., сс. 117, 118.
- ⁷⁷ См.: Məmmədova İ.M. Lənkəran xanlığının qonşu xanlıqlar və dövlətlərlə münasibətləri. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Баку, 2005, сс. 14-15.
- ⁷⁸ Zeynaloğlu С. Указ. раб., сс. 97, 99.
- ⁷⁹ Там же, с. 100.
- ⁸⁰ Там же, сс. 100-101.
- ⁸¹ İsmayılov R. Указ. раб., с. 122.
- ⁸² Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 101.
- ⁸³ Zeynaloğlu С. Неверно датирует Гюлистанский договор 1815 г. Правильно – 1813 г. – См.: Zeynaloğlu С. Указ. раб., с. 99.
- ⁸⁴ Там же, с. 102. Автор пишет до 1336 г. х. (1918 г.).
- ⁸⁵ Там же, сс. 102-103.
- ⁸⁶ İsmayılov R. Указ. раб., сс. 120, 123.
- ⁸⁷ Пахомов Е.А. Краткий курс истории Азербайджана. – Баку, 1923, с. 21.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Алиев Ф.М. См.: Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII

- в. – Баку, 1975, с. 38.
- ⁹¹ Пахомов Е.А. Указ. раб., с. 23.
- ⁹² Там же, сс. 23, 24.
- ⁹³ Там же, сс. 22, 23, 24.
- ⁹⁴ Там же, с. 23.
- ⁹⁵ Там же, с. 24.
- ⁹⁶ Сысоев В.М. Краткий очерк истории Азербайджана. – Баку, 1925, с. 1.
- ⁹⁷ Там же, с. 94.
- ⁹⁸ Там же, с. 96.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 97.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же, с. 98.
- ¹⁰⁴ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., сс. 88-97; Мамедова Г. Указ. раб., сс. 31-59.
- ¹⁰⁵ Сысоев В.М. Указ. раб., с. 98.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 102.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 104.
- ¹⁰⁸ Иманов Г.Г. Вопросы историографии Азербайджана. Наши достижения и ближайшие задачи. – Труды Азерб. ФАН СССР, т. 30, Баку, 1936; «Наука в АССР за 15 лет», с. 166.
- ¹⁰⁹ Ибрагимов З.И. и Токаржевский Е.А. Развитие советской исторической науки в Азербайджане. – Баку, 1964, с. 26.
- ¹¹⁰ Сысоев В.М. Баку прежде и теперь, – Баку, 1928.
- ¹¹¹ Там же, с. 27.
- ¹¹² Там же, с. 31.
- ¹¹³ Там же, сс. 29-31.
- ¹¹⁴ Там же, с. 34.
- ¹¹⁵ Там же, с. 41.
- ¹¹⁶ Там же, сс. 41-43.
- ¹¹⁷ Там же, с. 44.
- ¹¹⁸ Там же, с. 45.
- ¹¹⁹ Новосельцев А.П. Некоторые вопросы историографии древней и раннесредневековой истории народов Закавказья – История СССР, №1, 1974, с. 69.

- ¹²⁰ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. – Соб. соч., т. II, ч. I, Москва, 1963, лек. IX.
- ¹²¹ Бартольд В.В. Указ. соч., с. 761.
- ¹²² Там же, с. 762.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Там же, с. 763.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – Москва, 1924, с. 181.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же, с. 184.
- ¹³² Там же, с. 190.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же, с. 191.
- ¹³⁶ Там же, с. 193.
- ¹³⁷ Там же, с. 187.
- ¹³⁸ Там же, с. 193.
- ¹³⁹ Паскевич получил это имя за захват Иревана. – Там же, с. 194.
- ¹⁴⁰ Əliyev M.M. Şimali Azərbaycanın Rusiya tərəfindən işqalının tarixşünashlığı – Bakı, 2001, ss. 141-142.
- ¹⁴¹ Покровский М.Н. Указ. раб., с. 194.
- ¹⁴² Фитуни А.П. История последней столицы Ширвана (Историко-этнографический и археологический очерк). – Изв. Азерб. комитета охраны памятников старины, искусства и природы (Азкомстарис), вып. 3. – Баку, 1927.
- ¹⁴³ Там же, сс. 125-126.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 126.
- ¹⁴⁵ Мамедова Г. Указ. раб., с. 60.
- ¹⁴⁶ Там же, сс. 60-61.
- ¹⁴⁷ Фитуни А.П. Указ. раб., сс. 130-133.
- ¹⁴⁸ Там же, с. 131.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Там же, с. 133.

- ¹⁵¹ Там же, с. 140.
- ¹⁵² Там же, сс. 141-144.
- ¹⁵³ Там же, с. 145.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Там же, с. 140. Речь идет о том, что в 1707-1709 гг. в Тебризе, Ширване и Джаре произошли антииранские вооруженные выступления народных масс. – См.: Алиев Ф.М. Указ. раб., с. 17; Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. – Баку, 1993, с. 20.
- ¹⁵⁶ Зевакин Е.С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. – Изв. об-ва обслед. и изуч. Азербайджана, №5, 1928.
- ¹⁵⁷ Там же, с. 123.
- ¹⁵⁸ Там же, с. 125.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же, сс. 129, 132.
- ¹⁶³ Полиевктов М.А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа. – Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. IV. Тбилиси, 1937.
- ¹⁶⁴ Там же, с. 253.
- ¹⁶⁵ Там же, с. 259.
- ¹⁶⁶ Алиев Ф.М. Указ. раб., сс. 92-95.
- ¹⁶⁷ Полиевктов М.А. Указ. раб., с. 259.
- ¹⁶⁸ Документ дан на немецком языке, но имеется и перевод: «Замечания, клонящиеся к истинной выгоде вашего величества в тех завоеванных персидских провинциях, которые, по персидским трактатам, остались за его величеством всероссийским».
- ¹⁶⁹ Полиевктов М.А. Указ. раб., сс. 260-261.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 264.
- ¹⁷¹ Мустафазаде Т.Т. Указ. раб, с. 5.
- ¹⁷² Петрушевский И.П. Джаро-Белаканские вольные общества в первой половине XIX в. – Махачкала, 1993.
- ¹⁷³ Там же, сс. 86-87.
- ¹⁷⁴ Там же, с. 89.
- ¹⁷⁵ Там же, с. 90.

- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же, с. 91.
- ¹⁷⁸ Там же, с. 92.
- ¹⁷⁹ Там же, сс. 92-93.
- ¹⁸⁰ Там же, с. 93.
- ¹⁸¹ Там же, сс. 94-95, 96-97.
- ¹⁸² Там же, сс. 98, 99-100.
- ¹⁸³ Там же, сс. 99-100, 103.
- ¹⁸⁴ Там же, сс. 100-102.
- ¹⁸⁵ Там же, сс. 101-102.
- ¹⁸⁶ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в., ч. I. Москва-Ленинград, 1936; ч. II. Москва-Ленинград, 1937.
- ¹⁸⁷ Петрушевский И.П. Указ. раб., с. 5.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ Там же, с. 7.
- ¹⁹¹ Там же, с. 6.
- ¹⁹² Там же, с. 5.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Там же, с. 6.
- ¹⁹⁵ История Азербайджана. Краткий очерк (на правах рукописи). – Баку, 1941, с. 159.
- ¹⁹⁶ Там же, сс. 159, 160.
- ¹⁹⁷ Там же, сс. 161-162.
- ¹⁹⁸ Там же, с. 175.
- ¹⁹⁹ Там же, сс. 180-181.
- ²⁰⁰ Там же, с. 184.
- ²⁰¹ Там же, с. 182.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же, с. 181.
- ²⁰⁴ Там же, с. 182.
- ²⁰⁵ Там же, с. 187.
- ²⁰⁶ См. подробно: Мамедова Г. Указ. раб., сс. 6-23.
- ²⁰⁷ История Азербайджана. Краткий очерк (на правах рукописи), с. 197.
- ²⁰⁸ Там же, с. 200.
- ²⁰⁹ Там же, сс. 204-205.

- ²¹⁰ Там же, сс. 207-208.
- ²¹¹ Там же.
- ²¹² Əliyev M.M. Указ. раб., сс. 150-151.
- ²¹³ Аракелян А. Присоединение Карабага к царской России. – Исторический журнал, №10, 1939, сс. 53-55.
- ²¹⁴ Там же, с. 52.
- ²¹⁵ Там же, сс. 52-53.
- ²¹⁶ Там же, с. 54.
- ²¹⁷ Там же.
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ Там же, с. 53.
- ²²¹ Там же, с. 55; Əliyev M.M. Указ. раб., с. 152.
- ²²² Аракелян А. Указ. раб., с. 55.
- ²²³ Там же, с. 56.
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ Там же.
- ²²⁶ Там же, с. 55; Əliyev M.M. Указ. раб., с. 153.
- ²²⁷ Валуев П.Н. Фатали хан Кубинский. – Баку, 1942.
- ²²⁸ Там же, сс. 3-4.
- ²²⁹ Там же, сс. 16-17.
- ²³⁰ Там же, с. 19.
- ²³¹ Там же, с. 26.
- ²³² Там же, сс. 17-18, 25-26.
- ²³³ İbrahimov Z., Tokarjevski Y. Silah qardaşları – «Təbliğatçı», №7-8, 1942, сс. 81-84.
- ²³⁴ Там же, сс. 81, 83.
- ²³⁵ İbrahimov Z.İ. Azərbaycan və rus xalqlarının dostluğu tarixindən. – «Təbliğatçı», №7, 1943, сс. 81-82; Ибрагимов З.И. Рассмотрел идентичные вопросы позже в брошюре «Böyük dostluq», Bakı, 1944, ss. 21-26.
- ²³⁶ Там же, сс. 81-82.
- ²³⁷ Там же, с. 82.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ Şükürzadə Ə. Qaçar işğalçılara qarşı mübarizə tariximizdən. – Bakı, 1943.
- ²⁴⁰ Там же, с. 11.
- ²⁴¹ Там же, с. 12.

²⁴² Там же, сс. 15-19.

²⁴³ Там же, сс. 20-21.

²⁴⁴ Şükürzadə Ə. Fətəli-xan. – Bakı, 1943.

²⁴⁵ Там же, сс. 17-18.

²⁴⁶ Там же, с. 12.

²⁴⁷ Там же, с. 15.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же, сс. 15-16.

²⁵⁰ Там же, с. 16.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же, с. 20.

²⁵³ См.: Сумбатзаде А.С. Азербайджанская историография..., с. 113.

²⁵⁴ Мустафазаде Т.Т. Указ. раб, с. 5.

ГЛАВА II

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ АЗЕРБАЙДЖАНО-РУССКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ XVIII – НАЧ. XIX ВВ. ВО II ПОЛОВИНЕ 40-50-х гг. XX ВЕКА

В одной из историографических работ 50-х годов XX в. подчеркивается: «Великая Отечественная война усилила внимание исследователей к истории народов СССР. Победа Советского Союза над врагом была достигнута благодаря содружеству всех народов страны. Важно было проследить истоки этого содружества, всесторонне оценить условия вхождения в состав России каждого народа, показать, как в борьбе с национально-колониальным гнетом царизма, с эксплуатацией со стороны господствующих классов ещё до Октябрьской революции росли и крепились связи между трудящимися разных национальностей, как на принципиально новой основе сложилось Советское многонациональное государство».¹ Казалось бы, исследователи были поставлены перед необходимостью глубокого и всестороннего изучения истории взаимоотношений народов Южного Кавказа с Россией в целом, в том числе азербайджано-русских взаимосвязей XVIII – нач. XIX вв. Однако, и в послевоенный период Советская власть оставалась верной своей исконно имперской политике. Представляя СССР, как добровольный союз народов, она не признавала факт завоевания Северного Азербайджана Россией. Отрицалось также установление, как в Северном Азербайджане, так и в других завоеванных окраинах Российской империи колониальной

системы управления. Таким образом, исследователи заведомо были лишены возможности показать объективную картину развития взаимоотношений этих народов с Россией: они вынуждены были рассматривать многочисленные вопросы изучаемой проблемы, не выходя за рамки тех ограничений, которые были поставлены ещё в 20-е гг. XX века.

Тем не менее, историками была проделана определенная работа в указанной области, что нашло своё отражение не только в поздних историографических работах (70-80-е годы),² но уже и в 50-60-х гг., когда появился ряд названных ранее работ и статей о развитии исторической науки в Азербайджане.³ Однако в них, в основном, представлен перечень важнейших изданий 40-60-х гг., освещающих исторические события в Азербайджане в XVIII в. В этих историографических работах отсутствует должный историографический анализ указанных трудов 40-60-х гг., в которых в той или иной степени отражены проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX в. Исследуемая нами тема не была предметом специального исследования и в историографической монографии А.С.Сумбатзаде.⁴ Хотя в ней автор выделяет основные вопросы, на решение которых были направлены усилия азербайджанских историков в 40-60-е гг. XX в. и к таковым относит необходимость всестороннего изучения истории азербайджано-русских связей в целом, и азербайджано-русских взаимоотношений XVIII – нач. XIX вв. в частности, тем не менее, некоторый историографический анализ работ ведущих азербайджанских историков 40-60-х гг. дается им исключительно с целью поиска концепции истории Азербайджана в целом.

Что касается общесоюзных историографических работ 70-80-х гг. XX в., то в них уделено основное внимание историческим трудам, вышедшим в 50-60-х годах XX в. Основной целью указанных историографических работ являлось выяснение степени изученности вопросов внешней политики России XIX века. Проблема азербайджано-русских

отношений XVIII – нач. XIX вв. в этих работах не являлась непосредственной целью историографического анализа, тем не менее, в них затронуты отдельные вопросы данной темы. В частности, в них дана противоречивая оценка завоевания Южного Кавказа Россией: с одной стороны, авторы придерживаются распространенной в советское время марксистско-ленинской концепции о колониальном характере политики русского царизма, с другой стороны, они рассуждают об объективно-прогрессивном значении завоевания народов Южного Кавказа Россией.

Указанные работы и статьи 40-60-х годов о развитии исторической науки в Азербайджане, являвшиеся все ещё первыми попытками историографических обзоров, а также историографические работы 70-80-х годов служат показателем огромного интереса историков советской эпохи к истории исторической науки. И это не случайно. Он был обусловлен, прежде всего, созданным в послевоенный период, особенно в 50-60-е гг., научным арсеналом, где разработка проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. заняла особое место. Именно в это время были изданы статьи и монографии, посвященные различным аспектам данной проблемы, что является ярким показателем резкого повышения её актуальности и превращения в объект специального исследования периода истории Азербайджана.

Вместе с тем, следует отметить, что в послевоенный период исследователи азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. продолжали направление, заданное в конце 30-х – начале 40-х годов. Однако, если упрощение исторической действительности, однобокость, тенденциозность и т.п. явления, наблюдаемые в работах названных авторов можно, в какой-то степени, оправдать требованиями военного времени, то в послевоенный период эти грубые искажения действительности носят уже характер фальсификации. И в этом смысле изучение поставленной нами про-

блемы позволяет судить не только о политической ситуации в стране, но и о степени зависимости науки от партийной идеологии, о чём было сказано ранее. В частности, если до войны концепция «наименьшего зла» больше носила идейное содержание, то после войны ряд историков уже по инерции продолжали следовать за этой закоренелой мыслью.

Таким образом, именно в послевоенный период было положено начало тем искажениям в исторической науке, в частности – в изучении истории азербайджано-русских взаимосвязей XVIII – нач. XIX вв., последствия, которых ощущались до недавнего прошлого.

Великая Отечественная война вызвала перестройку работы всех научных учреждений. Уже в 1945 г. была создана Академия наук Азербайджана. А в 1946 г. на страницах журнала «Известия Академии наук Азербайджанской ССР» был опубликован новый обобщающий труд по истории Азербайджана – «Очерки по истории Азербайджана»,⁵ в котором были затронуты и вопросы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. В частности, говоря об отношении азербайджанского населения к России в начале XVIII в., авторы «Очерков» отмечают наблюдавшееся в Северном Азербайджане, как и на всём Южном Кавказе, стремление части местных правителей освободиться из-под тяжелого иранского гнёта с помощью России. В обращениях к русскому государству они выражали желание получить от него «военное и политическое содействие в борьбе против иранских шахов и турецких султанов».⁶

Как видим, Россия представлена в роли спасительницы, в то время как Ирану и Турции была отведена роль завоевателей. То есть в работе не раскрывается политическая подоплёка действий азербайджанских правителей, которые избрали позицию лавирования между Россией, Ираном и Турцией, развернувших острую борьбу за обладание Южным Кавказом. Интересным является тот факт, что авторы

правильно показывают заинтересованность русского государства в данном регионе, о чём свидетельствуют мероприятия Петра I до прикаспийского похода, в частности, отправка русского посланника в Иран,⁷ а также, организация экспедиции для изучения Каспийского моря, осуществленные несмотря на занятость Петра I Северной войной.⁸

Таким образом, Россия в данной работе, впрочем, как и во многих других работах советского периода, выступает в качестве этакой спасительницы – завоевательницы. И это противоречие авторы работ в условиях конъюнктурных требований советского времени так и не разрешили.

В «Очерках» констатируется умелая и дальновидная политика Петра I. Говоря об указанной в его «Манифесте» цели вступления русских войск в Прикаспье, представленной, как «необходимость ликвидировать анархию в подвластных Ирану областях и наказать убийц русских купцов в Шемахе»,⁹ авторы предполагают её завуалированность, хотя нет чёткого и ясного мнения об этом. Неслучайно издание указанного манифеста Петра I на тюркском, фарсидском и арабском языках, верно преподносится как стремление императора «политически обеспечить успех своего дела».¹⁰

В «Очерках» специально акцентируется внимание на факте о том, что «часть населения Закавказья была рада этому походу» и в подтверждение приводится пример торжественной встречи русских войск в Дербенте.¹¹ Однако авторы упускают тот момент, что доброжелательное отношение к приходу русских войск было проявлено лишь со стороны христианского населения и считают излишним упоминать о враждебном настроении части азербайджанского населения. Складывается впечатление, что авторы навязывают читателю мысль о том, что население Азербайджана надеялось не столько на помощь России, сколько на полный переход под русское правление. Нет должной аргументированной и дифференцированной оценки отношения различных слоев населения Азербайджана к прикаспийскому по-

ходу.

Говоря о взятии Баку генерал-майором Матюшкиным в 1723 г., авторы в очередной раз не желают признавать наличия антирусски настроенной части населения. Поэтому они игнорируют выступления бакинцев против русских войск и утверждают, что сопротивление они встретили со стороны находившегося в крепости иранского гарнизона.¹²

Авторы игнорируют и отрицательные последствия заключенного между Россией и Турцией в 1724 г. Стамбульского договора, по которому азербайджанские земли были разделены между названными государствами, а азербайджанский народ попал под гнёт этих завоевателей.¹³ Подобострастное отношение авторов к России наглядно видно и из отсутствия в работе должной оценки влияния системы русского комендантского правления на положение азербайджанского народа, тогда как подробно изложена их собственная интерпретация причин вынужденного возвращения Россией Ирану прикаспийских областей.¹⁴

При изложении событий периода существования в Азербайджане небольших государств – ханств во II половине XVIII в., в «Очерках» на первый план выпячивается про-русская ориентация Фатали хана Губинского, подтвержденная фактом обращения его к России за помощью в борьбе против внутренних врагов. Хотя авторы дают высокую оценку объединительной деятельности Фатали хана Губинского, как «исторически-прогрессивной», вместе с тем, на наш взгляд, в работе преувеличена роль российской помощи в возрастании влияния Фатали хана в Азербайджане. При этом авторы основывались на факте отправки в 1775 г. русских войск во главе с генералом де Медемом,¹⁵ которые помогли Фатали хану восстановить свою власть в ханстве после поражения в Гавдушанском сражении. Здесь не раскрывается политическая мотивация указанных действий со стороны России. Складывается впечатление, будто Екатерина II по отношению к Губинскому ханству вела себя ис-

кренне и бескорыстно.

Более того, авторы пытаются оправдать колониальную политику царизма абсурдным утверждением о том, что «дальнейший ход истории показал, что Россия сыграла прогрессивную роль в Закавказье, несмотря на колониальную политику царизма. Великий русский народ, борясь против царизма, был важнейшей силой хозяйственного и культурного прогресса азербайджанского и других народов окраин России». ¹⁶ Завоевание Северного Азербайджана Россией в начале XIX в., её колониальная политика имели тяжкие последствия, принесшие азербайджанскому народу много страданий и лишений. Достаточно отметить, что переселенческая политика царизма, являвшаяся одним из проявлений колониального гнёта, привела к тому, что значительная часть азербайджанских земель оказалась в руках инородцев. Даже сегодня мы испытываем последствия этой политики, имея такую кровоточащую рану, как Гарабах. Рассуждения авторов о прогрессивной роли России и величии русского народа совершенно неуместны и циничны. Авторы игнорируют тот факт, что командно-административная система, сложившаяся с 20-х годов XX в., не позволяла ни одному из народов Советской империи самостоятельно развиваться.

Доминирующей мыслью в «Очерках» является, якобы, твердая русская ориентация в азербайджанских ханствах, в основе которой, по мнению авторов, лежало признание прогрессивности и политической мощи России по сравнению с отсталыми Ираном и Турцией. Отсюда и обоснование обращения Фатали хана Губинского к России его стремлением «обеспечить себе политическую независимость и оградить свои владения от разорительных и разбойничьих вторжений со стороны Ирана и Турции». ¹⁷

На наш взгляд, авторы преднамеренно выпячивают угрозу завоевания азербайджанских ханств, в том числе и Губинского, со стороны Ирана и Турции и совершенно игнорируют экспансионистские цели самой России в данном

регионе. В работе не раскрывается дальновидная двойственная политика царского правительства по отношению к азербайджанским ханствам, в том числе и к Фатали хану Губинскому. Как уже было и не раз будет отмечено, в условиях требований советского времени авторы вынуждены были создавать ложный миф о благородстве России. Действуя в указанном направлении, они неверно представили и поход русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан, начатый в 1796 г. якобы в ответ на просьбы азербайджанских ханов о помощи.¹⁸ Под таким предлогом Россия решила претворить в жизнь свои захватнические планы в данном регионе. Организацию похода русских войск во главе с В.Зубовым следует оценивать только как негативную реакцию русского государства на нападение иранского завоевателя Ага Мухаммеда Гаджара в Азербайджан и Грузию. Последнее явилось для России, прежде всего фактором, ускорившим поход в Азербайджан в целях осуществления своей колониальной политики.¹⁹ Однако авторы всячески пытаются представить Россию в роли «спасительницы» и, подтасовывая и неверно интерпретируя исторические факты, используют их для обоснования мысли о якобы существующей в Азербайджане сильной русской ориентации. Так, в работе указывается, что «представители азербайджанских ханов явились на Мугань в лагерь русского генерала с выражением своей покорности».²⁰

На наш взгляд, вынужденное подчинение азербайджанских ханов перед грозным русским оружием авторы неверно принимают за долгожданную и радушную встречу ими русских.

Вместе с тем, отдавая должное авторам «Очерков», следует признать, что они открыто, говорят о захватнической цели наступления русских войск во главе с Цициановым в 1804 г. на Гянджинское ханство. Повествуя о завоевании Гянджи в результате штурма крепости, они вынуждены признать, что «при защите города Джавад хан (прави-

тель ханства – М.И.) погиб смертью героя».²¹ Таким образом, это была первая работа в послевоенный период, в которой, хоть и вскользь признавалось сопротивление азербайджанского населения русскому завоеванию. Но если в 50-х годах нашлись историки, которые считали вышеуказанные действия азербайджанских правителей бессмысленными и объясняли «подобные ошибки» ничем иным, как проявлением буржуазного национализма, то сегодня мы можем с уверенностью сказать, что поступок Джавад хана, героически защищавшего независимость Гянджинского ханства в борьбе против русских войск во главе с ярым проводником колонизаторской политики царизма Цициановым, достоин уважения и высокой патриотической оценки.

Рассматривая подписание договоров о переходе, под протекторат России со стороны шекинского, гарабахского и шемахинского ханов, составители «Очерков» показывают, что указанные ханы вынуждены были сделать этот шаг во избежание повторения горькой участи Джавад хана и Гянджинского ханства.²²

Затронув вопрос об убийстве Цицианова во время его переговоров с Гусейнгулу ханом Бакинским, на наш взгляд, авторы неуместно выражают сожаление, считая его вероломным шагом, совершенным иранскими агентами.²³ Они исключают причастность Гусейнгулу хана к убийству Цицианова, опираясь на его решение сдаться русским войскам, однако авторы при этом не учитывают непоследовательность взаимоотношений бакинского хана с русским государством.

Авторы предприняли попытку проанализировать процесс завоевания азербайджанских ханств Россией в ходе первой и второй русско-иранских войн.²⁴ Однако, они необоснованно оправдывают данные действия России и характеризуют указанный процесс не вполне соответствующим термином «присоединение». В работе содержится описание не только военных преимуществ, успехов русской

армии, но и, так называемой, помощи местных жителей русским войскам, участия азербайджанских отрядов на стороне русской армии. То есть, также как и историки первой половины 40-х годов, в данной работе авторы сознательно не показывают социальный состав азербайджанских отрядов. Тем самым, на наш взгляд, используя факт «вынужденной приверженности» к России группы представителей только бекского сословия, они пытаются создать впечатление о русской ориентации всего азербайджанского населения.

Также как и историки конца 30-х – начала 40-х гг., считавшие завоевание Северного Азербайджана Россией «наименьшим злом», авторы «Очерков» утверждают, что это завоевание было «наивыгодным» для азербайджанского народа, так как Россия, в отличие от феодально-отсталых Ирана и Турции, была более прогрессивной страной. Констатируя втягивание Северного Азербайджана Россией в русло прогрессивного развития, они умаляют тяжесть колониального гнёта царизма, ограничиваясь лишь указанием на то, что «в результате этого присоединения азербайджанцы попали в положение подданных царской России».²⁵ На наш взгляд, неправомерно говорить о «наивыгодности» завоевания Северного Азербайджана Россией, если учесть тяжкие отрицательные последствия указанного акта, даже при отдельных объективно положительных его моментах. Авторы, затушевывая захватнические цели России, дают мнимое объяснение, завоеванию Северного Азербайджана, считая, что оно было предопределено сложившейся ситуацией, когда «внутренняя феодальная раздробленность на ханства и международное положение Азербайджана, а также и всего Кавказа в XVIII в., совершенно неизбежно вели его к присоединению либо к России, либо к Ирану или Турции, между которыми он находился».²⁶

В целом, освещение событий в «Очерках» носит отрывочный характер. Часто отсутствует конкретизация событий

и фактов, нет должной оценки политической мотивации русской ориентации, почти отсутствуют факты антирусской ориентации; как было указано, не раскрывается суть двойственной политики царского правительства в отношении Азербайджана; остается невыясненной позиция многих азербайджанских ханов и т.д.

Первым историком в послевоенный период, специально посвятившим ряд статей²⁷ и монографию²⁸ сугубо событиям в Азербайджане в XVIII в., был В.Н.Левиатов. Его очерки являются первым опытом освещения сложной и противоречивой истории этого периода, когда Азербайджан становится ареной противоборствующих сил Ирана, Турции и России. Поскольку XVIII в. по праву считается кульминационным периодом развития азербайджано-русских отношений, неслучайно, что в монографии В.Н.Левиатова эти отношения занимают основное место. Подвергнув анализу, состояние Азербайджана в начале XVIII в., В.Н.Левиатов справедливо находит связь между вспыхнувшим в Ширване антииранским движением и планами России. Автор обосновывает суть захватнических целей России в данном регионе её заинтересованностью природными богатствами Азербайджана, производящими здесь изделиями и сырьем, его портами.²⁹

В работе подробно освещен прикаспийский поход Петра I, ошибочно названный, как и у предшественников, «персидским».³⁰

В монографии автор уделяет внимание реакции местного населения на прибытие русских войск. Если вступление последних В.Н.Левиатов считает, якобы, соответствующим интересам большей части населения Дербента,³¹ то в отношении Бакинских жителей автор показывает иную картину.

Значительный интерес вызывают факты, взятые из современных событиям документов. Автор не объясняет почему, вопреки письму бакинцев Петру I с просьбой о приня-

тии их под русское покровительство, бакинские жители не впустили поручика Лунина в Баку.³² Вместе с тем исследование материалов позволило автору показать дифференцированное отношение к вопросу о вступлении под российское покровительство среди бакинского населения. Выпячивая склонность бакинских жителей к России в противоположность «начальникам», автор говорит о нежелании бакинских жителей оборонять город против российских войск, объясняя это освобождением из под власти Ирана, гарантией от разорения и ужасов, какие претерпел ряд городов в результате антииранского движения. А с другой стороны, автор отмечает немаловажную роль и давних торговых связей между бакинцами и русскими купцами, в ходе которых они ближе узнавали друг друга.

В.Н.Левиатов подчеркивает, что именно вопреки желанию большинства бакинских жителей «султан и другие почетные особы» решили защищать Баку.³³ В работе приводятся сведения русских дореволюционных источников, подтверждающих тот факт, что население города Баку и апшеронских селений не было заинтересовано в обороне города.³⁴

На наш взгляд, В.Н.Левиатову следовало бы критически отнестись к вышеуказанным сведениям, поскольку они были составлены заинтересованными людьми и даны не беспристрастно. Автор не мог не знать о лавировании и некоторой части привилегированного сословия, которое также рассчитывало на помощь России с целью сохранения своей власти после освобождения от иранского господства. А доводы, приведенные В.Н.Левиатовым в пользу склонности, якобы, большинства бакинских жителей к России ничто иное, как отражение уже сложившейся к этому времени в исторической науке тенденции оправдать завоевание Северного Азербайджана Россией. При наличии завоевательного и религиозного факторов абсурдно звучит мнение автора об искреннем желании большинства бакинских жите-

лей принять российское подданство. В.Н.Левиатов как будто игнорирует роль Баку в захватнических планах России и осуждает «начальников», занимавших антирусскую позицию, которая по-сути была естественной реакцией на экспансию со стороны России.

В работе прослеживается столкновение интересов России и Турции в Азербайджане, приведшее к заключению Стамбульского договора 1724 г., который закрепил прикаспийские области за Россией.³⁵

Сравнивая состояние российской и турецкой оккупационных зон Азербайджана, В.Н.Левиатов отмечает наблюдаемую между ними резкую разницу. Неслучайно внимание автора привлекли указы Петра I о развитии шелководства, рыболовства, добыче и транспортировке нефти и т.д., свидетельствующие о далекоидущих планах России, стремившейся к широкому использованию природных богатств Азербайджана. Особый интерес вызывают упоминаемые в работе указы Петра I, обязывающие русских начальников прикаспийских областей принимать всех перебежчиков из областей, подвластных Турции.³⁶

Совершенно противоположной и удручающей рисует В.Н.Левиатов картину на той части территории Азербайджана, которая находилась под управлением Турции. Обложение населения тяжелыми налогами, преследование лиц за приверженность России – все это характеризует, по мнению автора, режим Турции в завоеванных ею областях.³⁷

На наш взгляд, такой подбор и расклад данных В.Н.Левиатовым служит цели доказать, что российский гнёт в прикаспийских областях был «мягким и заботливым», что и предопределило, якобы, благосклонное отношение азербайджанского населения к России. Автор не видит в осуществлении указанных мероприятий русских властей и русского командования в Азербайджане удовлетворение, прежде всего собственных интересов. Именно они, а не заинтересованность в экономическом развитии Азербайджана и

тем более не забота о местном населении лежали в основе действий русских.

Таким образом, В.Н.Левиатов не дает должную оценку меркантильной политике России в данном регионе. Принимая на веру сообщение командующего русскими войсками и управляющего делами в прикаспийских провинциях князя В.В.Долгорукова и исходя из фактов, изложенных в его доносении, автор делает вывод о благорасположении азербайджанского населения к России.³⁸ По мнению В.Н.Левиатова, для основной массы населения Азербайджана «русское подданство было более приемлемым, нежели подданство Турции».³⁹

Следует отметить, что позицию азербайджанских феодальных правителей, Азербайджана, вынужденно принявших правление Долгорукова после подписания в 1724 г. Стамбульского договора, В.Н.Левиатов преподносит как отношение всего азербайджанского населения. Более того, отдельные обращения к России за помощью автор преподносит, как желание принять русское подданство. Он сильно преувеличивает степень развития здесь прорусской ориентации и вновь игнорирует коварство политики России, которая всеми способами стремилась усилить свое влияние в регионе. Складывается впечатление, что азербайджанское население искренне желало вступить в русское подданство, чем и оправдывается завоевательное наступление русских войск.

Верно и последовательно представляя Азербайджан в первой половине XVIII в. ареной борьбы между Ираном, Турцией и Россией, В.Н.Левиатов, вместе с тем, утверждает, что для враждебного отношения населения Азербайджана к России не было никаких оснований, обосновывая это давними связями с русскими купцами, уменьшением количества налогов и упорядочением их взимания в период пребывания русских в прикаспийских областях (1722-1735 гг.).⁴⁰ При этом автор оставляет в тени корыстность и коварство

интересов самой России. Мысль о доброжелательном отношении народных масс Азербайджана к России является доминирующей в работе. Но данное положение звучит неубедительно, так как не подтверждается весомым и надежным фактическим материалом.

В работе уделено большое внимание такому значительному моменту в политической жизни Азербайджана, как объединительная деятельность Фатали хана Губинского.⁴¹ При рассмотрении последней В.Н.Левиатов считает русскую ориентацию этого видного государственного деятеля Азербайджана XVIII века опорным стержнем в борьбе с его врагами. Автор справедливо акцентирует внимание на том факте, что союзнические отношения с российским правительством «были установлены Фатали-ханом для того, чтобы усилить себя».⁴² Стремясь более выпукло показать данную цель губинского правителя он подчеркивает даже отказ Фатали хана настояниям турецкого двора выступить против России.⁴³ Более того, автор рассматривает союзнические отношения Фатали хана с Россией, как одну из причин выступления против него дагестанских правителей в Гавдушанской битве (1774 г.).⁴⁴ Известно, что деятельность Фатали хана Губинского, объединившего вокруг Губинского ханства многие земли северо-восточного Азербайджана, вызывала зависть и недовольство остальных правителей, каждый из которых стремился быть выше другого, почему и шла между ними постоянная междоусобная борьба. Битва на Гавдушанской равнине относится к одной из таких междоусобных войн.

В работе В.Н.Левиатова ясно изложена политика России по отношению к Фатали хану Губинскому. Давая должную оценку помощи, оказанной в 1775 г. русскими войсками во главе с де Медемом Фатали хану как в борьбе с дагестанскими владетелями, так и в восстановлении власти и возвращении отошедших земель,⁴⁵ автор в то же время прослеживает политическую линию, которой в действительно-

сти придерживалось правительство Екатерины II по отношению к Фатали хану и которую красноречиво раскрывают приведенные в работе рескрипты Екатерины II. Именно в них обнаруживается двойственность это политики: с одной стороны, желание Екатерины II «укрепить Фатали-хана в его доброжелательном отношении к России», а с другой – ее опасение по поводу «такого усиления Фатали-хана, которое позволило б создать значительное по размерам и сильное государство, находящееся в непосредственной близости к границам России». ⁴⁶ Продолжая мысль автора добавим, что стремление России воспрепятствовать Фатали хану ещё более усиливалось в связи с тем, что указанное государство было бы мусульманским, а это противоречило планам российского советника по восточным делам Г.А.Потёмкина, стремившегося к созданию христианского буферного государства в данном регионе.

Отдавая должное В.Н.Левиатову, следует отметить, что он правильно определяет и позицию Фатали хана, как правителя независимого государства. Хотя ряд фактов характеризуют Фатали хана как послушного исполнителя политических указаний российского правительства, ⁴⁷ к числу которых можно отнести и выгодное для русского купечества торговое обязательство, подписанное между графом Войновичем и Фатали ханом (1782 г.), ⁴⁸ однако, при этом подчеркивается, что Фатали хан «не желал терять своей самостоятельности». ⁴⁹ Даже отмечая влияние принятия Грузии под русское покровительство (1783 г.) и констатируя обращения Фатали хана к России в 1786, 1787 годах с аналогичной просьбой, автор высказывает мнение, что Фатали хану «нужна была политическая и военная поддержка России, но присоединять свои владения к России он не собирался». ⁵⁰

Характеризуя сложившуюся внешнеполитическую обстановку в Азербайджане в 90-х гг. XVIII в., автор, с одной стороны, на основе приведенных рескриптов Екатерины II

показывает активизацию политики российского правительства в отношении азербайджанских ханств, а с другой – угрозу самостоятельности азербайджанских ханств со стороны иранского правителя Ага Мухаммеда Гаджара.

В обращениях ряда азербайджанских ханов к генералу Гудовичу в 1792 году⁵¹ автор видит их стремление через вступление в подданство России защитить свои владения от разорений и грабежа, сопровождавшие обычно иранские нашествия. Отмечая эту позицию большинства азербайджанских ханов, в то же время В.Н.Левиатов справедливо отмечает, что их политика по отношению к России носила колеблющийся характер, что предопределялось неуверенностью азербайджанских ханов в сохранении их власти во внутреннем управлении.⁵² Однако автор ограничивается лишь общими фразами, не вдаваясь в подробный анализ событий и фактов, что не позволило ему раскрыть все перипетии азербайджано-русских отношений в конце XVIII – нач. XIX вв., в частности – политики азербайджанских ханов.

Лавирование большинства из них, наблюдаемое в указанный период и выраженное в обращениях отдельных правителей к русским властям за помощью против иранских захватчиков исключительно в целях сохранения власти, В.Н.Левиатов выдает якобы за их искреннее стремление вступить в русское подданство. Не только не раскрывается подлинная причина изменчивой политики некоторых азербайджанских ханов, но и игнорируется враждебные отношения значительной их части к России. Вне поля зрения остается гибкая политика российского правительства, направленная на формирование русской ориентации среди азербайджанских ханов. Последние, поверив обещаниям русского правительства и обращаясь к России, надеялись на сохранение своей власти. В то же время их такая позиция вовсе не значит, что они безоговорочно сдаются на милость России. Даже перед военной мощью Российской империи ханства отстаивали своё право на внутреннюю самостоя-

тельность.

В.Н.Левиатов, как и его предшественники, рассматривает предпринятый в 1796 г. поход русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан как ответный шаг России на нашествие Ага Мухаммеда Гаджара в Гарабах и Грузию. Однако, совершенно очевидно, что поход Гаджара был использован Россией в качестве предлога, ускорившего осуществление его давно задуманных планов относительно данного региона. Сопrotивление русским войскам в Дербенте автор не желает признавать проявлением враждебной реакции местного населения на захватнические действия русских. В работе игнорируется завоевательный характер данного похода. Именно поэтому автор трактует результат борьбы за город не как подавление захватчиками сопротивления защитников города, а как победу сторонников русской ориентации над её противниками. Так, автор пишет: «Под давлением городского населения, настоятельно требовавшего сдачи города, Шейх-Али-хан вынужден был сделать это».⁵³ Как видим, автор вновь находится под влиянием источника и, проводя доминирующую линию о доброжелательном отношении азербайджанского населения к России, безуспешно пытается доказать существование противостояния между городским населением Дербента и его правителем, что для того времени не соответствовало действительности. Как было отмечено, в этом походе русские войска без боя заняли ряд городов Азербайджана, однако это вовсе не означало, что в них не было антирусских настроений. Сопrotивление же в Дербенте ещё раз свидетельствовало о существовании и антирусской ориентации в Азербайджане. В любом случае решающим фактором являлось то, что Россия действовала с позиции силы.

Стремясь объяснить действия русских войск, и в частности выполнение ими повеления российского правительства об обеспечении личной и имущественной неприкосновенности мирного населения, благородными побуждениями,

В.Н.Левиатов подчеркивает, что «гарантии личной и имущественной безопасности, обеспечение свободного отправления религиозных обрядов – этот порядок вещей действительно располагал к России». ⁵⁴ По мнению автора, русское правительство предстает перед нами заботливым и гуманным. Отсюда, он не выпячивает в указанных действиях русских войск отражение исключительно умелой и хитрой политики правительства Екатерины II.

Вместе с тем, автор прав, когда показывает обусловленность отношения ханов к России только политическими интересами. В связи с этим внимание заслуживает факт обращения Ибрагим хана Гарабахского к Зубову, несмотря на то, что «месяцем раньше боялся ввода российских войск в Карабаг». ⁵⁵ В.Н.Левиатов считает данное действие гарабахского хана правильным выбором, который он сделал в условиях опасности вторжения Ага Мухаммеда, ⁵⁶ хотя и до конца не раскрывает глубокие мотивы данного обращения.

Определяя последствия похода русских войск во главе с В.Зубовым для Азербайджана, В.Н.Левиатов останавливается на тех моментах в период их пребывания, которые как он считает, несомненно, способствовали склонению более широких слоев азербайджанского населения на сторону России. По его мнению, те факты, что «в целом российские войска даже не затронули хозяйственных основ народной жизни», а приобретение русской армией у населения продовольствия, фуража, вьючного скота осуществлялось «за наличный расчет серебром», естественно должны были сыграть в пользу русских. Более того, В.Н.Левиатов подчеркивает, что в основе тяготения широких слоев азербайджанского народа к России лежало сравнение между правилами порядка, имевшими место в российской армии, и разорениями, разграблениями и насилиями войск Надир-шаха и Ага-Мухаммед шаха. ⁵⁷

Идеологизированную обоснованность вышеуказанных положений В.Левиатова и остальных исследователей ярко

демонстрируют работы, изданные на рубеже XX-XXI веков, в которых не только можно встретить факты о бесчинствовании русских в период пребывания их в Азербайджане, в частности в Баку,⁵⁸ но и найти глубокий анализ вопросов, связанных с непоправимым уроном, нанесенном ими как территории, так и населению, в особенности – Губинской области.⁵⁹

Таким образом, пытаясь обойти стороной, вопрос о том, что действия русских войск были продиктованы интересами, прежде всего, Российской империи, представляя их в качестве заботливых попечителей, а не проводников хищнической политики русского правительства, В.Н.Левиатов грешит против истины и пытается, как бы оправдать завоевательный характер данного похода мнимым доброжелательным отношением широких народных масс Азербайджана к России. В работе затушевываются захватнические действия России, и выпячиваются бесчинства иранских войск.

В.Н.Левиатов стремится показать дальнейшее развитие прорусских настроений у ряда азербайджанских ханов и после похода В.Зубова. В подтверждение он приводит факты обращения к русскому двору Ибрагим хана Гарабахского, Шейхали хана Губинского (1798), бакинского, лянкяранского и других ханов (1800 г.) с просьбой о принятии их в подданство России.⁶⁰ В то же время автор констатирует факт отправки некоторыми азербайджанскими ханами и к новому иранскому правителю Фатали шаху «послов с подарками, поздравлениями по поводу восшествия на иранский престол и просьбами не оставить их покровительством»,⁶¹ но при этом не раскрывает мотивы их обращения, тогда как причиной являлось стремление обезопасить свои ханства перед угрозой очередного нашествия со стороны Ирана.

Лавирование азербайджанских ханов неприемлемо для В.Н.Левиатова, в то время как такое поведение вполне характерно для феодального правителя, стремившегося любой

ценой сохранить свою власть и не желавшего терять независимость. Автор ошибочно интерпретирует вышеотмеченные обращения азербайджанских ханств к России как их искреннюю приверженность к ней. Подтверждение мы находим и в его точке зрения о том, что «дипломатические сношения владетелей ханств Азербайджана с Россией и акты вступления в подданство императора Павла I содействовали сближению между Азербайджаном и Россией и подготавливали присоединение к России, осуществившееся в начале XIX века».⁶²

Одним из переломных моментов в историческом развитии нерусских народов бывшего СССР правомерно считается завоевание их Россией. Поэтому вопрос о характере «присоединения» Южного Кавказа к России, исторических результатах этого события и оценке его значения относится к числу дискуссионных вопросов исторической науки, как рассматриваемого времени, так и в последующие годы. Хотя в работе В.Н.Левиатова не освещается сам процесс завоевания Азербайджана Россией, тем не менее, автор пытается подойти к выяснению истоков, значимости вышеуказанного исторического события.

Следует подчеркнуть, что объективный анализ высказанных суждений и сопоставление ранних тенденций позволили азербайджанским учёным конца 80-90-х гг. XX века выработать уже утвердившуюся сегодня в исторической литературе концепцию о завоевании Северного Азербайджана Россией в первой трети XIX века. И в этом смысле точка зрения В.Н.Левиатова заслуживает внимания.

Подчеркивая историческую обусловленность вхождения северо-азербайджанских ханств в состав России,⁶³ В.Н.Левиатов приходит к неверному выводу о том, что в сложившейся обстановке у Северного Азербайджана не было альтернативы исторического развития и заявляет: «... в той реальной исторической обстановке, в которой находились ханства Азербайджана в исходе XVIII столетия, наи-

более благополучным выходом из беспросветного внутреннего положения и угроз с юга со стороны погрязших в средневековом застое Ирана и Турции являлось присоединение к России». ⁶⁴ Таким образом, ошибочной теории своих предшественников о завоевании Северного Азербайджана Россией, кратко сформулированной, как акт «наименьшего зла», В.Н.Левиатов противопоставляет не менее ошибочную, считая его «благополучным выходом». При этом игнорируются тяжелые последствия для азербайджанского народа ликвидации со стороны России в Северном Азербайджане такой формы государственности, как ханства. В.Н.Левиатов считает завоевание Северного Азербайджана Россией наиболее благополучным выходом, хотя общеизвестно, что в составе России азербайджанский народ подвергся реакционным методам колониального управления и жестким формам обращения со стороны русского царизма.

Идя дальше в раздувании положительных сторон вхождения Северного Азербайджана в состав России, В.Н.Левиатов подчеркивает, что «это был единственный прогрессивный выход из условий как внутреннего, так и внешнеполитического положения, в котором находился Азербайджан». ⁶⁵ Данный исторический акт не мог быть «прогрессивным выходом» для народа, как из-за колонизаторской политики русского царизма, так и в силу того, что азербайджанский народ оказался разделенным на две части, потерял государственность и т.д.

В целом, работа В.Н.Левиатова внесла существенный вклад в разработку проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. Она входит в число первых работ, где на основе первоисточников, большей частью опубликованных, вопросы указанной проблемы получили свое наиболее широкое отражение. Вместе с тем следует отметить, что отсутствие в ней глубокого анализа и мотивации тех или иных действий азербайджанских ханов, не совсем точное и полное освещение ряда событий и другие недоче-

ты, очевидно, объясняются, прежде всего, слабостью документальной базы. Следует учесть то обстоятельство, что труд В.Н.Левиатова был подготовлен и издан в конце 40-х годов, когда немало важных исторических документов, имеющих непосредственное отношение к интересующей нас проблеме, ещё не были введены в научный обиход. Последнее, а также тот факт, что В.Н.Левиатов писал в духе своего времени, отдавая предпочтение позитивным сторонам азербайджано-русских взаимоотношений указанного периода, значительно снижают историографическую ценность данной работы. При этом следует констатировать, что хотя последующие историки также писали согласно запросам советской эпохи, тем не менее, их исследовательские работы доказывают, что использование богатого фактического материала, содержащегося в архивных документах, позволило внести ясность и обстоятельнее осветить те или иные аспекты рассматриваемой темы и тем самым создать более полную и более целостную картину азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв.

В 1948 г. была опубликована историографическая работа Ц.П.Агаян о выдающемся азербайджанском историке А.Бакиханове.⁶⁶ Но перед тем как осветить его биографию, жизнь и деятельность, Ц.П.Агаян кратко характеризует состояние Азербайджана в XVIII – нач. XIX вв., выделяет вопрос о русской ориентации.

Также как и предыдущие авторы, Ц.П.Агаян уделяет внимание прикаспийскому походу, верно определяет преследуемые Петром I задачи, заключавшиеся в его намерении «овладеть Баку, основать при устье Куры большой торговый город, и ... через Астрабад завести торговые сношения с Индией».⁶⁷ Более того, Ц.П.Агаян считает осуществление этого похода успехом России. Однако его негативные последствия, тяжело отразившиеся на дальнейшей судьбе азербайджанского народа, остались вне поля зрения автора. Именно этот «успех» России явился началом ее колониза-

торской политики на Южном Кавказе.

В работе отсутствует анализ отношений азербайджанских ханств с Россией, не дана оценка действиям азербайджанских ханов, не раскрыта двойственная политика русского правительства в отношении азербайджанских ханств и многие другие вопросы, и при этом Ц.П.Агаян необоснованно утверждает: «Русский царизм, начиная с Екатерины II, взяв под своё покровительство ханов и беков, усилил своё влияние в Азербайджане. В результате не только в Грузии и Армении, но и в азербайджанских ханствах в конце XVIII в. чувствовалось большое тяготение к России».⁶⁸ Автор не только не подтверждает документально последнее, но и, как видим, мнимую российскую ориентацию азербайджанцев объясняет, якобы, попечительской заботой русского правительства об азербайджанских ханствах.

Ц.П.Агаян, не ставя перед собой цель, изучить отношения азербайджанских ханств с Россией, вместе с тем считает нужным привести факты отправки Ибрагимхалил ханом Гарабахским к командующему русских войск В.Зубову специальной депутации с предложением своих услуг и торжественного приёма сына гарабахского хана в лагере В.Зубова, указать на обращения других ханов к русскому двору с просьбой о подданстве,⁶⁹ опять – таки с единственным намерением представить азербайджанских ханов последовательными сторонниками русской ориентации. А семью Бакихановых Ц.П.Агаян ставит во главе сторонников русской ориентации в Губинском и Бакинском ханствах.⁷⁰ В работе не дается политическая мотивация указанных обращений азербайджанских ханов к России, всячески затушевывается колонизаторская сущность политики России в отношении них. Вместе с тем автор подчеркивает, что «русские генералы принимали всевозможные меры для занятия новых территорий в Закавказье»,⁷¹ что подводит к мысли об экспансионистских планах России в данном регионе, но даже эти действия, как пытается убедить читателя Ц.П.Агаян,

по его мнению, отвечали российской настроенности азербайджанского населения.

Автор остается верен себе, представив в работе один из рапортов ярого проводника политики царизма на Южном Кавказе Цицианова, в котором названа надуманная цель его военных действий по захвату азербайджанских ханств, заключавшаяся, якобы, в принятии азербайджанских ханов под российское покровительство.⁷² Этот документ ясно показывает, с одной стороны, колонизаторскую сущность политики русского царизма и его далекоидущие планы. Однако, на наш взгляд, автор стремится выдать указанную цель за истинную и показать Россию в благородном свете. Неслучайно, из отрывочного изложения отдельных событий периода первой русско-иранской войны (1804-1813 гг.) складывается впечатление, будто русские, ведя борьбу против захватнических действий иранских войск, защищали азербайджанские ханства. Так, констатируя вторжение иранских войск в 1805 г. в Гарабах и осаду ими крепости Шуша, Ц.П.Агаян выставляет русский отряд Карягина победителем, который вышел из окружения с помощью местных добровольцев.⁷³

Следует напомнить, что в своей предыдущей статье Ц.П.Агаян стоял на позиции «наименьшего зла»,⁷⁴ оправдывая «добровольный выбор» азербайджанскими ханствами «присоединения» к России её прогрессивностью и игнорируя факт разделения Азербайджана и завоевания его северной части царской Россией в первой трети XIX в.⁷⁵

В рассматриваемой же работе Ц.П.Агаян пошел ещё дальше в своем цинизме и выдвинул положение о невозможности самостоятельного существования Азербайджана. Он утверждает, что присоединение Северного Азербайджана к России «несравненно было выгоднее чем-то, при котором народы Закавказья находились бы под гнётом персидского или турецкого деспотизма», хотя, как вынужден признаться, автор, «царская Россия – правительство помещиков

и дворян – подобно многим другим краям колонизировало Азербайджан в целях порабощения и ограбления».⁷⁶

Ц.П.Агаяну, также как и его предшественникам, следовало учесть, что отрицательные последствия завоевания Северного Азербайджана Россией были настолько тяжелы, что применяемые ими в угоду советской идеологии выражения «наименьшее зло», «прогрессивный единственный выход», «наиболее выгодный вариант» не только неуместны и несправедливы, но и совершенно далеки от определения подлинной сути этого исторического события и его чудовищной роли в судьбе азербайджанского народа. Кроме того, к началу XIX в. уровень развития России не так уж разительно отличался от уровня развития Азербайджана. Обе страны, также как Иран и Турция, находились на стадии позднего феодализма. Единственно заметным преимуществом у России, где существовало редкое для того времени крепостное право, было наличие здесь сильной абсолютистской и централизованной монархии, а также военная мощь. Так уж сложилось исторически, что пробуждение колонизаторских устремлений России на Кавказ застало Азербайджан раздробленным на ханства. Россия действовала с позиции силы, а не прогрессивности.

Вместе с тем следует отметить, что в историографии 40-х годов есть работы, в которых авторы ограничиваются лишь фактом завоевания Северного Азербайджана Россией, почти не оценивая его исторические последствия, или же встречаются такие однобокие констатации того, что с присоединением к России были прекращены феодальные междоусобицы среди азербайджанских ханов, была ликвидирована опасность вторжения Ирана и Турции, а также то, что Южный Кавказ попал под влияние передовой русской культуры.

Как мы уже отметили, в изучении проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. необходимо подчеркнуть особую значимость послевоенного периода,

так как именно в это время азербайджанские историки сделали первые серьёзные шаги. Наряду с этим в общесоюзной историографии 40-х годов (т.е. бывшего СССР), где рассматривались вопросы внешней политики России в XIX в., уделялось больше внимания русско-армянским и русско-грузинским отношениям; русско-азербайджанские же отношения XVIII века не получили в них должного освещения. Более того, они в основном рассматривались в ракурсе русско-иранских отношений.⁷⁷

Некоторый интерес для нас представляет изданная в это время статья А.З.Ионисиани,⁷⁸ в которой отражается политика России в отношении мусульманских народов Кавказа в исследуемый нами период, в целом. Рассматривая условия утверждения русского владычества на Кавказе после подписания Гюлистанского мирного договора, автор на основе доверительных, по его мнению, донесений главнокомандующего русской армии генерала Ермолова показывает отношение мусульманских ханов на Кавказе к России и, в частности, бежавших в Иран шемахинского, дербентского, гарабахского правителей. Последние, естественно, представляются агентами Турции и Ирана, «которые должны были не столько служить обороне этих стран, сколько быть авангардом при согласованном нападении Турции и Ирана на Россию с целью ликвидации кавказской линии».⁷⁹

А.Ионисиани осудительно относится к борьбе азербайджанских ханов против захватнических действий России и с пафосом превозносит героическое сражение русских воинов.⁸⁰

В статье остро ощущается неприятие автором политики лавирования многих ханов, «изъявивших покорность и поклявшихся в верности царю», но «продолжавших свою прежнюю подрывную работу», подстрекая людей подняться против русских.⁸¹ Он утверждает, что ханы придерживались протурецкой и проиранской направленности и пытается изложить причины этого. А.Ионисиани отчасти справедливо

подчеркивает, что боязнь правителей потерять свою политическую независимость, власть над крестьянами, «свободу» лежала в основе недоверия их к русским чиновникам, за каждым действием которых они видели «коварное вероломство». ⁸² В статье не только не оправдываются указанные мотивы действий ханов, но и игнорируются те факты, что именно намерения отстоять независимость своих ханств и определяли проводимую большинством правителей политику лавирования между Россией и Ираном в конце XVIII – нач. XIX вв., и что, как показали последующие исторические события, опасения их по поводу коварства и вероломства России полностью подтвердились. Следовательно, осуждение их политики и действий в данном случае неуместно. Автор предвзято интерпретирует факты о связях с иранским двором лянкяранского, ⁸³ гарабахского ⁸⁴ ханов, якобы ранее хранивших верность России, а также Шейхали хана Губинского и помогавшего ему шемахинского хана. Последний, как пишет автор, в 1896 г. бежал в Турцию, а после 1806 г. просил покровительства русских властей. ⁸⁵

Автор неслучайно выпячивает реакцию русских военных кругов на изменническое, по их мнению, поведение ханов. Констатируя наделение некоторых азербайджанских правителей чинами русской военной службы, ⁸⁶ он пытается усилить показ в неприглядном свете отношения ханов к России.

В свою очередь А.Ионисиани выделяет якобы «в значительно меньшей степени враждебное отношение» к русским со стороны зажиточного мусульманского крестьянства. Приведя в качестве примера его бесправное положение в Иреванском ханстве, он как бы стремится сконцентрировать внимание на жестокости ханского режима и этим объясняет вышеуказанное отношение мусульманского крестьянства к русским. ⁸⁷

Наряду с дифференцированным отношением к русским со стороны ханов и крестьянства в статье мы находим

и противопоставление христианских народов Кавказа мусульманским. Автор справедливо и объективно констатирует, что «христианские народы Кавказа... в большей степени тяготели к России и, как могли содействовали успехам русского оружия на Ближнем Востоке и на подступах к Закавказью».⁸⁸ Вместе с тем, будучи сам христианином (грузином), он утрирует тяжесть положения христианских народов в мусульманском мире,⁸⁹ чтобы тем самым оправдать их союзнические отношения с русскими и поддержку захватнических действий царизма.

В то же время А.Ионисиани даёт объективную оценку политике царского правительства (после Гюлистанского договора – М.И.) по отношению к народам и в особенности – к мусульманским, характеризуя её «политикой населения утрашения и военного террора».⁹⁰ На наш взгляд, в целом, это и есть выражение сути колонизаторской политики царской России по отношению к азербайджанскому народу в XVIII – нач. XIX вв.

Уже в 50-х годах в русской историографии заметно повышается интерес, с одной стороны, к изучению экономических и политических связей народов Южного Кавказа с Россией, а с другой к истории внешней политики России XVIII – нач. XIX вв. По данным направления публикуется большое количество монографий и исследовательских статей. Разработанные в них отдельные аспекты проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. по существу легли в основу созданных в дальнейшем работ по истории Азербайджана указанного периода.

Историческая наука в Советском Азербайджане развивалась, как часть общесоюзной исторической науки (т.е. бывшего СССР – М.И.). Проследивая развитие исторической науки в Азербайджане с начала XIX до последних десятилетий XX века, академик А.С.Сумбатзаде отмечает возрастание в послевоенные десятилетия положительного влияния общесоюзной исторической науки на развитие ис-

торической науки в Советском Азербайджане, что имело особое значение в деле подготовки национальных кадров историков, в частности азербайджанцев.⁹¹

Однако важно учесть, что именно в этот период идёт чрезмерная политизация общественных наук, и в том числе исторической. Начавшаяся в 40-х годах тенденция зависимости науки от партийной идеологии не только не пошла на убыль, но ещё более закрепилась, и дала толчок к тому пониманию вопросов исторической науки, включая историю Азербайджана, которое оставалось до середины 80-х годов XX века. В частности, при разработке вопросов «присоединения» нерусских народов к России ученые в национальных республиках бывшего СССР подвергались давлению со стороны центра, чем и объяснялась скованность исследователей при освещении исторических событий. Азербайджанские историки не составили исключения. Это и понятно: пытаясь завуалировать факт завоевания северного Азербайджана Россией, центр требовал от местных учёных признания в работах якобы добровольного «присоединения» к России и прогрессивного значения данного исторического акта. И на этом пути руководство бывшего СССР не терпело никаких отклонений и отказов. Отсюда и строгое исполнение как региональными, так и всеми советскими исследователями в целом, заданного им социального заказа.

В 1951 г. была опубликована монография В.П.Лысцова,⁹² посвященная изучению социально-экономических и военно-политических предпосылок и целей прикаспийского похода Петра I. С самого начала отметим, что, как в названии работы, так и в ее содержании, поход Петра I в прикаспийские провинции неверно назван «персидским». Изучение причин и хода событий этого похода показывает, что данное утверждение ошибочно.

В.П.Лысцов прав, когда на основе богатого фактического материала, как опубликованного, так и архивного, показывает социальную направленность завоевательной поли-

тики Петра I, выраженной в стремлении удовлетворить, прежде всего, коренные интересы помещиков и купечества. Так же, как Ц.П.Агаян, он признает, что "цель завоевательной политики, проводимой русским царизмом в интересах помещиков и буржуазии, заключалась в несправедливом захвате чужих земель и установлении колониального гнета над нерусскими народами".⁹³

В работе В.П.Лысцова наглядно определяется огромная и первостепенная значимость для России всего разнообразия богатств прикаспийских областей. Приведенные в ней данные, красноречиво свидетельствующие об отсутствии отечественного сырья для развития русской шелковой и хлопчатобумажной промышленности, и, наоборот, высоко развитом шелководстве и хлопчатобумажном производстве в прикаспийских областях, позволяют автору изложить цель прикаспийского похода – удовлетворить потребности России именно в тех видах сырья и материалов, которыми изобилует названный регион, включив прикаспийские провинции в состав России, как «наиболее простой и быстрый способ создания отечественной сырьевой базы» для русской промышленности.⁹⁴

В работе обстоятельно прослеживается, в какой мере связь России с восточными странами и оживление торговли на волжско-каспийском пути зависели от присоединения прикаспийских провинций к России. Поэтому неслучайно В.П.Лысцов отводит большое место мероприятиям царского правительства,⁹⁵ подчиненным главной задаче торговой политики – направить восточную торговлю по волжско-каспийскому пути и сделать Россию посредницей в торговле между Востоком и Европой.

Раскрывая экономические предпосылки прикаспийского похода, говоря о богатствах прикаспийских провинций, автор не признает их азербайджанскими. Он не выделяет роль и значение Азербайджана в планах Петра I, в которых важное место занимали именно его ресурсы. Азер-

байджанцы неверно представлены в работе то «тюрьками», то «персами». Прикаспийские же провинции Азербайджана, его города не отделяются от Ирана, подчас ошибочно изображаются как персидские,⁹⁶ что нашло отражение и в самом названии работы.

Одной из важнейших военно-политических предпосылок прикаспийского похода В.П.Лысцов убедительно называет необходимость укрепления обороны юго-восточных границ России. Автор последовательно и достаточно аргументировано прослеживает недопущение Россией утверждения Турции в Прикаспье, опасность которого стала вполне реальной «благодаря широкому развитию антииранского движения и протурецкой ориентации его руководителей».⁹⁷

По мнению В.П.Лысцова, все азербайджанские и дагестанские владельцы ориентировались на Турцию. Он пишет: «Протурецкая ориентация азербайджанских и дагестанских владельцев была обусловлена классовыми и национально-религиозными интересами феодалов-суннитов»,⁹⁸ далее: «Признавая верховную власть турецкого султана, дагестанские и азербайджанские владельцы отказывались от борьбы за политическую независимость и объективно выступали за переход Прикаспья из-под власти шахской Персии под власть султанской Турции».⁹⁹

Выше приведенные высказывания противоречат известному факту о том, что некоторые азербайджанские и дагестанские правители, в том числе и глава народно-освободительного движения Гаджи Давуд, в борьбе против иранского гнета, обратились сначала за помощью к России, которая, как известно, оставила это обращение без внимания.¹⁰⁰ Врядли В.П.Лысцов не знал об этом обстоятельстве. С его версией не соглашается и азербайджанский историк Т.Т.Мустафазаде, утверждавший, что «протурецкая ориентация Гаджи Давуда и его сторонников была обусловлена политическими конъюнктурными мотивами и конкретной

обстановкой».¹⁰¹

Автор вновь, неуместно переоценивает роль религиозного фактора, когда антииранское и антифеодальное движение, по его мнению, принимает «форму священной войны правоверных суннитов с еретиками – шиитами».¹⁰²

Очевидно, В.П.Лысцову выгодно было выдвинуть на передний план протурецкую настроенность азербайджанских и дагестанских владетелей, поскольку это служит оправданием вступления России в прикаспийские провинции в качестве, якобы, защитницы шахской власти и предлогом для осуществления давно вынашиваемых планов в указанном регионе. Подтверждение сказанному мы находим в выводе В.П.Лысцова о том, что «в сложившейся к 1722 г. в Персии военно-политической обстановке недопущение Турции в прикаспийские земли могло быть достигнуто только путем оккупации этих земель русскими войсками и передачи их в полное владение России».¹⁰³ Таким образом, В.П.Лысцов невольно обнажает завоевательный характер прикаспийского похода Петра I.

В работе получил свое отражение и вопрос об указанном ранее «Манифесте» Петра I, призывавшим жителей «не покидать своих домов при приближении русского войска».¹⁰⁴ В.П.Лысцов пишет, что «Манифест» был опубликован 15 июня 1722 г., в Астрахани на татарском (азербайджанском – М.И.), турецком и персидском языках.¹⁰⁵ Поскольку русские часто называли азербайджанцев татарами, так, очевидно, и В.П.Лысцов подразумевает под татарским языком азербайджанский. К слову, это же ошибочное утверждение можно встретить и в ряде других работ. Забегая вперед отметим, что более позднее исследование азербайджанским ученым Ф.М.Алиевым многочисленных документов позволило ему доказать в своей монографии, что «манифест был переведен на азербайджанский язык, издан и в нескольких экземплярах отправлен в Ширван и прикаспийские провинции».¹⁰⁶ Более того, помещая копию «Ма-

нифеста» на страницах своей книги, Ф.М.Алиев приходит к важному выводу, что он явился первым печатным документом на азербайджанском языке.¹⁰⁷

Говоря об отражении в «Манифесте» Петра I шемахинского инцидента¹⁰⁸ в качестве главной причины похода, завуалировавшей подлинные мотивы и цели политики Петра I, В.П.Лысцов показывает всю важность данного «Манифеста». Анализ военно-политической обстановки в Прикаспии позволил автору правильно определить истинную причину похода и ясно увидеть использование шемахинского инцидента лишь в качестве предлога для открытия русскими военных действий.¹⁰⁹

Красной нитью через весь сюжет книги проходит трактовка автором вопроса о протурецкой настроенности азербайджанцев, которых В.П.Лысцов выделяет среди южнокавказских народов, как предавших интересы России. В то же время, говоря об отношении местного населения прикаспийских провинций к русской армии, он противоречит самому себе и утверждает существование якобы доброжелательных отношений дербентских и бакинских жителей к русским и как бы стремится показать совпадение их интересов с интересами России в данном регионе.¹¹⁰ Складывается впечатление, что и в Дербенте, и в Баку шла борьба между двумя группировками феодальной знати¹¹¹ и стремится убедительно показать победу сторонников российской ориентации. Однако В.П.Лысцов не дает политическую мотивацию вышеуказанного отношения городских жителей к прибытию русских войск, хотя ему было известно, что часть феодальных правителей считала бессмысленным оказывать сопротивление превосходящим по силе русским войскам, а жители некоторых прикаспийских городов склонялись к признанию российской власти именно в результате осторожной, дальновидной и изощренной политики Петра I, нацеленной на завуалирование своих захватнических помыслов и представление русских в качестве якобы освободите-

лей от иранского порабощения.

А с другой стороны, показывая отношение русских властей к вышеотмеченной борьбе двух группировок в Баку, автор подчеркивает, что она послужила толчком к планируемой в 1722 г. бакинской экспедиции, которая, однако, ввиду климатических условий была отложена до весны 1723 г.¹¹²

Освещая события, связанные с взятием Баку русской эскадрой во главе с Матюшкиным, в частности – уделяя внимание радостной встрече Петром I известия о взятии Баку и присвоению Матюшкину за эту операцию звания генерал-лейтенанта,¹¹³ В.П.Лысцов раскрывает то важное значение, какое имел Баку для России. Более того, перечислением преимуществ города, (укрепленная крепость, морской порт, узел сухопутных дорог) обосновывается стремление Петра I усилить Баку как ключевую позицию на западном берегу Каспийского моря.¹¹⁴

На основе нескольких писем отдельных представителей феодальной знати к Петру I¹¹⁵ В.П.Лысцов приходит к необоснованному и обобщённому выводу о благожелательном отношении местного населения к русским войскам, в целом оставляя без внимания сопротивление крупных владетельных феодалов, – факт, который трудно отрицать. Более того, В.П.Лысцов упорно пытается скрыть то обстоятельство, что желание некоторой части местного населения вступить в российское покровительство является результатом введения их в заблуждение обещаниями Петра I, скрывшего истинные причины и цели похода. А ведь именно последним руководствовались и поручик А.Лопухов, отправленный с «Манифестом» в Дербент, Баку, Шемаху, и поручик Лунин, отправленный в Баку, и многие другие, которые, по мнению автора, должны были «внушать персам (азербайджанцам – М.И.), что русские войска присланы не для войны с ними, но для охранения их от «бунтовщиков», добиться от местных жителей благожелательного отноше-

ния к русским, убедить местных персидских правителей в необходимости ввода в подвластные им города русских гарнизонов».¹¹⁶

Наряду с вышеизложенным, следует отметить, что в целом в работе гораздо больше внимания уделяется отношениям армян и грузин с Россией,¹¹⁷ хотя характеризуемые в ней экономические и политические предпосылки прикаспийского похода требовали более глубокого анализа и широкого рассмотрения отношений между русскими и азербайджанцами, которых, как было уже сказано, В.П.Лысцов называет то «тюрьками», то «персами». К примеру, освещая русско-турецкие переговоры 1722-1723 гг. автор игнорирует вопрос о статусе азербайджанских земель, так как, по его утверждению, главную роль в этих переговорах играл вопрос о Грузии и лезгинских владениях.¹¹⁸

На наш взгляд, такая позиция В.П.Лысцова неслучайна. Приведенные в работе единичные факты, в частности отправка в 1724 г. императорской грамоты в ответ на просьбу армян Гарабаха о подданстве, указы и распоряжения русских властей¹¹⁹ свидетельствуют о стремлении царского правительства создать себе опору путём привлечения к себе христианского населения, особенно армян.

Попытки Петра I изменить религиозно-национальный состав населения прикаспийских провинций В.Лысцов как бы оправдывает тем, что азербайджанцы-мусульмане являются единоверцами Турции. Он убеждён, что меры Петра I по выселению азербайджанцев и поселению там христиан-единоверцев России преследовали цель ослабить турецкие позиции в данном регионе.¹²⁰ В работе неслучайно особое внимание уделено обращению Петра I к армянам с призывом переселиться в Баку, Гилян и другие прикаспийские земли.¹²¹

Излишне сконцентрировавшись на вопросе о конфессиональной принадлежности народов Южного Кавказа, автор не видит, что, по-сути, переселенческая политика

Петра I преследует цель создать здесь необходимые условия колониальной эксплуатации, причём не только азербайджанского, но и других народов региона. Политика христианизации представляет собой лишь составную часть колониальной политики царизма.

Как было отмечено, в работе несколько переоценивается роль вероисповедания во взаимоотношениях России с народами южнокавказского региона. Отсюда, на наш взгляд, оправдание вторжения русских войск в прикаспийские провинции, так как, по мнению В.Лысцова, национальный состав Прикаспия благоприятствовал турецкой агрессии, что, в свою очередь, создавало угрозу юго-восточным границам России.¹²²

В целом, противопоставляя азербайджанцев армянам и грузинам, автор пытается представить прикаспийский поход, как помощь России христианам-армянам и грузинам – в освобождении их от иранского и турецкого гнёта,¹²³ хотя очевидно, что Россия применяла здесь уже испытанный метод «разделяй и властвуй».

Таким образом, в работе не учитываются экономические факторы и сильно искажены политические расчёты государств.

Наконец, необоснованный вывод В.П.Лысцова в конце работы о том, что политика Петра I и действия русских в Прикаспии «содействовали оживлению освободительного движения закавказских народов и укреплению связей между Россией, Грузией и Арменией»¹²⁴ отчетливо подтверждает вышеуказанное положение. Автор не только затушевывает завоевательный характер прикаспийского похода, но и игнорирует его тяжкий след в судьбе азербайджанского народа, так как именно этот поход положил начало колониальному завоеванию Северного Азербайджана Россией, осуществлённому в первой трети XIX века.

Не избежал В.П.Лысцов ошибок, допущенных его предшественниками, и при освещении завоевания Северного

го Азербайджана Россией: он подошёл к этому вопросу с традиционной позиции «наименьшего зла» и не учел отрицательные последствия данного исторического акта.¹²⁵

Вместе с тем, ошибочные и недостаточно обоснованные утверждения В.П.Лысцова, связанные с отсутствием критического подхода к источникам, отрывом фактов от конкретной исторической обстановки, преподнесением исторических явлений и событий вне объективной связи и взаимозависимости, не умаляют важность его труда. Более того, если учесть, что все вышедшие до этого научного исследования монографии в основном охватывали европейскую политику России,¹²⁶ то можно понять значимость данной работы В.П.Лысцова, в которой рассматривается Прикаспийский поход Петра I – главное и важнейшее предприятие его восточной политики.

Как уже было отмечено, с начала 50-х годов XX в. вопрос о характере присоединения к России территорий, населенных нерусскими народами, подвергается широкому обсуждению в среде научной общественности. Появляются специальные монографии и научные статьи.¹²⁷ В освещение многих аспектов данной проблемы вносятся изменения. Перед азербайджанскими историками также была поставлена задача пересмотра позиции в ряде вопросов азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., в том числе и в вопросе о значении «присоединения» Северного Азербайджана к России. Ранее упоминаемый азербайджанский историк М.М.Алиев, посвятивший монографию историографическому изучению завоевания Северного Азербайджана Россией, глубоко исследовал корни концепции присоединения Северного Азербайджана к России, развитие и изменения её содержания и формы.¹²⁸ Научная разработка избранной нами проблемы историографического исследования азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. позволила прийти к идентичному выводу о том, что именно в 50-е годы XX в. была заложена основа нового подхода к во-

просу о «присоединении» Азербайджана к России. Однако он вновь был задан «сверху» центральными партийными органами, поскольку суть командно-административной системы советского режима осталась та же. Взятый по указке вышестоящих органов курс ярко запечатлелся в содержании доклада азербайджанского историка А.Н.Гулиева, прочитанного на научной сессии Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР в 1953 г. (3-7 марта), в котором обосновывается необходимость перестройки работы азербайджанских историков по изучению «экономических, политических и культурных связей азербайджанского народа с русским», пересмотра позиций в вопросе о значении присоединения Северного Азербайджана к России.¹²⁹

В 1952 г. в журнале «Вопросы истории» вышла статья Г.Г.Мехтиева «Историческое значение присоединения Азербайджана к России».¹³⁰

На фоне общей картины экономического застоя, отсталого хозяйства Азербайджана, экономической и политической раздробленности, порождавшей феодальные междоусобицы в Азербайджане в XVIII в. Г.Г.Мехтиев придает большое значение экономическим связям Азербайджана с Россией.¹³¹ Неслучайно в статье автора получил широкое отражение и вопрос о русской ориентации в Азербайджане. Г.Г.Мехтиев подчеркивает разницу в русской ориентации некоторой части феодальных владетелей Азербайджана и широких масс народа. Если первые, как он считает, «стремились сохранить видимость самостоятельности ханств, удержать в полном объёме свои привилегии», то вторые представляются последовательными сторонниками русской ориентации. Без глубокого анализа факторов, способствовавших формированию русской ориентации среди азербайджанских владетелей, не раскрывая её причины и мотивировку, Г.Г.Мехтиев ограничивается лишь упоминанием их имён, среди которых Фатали хан Губинский и визирь Гарабахского ханства Вагиф.¹³² На наш взгляд, автор как-бы

осуждает позицию феодальных правителей Азербайджана, русская ориентация которых, по его мнению, объяснялась корыстными интересами. Однако, оказавшись в центре переплетения корыстных интересов многих держав, в т.ч. и России, вряд ли феодальные владетели Азербайджана могли позволить себе бескорыстное к этим державам отношение. Данное поведение можно котировать как естественное для правителя, желавшего любой ценой сохранить свою власть и не подчиниться завоевателям, в том числе России. Утверждение же автора о последовательности русской ориентации народных масс Азербайджана является обобщенным и безосновательным. В этом отношении позиция Г.Г.Мехтиева является традиционной и ничем не отличавшейся от позиций историков советского времени, по мнению которых желание и действия низших слоёв определяют ход истории.

Говоря об усилении опасности порабощения Азербайджана со стороны Ирана в конце XVIII в. в связи с нашествием Ага Мухаммеда Гаджара на Азербайджан, автор, также как и почти все историки того периода, представляет поход русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан в 1796 г. ответным шагом России на вторжение иранских полчищ. Однако он серьёзно ошибается, когда рассматривает этот поход сугубо в качестве помощи, оказанной Азербайджану Россией и приходит к абсурдному выводу, что именно он спас Азербайджан «от окончательного разорения и порабощения, от новых зверств иранской армии Ага Мухаммед хана Каджара».¹³³

Таким образом, совершенно игнорируется тот факт, что вторжение иранских войск затрагивало собственно интересы самой России в данном регионе и, вступая на территорию Азербайджана, русские войска преследовали, прежде всего, свои захватнические цели. Подмена автором завоевательного характера указанного похода якобы благородными намерениями России свидетельствует не только об отсутствии научной объективности, но и показывает всю ту силу

давления, которую испытывали азербайджанские историки со стороны советского идеологического аппарата.

Автор, лишь упомянув об обращении некоторых азербайджанских ханов к России в последние годы XVIII в. с просьбой о покровительстве и не конкретизируя их имена, подводит нас к мысли о том, что будто в ответ на эти просьбы азербайджанских правителей и был организован названный поход, тогда как они явились всего лишь поводом для осуществления агрессивной акции России, а нашествие Ага Мухаммеда Гаджара, как было сказано ранее, его ускоряющим фактором.

Исходя из вышеизложенного, автор не смог определить роль похода В.Зубова в последующем завоевании Северного Азербайджана Россией в первой трети XIX в. Более того, явно преувеличивая масштабы русской ориентации, он доходит до того, что показывает превращение её к концу XVIII – нач. XIX вв. «в могучую силу, сыгравшую особенно важную роль в присоединении Азербайджана к России».¹³⁴ То есть Г.Г.Мехтиев, также как и почти все историки того времени, делает упор на якобы мирный характер присоединения азербайджанских ханств к России. Сопrotивление, оказанное русским войскам, он считает незначительным и исходящим «не от местного азербайджанского населения, а от прямых агентов Ирана».¹³⁵ И как доказательство, в статье приводится убийство генерала Цицианова в феврале 1806 г., которое, по мнению Г.Г.Мехтиева, является делом рук иранской агентуры.¹³⁶

Позиция Г.Г.Мехтиева о безоговорочной приверженности к России азербайджанских ханов не допускает наличие антирусской ориентации в Азербайджане, а тем более со стороны Гусейнгулу хана Бакинского, совершенно не принимая во внимание те враждебные отношения, которые сложились между ним и русскими властями.

Считая началом процесса присоединения Азербайджана к России аннексию Газаха и Шамшадиля, Г.Мехтиев

уделяет внимание подчинению остальных азербайджанских земель, в том числе Гянджинского, Гарабахского, Бакинско-го, Губинского и Лянкяранского ханств. Вместе с тем, не раскрывая суть договоров между некоторыми азербайджанскими ханами и Россией, подписанных в ходе русско-иранской войны (1804-1813 гг.), он выдает принудительное их заключение за искреннее и добровольное принятие азербайджанскими ханами русского подданства. Именно поэтому, признав захватнические цели Ирана и Турции в отношении Азербайджана и игнорируя таковые со стороны России, автор рассматривает развязанные ими войны против России в нач. XIX в. (1804-1813, 1826-1828, 1806-1812, 1828-1829 гг.), как противодействие якобы успешно осуществлявшемуся мирному присоединению азербайджанских ханств к России.

В статье освещается и вопрос о реакции местного населения на указанные войны. Не выяснив мотивы действий участвовавших в составе русской армии азербайджанцев, Г.Г.Мехтиев стремится определить значение этой «помощи» в присоединении Северного Азербайджана к России.¹³⁷ Создание нескольких азербайджанских конных отрядов, сформированных исключительно лицами из бекского сословия с целью сохранения имевшихся у них привилегий при ханском управлении, автор, явно преувеличивая их «помощь» России, приводит как свидетельство господства русской ориентации среди всего азербайджанского населения. Эту же цель автор преследует, когда говорит о созданных отрядах добровольцев из местного азербайджанского населения в период II русско-иранской войны (1826-1828 гг.), конных отрядах в Гарабахе, Ширване, Губе, Газахской и Шамшадильской дистанциях, сражавшихся совместно с русскими войсками против иранских захватчиков. А присоединение к русским войскам по пути к Тебризу 2 тыс. азербайджанских добровольцев и формирование в самом Тебризе 12 тыс. местных азербайджанских всадников,¹³⁸

помощь «деньгами, хлебом и вьючным скотом» Г.Г.Мехтиев рассматривает, как проявление тенденции значительной части населения Южного Азербайджана вступить под покровительство России. Данному положению автор как бы противопоставляет отсутствие поддержки азербайджанским народом действий бывших ханов, выступавших в период второй русско-иранской войны совместно с иранскими войсками.¹³⁹ Складывается впечатление, что автор осуждает стремление азербайджанских ханов к восстановлению независимости своих ханств и одобряет действия русских войск, не считая их захватническими. Отсюда и почти голословный тезис об отсутствии у азербайджанских правителей поддержки среди населения. Если даже допустить, что данный факт имел место, что не соответствует действительности, то его ни в коей мере нельзя объяснить прорусской ориентацией азербайджанского населения.

Г.Г.Мехтиев не дает должную оценку и значению для Азербайджана договоров, подписанных в результате окончания русско-иранских войн. Гюлистанский мирный договор между Россией и Ираном (12 октября 1813 г.) автор считает «крахом первой попытки Ирана захватить Северный Азербайджан и помешать присоединению его к России».¹⁴⁰ А причиной оставления Южного Азербайджана в составе Ирана он считает происки Англии. Таким образом, Г.Г.Мехтиев не только игнорирует завоевательный характер присоединения Северного Азербайджана к России, но и не признает главную роль России в разделении Азербайджана на две части, явившемся наитягчайшим последствием Турменчайского договора (10 февраля 1828 г.).

Следует отметить, что именно в это время был положен конец формуле «наименьшего зла» и Г.Г.Мехтиев наряду с другими историками стали относиться к завоеванию Северного Азербайджана Россией не только как к прогрессивному историческому событию, но, и находили в нём «единственный выход для ликвидации феодальной раздроб-

ленности, прекращения разбойничьих нашествий турецко-иранских завоевателей, для развития экономической и культурной жизни народа, способствуя приобщению азербайджанцев к передовой русской культуре и последующему их участию в революционной борьбе великого русского народа».¹⁴¹ Более того, забывая о реакционном содержании захватнических целей русского царизма, Г.Г.Мехтиев даже считает это «присоединение» добровольным вхождением Северного Азербайджана в состав России. Не скрывая, что Россия проводила жестокую колонизаторскую политику на территории Северного Азербайджана, автор, тем не менее, не учитывает этот факт, когда явно переоценивает отдельные положительные моменты указанного события, выдвигает их на передний план.

Как пишет упоминаемый нами азербайджанский историк М.М.Алиев, Г.Г.Мехтиев создал в лице России образ «спасительницы» и, стараясь любыми путями «возвысить значимость» присоединения, ограничился лишь формальным заклеиванием колониальной политики царизма.¹⁴²

Мнение Г.Г.Мехтиева и последующих исследователей о прогрессивном значении «присоединения» Северного Азербайджана к России исходило, как было отмечено ранее, из запросов советской эпохи. Отсюда, отсутствие в статье комплексного анализа данного процесса, заданная «сверху» тенденциозная его оценка. Кроме того, узкий круг источников и прежде всего документальных материалов не позволил Г.Г.Мехтиеву глубоко и последовательно проследить за социально-экономическим развитием Северного Азербайджана до завоевания его Россией. При проведении доминантной линии мнимого усиления русской ориентации в Азербайджане, автор не охватывает всю сложность и разносторонность отношений феодальных правителей и народных масс с Россией. Нет должного освещения антирусской ориентации. Да и русская ориентация недостаточно аргументирована. В статье не получили своего отражения ни

внутренние противоречия, ни столкновения противоположных интересов разных классов и социальных групп. Тем самым изложенное автором не соответствовало подлинному ходу исторического развития.

Выход в скором времени данной статьи в виде брошюры говорил не только о важности рассматриваемых Г.Мехтиевым вопросов, но и их злободневности, и в то же время, на наш взгляд, был очередным шагом в пропаганде традиций советского периода.

Следует подчеркнуть, что в 50-х годах наблюдается резкое изменение в постановке и разрешении узлового вопроса в комплексном изучении азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. – вопроса о русской ориентации в Азербайджане в начале XVIII в., в чём убеждают нас опубликованные статьи и монографии. Почти все историки этого времени, как и последующие (до середины 80-х гг.), ошибочно представляли, якобы, усиливавшуюся русскую ориентацию в Азербайджане в первой четверти XVIII в. в качестве катализатора в процессе присоединения Северного Азербайджана к России в первой трети XIX в. В этом отношении примечательна статья Р.Абрамяна,¹⁴³ в которой освещается вопрос усиления русской ориентации в Азербайджане в 20-х г. XVIII в. – период борьбы азербайджанского народа против турецких завоевателей. Автор показывает, якобы, дружественные связи южно-кавказских народов, проявленные в их совместной борьбе против турецких агрессоров и наиболее ярко продемонстрированные в Гянджинском сражении 1723 г. Вместе с тем, неправдоподобно звучит мнение автора о русской ориентации, как объединяющей силе этих связей, а тем более её стимулирующей роли в совместном выступлении против общего врага.

Кратко останавливаясь на прикаспийском походе Петра I в 1722 г. Р.Абрамян на основе писем гянджинцев Петру I подводит нас к мысли о том, насколько было сильно стремление и надежда этих жителей получить от России

помощь.¹⁴⁴ Однако, приводя ряд примеров героической защиты Гянджи, Р.Абрамян ошибается, когда возлагает на русские войска спасительную роль и приходит к необоснованному выводу о том, что «вдохновительницей гянджинцев, как и народов всего Закавказья: азербайджанцев, армян и грузин являлась окрыляющая их надеждой русская армия, шедшая на Закавказье, от которой они ожидали помощи и содействия».¹⁴⁵ Совершенно очевидно, что выступление против османской экспансии вовсе не означает поддержку российской захватнической политики. И надежда на помощь со стороны России никак не является «надеждой» быть ею завоеванной.

Как видим, автор отбрасывает экспансионистскую цель вступления русских войск в данный регион. Р.Абрамян следовало бы не выпускать из поля зрения тот факт, что, в конечном итоге, обращения южно-кавказских народов к России облегчили осуществление захватнического прикаспийского похода.

Р.Абрамян прав, когда доказывает несостоятельность утверждения В.П.Лысцова о стремлении почти всех азербайджанских владельцев перейти под власть Турции.¹⁴⁶ Вместе с тем, он не определяет чёткую и правильную мотивацию обращения некоторых феодальных владельцев к России. Кроме того, прибытия русских войск особенно ждали армяне. Именно в них русские стремились найти себе опору в данном регионе.

Вопрос об усилении русской ориентации в Азербайджане в нач. XVIII в. получил своё отражение и в статье П.Г.Арутюняна, опубликованной ещё в 1951 г.¹⁴⁷ Основные положения статьи легли и в основу работы автора, изданной уже в 1954 г.¹⁴⁸ П.Г.Арутюнян объективно подходит к вопросу о стремлении России и Турции утвердиться в Южном Кавказе. Однако, раскрывая всю сложность политики России в данном регионе, он глубоко ошибается, когда пишет, что одним из мотивов этой политики является оказание по-

мощи южнокавказским народам,¹⁴⁹ неоднократные обращения которых к русскому государству, также как и предыдущий автор, П.Г.Арутюнян пытается представить, как их собственную инициативу и тем самым стремится оправдать завоевательный характер прикаспийского похода Петра I. Пытаясь объяснить экспансионистскую политику идеальными побуждениями русского императора, автор не может понять, что эти обращения были лишь поводом для введения войск с целью достижения главной задачи России – укрепить позиции в Южном Кавказе и обезопасить южные границы.

Выступая против иранских и турецких историков П.Г.Арутюнян необоснованно указывает на доброжелательное отношение населения Азербайджана – «мусульман» к прикаспийскому походу Петра I. Во-первых, необходимо дифференцировать отношение населения, выделяя часть верхушки, которая благосклонно отнеслась к приходу русских войск, надеясь на сохранение своей власти; во-вторых, преувеличивая доброжелательное отношение «мусульман», автор неверно заключает, что все население Азербайджана «не только не выступало против русских, но и поддерживало их»,¹⁵⁰ начисто игнорируя сведения о сопротивлении населения приходу русских войск.

Более того, положение о поддержке русских со стороны населения Азербайджана П.Г.Арутюнян подкрепляет фактами непримиримой борьбы азербайджанцев против турецких захватчиков.¹⁵¹ Можно согласиться с мнением автора о том, что в непосредственных обращениях азербайджанцев (гянджинцев) к царю отчасти имела место надежда на русскую помощь.¹⁵²

П.Г.Арутюнян, подчеркивавший отражение в рассмотренных документах интересов, как феодалов, так и народных масс Гянджи, указывает, что общность этих интересов вытекает из прорусской ориентации, как первых, так и вторых.¹⁵³ Однако он неправильно трактует политические

события. В то время, как и те, и другие стремились получить от России лишь помощь в борьбе против турецких захватчиков, а что касается правящих классов, то трудно предположить, что они стремились к потере своей власти, отдавшись на милость России.

В статье звучит необоснованный вывод о широком движении в Азербайджане за присоединение к России в первой трети XVIII в., которое, по мнению П.Г.Арутюняна, сопровождалось антииранским и антитурецким движениями. Отсюда и ошибочное объяснение причины, якобы, отсутствия сопротивления русским войскам в прикаспийских областях «не военной слабостью населения, а его симпатиями к России».¹⁵⁴ П.Г.Арутюнян не учитывает тот факт, что обращение к России объяснялось лишь стремлением, не народных масс, – отдельных феодалов Азербайджана освободиться от иноземного ига, а не желанием присоединиться к России.

Исходя из своих позиций, П.Г.Арутюнян доказывает и ошибочность суждений по вопросу о русской ориентации в Азербайджане в начале XVIII в., встречающихся в «Очерках по истории Азербайджана»,¹⁵⁵ в работах И.П.Петрушевского¹⁵⁶ и В.П.Лысцова,¹⁵⁷ в которых «либо пытаются умалять значение этого факта, либо говорят о нём лишь мимоходом, поверхностно и самыми общими словами, не приводя конкретных данных, без всякого анализа происходивших событий».¹⁵⁸

Подобно Р.Абрамяну и последующим армянским историкам, П.Г.Арутюнян также стремится выдать особенное рвение армян к России за желание всего населения Азербайджана присоединиться к ней, что, естественно, не соответствовало исторической действительности.

Попытки П.Г.Арутюняна доказать охват движением за присоединение к России все более широких народных масс Азербайджана не убедительны.¹⁵⁹ Тем самым затушевывается экспансионистская сущность политики России и оста-

ются в тени экономические и политические интересы России в данном регионе. Тем более, что, как известно, экономические факторы и политические расчеты русского государства стояли выше религиозных интересов. Поэтому дальновидная умелая политика Петра I, одной из характерных черт которой явилось завуалирование подлинных целей, отчетливо проявившееся в его «Манифесте», была направлена на расположение к себе местного населения. Вместе с тем, очевидно, что исследователи сознательно скрывают взаимную заинтересованность армян и Российской империи: армяне играли для России роль «пятой колонны» в надежде получить от нее определение дивиденды в данном регионе; Россия же нуждалась здесь в поддержке армян для осуществления в крае колониальной политики. Являясь представителями армянского этноса, авторы пытаются скрыть неблагоприятную роль армян в этой кампании Петра I и с этой целью выдвигают обобщенное утверждение о российской помощи южнокавказским народам. Доминирование экономических и политических интересов над религиозными не противоречило стремлению Петра I найти себе опору в данном регионе именно в лице армян.

Более того, в трудах армянских исследователей отразились и давние необоснованные территориальные претензии армян. Чтобы усилить свои призывы о помощи, армяне в своих обращениях к России выдавали азербайджанские земли за исконно армянские. В частности, территории Гарабаха и Иревана они считали Восточной Арменией. Армянские же авторы не только не критиковали, а, наоборот, пытались даже оправдать их движение за присоединение к России.

П.Г.Арутюнян глубоко не прав, когда считает впервые исследуемые им документы о совместной борьбе армян и азербайджанцев против иранских и турецких захватчиков результатом движения обоих народов за присоединение к России. Если можно в некоторой степени согласиться, с

мнением П.Г.Арутюняна о наличии русской ориентации в Азербайджане в I четверти XVIII в., то совершенно беспочвенно положение о превращении её в мощный общественный фактор, о перерастании русской ориентации в движение за присоединение к России, охватившее якобы широкие народные массы Азербайджана.

Вслед за Г.Г.Мехтиевым вопрос о поведении населения Азербайджана в русско-иранских войнах нач. XIX века не раз привлекал внимание историков. Некоторые исследователи, как, например, М.Игамбердыев,¹⁶⁰ освещая ряд вопросов указанных русско-иранских войн, не преследовали непосредственно цель изучения вопроса об отношении народов Южного Кавказа, в том числе азербайджанского, к этим войнам, а в основном затрагивали его с точки зрения отношений между Россией и Ираном. Вместе с тем, даже рассматриваемые М.Игамбердыевым отдельные моменты якобы совместного с русскими «героического сопротивления» местного населения в ходе второй русско-иранской войны (1826-1828 гг.) ясно показывают не только схематичность изложения данного вопроса в изучаемый период. Не пытаясь разобраться в составе местных отрядов, активная помощь которых не раз гиперболизируется, автор считает необходимым подчеркнуть число награжденных среди представителей южнокавказских народов, в том числе азербайджанцев, за заслуги при взятии Гянджи (Елизаветполя) русскими.¹⁶¹

Сегодня уже известно, что в Гянджинской операции немаловажную роль сыграла предательская помощь русским со стороны армян. Однако в изучаемый период именно советско-партийная идеология определяла тенденциозный подход ко всем вопросам исторической науки в целом и отношений России с южнокавказскими народами, в частности. Поэтому было нецелесообразно облачить вышеназванные действия армян в отношении России – государства с единой с ними веры. Кроме того, поскольку, в конечном

счёте, в претворении захватнических планов России в указанном регионе религиозный фактор не играл решающей роли, то, на наш взгляд, М.Игамбердыев выдвигает на передний план совместную борьбу местного населения всего Южного Кавказа, несправедливо подменив предательскую сообщество прорусских армян с русскими «поддержкой» России всеми южнокавказскими народами, в том числе азербайджанским. В свою очередь, также как и почти все исследователи изучаемого периода, М.Игамбердыев отдельные факты создания по тем или иным соображениям представителями высшего сословия отрядов, выступавших на стороне русских войск, совершенно неправомерно пытается представить, как поддержку царизма всем населением Южного Кавказа.

Неслучайно М.Игамбердыев обращает внимание на восторженную встречу населением Нахчывана русских войск, так как, по его мнению, оно относилось к ним как к «освободителям» и «покровителям».¹⁶² Думается, в данном случае комментарии будут излишни.

Таким образом, даже указанные в работе единичные интерпретации фактов показывают созвучную со своим временем позицию М.Игамбердыева в отношении завоевания Южного Кавказа Россией в целом, и азербайджано-русских отношений в период второй русско-иранской войны, в частности.

Автор справедливо выделяет место Иреванской (Ереванской) операции в истории этой войны и подчеркивает значение ликвидации Иреванского ханства исключительно для России, так как «был уничтожен важный иранский аванпост на границах русских владений на Кавказе».¹⁶³ Отсутствие критического подхода к источникам и последовательная тенденциозность привели автора к субъективному и фактически одностороннему отражению как этой операции, так и, в целом, отношений азербайджанских ханов с Россией в ходе войны. Отсюда, пафосное восхваление русского

оружия и необоснованно предвзятая оценка позиции правителя и населения Иреванского ханства, уже не говоря о значимости потери ещё одним азербайджанским государством своей независимости, – факт, который автор сознательно обошёл вниманием.

Указав на неприступность Иреванской крепости, автор тем с большим пафосом описывает успешные действия русских войск и, наоборот, всячески подчеркивает беспомощность иреванского хана, который, по его представлению, фактически без борьбы сдался в плен.¹⁶⁴ Что касается местного населения, то здесь М.Игамбердыев не только ограничивается констатацией роли его активного участия «в относительно лёгкой победе русских войск»,¹⁶⁵ но и в очередной раз не упускает случая представить русских в благородном свете. Поэтому он подчеркивает, что «население, зная отношение русских солдат к народу, не оказало сопротивления».¹⁶⁶ А с другой стороны, очевидно, руководствуясь известным положением о решающей роли народных масс в истории, автор сознательно проводит дифференциацию в отношениях российского правительства к правителю и простому народу.

Безусловно, автор приписывает всем народам Южного Кавказа, в том числе азербайджанскому ориентацию на Россию с целью оправдать «присоединение» данного региона к России, явившееся итогом русско-иранских войн первой трети XIX века. Неслучайно М.Игамбердыев особо подчеркивает, что «исход кампании был предрешен героизмом русских солдат и борьбой народов Закавказья за своё национальное освобождение».¹⁶⁷ Игнорирование завоевательной политики царизма в Южном Кавказе, в том числе Северном Азербайджане, оправдание его завоевания прогрессивной ролью России – характерные признаки историографии советского периода, и позиция М.Игамбердыева, с этой точки зрения, не составила исключения.

Одной из работ, где вышерассматриваемый вопрос за-

нимал центральное место, явилась статья азербайджанского историка М.А.Исмайлова.¹⁶⁸ В отличие от некоторых исследователей, в том числе и М.Игамбердыева, затронувших его, как мы отметили, через призму русско-иранских отношений, в статье М.А.Исмайлова впервые обстоятельно изучен вопрос о борьбе азербайджанцев против шахского Ирана и султанской Турции. Подчеркивая важное политическое и научное значение этой борьбы, автор особо останавливается на тех эпизодах, которые свидетельствуют об участии азербайджанцев в рядах русских войск в период русско-иранских и русско-турецких войн первой трети XIX в. Так, он приводит примеры замены русских казаков, охранявших пограничные пункты, местными жителями.¹⁶⁹ Внимание автора привлекает и поведение казахов, которые не только отвергли требования наследника иранского шаха Аббаса-Мирзы о признании его власти, но и «организовав большой отряд, встретили врага с оружием в руках и разбили иранцев».¹⁷⁰

В статье приводятся также факты высокой оценки храбрости казахов со стороны главнокомандующего русскими войсками на Кавказе.¹⁷¹

Вышеизложенные, да и последующие факты представлены М.А.Исмайловым с целью показать значение «помощи», якобы оказанной азербайджанскими отрядами русским войскам в период первой русско-иранской войны. Позиция М.А.Исмайлова в данном вопросе не отличается от точки зрения предшественников, да и большинства последующих историков. Он также, во-первых, преувеличивает активность этой «помощи», а во-вторых, не определяя политическую мотивацию действий участвовавших в этих отрядах азербайджанцев, автор выдает их как преданных и верных союзников русского государства.

Преувеличение значение «помощи» со стороны азербайджанского населения России доходит до того, что автор считает её роль главной, наряду с «доблестью» русских

войск, в поражении иранских войск в военной кампании 1805-1811 гг.¹⁷²

Вместе с тем, следует указать отличительную черту данной работы, заключающуюся в том, что описывая сражения второй русско-иранской войны (1826-1828 гг.), в частности под Шамхором, у Гянджи, М.А.Исмаилов обращает внимание именно на храбрость находившейся в составе русских войск азербайджанской кавалерии, что, безусловно, мы не находим в предыдущих исследованиях.¹⁷³ Архивные документы позволили автору не только охарактеризовать, но даже указать число и имена некоторых награжденных азербайджанцев за проявленную преданность России в период сражений второй русско-иранской войны.

Вместе с тем, констатируя разведывательный характер «помощи» со стороны азербайджанцев русскому гарнизону в крепости Шуше в период второго нашествия войск Аббас Мирзы на Гарабах в мае 1826 г.,¹⁷⁴ М.А.Исмаилов показывает русские войска упорными защитниками крепости, тогда как иранские войска он считает захватчиками. Автор, безусловно, ошибается, когда представляет русские войска спасителями населения Азербайджана от угрозы иранского и турецкого порабощения, объясняя этим и обеспечение азербайджанцами русских войск продовольствием, и борьбу азербайджанских добровольческих отрядов на порученных стратегических постах, и активное их участие вместе с русскими войсками в изгнании бывших ханов, которые, по мнению М.А.Исмаилова, вновь стали бесчинствовать на территории своих прежних ханств. Указанные задачи, по его мнению, были успешно выполнены казахскими и шамшадильскими конными отрядами.¹⁷⁵

Таким образом, вслед за Г.Г.Мехтиевым, М.А.Исмаилов оправдывает захватнические действия русских и в то же время порицает поведение бывших азербайджанских ханов, стремившихся к восстановлению своей прежней власти; автор называет это бесчинством с их стороны. Выступление

же бекских конных отрядов с целью изгнания ханов могло объясняться и сугубо личными интересами и как уже было отмечено ранее, не выражало их искреннее желание быть под российским покровительством.

В статье показано усиление русской ориентации и при описании событий в Южном Азербайджане. В данном вопросе мнение М.А.Исмаилова совпадает с точкой зрения Г.Г.Мехтиева и других историков. Автор приводит архивные документы, свидетельствующие о тёплой встрече населением Южного Азербайджана русских войск, о продовольственном обеспечении их со стороны населения, а также о многочисленных делегациях к генералу Мадатову с просьбой о русском покровительстве и т.д.¹⁷⁶ Здесь, на наш взгляд, автор находится под влиянием источников, к которым следовало бы отнестись более критически. Такова же позиция автора и при описании взятия Тебриза. На основе выдержек из донесений русских генералов и сведений очевидцев автор говорит о желании населения сдать город, о его содействии русским войскам в захвате города.¹⁷⁷ Формирование в Тебризе 12-ти тысячного отряда из местных всадников, обещания азербайджанцев организовать в соседних областях восстания против иранского владычества, разоружение жителями Ардебиля иранских сарбазов (25 января 1828 года) и другие представленные в статье факты создают слишком преувеличенную картину активного содействия русским войскам. Пытаясь показать якобы искреннее стремление населения Южного Азербайджана принять русское покровительство,¹⁷⁸ М.А.Исмаилов и в этом случае игнорирует завоевательную суть действий русских войск.

В целом, М.А.Исмаилов ошибочно рассматривает участие азербайджанцев в составе русских войск, как один из решающих факторов победы России в русско-иранских и русско-турецких войнах первой трети XIX в. и в процессе завоевания Северного Азербайджана Россией. Хотя с точки зрения воинской умелости, храбрости и решительности вы-

ступления этих азербайджанских отрядов и заслуживают внимания, но, в конечном итоге, с одной стороны, их участие не играло никакой определяющей роли в завоевании Северного Азербайджана Россией, а с другой, – было на руку только захватническим действиям русских в сражениях с иранскими войсками.

Ошибочна и оценка М.А.Исмаиловым значения «присоединения» Северного Азербайджана к России. Также как и Г.Г.Мехтиев, он раскрывает лишь положительную роль указанного события в истории азербайджанского народа, игнорируя факты о произволе и жестокости царских колонизаторов. Избавление азербайджанского народа от опустошительных войн ирано-турецких захватчиков, ликвидация феодальной раздробленности, втягивание Азербайджана в русло экономического развития России, влияние передовой русской культуры – вот те основные моменты, которые определили, по мнению М.А.Исмаилова, якобы, прогрессивное значение «присоединения» Северного Азербайджана к России.¹⁷⁹

Идентична по этому вопросу и точка зрения академика А.С.Сумбатзаде.¹⁸⁰ Констатируя даты присоединения азербайджанских ханств к России (с 1801 по 1809 гг.), А.С.Сумбатзаде отмечает, что «столь форсированное и в основном добровольное присоединение северо-азербайджанских ханств к России до предела озлобило персидских захватчиков и стоявших за их спиной англо-французских колонизаторов».¹⁸¹ Как видим, автор игнорирует колониальный характер царской политики в целом и осуществление данного исторического акта в результате экспансии царской России – в частности. В то же время выпячиваются захватнические действия лишь со стороны Ирана.¹⁸² Последнее видно и из самого названия статьи. Представляя ряд документов, автор свидетельствует об огромном экономическом ущербе, причиненном населению Азербайджана в ходе первой русско-иранской войны, о грабежах, совершенных иранскими от-

рядами на территории Азербайджана.¹⁸³ Этому автор как бы противопоставляет факт поддержки местным населением действий русских войск.¹⁸⁴ Хотя А.С.Сумбатзаде не раскрывает данный вопрос на конкретных примерах и, прежде всего, на документальном материале, как это сделал М.А.Исмаилов, а лишь ограничивается его констатацией, тем не менее, он подводит к мысли о, якобы, решающей роли активной материальной и боевой поддержки местного населения Азербайджана в военных успехах русских войск над иранскими захватчиками в период первой и второй русско-иранских войн.¹⁸⁵ Таким образом, и в этом вопросе А.С.Сумбатзаде солидарен с точкой зрения М.А.Исмаилова.

В статье подчеркивается значение Гюлистанского мирного договора лишь как положившего конец разорению Азербайджана от нашествий иранских полчищ. Автор не констатирует основной результат этого договора – официальное признание завоевания Северного Азербайджана Россией (кроме Нахчыванского и Иреванского ханств) и перехода азербайджанского народа под гнёт царских колонизаторов. Более того, попытки А.С.Сумбатзаде, также как и предыдущих историков, навязать благородную миссию русским властям неубедительны и не соответствуют действительности.

Автор отмечает роль царской администрации в возвращении уведенных или бежавших жителей различных ханств Азербайджана на свои прежние места. Изучение документов позволяет ему говорить о помощи русским властям в названном деле со стороны чиновников и феодалов из азербайджанцев, «которые были материально заинтересованы в возвращении своих подвластных, восстановлены их хозяйства».¹⁸⁶

Внимание автора привлекают и факты переселения в пределы включенной в состав России части Азербайджана не только коренных жителей, но и подданных Ирана.¹⁸⁷ Автор прав, когда указывает на рост населения Северного

Азербайджана после Гюлистанского мирного договора, но он расценивает его как итог «спокойствия и мер, принятых для возвращения населения в покинутые места».¹⁸⁸ Складывается впечатление, что А.С.Сумбатзаде представляет царское правительство заботившимся исключительно об устройности азербайджанского народа, о его благосостоянии. Автор не раскрывает колониальную сущность политики царского правительства, которое понимало, что без людских ресурсов ему не удастся претворить в жизнь, давно преследуемую цель – использовать Азербайджан как источник сырья и рынок сбыта. Переселенческая же политика царизма являлась одним из пагубных последствий завоевания Северного Азербайджана Россией. А.С.Сумбатзаде игнорирует тот факт, что для создания социальной опоры царское правительство переселило в Северный Азербайджан сотни тысяч христиан-русских из России, армян из Ирана и Турции, что являлось главной причиной роста христианского населения, в частности – армян в Северном Азербайджане, а в условиях малоземелья переселенческая политика царизма обернулась настоящей бедой для азербайджанских крестьян. И в этом отношении царское правительство продолжило именно ту политику, которая была начата ещё Петром I.

Как бы в подтверждение бытующей к тому времени точки зрения о добровольном присоединении азербайджанских ханств к России, А.С.Сумбатзаде приводит заявление русского императора Александра I иранскому послу о том, что «закавказские области мы (Россия – М.И.) не заняли войною. Вернее, население этих областей изъявило желание присоединиться. Не исполнить их желание и передать их в Ваши руки, было бы совершенно несправедливо».¹⁸⁹ В очередной раз А.С.Сумбатзаде игнорирует скрытую в данном заявлении колониальную сущность политики царского правительства и тем самым отрицает факт завоевания Северного Азербайджана Россией силой оружия. Более того, также как и его предшественники, он акцентирует внимание на

прогрессивности данного исторического события, не учитывая такие тяжкие последствия, как раздел Азербайджана и народа на две части.¹⁹⁰

Следует отметить, что ещё в ряде своих работ А.С.Сумбатзаде отчасти затронул вопросы изучаемой нами проблемы. Рассматривая в одной из статей вопрос о росте населения,¹⁹¹ А.С.Сумбатзаде верно исходит из необходимости учитывать все совокупные социально-экономические и политические факторы. Он приводит высказывание о том, что население Азербайджана истреблялось в результате действий завоевателей. Вместе с тем изначально руководствуясь установленными идеологическими рамками относительно положительной оценки завоевания Северного Азербайджана Россией и, вообще азербайджано-русских отношений, А.С.Сумбатзаде захватчиками считает исключительно Иран и Турцию. По его мнению, в XVIII в. зверствам и жестокостям турецких поработителей не уступали и персидские шахи, в частности во время походов Надира Афшара (II четверть XVIII в.) и Ага Мухаммеда Гаджара (конец XVIII в.).¹⁹²

Автор, также как и его современники, выдвигает на передний план угрозу опасности физического истребления азербайджанского народа со стороны вышеуказанных завоевателей, чтобы обосновать и оправдать завоевание Северного Азербайджана Россией, которое он считает единственным выходом в сложившихся условиях и «единственно возможным путём для развития ... хозяйства и культуры».¹⁹³

Вместе с тем, А.С.Сумбатзаде подчеркивает значимость этого события, как положившего конец и феодальным междоусобицам, которые также влияли на рост народонаселения.¹⁹⁴

Безусловно, и нашествия внешних врагов, и феодальные междоусобицы должны были отрицательно отразиться на численности населения. Однако тенденциозный подход

автора к фактам, слабая источниковедческая база не позволили ему объективно и до конца раскрыть как политику России в целом, так и действия русских войск. Например, на росте и составе населения Азербайджана должен был отразиться и ранее названный указ Петра I от 1724 г. о переселении армян, известен ряд фактов разорительных действий русских войск не только в период русско-иранских войн. Как мы уже говорили, угоном и разорением жителей Бакинского ханства сопровождалось пребывание русских войск во главе с В.А.Зубовым в Азербайджане (1796 г.) и т.д.

Таким образом, выдавая за врагов азербайджанского народа только иранских и турецких захватчиков, и, наоборот, представляя в качестве спасителей русских, А.С.Сумбатзаде, на наш взгляд, преследует цель наглядно показать, что одним из важнейших и положительных последствий завоевания Северного Азербайджана к России, по его мнению, явился рост его народонаселения. При этом, опираясь на отрывистые цифровые данные, А.С.Сумбатзаде пытается указать причины роста населения для некоторых азербайджанских провинций. Так, он объективно и верно признаёт увеличение числа жителей в Бакинской провинции, как следствие прилива сюда переселенцев из-за торговых выгод Бакинской гавани и природных богатств Апшерона.¹⁹⁵ При этом А.С.Сумбатзаде считает правильным вывод русского историка XIX в. С.Броневского о том, что условия безопасности этой торговли были обеспечены только с присоединением Северного Азербайджана к России.¹⁹⁶ Как видим, А.С.Сумбатзаде не учитывает присущие большинству русских историков предубеждение и великодержавный шовинизм при описании событий исследуемого периода.

Интересными для нас представляются рассуждения А.С.Сумбатзаде о Гарабахской провинции. Поскольку она была постоянной ареной битв, это положение в статье верно относится к главному фактору, вызвавшему уменьшение населения провинции.¹⁹⁷ Однако, как ранее отмечалось, ра-

зорительными признаются только нашествия иранских войск, в частности, Ага Мухаммеда, поэтому, говоря о военных действиях, автор либо противопоставляет азербайджанцев иранским войскам (в период Гарабахского ханства), либо выставляет их союзниками русских против иранских войск (в период завоевания).¹⁹⁸

Хотя автор приходит к справедливому заключению об увеличении численности населения Гарабахской провинции не только за счёт возвратившихся из Ирана беженцев в результате окончания русско-иранской войны (1804-1813 гг.), но и переселенных в пределы провинции Россией армян,¹⁹⁹ тем не менее, он не раскрывает колониальную суть политики царского правительства, в том числе и переселенческой заинтересованного в росте, прежде всего, христианского населения для освоения данного региона и эксплуатации его богатств. А.С.Сумбатзаде по понятным причинам пытается убедить в прогрессивности завоевания Северного Азербайджана Россией, поскольку с ним он связывает начало относительно равномерного роста народонаселения и абсолютной его интенсивности.²⁰⁰ Неудивительно, что автор обходит стороной не раз нами упоминаемое тягчайшее последствие вышеуказанного события – раздел территории Азербайджана, переход определенной части его населения под власть Ирана и переселение значительного количества армян на территорию Северного Азербайджана, создавшее цепь проблем для азербайджанского народа, которые существуют и по сегодняшний день.

В очередной статье²⁰¹ А.С.Сумбатзаде справедливо указывает на особенную заинтересованность городов Азербайджана, как торгово-ремесленных центров, в развитии торговых связей с Россией.

Дав краткую предысторию торгово-экономических связей Азербайджана с Россией, автор подчеркивает их заметную активность в начале XVIII в. Подтверждением тому он приводит известный факт об ограблении и убийстве рус-

ских купцов при взятии повстанцами Шемахи в 1721 г.²⁰²

Следует отметить, что А.Сумбатзаде, также как и некоторые историки этого периода, даёт неверную оценку поднявшемуся в начале XVIII в. в Азербайджане антииранскому движению, представив его действиями «банд Давудбека и Сурхай хана».²⁰³

Автор не только констатирует укрепление торгово-экономических связей Азербайджана с Россией в период похода Петра I и временного нахождения прикаспийских земель в составе России, фактически проигнорировав колониальную суть политики царского правительства в этом направлении.²⁰⁴ Он сознательно противопоставляет ослабление торговых связей в дальнейшем, обосновав его частыми нашествиями Надир шаха и феодальными междоусобицами в период ханств.²⁰⁵

Охарактеризовав поэтапное развитие торгово-экономических связей Азербайджана с Россией А.С.Сумбатзаде связывает пик этих отношений с началом процесса завоевания Северного Азербайджана Россией. Говоря о русско-иранских войнах, по предвзятому мнению автора, только нашествия иранских войск препятствовали торговым связям Азербайджана,²⁰⁶ а Гюлистанский, а затем и Туркменчайский мирные договоры, заключенные «в результате победы русских войск, пользовавшихся всемерной поддержкой азербайджанского населения» и, якобы, спасшие азербайджанский народ от иранских угроз и феодальных междоусобиц, привели к усилению торгово-экономических связей в целом и, в частности – с Россией.²⁰⁷

Таким образом, даже признав жестокость колониальной политики царизма, А.С.Сумбатзаде считает завоевание Северного Азербайджана Россией основополагающим условием не только для роста населения, но и дальнейшего развития Северного Азербайджана в целом, в том числе и его торгово-экономических связей с Россией.

В своей монографии,²⁰⁸ посвященной сельскому хо-

зйству Азербайджана в XIX в., А.С.Сумбатзаде остаётся на прежних позициях в отношении вопросов изучаемой нами проблемы. Также как и в предыдущих работах, он представляет захватчиками исключительно иранцев и турок.

Начало интенсивного развития сельского хозяйства в Азербайджане в XIX в., автор также связывает с завоеванием Азербайджана Россией, которое, естественно, по мнению исследователей той эпохи, носило характер мирного присоединения. Поэтому в первом разделе монографии, уделив внимание процессу присоединения, А.С.Сумбатзаде, также как и его современники, лишенный возможности объективной оценки захватнической политики России, оправдывает её действия. Так, говоря о взятии Гянджи русскими, он довольствовался лишь указанием его результата, заключённого в уничтожении власти местного хана и переименовании города Гянджи в Елизаветполь.²⁰⁹ Тем самым автор избегает не только жесткой и аргументированной оценки завоевательного акта со стороны России, но и справедливой характеристики освободительной борьбы Джавад хана Гянджинского за независимость.

Отметив добровольное вхождение ряда азербайджанских ханств в состав России, неудивительно, что А.С.Сумбатзаде приходит к соответствующему требованиям советской эпохи выводу о том, что «присоединение ханств Северного Азербайджана к России носило, в основном, мирный характер, predetermined наличием всех необходимых внутренних и внешних предпосылок и, в частности, сильной русской ориентации в Азербайджане, горячими симпатиями, любовью и уважением широких народных масс Азербайджана к России и русскому народу».²¹⁰

Если при описании событий и сражений первой и второй русско-иранских войн А.С.Сумбатзаде видит в лице Ирана, Англии и Франции захватчиков и колонизаторов, то Россию он считает исполнительницей справедливой и освободительной миссии в отношении южнокавказских народов

и, в частности – азербайджанского. При этом наблюдается не критический подход к использованному источнику.²¹¹

Фактически обвинив только Англию в разделении Азербайджана А.С.Сумбатзаде отмечает, прогрессивную значимость присоединения Северного Азербайджана к России.²¹²

А с другой стороны, следует отдать должное автору в том, что он признавал и колонизаторские цели царской России в отношении Азербайджана.²¹³ Он пишет: «... прогрессивные последствия присоединения Азербайджана к России отнюдь не были результатом сознательных усилий или целью той социально-экономической политики, которую проводил царизм в Азербайджане, как в момент присоединения, так и позже вплоть до свержения его восставшим народом. Наоборот, с самого начала, царское правительство, в своём стремлении присоединить Азербайджан к России, руководствовалось интересами господствующих классов и преследовало колонизаторские цели».²¹⁴

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, при некоторых положительных последствиях указанного процесса, неуместно и необъективно звучит пафосное заключение как А.С.Сумбатзаде, так и других исследователей этого периода о прогрессивности завоевания Северного Азербайджана Россией.

Некоторый интерес для нас представляет работа А.С.Сумбатзаде, посвященная губинскому восстанию 1837 г.²¹⁵ Хотя она начинается с краткого изложения присоединения Губинского ханства к России, автор справедливо констатирует и упорное сопротивление губинского правителя Шейхали хана вторгнувшимся в Азербайджан ещё в 1796 г. русским войскам во главе с В.Зубовым. Однако автор говорит об этом в подтверждение ориентации губинского хана на Иран. При этом А.С.Сумбатзаде как-бы порицает Шейхали хана за то, что тот отказался от последовательной русской ориентации его отца Фатали хана Губинского.²¹⁶

Судя по описанию событий, связанных с завоеванием азербайджанских земель Россией, А.С.Сумбатзаде считает началом этого процесса захват русскими Джаро-Белаканских обществ в 1803 г., поскольку, говоря о присоединении в 1801 г. Грузии к России, автор опускает подчинение Россией находившихся в составе Грузии азербайджанских земель Газаха и Шамшадиля. В кратком обзоре автора было вновь уделено внимание взятию Гянджинского ханства, осуществленного, как верно констатируется, в результате штурма крепости. Однако позиция А.С.Сумбатзаде в данном вопросе не претерпела никаких изменений. Он обходит молчанием героическую борьбу Джавад хана Гянджинского, и не одобряет сопротивление русским войскам Шейхали хана Губинского, пытавшегося защитить независимость своего ханства.

Также как и ранее, автор подчеркивает добровольное присоединение Гарабахского, Шекинского и Шемахинского ханств,²¹⁷ умалчивая о том факте, что подписание правителями этих ханств договоров с Россией носило принудительный характер и было продиктовано бесчинствами армии Цицианова. Наряду с этим А.С.Сумбатзаде верно констатирует захват царскими силами Бакинского, а затем и Губинского ханств, несмотря на то, что после убийства их главнокомандующего Цицианова они несколько отступили.²¹⁸

В задачу автора не входит раскрытие причин смерти царского военачальника. Однако, ограничившись оценкой самого акта как вероломного, на наш взгляд, также как и его современники, А.С.Сумбатзаде осудительно относится к убийству Цицианова, хотя сам же наглядно демонстрирует целенаправленность действий царской России в данном регионе. Приведённый в работе факт об окончательном поражении Шейхали хана у крепости Шабран подтверждает последнее.²¹⁹ Однако, будучи стиснут рамками советской идеологии, А.С.Сумбатзаде не мог дать должную обоснованную оценку позиции азербайджанских ханов, в том чис-

ле и губинского правителя. Говоря об организации вооруженных отрядов и совершении им частых налётов на Губу автор как бы обвиняет Шейхали хана в нежелании «примириться с потерей своей власти над Кубой». ²²⁰ Наше предположение подтверждают с пафосом написанные строки о всяческом содействии и помощи русским отца азербайджанского историка А.А.Бакиханова Мирза Мухаммед хана, за что, как пишет автор, он был поставлен во главе «временного управления Кубинской провинции в качестве наиба». ²²¹

Более того, в работе указывается и причина его замены русским офицером: происшедшее в 1810 г. восстание против русских властей. ²²² Хотя А.С.Сумбатзаде верно отмечает, что оно ослабило Мирза Мухаммед хана, тем не менее, на наш взгляд, автор мог бы дать более аргументированную оценку и восстанию, и политике царизма – в целом, если бы не идеологические условия эпохи.

Понятно, что царское правительство тяготилось оставлением бывшего азербайджанского правителя у руля управления и восстание явилось удобным поводом для его отстранения. Поскольку работа посвящена губинскому восстанию, то автор выделяет среди известных условий Гюлистанского и Туркменчайского договоров те, которые оформляют переход Губинского ханства к России. ²²³ И к этим договорам у А.С.Сумбатзаде подобно многим историкам того времени, наблюдается стандартный конъюнктурный и не раз нами изложенный подход. К примеру, в заключении, где А.С.Сумбатзаде справедливо признав тягость введенного царским правительством в Северном Азербайджане комендантского управления, которое, по существу, мало чем «отличалось от режима военной оккупации», определяет «в основном добровольный характер присоединения Азербайджана к России» и бесспорность того факта, что не только широкие массы населения бывшего Губинского ханства, но и всего Азербайджана «сами во многом способ-

ствовавали этому историческому акту».²²⁴

Дав краткую предысторию завоевания Губинского ханства и подразумевая под ним добровольное присоединение его к России, А.С.Сумбатзаде, безусловно, не преследовал цели подробно осветить взаимоотношения Губинского ханства с Россией. Тем не менее, он выразил своё отношение к факту присоединения Губинского ханства к России, считая, что оно благотворно отразилось на состоянии ханства, так как прекратились феодальные междоусобицы, иноземные нашествия, усилились торгово-экономические связи с Россией через Астрахань. Более того, по мнению А.Сумбатзаде, «в силу расположения Кубинского ханства в крайнем северо-восточном углу Азербайджана, т.е. наиболее отдаленном от иранских границ, откуда в период первой и второй русско-иранских войн (1804-1813, 1826-1828 гг.) в пределы Северного Азербайджана неоднократно вторгались иранские войска и подвергали его безудержному грабежу, население этого ханства, ставшего с 1806 г. провинцией Российской империи, раньше других и больше других начало чувствовать указанные выше последствия присоединения к России».²²⁵

Первым специальным исследованием, посвященным не только завоеванию Северного Азербайджана к России и его значению, но и всему комплексу вопросов данной проблемы явилась монография, написанная авторским коллективом в составе А.С.Сумбатзаде, М.А.Исмайлова, Г.Г.Мехтиева, М.М.Касумова, М.Д.Джафарова и изданная на русском и азербайджанском языках.²²⁶ В ней сделана попытка проанализировать социально-экономическое развитие Северного Азербайджана до, и после завоевания Россией и показать, в какой мере разрешение вопроса о присоединении к России зависело от внутреннего положения Азербайджана. Издание книги явилось новшеством не только в историографии проблемы завоевания Северного Азербайджана Россией,²²⁷ но и в обобщении материала по азербайджано-

русским отношениям исследуемого периода.

В аспекте рассматриваемых нами вопросов важен первый раздел работы, где освещаются предпосылки, ход и значение завоевания Северного Азербайджана Россией. Кратко характеризуя социально-экономическое положение Азербайджана в XVIII в., авторы констатируют усугубление экономического застоя в стране, что было вызвано, по их мнению, с одной стороны, сложной внешнеполитической обстановкой, угрозой порабощения отсталыми феодальными государствами – Ираном и Турцией, а с другой – политической раздробленностью и феодальными междоусобицами. И в этих условиях, по ошибочному мнению авторов, «единственным спасением для азербайджанского народа могло явиться присоединение к России».²²⁸

Авторы продолжают необоснованно оправдывать завоевание Северного Азербайджана Россией. По всем вопросам данной проблемы они стоят на прежних позициях. Так, не совсем справедливо звучит вывод о том, что «на базе растущих торгово-экономических связей Азербайджана с Россией и непосредственного общения азербайджанского народа с русскими людьми, прибывающими в Азербайджан, все более углублялись симпатия и доверие –народных масс Азербайджана к русским, всё более ощущалось тяготение азербайджанцев к России».²²⁹ Торгово-экономические связи послужили основой знакомства и общения между отдельными представителями обоих народов,²³⁰ однако, на наш взгляд, имевшие место пророссийские настроения среди азербайджанцев объяснялись исключительно потребностью в военной помощи против иранских захватчиков. Без всяких сомнений, указанные выше торгово-экономические связи были недостаточны для зарождения искреннего желания азербайджанского народа вступить в российское покровительство.

Уделяя внимание прикаспийскому походу Петра I и временному нахождению прикаспийских областей Азер-

байджана в составе России (1722-1735 гг.), авторы приходят к другому необоснованному выводу, что они «независимо от характера причин, породивших этот поход, и намерений царя, способствовали ещё более близкому экономическому общению, хотя бы части страны с Россией и усилению русской ориентации в Азербайджане».²³¹ Вне поля зрения авторов осталось пагубное, тормозящее влияние данного завоевательного похода на историческое развитие Азербайджана.

Жестокостям и разрушениям, сопровождавшим ирано-турецкие нашествия на азербайджанские земли в 20-40-х гг. XVIII в.,²³² авторы противопоставляют «порядок, дисциплину и гуманное отношение русских войск к местному населению во время петровского похода».²³³ В связи с этим следует отметить манифест Петра I, содержащий его указ о непритеснении русской армией местных жителей.²³⁴ Авторы в очередной раз стремятся объяснить действия русских войск исключительно благородными побуждениями, хотя совершенно очевидно, что манифест был призван завуалировать подлинные задачи этого похода. Авторы не только не хотят видеть в некотором благорасположении части местного населения результат тонкой и целенаправленной политики русского правительства, но и искренне верят в сильное воздействие доброжелательного отношения русских войск к местному населению на усиление тяготения его к России.²³⁵

Преувеличивая роль русской ориентации в Азербайджане, авторы в то же время умалчивают о наличии здесь и антирусской оппозиции, и, прежде всего, среди феодальной знати. К примеру, об этом свидетельствует сопротивление, оказанное русским войскам в 1723 г.,²³⁶ а авторы несправедливо считают его «исключительно делом рук стоявшего в городе персидского гарнизона».²³⁷

Среди сторонников России авторы указывают передовых политических деятелей Азербайджана Фатали хана Губинского, визира Гарабахского ханства Молла Панаха Ва-

гифа. В целом, отношения между Фатали ханом и русским государством остались без должного внимания, а русская ориентация Фатали хана фактически не прослежена. Авторы ограничились лишь указанием того факта, что Фатали хан последовательно вел политику ориентации на Россию,²³⁸ при помощи которой ему удалось восстановить свою власть в объединенных землях Северо-восточного Азербайджана.²³⁹

Авторы не всегда последовательны в освещении русской ориентации и некоторых других азербайджанских ханов. Приводя ряд примеров маневрирования азербайджанских ханов, ими игнорируется суть их политики. Нет ясной картины в отношении позиций азербайджанских ханов.

Не получила глубокого и верного освещения и политика России в отношении азербайджанских ханств. Авторы не только игнорируют разорительный характер похода русских войск во главе с В.Зубовым, но и в очередной раз обосновывают «в основном мирный характер» присоединения североазербайджанских ханств к России наличием, якобы, сильной русской ориентации в Азербайджане, «горячими симпатиями, любовью и уважением широких народных масс Азербайджана к России и русскому народу».²⁴⁰ Таким образом, в этом коллективном труде чувствовалась некоторая односторонность в подходе к проблеме, недостаточно остра была критика колониальных устремлений царизма.

В работе констатируются события, относящиеся к началу процесса присоединения Северного Азербайджана к России. Это и вторжение русских войск во главе с Гуляковым в Джаро-Белакан, и поражение оказавшего сопротивление Джавад хана Гянджинского, вновь представленного сторонником Ирана. Так же, как у ряда других историков, в работе игнорируется присоединение к России в 1801 г. вместе с Грузией находившихся в её составе азербайджанских земель Газаха и Шамшадиля, что, фактически, как уже не раз было указано, является началом аннексии русскими

войсками азербайджанских земель.

Авторы в работе приводят последовательное подчинение Россией азербайджанских ханств в ходе первой и второй русско-иранских войн.

В отношении ряда вопросов, связанных с русско-иранскими войнами, в частности – помощи местного населения русским войскам, участия азербайджанских конных отрядов на стороне русской армии, попыток бывших ханов восстановить свою власть и, в связи с этим, организации ими мятежей, значения Гюлистанского мирного договора, поведения жителей Южного Азербайджана в годы второй русско-иранской войны²⁴¹ авторы стоят на своих прежних позициях, о которых мы говорили ранее и не видим смысла вновь говорить о них. Вместе с тем, не излишне будет подчеркнуть, что они, давая оценку Туркменчайскому договору, отрицают главную роль России в насильственном разделении, как территории Азербайджана, так и его народа. По их необоснованному мнению, в статьях этого договора «отразилось влияние русской ориентации, неизменно проявлявшейся в Азербайджане, и настроения широких слоёв населения, страдавшего от гнёта Персии и тяготевшего к России».²⁴² Более того, авторы констатируют различие между реакционными, захватническими устремлениями русского царизма и объективно-исторической ролью России в отношении народов Кавказа, в частности – азербайджанского народа, и неправомерно возвышают её.²⁴³ Отсюда, естественно, «присоединение» Северного Азербайджана к России в монографии неверно преподносится как исторически прогрессивное явление. Таким образом, и в этом вопросе авторы настаивают на высказанной ими ранее точке зрения, не учитывавшей тяжчайшие и невосполнимые последствия данного исторического события. Поэтому можно согласиться с мнением М.Алиева о том, что «книга окончательно подтвердила сложившуюся в 40-50-х годах в азербайджанской историографии концепцию «присоединения» и её ста-

ли придерживаться авторы почти всех работ, изданных после выхода в свет названного произведения».²⁴⁴

Ещё одним историком, затронувшим интересующие нас вопросы, является С.К.Бушуев. Правда, в его задачу не входило раскрытие процесса «присоединения» Северного Азербайджана к России, но, судя по тому, как он ограничивается указанием положительного экономического, политического и культурного значения названного исторического акта, налицо ординарная, укрепившаяся в то время позиция автора. К слову, дата присоединения к России Шемахинского, Шекинского и Гарабахского ханств ошибочно дается как 1806 г. вместо 1805 г.²⁴⁵

К числу работ, отстаивающих положение о прогрессивном значении завоевания Северного Азербайджана Россией, относится и статья С.В.Шостаковича.²⁴⁶ В ней автор не только раскрывает реакционную политику и противодействие англичан после Туркменчайского мирного договора укреплению в Южном Кавказе русского владычества и русского влияния, но и отвечает на вопрос, что означало для народов Южного Кавказа, в частности – азербайджанского, присоединение их к России. Однако, как и его предшественники, С.Шостакович пытается оправдать завоевание Северного Азербайджана и колониальную политику царизма прогрессивной ролью России.

Говоря об отношениях Азербайджана с Ираном в последние годы XVIII века, в частности – рисуя картину ужасающего бедствия в результате нашествия Ага Мухаммеда Гаджара на Азербайджан, С.Шостакович убежден, что в случае оказания азербайджанского народа, как и других народов Южного Кавказа, под властью Ирана ему грозила не только потеря национальной самобытности, но и физическое уничтожение.²⁴⁷ Судя по последующим событиям, в частности – в Южном Азербайджане, отошедшем к Ирану, вряд ли оправдались бы опасения С.В.Шостаковича. Что же касается национальной самобытности, то азербайджанский

народ испытывал на пути её сохранения всяческие препятствия, чинимые со стороны царских колонизаторов.

В статье показана мнимая заинтересованность азербайджанского и других народов Южного Кавказа в присоединении к России в экономическом, политическом и культурном отношении.²⁴⁸ Тем самым автор как бы подводит нас к ошибочной мысли о добровольном характере присоединения Северного Азербайджана к России. Также как и многие другие историки этого времени, С.Шостакович не учитывает, что жестокая колонизаторская политика царизма была направлена на одностороннее развитие Азербайджана, как в экономике, так и в культуре, и исключительно в угоду царскому правительству. Таким образом, С.Шостакович фактически подтвердил те основные положения прогрессивного значения присоединения Южного Кавказа, в том числе Северного Азербайджана к России, которые были выдвинуты до него и, в частности, в упоминаемой нами коллективной монографии.²⁴⁹

Разбирая вышеизложенные и последующие работы, мы видим, что для одних авторов главной темой исследования были только вопросы завоевания Россией Кавказа – в целом и Азербайджана – в частности. А поскольку проблема азербайджано-русских взаимоотношений XVIII – нач. XIX вв., как уже было отмечено, включает в себя более широкий спектр, то её другие стороны также являлись предметом особого изучения. Примером могут служить и защищенные в этот период диссертации. Среди них для нас интерес представляют кандидатские диссертации М.М.Мустафаева,²⁵⁰ А.П.Джафарова,²⁵¹ А.А.Абдурахманова.²⁵²

М.М.Мустафаев, как и большинство авторов, одну из задач науки видел в том, чтобы «на основе глубокого и всестороннего изучения исторических документов, архивных материалов научно осветить вопрос о прогрессивности присоединения нерусских народов к России, на конкретном материале показать, то новое, что внёс этот исторический акт

в жизнь народов бывших окраин царской России».²⁵³

В работе Иран и Турция представлены как заклятые враги азербайджанского народа, заинтересованные в экономической и политической раздробленности Азербайджана, в отличие от «благородных» интересов России. Как-бы в подтверждение вышеуказанной мысли автор, подчеркнув, что «карабахские ханы не признавали над собой ни власти Ирана, ни власти Турции»,²⁵⁴ тем самым стремится подвести нас якобы к желаемому ими добровольному выбору в сторону России.

Поэтому неудивительно, что в работе подчеркивается мирное присоединение к России некоторых ханств, в том числе Гарабахского. Мнение автора о незначительности сопротивления, оказанного в ряде ханств «не от местного населения, а от прямых агентов Ирана»,²⁵⁵ лишний раз подтверждает вышесказанное.

Постоянное выпячивание захватнических целей Ирана и Турции приводит к тому, что М.М.Мустафаев не ограничивается указанием на соответствие присоединения Северного Азербайджана к России кровным интересам азербайджанского народа. В работе голословно подчеркивается его активное участие при осуществлении этого процесса.²⁵⁶

Считая политику Англии коварной, М.М.Мустафаев обвиняет английских колонизаторов в насильственном разделении азербайджанского народа, явившимся итогом русско-иранского соперничества на Южном Кавказе, и игнорирует пагубную роль России.²⁵⁷

Автор приводит общую характеристику состояния Азербайджана, соответствующие сложившимся к 50-м годам XX в. обобщенные положения относительно процесса завоевания Северного Азербайджана Россией, но при этом не прослеживает взаимоотношения России как с Азербайджаном - в целом, так и с Гарабахским ханством - в частности. Тем не менее, это не помешало ему прийти к предвзятому выводу о том, что «идея присоединения азербайджан-

ских земель к России зародилась задолго до этого времени, но в конце XVIII – нач. XIX столетия, когда возникла прямая угроза окончательного поглощения и порабощения закавказских народов Ираном и Турцией, эта идея превратилась в жизненную необходимость».²⁵⁸

Так же, как и другие авторы, М.М.Мустафаев, исходя из прогрессивной роли России, показывает противоречие между «прогрессивным» содержанием процесса экономического сближения народов и его колонизаторской эксплуататорской формой.²⁵⁹

Таким образом, если автор вначале открыто и прямо не говорит о захватнических целях России в отношении Азербайджана и агрессорами считает лишь Иран и Турцию, то в четвёртом разделе диссертации автор в целом оправдывая завоевание Северного Азербайджана Россией, все же вынужден признать колониальные цели экспансии царизма, однако он называет их «узкопрактическими».²⁶⁰ М.М.Мустафаев не скрывает, что проведенные царизмом мероприятия по эксплуатации природных богатств Северного Азербайджана в первой трети XIX в. преследовали цель превратить ханства Азербайджана в аграрно-сырьевой придаток и рынок сбыта товаров развивавшейся промышленности России. Вместе с тем, приведенный в работе материал подтверждает подъём сельского хозяйства, ремесла, торговли, что автор считает доказательством объективно-прогрессивных последствий вышеуказанной политики царизма.²⁶¹ Действительно, Азербайджан постепенно втягивался в русло экономического развития России, но М.М.Мустафаев, как и почти все авторы того времени не мог на первое место поставить колониальный характер экономики Азербайджана. Правда, в заключение работы он констатирует медленное развитие капитализма в Азербайджане в силу колониальной политики царизма.²⁶²

Говоря о развитии торговых отношений Азербайджана, в частности – Гарабаха с Россией, к сожалению, автор не

затронул период конца XVIII – нач. XIX вв., хотя тема диссертации охватывает его.

Рассмотрев положение в стране непосредственно накануне присоединение к России, М.М.Мустафаев показывает упадок экономики Гарабахского ханства, как результат губительного влияния вторжений Ирана, в частности – походов Ага Мухаммеда Гаджара. Безусловно, бесконечные феодальные войны между ханствами и распри внутри Гарабахского ханства препятствовали его экономическому развитию. Однако, на наш взгляд, автор сознательно выпячивает вышеуказанные нашествия Ага Мухаммеда, чтобы в очередной раз противопоставить захватнические действия Ирана, якобы, «сердобольной» политике России.²⁶³ Автор осуждает, и стремление Ирана силой оружия вернуть себе азербайджанские ханства в период русско-иранских войн. И, наоборот, автор не только не считает действия России также захватческими, но и голословно поддерживает мнение сторонников русской ориентации в Азербайджане, искавших выход из сложившегося тяжелого положения в присоединении к России.²⁶⁴

В заключение работы М.М.Мустафаев подтверждает свою позицию по вопросу о завоевании Азербайджана Россией и приходит к необъективному и утвердившемуся к тому времени в науке выводу о том, что «несмотря на произвол и жестокость царизма, присоединение к России было для народов Кавказа единственно возможным путём, как для развития их хозяйства и культуры, так и спасения от угрозы физического истребления со стороны иранских и турецких варваров».²⁶⁵ Приводя весомые с точки зрения автора аргументы, в пользу данного положения, он перечисляет уже известные в советской историографии результаты присоединения Северного Азербайджана к России, такие как освобождение азербайджанцев от иранских и турецких захватчиков, окончания феодальных междоусобиц, создание единой системы законодательства и т.д.²⁶⁶

М.М.Мустафаев руководствуется партийными установками и тогда, когда противопоставляет русский царизм русскому народу. Мнимое тяготение азербайджанского народа к русскому также приводится в оправдание вышеуказанного положения о присоединении Северного Азербайджана к России.²⁶⁷

Подчеркнув, что «присоединение Азербайджана к России навсегда связало судьбу азербайджанского народа с судьбой русского народа», автор игнорирует вынужденность и насильственность этого процесса.

Таким образом, хотя работа М.М.Мустафаева посвящена экономике Гарабахского ханства, очевидно, автор не счёл нужным уделить внимание внешнеэкономическим отношениям Гарабахского ханства с Россией. Таким образом, не рассмотрев весь комплекс вопросов, входящих в его тему исследования, в частности – не проследив за отношениями Гарабахского ханства с Россией, он приводит обобщённые выводы по поводу присоединения Северного Азербайджана к России и его значимости.

Вторая глава диссертации А.П.Джафарова посвящается присоединению Шемахинского ханства к России. Говоря о политике правительства Екатерины II, автор не только заменяет её двойственную суть якобы «искренним покровительством», но и соответствующим ему «тяготением» населения ханств Азербайджана к России. Также как и его современники, А.П.Джафаров, считает действия иранцев и турков захватническими и голословно утверждает о надежде, народных масс Азербайджана на спасение в лице России.²⁶⁸ Поэтому неудивительно, что процесс завоевания Северного Азербайджана Россией выражается терминами «вхождение» и «присоединение». Вместе с тем, автор справедливо представляет присоединение Шемахинского ханства²⁶⁹ к России как одну из ближайших задач царского правительства после того, как в 1803-1805 гг. западные земли Азербайджана были завоеваны Россией.²⁷⁰

Не охватив взаимоотношения Шемахинского ханства с Россией, А.П.Джафаров ограничивается констатацией условий договора, подписанного между Цициановым и Мустафа ханом в 1805 г., согласно которым последний принял российское подданство.²⁷¹

Судя по изложению, позиция автора в отношении присоединения Азербайджана к России не отличается от мнения остальных исследователей этого времени. Под воздействием партийной конъюнктурной идеологии, он оправдывает вышеуказанный шаг шемахинского правителя, не проанализировав обстоятельства, предшествовавшие подписанию договора, не признавая вынужденный характер этого акта.

На это указывает вывод А.П.Джафарова о том, что «присоединение к России Азербайджана, и в том числе Ширвана было поворотным пунктом в развитии Азербайджана и имело большое прогрессивное значение в дальнейшей истории азербайджанского народа».²⁷² Более того, автор, вслед за другими историками, называет уже традиционные для советской историографии результаты этого исторического события в качестве основного фактора, обусловившего экономический подъём в Ширване.²⁷³

А.П.Джафаров не только констатирует ликвидацию в 1820 г. ханской власти и превращение Шемахинского ханства в провинцию России. Он особо подчёркивает, что «учрежденное здесь комендантское управление, несмотря на все отрицательные стороны подобной администрации, по сравнению с ханским правлением, представлявшим собой наследие феодальной раздробленности, было определенным шагом вперёд».²⁷⁴

Таким образом, если в автореферате М.М.Мустафаева указывается колонизаторская сущность и цели царизма, то в работе А.П.Джафарова они почти игнорируются. Однако, в ней автор не преследует цели уделить внимание предыстории политических и экономических взаимоотношений Ше-

махинского ханства с Россией во II половине XVIII – нач. XIX вв.

Особо следует выделить работу А.Абдурахманова, так как автор является одним из первых историков-азербайджанцев, занимавшихся вопросами политической истории Азербайджана в XVIII в. Содержание диссертации А.Абдурахманова, посвященной месту Азербайджана в русско-ирано-турецких отношениях в первой половине XVIII в., почти без изменений вошло в изданную позже книгу, поэтому мы дали её историографический анализ среди работ 60-х годов XX в.

Возвращаясь к вышеуказанному отметим, что объектом исследования ученых-историков этого времени все чаще становятся издавна развивавшиеся торговые связи Азербайджана с Россией, что было неслучайным. Авторы рассматриваемых нами работ, как и последующие, считают торгово-экономические взаимоотношения Азербайджана с Россией той почвой, на которой произошло формирование и, якобы, усиление русской ориентации в Азербайджане в изучаемый период, определившей в итоге «добровольный» характер присоединения Северного Азербайджана к России в первой трети XIX в. Отсюда, и столь пристальное внимание к названным связям.

Так, в статье Н.Г.Кукановой,²⁷⁵ где рассматриваются вопросы торговли Русского государства с Ираном, автор приводит большое количество фактических данных о происходящих в азербайджанских городах торговых операциях русских купцов, о постоянных торговых поездках сюда последних и т.д.²⁷⁶ Убедительно показывают заинтересованность русского государства в торговле с Азербайджаном, которая, по мнению самого автора, объясняется весьма значительной прибылью, извлекаемой от торговли с Ширваном и Гилян,²⁷⁷ что подтверждается настойчивостью посланника русского государства А.П.Волынского в стремлении добиться свободного торга для русских купцов именно в

Шемахе и Гиляне – центрах торговли шелком.²⁷⁸

В статье обосновывается необходимость задуманного Петром I прикаспийского похода. Хотя Н.Г.Куканова ошибочно называет его «иранским походом», вместе с тем её внимание привлекает повышенный интерес Петра I к богатствам прикаспийских областей Азербайджана, который особенно наглядно прослеживается по его распоряжениям уже после занятия этих провинций русскими войсками. Более того, в статье отдано должное и архивным сведениям о доходах с прикаспийских провинций.²⁷⁹

Подчеркивая направленность политики Петра I на сосредоточение торговли иранским шелком в России, автор не выделяет планы Петра I в отношении азербайджанского шелка.²⁸⁰ Вместе с тем, в статье приводятся некоторые высказывания послов, в том числе А.П.Волынского, о городах Азербайджана, как самых богатых шелком районов.²⁸¹

Таким образом, рассматривая большинство городов Азербайджана с точки зрения прерогативы иранской государственности, Н.Г.Куканова не выпячивает удельный вес Азербайджана в восточной торговле русского государства во второй половине XVIII в. Однако констатируемые в статье богатства прикаспийских провинций Азербайджана подводят нас к мысли о том, что в них были заложены подлинные мотивы внешнеторговых планов Петра I на Востоке, при осуществлении которых он учитывал «всю совокупность вопросов экономики, международных отношений, стратегии и т.п.».²⁸²

Автор совершенно справедливо считает, что задачи, поставленные Петром I перед прикаспийском походом, свидетельствовали о стремлении удовлетворить, прежде всего, политические и экономические интересы русского дворянства и купечества, в чём и заключалось отличие политики русского государства от допетровского времени.²⁸³ Тем самым Н.Г.Куканова подчеркивает колонизаторскую сущность политики Петра I.

Восточной торговле России в 30-40-х годах XVIII в. посвящена статья А.Юхта,²⁸⁴ в которой на основе богатейшего материала, содержащегося в астраханских таможенных книгах, характеризуются торговля России с Южным Кавказом, Ираном и отчасти Средней Азией. В торговле России с Южным Кавказом автор отводит первостепенное значение азербайджанским городам, таким портам Каспийского моря как Дербент, Баку, Лянкяран, и подчеркивает роль Баку, как наилучшего места для стоянки судов на всем побережье Каспийского моря. Преимущества бакинского порта, как отмечается в статье, и послужили основой мнения, выдвинутого в июне 1745 г. начальником астраханской портовой конторы лейтенантом Горяиновым о том, что в связи с непригодностью энзелинского порта «превратить порт Баку в центр торговли не только с Закавказьем, но и с Ираном».²⁸⁵ Но ввиду удаленности Баку от Гиляна он не был избран главным портом для торга с Ираном. Им стал другой азербайджанский город Лянкяран.²⁸⁶

Анализ таможенных книг позволяет А.Юхту определить ассортимент импорта и экспорта товаров. Так, считая главными предметами ввоза в Россию шелк, шелковые и полушелковые ткани, автор уточняет города, откуда шёлк привозился. Именуемый в таможенных книгах «гилянский», «шемахинский» и «генжинский» шелк в статье, верно, представлен, как привезенный из старинных центров шелководства – Гиляна, Шемахи и Гянджи.²⁸⁷ Баку и Шемаха названы в числе тех городов, откуда приводились не только шелковые, но и хлопчатобумажные ткани.²⁸⁸

В свою очередь, следует отметить, что вышеуказанные моменты являются теми единичными примерами в статье, которые относятся сугубо к торговле России с Азербайджаном. Фактически весь изложенный автором материал, в том числе цифровые данные, характеризует развитие торговых связей России с Южным Кавказом и Ираном в целом, не конкретизируя торговлю России с Азербайджаном.

Вместе с тем, А.Юхт приходит к необоснованному выводу о том, что экономические связи наряду с политическими и культурными, усиливали тягу народов Южного Кавказа, в том числе Азербайджана, к России. Если можно согласиться с его мнением о том, что торговля играла большую роль во взаимном общении и сближении народов России и Южного Кавказа, то в том случае, когда автор относит экономические связи к числу факторов, подготовивших присоединение Южного Кавказа к России, он не иначе как выдает желаемое за действительное. Тем самым А.Юхт, также как и его предшественники, фактически отрицает экспансионистские цели России и завоевание Азербайджана силой оружия, подразумевая добровольный характер присоединения.

К числу ученых, влияние которых имело важное значение в деле подготовки историков-азербайджанцев, относился крупнейший деятель науки, ленинградский профессор И.П.Петрушевский. Подчеркивая ценность его научных статей, опубликованных специально по истории Азербайджана, академик А.Сумбатзаде справедливо воздает должное большой помощи, оказываемой И.П.Петрушевским историкам Азербайджана «своими выступлениями в качестве оппонента, содержательными рецензиями на работы азербайджанских историков, редактированием их трудов и т.п.».²⁸⁹

В ряде статей И.П.Петрушевского, помещенных в «Очерках истории СССР», рассматриваются и вопросы исследуемой проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. В одной из них,²⁹⁰ освещая антииранские выступления в Азербайджане в начале XVIII в. во главе с представителем суннитского духовенства Гаджи Давудом, И.П.Петрушевский повторяет высказанные до него неверные суждения. Так, ошибочно представлена дата взятия Шемахи повстанцами в 1712 г.²⁹¹ Детальное исследование этого движения позднее в работе азербайджанского истори-

ка Ф.М.Алиева ныне дает нам возможность опровергнуть не только эту дату, но и внести ясность в изучении личности Гаджи Давуда, вопроса о его отношении к России.²⁹² Отраженное в работе Ф.Алиева обращение Гаджи Давуда к Российскому государству за помощью²⁹³ противопоставляется представлению И.П.Петрушевским Гаджи Давуда «ярким турецким агентом».²⁹⁴

И.П.Петрушевский раскрывает причины вмешательства России в дела Кавказа и, прежде всего, Азербайджана. Среди них он называет стремление русского государства избежать ущерба, который мог быть нанесен русско-азербайджанским торгово-экономическим связям в результате захвата Турцией прикаспийских областей Азербайджана. И.П.Петрушевский слишком мягко преподносит захватнические цели России в отношении данного региона. А его утверждение о том, что упрочившиеся торгово-экономические связи Азербайджана с Россией в XVII – нач. XVIII вв. создавали почву для развития русской ориентации среди населения, для появления у него стремления опереться на русское государство в противовес агрессии Турции и Ирана,²⁹⁵ не оставляет сомнения в том, что И.П.Петрушевский повторяет точку зрения как своего предшественника, так и других о мнимом добровольном выборе населения Азербайджана российской стороны в борьбе против иранских и турецких захватчиков. И.П.Петрушевский так же, как остальные исследователи, не допускает наличие в Азербайджане антирусской ориентации. Тогда как именно ею следует объяснить сопротивление, оказанное русским войскам в ходе прикаспийского похода Петра I. Неубедительна и неаргументирована точка зрения автора, и о переходе горожан на сторону России во время этого похода.²⁹⁶ В то же время, рисуя удручающую картину состояния народных масс в той части Азербайджана, которая отошла к Турции согласно условиям Стамбульского договора (1724 г.), И.П.Петрушевский утверждает о наличии здесь повсеместного сопротив-

ления, вызванного режимом турецкой оккупации.²⁹⁷

Хотя в статье и говорится о сохранении феодальных повинностей, о разоренном хозяйстве в прикаспийских областях,²⁹⁸ тем не менее, автор не только не выпячивает отрицательные последствия временного нахождения их в составе России, но и не уделяет внимание значению Стамбульского договора в историческом развитии Азербайджана. Вместе с тем, верно констатируются причины, побудившие русское правительство вернуть прикаспийские области Ирану.²⁹⁹

В другой статье³⁰⁰ И.П.Петрушевский, изучая вопрос о русской ориентации Фатали хана Губинского и других азербайджанских ханов, выразившейся в их обращениях к русскому государству с просьбой о покровительстве,³⁰¹ не раскрывает политическую подоплеку этой ориентации, не дает должную оценку взаимоотношениям азербайджанских ханов с Россией, вне поля зрения остается суть двойственной политики Екатерины II по отношению к азербайджанским ханам, в том числе и к Фатали хану Губинскому. То есть И.П.Петрушевский не составил исключения среди историков, выразивших единое мнение об «искреннем стремлении» азербайджанских ханов вступить в российское подданство.

Значение русской ориентации переоценивается настолько, что успешные действия гарабахского хана против иранских войск в период нашествия Ага Мухаммеда Гаджара на Азербайджан (1795) И.П.Петрушевский объясняет тем, что Ибрагимхалил хан был воодушевлен благоприятным ответом, полученным им из России на свою просьбу о помощи.³⁰²

Отдавая предпочтение надеждам азербайджанских ханов на русскую помощь и той мысли, что без России они не способны выстоять в борьбе против иранских захватчиков, И.П.Петрушевский совершенно игнорирует тот факт, что феодальные правители Азербайджана готовы были отстаи-

вать свою независимость, как дипломатическими путями, так и в упорной борьбе.

Хотя автор не раскрывает причины похода русских войск во главе с Зубовым в Азербайджан (1796 г.), тем не менее, он констатирует его цель, заключающуюся в том, что «Зубов готовил присоединение Северного Азербайджана до Аракса на юге».³⁰³ С одной стороны, И.П.Петрушевский как-бы признает захватнические намерения России, но с другой, бесосновательно звучит мнение автора о «радостном» принятии населением Баку, как и большинством населения Ширвана, прокламации В.Зубова.³⁰⁴

В статье отмечается усиление стремления широких народных масс к присоединению к России и с вступлением на престол нового шаха Ирана, что является необедительным, обобщенным и тенденциозным утверждением.

В целом, следует отметить, что в обеих статьях И.П.Петрушевского очень поверхностно охарактеризованы азербайджано-русские отношения изучаемого периода. Нет глубокого подхода и к освещаемым вопросам, автор в ряде случаев ограничивается констатацией фактов. В вопросе о русской и антирусской ориентации азербайджанских правителей и народных масс, о торговых отношениях Азербайджана с Россией в исследуемый период И.П.Петрушевский не вышел за рамки требований советской эпохи.

В 1957 г. в Трудах Института истории Академии наук Азербайджана была опубликована статья Ю.Г.Сафарова,³⁰⁵ затрагивающая вопросы завоевания Северного Азербайджана Россией в нач. XIX в.

Обращение большинства азербайджанских ханов к русским властям после заключения Георгиевского трактата (24 июля 1783 г.) с просьбой о принятии их под протекторат России приводится в статье в качестве доказательства большого значения данного договора для многих правителей Кавказа, в том числе Азербайджана.³⁰⁶ На наш взгляд, Ю.Г.Сафаров старается подменить скрытые экспансионист-

ские намерения русского правительства в отношении Азербайджана ролью заступницы азербайджанских ханств. Хотя совершенно очевидно, что царское правительство ставило себе целью защиту не азербайджанских ханств, как это было указано в трактате, а своих великодержавных интересов. Тем не менее, по мнению автора, «только растущая мощь и заступничество России могли открыть для народов Кавказа и Закавказья перспективу самостоятельного существования и национального развития».³⁰⁷

Ю.Г.Сафаров отводит русским роль освободителей и при освещении тех или иных событий русско-турецкой (1806-1812 гг.) и русско-иранской (1804-1813 гг.) войн. Именно стремлением и этого автора затушевать захватнические устремления России следует истолковать его слова о том, что, будто, «благодаря помощи и поддержке России, русской армии сбылась историческая мечта кавказских народов: они были избавлены от турецкого и персидского ига, от феодальной раздробленности».³⁰⁸

На наш взгляд, следовало критически отнестись к рапортам и донесениям русских властей, которые с одной стороны, являются подтверждением мужества и храбрости азербайджанцев в боях с турками, а с другой, содержат маловероятные сведения об оказании большой продовольственной помощи азербайджанскими крестьянами русской армии.³⁰⁹

В вопросе об участии азербайджанцев в составе русской армии точка зрения Ю.Г.Сафарова созвучна с мнением М.А.Исмаилова, А.С.Сумбатзаде и других авторов. Наделяя русских солдат такими качествами как «отвага» и «героизм», Ю.Г.Сафаров не видит в русских захватчиков азербайджанских земель, тогда как таковыми показаны, опять же, иранские и турецкие воины. Поэтому он повторяет и другую серьёзную ошибку своих современников, считая подписание Гюлистанского мирного договора крупной победой народов Кавказа, «принимавших участие в борьбе

русского народа против захватнической политики султанской Турции и шахской Персии, вдохновляемых английскими и французскими колонизаторами». Ю.Г.Сафаров подчеркивает значение этого договора «в деле завершения присоединения Кавказа к России и на пути избавления Кавказа от деспотического ига шахской Персии и султанской Турции».³¹⁰ Как известно, окончательное завоевание Южного Кавказа, в том числе Северного Азербайджана Россией завершил Туркменчайский договор 1828 года.

Как видим, статья Ю.Сафарова не нарушила эпохальных традиций при изучении выше рассматриваемых вопросов азербайджано-русских взаимоотношений начало XIX в.

Некоторые аспекты рассматриваемой темы затронуты в работах раннее упоминаемого М.А.Игамбердыева,³¹¹ в которых основное внимание уделяется русско-иранским отношениям в конце XVIII – нач. XIX в. В частности, среди событий процесса завоевания Северного Азербайджана Россией, в том числе первой и второй русско-иранских войн, получили некоторое отражение отдельные моменты взаимоотношений азербайджанских ханств с Россией.

Если автор ограничивается лишь констатацией факта завоевания русскими войсками в 1803 г. Джаро-Белаканских вольных обществ,³¹² то в отношении Гянджинского ханства он несколько шире излагает действия Цицианова, который, по мнению М.Игамбердыева, «успешно разрешал возложенные на него колониальные задачи».³¹³

Автор объясняет ожесточенность борьбы за Гянджинское ханство и усиленную подготовку Цицианова к ней тем, что это ханство являлось оплотом шаха в Южном Кавказе.³¹⁴ Представленный факт об обращении Джавад хана Гянджинского к иранскому шаху за помощью³¹⁵ как бы подтверждает сказанное.

Автор показывает упорство Джавад хана в защите крепости,³¹⁶ но, на наш взгляд, не даёт должную оценку ни его борьбе за независимость своего ханства, ни обращение

гянджинского правителя к Ирану. Очевидно, это объясняется не только существующими традиционными рамками, но и тем, что все события в работе рассматриваются через призму русско-иранских отношений. Неслучайно, М.Игамбердыев подчеркивает: «... занятие Гянджи русскими войсками имело исключительное значение в системе русско-иранских отношений. Гянджа, переименованная в Елизаветполь считалась «ключом» к Северному Ирану».³¹⁷

Автор прямо и аргументировано говорит о политике царизма на Кавказе и, в частности о характере «военной экспансии» со стороны России против Южного Кавказа, направленной на превращение Каспийского моря в «русское озеро», что сулило царизму большие торговые выгоды.³¹⁸ Вместе с тем, М.Игамбердыев не мог выходить за пределы установленных советской конъюнктурой тенденций. Поэтому неудивительно его утверждение об исторически прогрессивной роли завоевания Южного Кавказа Россией в жизни народов этого региона, несмотря на произвол и жестокость царских колонизаторов.

Данная М.Игамбердыевым оценка обеих русско-иранских войн и заключенных в результате них Гюлистанского и Туркменчайского мирных договоров как важных этапов в освободительной борьбе народов Южного Кавказа против ирано-турецких «ассимиляторов», не отличалась от точки зрения предшественников и последующих советских историков по этому вопросу.

Автор остался верен своей позиции и в далее рассматриваемых статьях, многое из которых вошло в монографию. Безусловно, вывод М.Игамбердыева о вековой ненависти народов Южного Кавказа к шахским поработителям, и, наоборот, чувство дружбы к русскому народу, «явившимся главной причиной провала авантюры каджаров и их британских вдохновителей»,³¹⁹ сегодня звучит беспочвенно.

Следует отметить, что в 50-х отдельные стороны изучаемой нами проблемы были отчасти затронуты и в работах

авторов, занимавшихся разработкой в целом вопросов политической и экономической истории соседних государств кавказского региона и, в частности, взаимоотношений их с Россией. Так, в монографических и обобщающих трудах по истории Дагестана Р.М.Магомедова³²⁰ – одного из основоположников исторической науки советского периода в Дагестане, значительное место отведено русско-дагестанским отношениям, в ходе анализа которых он касается и русско-азербайджанских взаимосвязей в изучаемое время. В частности, в одном из своих глубоких исследований Р.Магомедов обстоятельно и верно рассматривает обстановку, сложившуюся к началу прикаспийского похода Петра I. Также как и ряд исследователей – его современников, он относит антииранские выступления, которыми был охвачен Азербайджан в начале XVIII в., упадок Ирана, стремление Турции захватить прикаспийское побережье к факторам, благоприятствовавшим укреплению здесь позиции России.³²¹ Говоря об антииранском восстании в Ширване в 1721 г. во главе с Гаджи Давудом³²² и Сурхай ханом Газыкумыхским автор, к сожалению, утверждает, что для наказания этих «бунтовщиков», Петр I вводит войска в Дагестан и Ширван.³²³ То есть автор выдает повод за причину этого похода.

Если некоторые авторы относили Гаджи Давуда к сторонникам Турции без всякого обоснования, то Р.Магомедов связывает его отношение к Турции с разорением русских купцов во время взятия Шемахи. По мнению автора, именно из-за последнего инцидента Гаджи Давуд нажил врага в лице России и обратился за покровительством к Турции, которой, в свою очередь, это было на руку.³²⁴

Уделив внимание уже известному нам манифесту Петра I, автор констатирует его обнародование на азербайджанском, персидском и турецком языках.³²⁵ Однако в работе отсутствует должная оценка его содержания, причин и цели распространения.

Хотя автор, верно подчеркивает цель прикаспийского похода, заключающуюся в том, чтобы «покончить с владычеством Ирана в прикаспийских провинциях и присоединить Кавказ к России»,³²⁶ тем не менее не до конца раскрывается двойственная политика России, в частности, в отношении к местному населению. Констатируя успешную поддержку русским правительством дипломатических связей с христианскими народами Южного Кавказа, Р.Магомедов ставит на одну чашу весов с последними и правителей Азербайджана. Без какой-либо мотивации он считает, что «на стороне России находились и владельцы Карабаха, Шеки и Ширвана».³²⁷

Внимание автора привлекает торжественная встреча Петра I в Дербенте. Тщательный отбор сведений из источников красноречиво показывает необъективную позицию Р.Магомедова по поводу доброжелательного отношения местного населения к прибытию русских войск.³²⁸

Наряду с этим в работе рассмотрена и отрицательная реакция бакинцев на отправку русских войск в Баку, хотя и не разъясняются мотивы такого поведения, вызывающего интерес уже в силу того, что имеется их письменное послание Петру I о готовности принять русское покровительство.³²⁹

В монографии излагаются причины, по которым Петр I не смог до конца участвовать в походе и возвратился в Россию.³³⁰ Автор считает необходимым подчеркнуть и огромное внешнеполитическое, внутреннее и культурное значение включения Дагестана и Азербайджана в состав России. По его мнению «пребывание русской армии на территории Дагестана и Азербайджана привело в движение северокавказских горцев, содействовало освободительному движению среди закавказских народов и усилило тяготение горцев к России. С другой стороны, включение Дагестана в состав России освободило горские народы от гнёта и произвола иранских шахов и турецких султанов и на известный

период избавило горцев от опустошительных набегов татар, турок и персов». ³³¹ На наш взгляд, последнее, безусловно, автор относит и к Азербайджану.

Таким образом, мы вновь наблюдаем игнорирование колониальной сути политики царской России. Более того, склонность южнокавказского населения к России в работе голословно обосновывается фактами его упорного сопротивления нашествию турков в данный регион. ³³²

Автор в таком же духе пишет и о росте в Азербайджане политической ориентации на Россию во II половине XVIII века. По его мнению, объявление Фатали ханом Губинским в 1775 г. себя сторонником России является ничем иным, как результатом влияния победы России в русско-турецкой войне (1768-1774 годы). ³³³

Мы встречаемся с идентичной позицией Р.Магомедова по поводу сближения с Россией южнокавказских народов, в том числе азербайджанского, и при рассмотрении им событий первой половины XVIII века. Вместе с тем следует отметить, что если в отношении грузинского и армянского народов автор часто приводит источниковую аргументацию, то в отношении азербайджанцев мы сталкиваемся с эпизодическими сведениями или голословным утверждением. Для подтверждения вышесказанного достаточно привести отрывочное высказывание автора о том, что «ханы дербентский, бакинский, талышский, шушинский, также искали покровительства у России» в борьбе против ирано-турецких угнетателей. ³³⁴ Автор не углубляется в этот вопрос, ограничиваясь лишь констатацией факта.

В работе Р.Магомедова отчасти был затронут и поход русских войск во главе с В.Зубовым. Раскрыв цели похода, автор также связывает его начало с нашествием Ага Мухаммеда Гаджара на Азербайджан, с вступлением его в Гарабах. Однако при этом автор не забывает подчеркнуть, якобы, благородную миссию России в «освобождении угнетённых народов и восстановлении в самой Персии спокой-

ствия и порядка...».³³⁵ А в многочисленных обращениях кавказских владетелей к России с просьбой о защите и покровительстве Р.Магомедов видит основное значение похода русских, несмотря не только на то, что он был незавершенным, но и носил колониальный характер.³³⁶ Поэтому неслучаен, вывод автора о том, что «идея присоединения к России нашла в кавказских странах самую благоприятную почву».³³⁷

Хотя процесс завоевания Кавказа Россией не получил должного и полного отражения, однако автор подводит нас к следующим заключениям: во-первых, на присоединение ханств Северного Азербайджана к России оказало воздействие присоединение к ней Грузии в 1801 г., и во-вторых, «присоединения к России было для народов Кавказа единственно возможным и исторически необходимым актом на пути их дальнейшего прогрессивного развития».³³⁸

Другой работой по истории Дагестана, представляющей для нас некоторый интерес, является монография И.Р.Нахшунова.³³⁹ В частности, в её второй главе, где автор раскрывает вопросы установления экономических и политических связей Дагестана с Россией и доказывает прогрессивное значение присоединения Дагестана к России, были отчасти затронуты отдельные аспекты нашей проблемы. Так, автор утверждает, что прикаспийский поход Петра I продиктован необходимостью укрепления юго-восточных границ России в связи с турецкой угрозой, а также обеспечения безопасности торгового пути в Прикаспий. Последнее автор связывает с восстанием под руководством Гаджи Давуда, который, как и почти во всех работах этого периода, показан сторонником Турции.³⁴⁰ Мы встречаемся также с неправильной датировкой ограбления русских купцов (1712 г.) при взятии Шемахи восставшими, что скорее всего можно объяснить опечаткой, поскольку автор верно указывает дату прикаспийского похода Петра I (1722 г.).³⁴¹

В работе не до конца, верно, интерпретируется Петер-

бургский договор, заключенный между Россией и Ираном в 1723 г. Автор пишет, что согласно его условиям к России были присоединены западное и южное побережье Каспийского моря с Дербентом и Баку, а также провинции Гилян, Мазандаран и Астрабад, хотя известно, что он не был ратифицирован шахом.³⁴²

В монографии подчёркивается важное значение Ниязабада в торговле России с Ираном и падение его роли после прикаспийского похода Петра I, когда русские суда получили возможность приставать к другим берегам Каспийского моря.

И.Нахшунов отмечает и важную роль Дербента, как места сосредоточения купцов из разных стран. Называя среди последних грузинских, армянских и даже индийских купцов, автор игнорирует азербайджанских, купцов, очевидно, подразумевая их под персидскими.³⁴³

Указав на захватнические цели Петра I, в то же время автор стремится показать, якобы, его благородные действия. Приведенный в работе факт о положительной реакции на просьбу дербентского наиба о продовольственной поддержке городского населения, подтверждает попытку автора доказать всяческую помощь Петра I местному населению,³⁴⁴ не распознав за ней хитрую и дальновидную политику России.

И.Нахшунов объективно относится к Гянджинскому договору 1735 г., заключенному между Россией и Ираном, как к последствию экономического и военного ослабления России в результате дворцовых смут после смерти Петра I.³⁴⁵

Вместе с тем автор уместно связывает стремление царизма захватить Южный Кавказ с развитием товарно-денежных отношений во всех отраслях хозяйства России в последней трети XVIII в. при этом подчёркивается, что оно «диктовалось не только политическими и стратегическими интересами, но и необходимостью приобретения новых

территорий и обеспечения широких торговых связей с Передней Азией». ³⁴⁶

В свою очередь, И.Нахшунов необоснованно оправдывает завоевание Дагестана и Южного Кавказа Россией российской ориентацией народов данного региона. Он пишет: «Ориентация народностей Дагестана на Россию усиливалась, и они, как и народы Закавказья, всё чаще искали у своего северного соседа защиты и покровительства, всё больше нуждались в развитии торговых связях с ней». ³⁴⁷

И.Нахшунов и с Р.Магомедов относятся к числу большинства исследователей того времени, стоявших на позиции прогрессивного значения присоединения Дагестана и Южного Кавказа к России, опираясь при этом на определенные положительные последствия в общественно-экономической и культурной жизни этих народов. ³⁴⁸ Однако они не берут в расчет тот факт, что политика царизма в регионе носила характер национально-колониального угнетения.

Советский историк А.Тамай в своей статье ³⁴⁹ коснулся одного из вопросов исследуемой нами проблемы – отношения к России главы вспыхнувшего в Азербайджане в нач. XVIII в. повстанческого антииранского движения Гаджи Давуда. Следует отметить, что данная тема почти не нашла своего отражения в предшествующих работах. Правда, А.Тамай не уделяет серьёзного внимания анализу обращения Гаджи Давуда к России и ограничивается цитированием его письма к Петру I, откуда выясняется, что «одновременно с Шемахой были осаждены восставшими города Баку и Дербент». ³⁵⁰ Хотя в статье не указывается цель написания письма, однако автор подводит нас к мысли о том, что оно написано с просьбой о помощи, так как Гаджи Давуд неслучайно говорит о подъёме борьбы против иранского владычества в лице восставших. Здесь уместно вновь отметить исследование Ф.М.Алиева, в котором подтверждается данное положение. ³⁵¹

Интересными являются данные о взятии в 1721 г. Шемахи повстанцами. Подчеркивая «несостоятельность версии о грабежах, разрушении городов и диком разбое восставших»,³⁵² А.Тамай в качестве исключения приводит факт о том, что «во время взятия Шемахи пострадали лишь некоторые русские купцы», причём главной причиной он считает предоставление ими убежища иранским купцам и укрытие их ценностей.³⁵³ Складывается впечатление, что автор оправдывает действия Гаджи Давуда и считает вполне правомерным его стремление получить помощь со стороны России. В то же время, в статье вскользь показано изменение позиции Гаджи Давуда с началом прикаспийского похода Петра I, в частности – усиление его связей с Турцией и превращение его в орудие для её агрессивных планов на Кавказе.³⁵⁴

В работе наблюдается односторонний подход А.Тамая и к заключению Стамбульского договора 1724 г. между Россией и Турцией, в котором автор усматривает лишь твердое стремление России к недопущению Турции в прикаспийские земли.³⁵⁵ Вне поля зрения остается пагубная роль Стамбульского договора в судьбе азербайджанского народа, что было характерно для исследовательских работ того периода.

В целом, следует отметить, что фактически в статье не получили своего полного отражения не только вопрос об отношении Гаджи Давуда к России, но и реакция русского двора на действия восставших. Однако, как известно, ущерб, нанесенный русским купцам при взятии Шемахи в 1721 г. послужил удобным поводом для начала завоевательного прикаспийского похода Петра I.

О важности и необходимости изучения проблемы истории азербайджано-русских связей в целом, и исследуемого периода – в частности, говорит плодотворная работа, проводимая историками в этой области во второй половине 50-х годов и, прежде всего тот факт, что вопросы данной

темы уже стали объектами специального исследования ученых. Вместе с тем мы обязаны в очередной раз подчеркнуть, что эта работа была проделана, опять-таки, в свете решений партийных съездов, в частности – состоявшего в феврале 1956 г. знаменательного XX съезда Коммунистической партии бывшего СССР и принятых на нем постановлений. Выдвинутые перед историками новые задачи, основными из которых были «последовательное соблюдение ленинского принципа партийности в исторической науке, решительная и неослабная борьба с проявлениями буржуазной идеологии и попытками ревизии марксизма-ленинизма»,³⁵⁶ красноречиво свидетельствуют о зависимости исторической науки от советской идеологии. Поэтому, естественно, прежние позиции по важнейшим направлениям проблемы азербайджано-русских отношений изучаемого периода остались неизменными и не подверглись пересмотру, в том числе и вопрос о завоевании Северного Азербайджана Россией.

В 1957 г. в материалах первой всесоюзной научной конференции востоковедов была помещена статья азербайджанского историка А.Н.Гулиева.³⁵⁷ В 1958 г. вышла из печати его же брошюра под идентичным названием на азербайджанском языке, но в которой рассматривался более широкий круг вопросов.³⁵⁸

На фоне столкновения в Азербайджане интересов Турции, стран Западной Европы – Англии, Франции с интересами России, стремившейся расширить торговлю со странами Востока и укрепить своё влияние в областях на западном берегу Каспийского моря и в связи с этим предпринимавшей ряд конкретных шагов,³⁵⁹ А.Н.Гулиев раскрывает экономическое и военно-стратегическое значение данного региона. Он, верно, отмечает, что удовлетворение потребностей растущей русской мануфактурной промышленности сырьем, а также защита юго-восточных границ являлись первоочередными задачами, предопределившими занятие Россией прикаспийских областей.³⁶⁰

Ссылаясь на сведения путешественников и современников, автор высказывает мнение о том, что политические интересы России, будто объективно совпадали с чаяниями народных масс Кавказа, в том числе Азербайджана, и требовали ликвидации турецкого и иранского порабощения.³⁶¹ Однако автор отбрасывает колонизаторскую сущность политики царского правительства, направленную на порабощение азербайджанского народа. Ясно, что, изгнав иранских и турецких захватчиков, азербайджанский народ не собирался попасть под чуждый российский гнёт. На наш взгляд, А.Н.Гулиев неслучайно выдвигает тезис о совпадении интересов России и азербайджанского народа, поскольку только в таком случае его логическим завершением явилось бы вступление русских войск в прикаспийские земли; требовалось оправдание этой агрессии. В результате, – усиление политических и экономических связей Азербайджана с Россией, длительные ирано-турецкие войны и разорение народных масс стремление освободиться от ирано-турецкого гнёта автор интерпретирует, как факторы, создавшие якобы условия для усиления российской ориентации и начала движения за присоединение к России в указанном регионе.

Как было отмечено ранее, со второй половины 50-х годов XX в. почти все азербайджанские историки вынуждены были давать не только необъективную оценку большинству вопросов истории азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., но и во многих случаях демонстрировали предвзятое отношение к фактам. Так, А.Н.Гулиев верно подчеркивает, что «Манифест», изданный Петром I перед походом, был предназначен для доведения до населения причин вступления русских войск в прикаспийские земли. Однако автор не раскрывает завуалированность в «Манифесте» подлинных захватнических целей русского государств, и русские войска выступают в роли освободителей от «бунтовщиков», в то время как последнее было лишь поводом

для начала осуществления экспансионистских планов России в отношении данного региона. Попытка скрыть захватнический характер похода Петра I в Прикаспий наблюдается и при освещении вопроса об отношении местного населения к приходу русских войск. Автор говорит о воодушевлении азербайджанцев, радостной встрече жителями Дербента войск Петра I, о приветствии бакинцами русских войск во главе с генералом Матюшкиным (26 июля 1723 г.),³⁶² неоднократных обращениях азербайджанцев к русским властям с просьбой о помощи и т.п. И даже когда А.Н.Гулиев показывает отсутствие единства среди бакинской знати в вопросе о русской ориентации и борьбу двух группировок: противников русской ориентации во главе с бакинским султаном Мухаммедгусейн беком и сторонников – во главе с юзбаша Даргяхгулу беком, – он отдает предпочтение последним. А сопротивление, оказанное в Баку русским войскам в 1723 г., что свидетельствует о наличии антирусской ориентации, не помешало автору выдвинуть мнение о тяготении к России бакинцев, да и всего населения Азербайджана.

Более того, на основе писем гянджинцев Петру I и других документов, требующих критического подхода, А.Н.Гулиев приходит к неверному и фактически безосновательному выводу о том, что не только представители феодальной знати, но и широкие слои народных масс Азербайджана были охвачены движением за присоединение к России.³⁶³ Таким образом, налицо неверная оценка политической мотивации отношения к России, как феодальной знати, так и народных масс.

Рассматривая мероприятия русского правительства на захваченных прикаспийских землях, автор пытается показать, что мягкие методы управления способствовали благорасположению местного населения к России. Однако совершенно очевидно, что политика царизма была направлена на превращение Прикаспия, прежде всего, в сырьевую базу

русской мануфактурной промышленности, колониальную окраину Российской империи.³⁶⁴

На наш взгляд, А.Н.Гулиев в очередной раз приукрасил состояние прикаспийских земель под управлением русских властей, с целью, чтобы оно выглядело более выигрышным по сравнению с положением в частях Азербайджана, находившихся под властью Турции и Ирана. Следовало бы критически отнестись и к донесениям В.В.Долгорукова. Из содержания его письма Екатерине I (от февраля 1727 г.) автор заключает, что побуждения русских в отношении местного населения были благородными и противопоставляет их действиям турецких захватчиков.³⁶⁵ Терпимое отношение местного населения, некоторые его обращения к русскому командованию, очевидно, послужили основой для уверенности В.В.Долгорукова в стремлении населения прикаспийских областей перейти под российское покровительство.

Безусловно, А.Н.Гулиев, как и остальные историки, хорошо понимал, что обращения жителей, в частности – феодальной знати к России, как к сильной в военном отношении державе, диктовались их потребностью в русской помощи, но в конечном итоге они не играли большой роли в осуществлении захватнических планов России. Однако автор вынужден был утверждать, что присоединение прикаспийских областей способствовало формированию как в Азербайджане, так и в Южном Кавказе в целом, русской ориентации, подъёму освободительного движения против иранских и турецких захватчиков.³⁶⁶

В работе получили отражение обращения передовых людей Азербайджана к России и во второй половине XVIII в., когда вновь надвигалась опасность порабощения образовавшихся самостоятельных азербайджанских ханств турецким и иранским владычеством.

Внимание А.Н.Гулиева привлекают не только просьбы Фатали хана Губинского в 1774, 1783 и 1787 годах к рус-

скому государству о принятии Северо-восточного Азербайджана под русское покровительство,³⁶⁷ но и реакция Фатали хана на безуспешные попытки турецкого султана перетянуть его на свою сторону.³⁶⁸ Эти факты, также как и влияние торгового обязательства, заключенного в 1782 г. между Фатали ханом и Россией, на расширение торговых взаимосвязей Азербайджана с Россией,³⁶⁹ приводятся в работе в доказательство последовательной приверженности Фатали хана к России при осуществлении своей политики объединения азербайджанских земель.

Вместе с тем, отмечая активизацию политики России в Южном Кавказе во второй половине XVIII в., А.Н.Гулиев указывает и на неоднократное оказание помощи со стороны русского государства Фатали хану. Хотя автор не конкретизирует время и условия, но подчеркивает важную роль этой помощи в укреплении Губинского ханства в борьбе против внутренних и внешних врагов.³⁷⁰

Судя по изложению автора, он стремится всячески доказать искренность отношений Фатали хана с Россией. Складывается такое впечатление, будто помощь со стороны России была безвозмездной, бескорыстной, а Фатали хан стоял на твердой позиции перейти под покровительство России. На самом же деле, за этими действиями как Фатали хана, так и царского правительства подразумевалась взвешенная политика, которая умышленно осталась без внимания в работе, поскольку её объективная оценка, как было уже нами отмечено, не отвечала запросам советского идеологизированного периода. Поэтому А.Н.Гулиев проигнорировал двойственную политику Екатерины II, заключающуюся, с одной стороны, в оказании помощи, а с другой – недопущении усиления Фатали хана. Последнее объяснялось нежеланием России иметь на юге сильное, к тому же мусульманское государство.

В свою очередь, знавший цену независимости объединенного им Северо-восточного Азербайджана Фатали хан

Губинский не собирался её потерять, и его взаимоотношения с Россией были направлены на использование ее военной помощи для достижения этой цели.

В таком же аспекте автор показывает и отношения русского государства с гарабахским ханом. Если в указании Екатерины II князю Г.П.Потемкину заключить договор о принятии Ибрагим хана в русское подданство³⁷¹ А.Н.Гулиев, не вникая в суть событий, видит совпадение желаний гарабахского правителя с заинтересованностью России в Гарабахском ханстве, то вполне естественно, что поход русских войск во главе с В.А.Зубовым в Азербайджан в 1796 г. автор, также как и большинство историков, несправедливо рассматривает в качестве ответа на просьбы азербайджанских ханов, стремившихся принять русское покровительство.³⁷²

На наш взгляд, нам не стоит повторяться относительно завоевательного характера названного похода и вновь возвращаться к размышлениям по поводу «преданности» ряда азербайджанских ханов русскому государству.³⁷³

Несостоятельны утверждения А.Н.Гулиева о невозможности самостоятельного существования азербайджанских ханств в конце XVIII в. и добровольном их выборе в пользу присоединения к России в обстановке усиления опасности порабощения отсталыми феодальными странами – Ираном и Турцией. Как видим, автор стоит в одном ряду с теми, кто забывает колонизаторскую сущность царского правительства и пытается доказать, что условия для экономического, политического и культурного развития Азербайджана могли быть созданы только в результате присоединения его к России.³⁷⁴

Хотя в работе не освещается начавшийся в начале XIX века процесс завоевания Азербайджана Россией, однако автор пишет об «успешном (подчеркнуто нами – М.И.) его завершении», что указывает на позицию А.Н.Гулиева и в отношении определения прогрессивного значения этого исто-

рического события.

И в данной работе А.Н.Гулиева мы сталкиваемся с дифференцированным отношением автора к правящему классу и народным массам. Он фактически не признает антирусскую ориентацию как у той части феодальной знати, которая руководствовалась классовыми интересами, так и у тех феодальных правителей, которые предпочитали союз с Ираном или Турцией.³⁷⁵ Как уже не раз было сказано, наличие в Азербайджане антирусской ориентации вообще не воспринимается. Воспитанные в духе партийной идеологии советские авторы не хотели мириться с собственническими взглядами азербайджанских правителей, не желавших отдавать кому-либо кровью добытую независимость своих ханств. Более того, следует подчеркнуть, что в изучаемый период в азербайджанских ханствах решающее слово было за правителем и взаимоотношения ханств с Россией определялись только через отношение их глав к ней. Поэтому мысль о последовательности русской ориентации широких народных масс Азербайджана несостоятельна и абсурдна.

Вместе с тем, отдавая должное автору, следует отметить ценность брошюры А.Н.Гулиева, заключающаяся в том, что она явилась первым специальным исследованием азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. На наш взгляд её издание не было случайным явлением. С одной стороны, именно к этому времени отношения каждой из республик, входивших в состав СССР, и в частности – Азербайджана, с Москвой достигли такого накала, что они требовали возвратиться к корням. Поскольку XVIII – нач. XIX вв., как известно, является кульминационным в истории азербайджано-русских отношений, в дальнейшем историческом развитии азербайджанского народа, то назрела острая необходимость в издании специальной работы.

А с другой стороны, советская система со своей коммунистической идеологией постоянно нуждалась в «подпитке» незыблемости сложившихся здесь взаимоотноше-

ний. Исходя из чего в работе А.Н.Гулиева ряд вопросов не получил должного освещения и не потому, что это был первый шаг в исследовании указанной проблемы.

В работе А.Н.Гулиева политика России не получила объективного и глубокого отражения. Многие события и факты изучаемой проблемы освещены односторонне. В большинстве случаев отсутствует стремление разобраться в конкретных событиях, нет глубокого проникновения в суть и механизм процесса завоевания Азербайджана Россией. На наш взгляд, все вопросы, связанные с последним, А.Н.Гулиев, как и все авторы 50-х годов, и последующие, стремился подчинить положению о якобы добровольном и мирном характере этого исторического события. Отсюда, обобщенная и неаргументированная точка зрения о последовательности русской ориентации народных масс Азербайджана, об усилении русской ориентации в Азербайджане во II половине XVIII века и её решающей роли в подготовке почвы для присоединения Северного Азербайджана к России, которое, безусловно, советская идеология твёрдо диктовала отрицать как завоевательный акт со стороны России и тем более думать о каких-либо возможных пагубных последствиях этого события.

Период XVIII – нач. XIX вв. в истории Азербайджана освещен и в коллективной монографии «Советский Азербайджан»,³⁷⁶ которая ставит целью ознакомить широкие круги населения с жизнью Советского Азербайджана, его природными условиями, населением, историей, культурой, хозяйством. Она состоит из трех частей, вторая из которых – историческая. В очерке, написанном А.Н.Гулиевым, М.А.Казиевым и Е.А.Токаржевским, где события излагаются скорее в тезисном порядке, уделено особое внимание отношениям Азербайджана с Россией в названный период.

Хотя в очерке сжато, изложен прикаспийский поход Петра I, важным является указание цели Петра I, заключавшейся в завоевании прикаспийских областей. Очевидно ав-

торы не ставили перед собой задачу раскрыть причины, условия, при которых был начат поход и, самое главное, его значение и для русского государства, и для населения Азербайджана. Вместе с тем сделаны безуспешные попытки показать доброжелательное отношение азербайджанцев к России. Приведенный в подтверждение факт о получении Петром I в Дербенте письма из Баку о том, что «его жители благожелательно относятся к приходу русских войск»³⁷⁷ звучит обобщенно и необедительно.

Следует отметить, что при освещении и других вопросов авторы стоят на прежних позициях, и рассматривают их исключительно в ракурсе заложенной партийной установки. Так, они оставляют вне поля зрения политику и действия русского государства, предшествовавшие уходу русских войск из прикаспийских областей, и ограничиваются констатацией факта подписания Гянджинского договора 1735 г., по условиям которого русские войска были выведены из Баку и Дербента.³⁷⁸ В то же время авторы дотошно рассматривают случаи грабежей и притеснений населения Азербайджана, чинимые иранскими и турецкими захватчиками.

Вполне понятно, почему авторы умышленно умалчивают о двойственной политике Екатерины II в отношении азербайджанских ханов и детально излагают пророссийскую внешнюю политику Фатали хана Губинского и Ибрагимхалил хана Гарабахского,³⁷⁹ всячески восхваляя их и ставя им это в заслугу. Авторы объективно правы в том, что считают указанных ханов сильными феодальными правителями, стремившимися оставаться независимыми.

Наконец, при освещении таких важных вопросов как участие азербайджанцев в рядах русской армии во время первой русско-иранской войны, «помощь» населения русским войскам,³⁸⁰ авторы не смели изменить уже традиционный для историографии того времени курс при разработке азербайджано-русских отношений указанного периода и, несмотря на жестокий колониальный гнёт, установленный в

Северном Азербайджане после завоевания этой территории царизмом, они утверждают, что это событие имело прогрессивное значение для азербайджанцев.

В целом, даже если учесть, что изложение исследуемых нами вопросов в данном очерке носит ознакомительный характер при отсутствии должного научного их отражения, опять-таки в глаза бросается утрированная, необъективная трактовка фактов и событий.

Подводя итоги, можно утверждать, что общий подъём в области исторических наук к середине 50-х годов XX века, позволил подвести некоторые итоги проделанной за послевоенные годы работе. В том же 1958 году был опубликован первый том обобщающего труда – трехтомного издания «Истории Азербайджана», в котором нашла систематическое отражение история азербайджанского народа и страны с древнейших времен до конца XVIII века. Появление этого труда явилось крупным достижением азербайджанской исторической науки. Если в данном томе ряд проблем средневековой истории были впервые аргументировано освещены, то рассматриваемые в заключительной главе вопросы истории Азербайджана XVIII века получили дальнейшую разработку, и среди них особое внимание уделяется азербайджано-русским отношениям. В данной работе сконцентрированы ключевые позиции всех советских авторов, как 50-х, так и последующих лет, по основным вопросам изучаемой нами проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв.

Авторы аргументировано обосновывают заинтересованность царского правительства в богатствах Азербайджана и не скрывают цель его завоевательной политики в отношении данного региона. Они подчеркивают, что «для растущей промышленности России нужно было сырье, а для удовлетворения потребностей господствующего класса – серебро, золото и другие богатства, которые предполагалось раздобыть путем завоевания новых земель», и далее «рус-

ская мануфактурная промышленность нуждалась в тех видах сырья и материалов, которыми обладал Азербайджан».³⁸¹ И хотя в работе звучит утверждение о том, что «целью русского проникновения на юг было овладение берегами Каспия», и раскрывается суть восточной политики России, тем не менее, к последней не применяются такие термины как «колонизатор» или «агрессор», употребляемые в отношении действий европейцев, а также иранских и турецких захватчиков в данном регионе.³⁸²

Признавая стремление России государства установить русский протекторат над феодальными владениями Кавказа, авторы не только мягко говорят об экспансионистском содержании политических и экономических мероприятий России в отношении Азербайджана, но и считают, что они «находили благоприятную почву в Азербайджане...». По их мнению «здесь изо дня в день усиливалась русская внешнеполитическая ориентация, в основе которой лежала тенденция к сближению с Россией в борьбе против иранской и турецкой экспансии».³⁸³ Таким образом, налицо очередное оправдание действий России и затушевывание их захватнического характера.

Неслучайно красной нитью через всю главу проходит мысль о благожелательном отношении местного населения Азербайджана к России, причём без дифференциации между феодалами и народными массами. Понятно, почему авторы и здесь сознательно не рассматривают истинные задачи, стоявшие перед русскими в период похода Петра I в Азербайджан, и пытаются убедить в подлинности зафиксированных в Манифесте целей их вторжения, одной из которых якобы является прекращение беспорядков в областях, подвластных Ирану.³⁸⁴

Правда, в отличие от других работ, авторы справедливо констатируют данное в Манифесте обещание не причинять местному населению никакого ущерба,³⁸⁵ вместе с тем это следовало расценить, как часть далекоидущей и тонкой

политики Петра I, направленной на завоевание доброжелательного отношения местного населения, прежде всего, с целью удовлетворения своих собственных интересов.

В главе объективно подчеркивается то большое значение, которое придавалось овладению Баку в планах Петра I, и не менее важным является подтверждение наличия двух групп в городе – сторонников и противников русской ориентации.

Тот факт, что авторы отдают предпочтение группе сторонников русской ориентации, возглавляемой юзбаши Дергяхгулу беком, и считают излишним мотивировать действия её противников, на наш взгляд, опять-таки служит единой задаче – затушевать завоевательный характер вступления русских войск в прикаспийские области.

В главе Азербайджан справедливо представляется, как узел противоречий России, Ирана и Турции, что является центральной линией изложения событий. Особенно показательны в этом отношении договоры, заключенные между Россией и Ираном (1723, 1732, 1735 гг.),³⁸⁶ между Россией и Турцией (1724 г.),³⁸⁷ между Турцией и Ираном (1732, 1733 гг.), и др. Простое перечисление этих договоров уже ярко демонстрирует столкновение интересов названных стран в Азербайджане.

Обстоятельно излагая предпринятые царским правительством меры в прикаспийских областях, авторы как-бы противопоставляют их жестокому, тяжелому режиму, установленному на захваченных землях Азербайджана турецкими завоевателями.³⁸⁸ Авторы не только рассматривают эти шаги, как «важные вехи» в упрочении позиции России в данном регионе,³⁸⁹ но и не скрывают, что «правительство Петра I, выражавшее интересы российских помещиков и купцов, прежде всего, стремилось превратить прикаспийские области в сырьевую базу для русской мануфактурной промышленности».³⁹⁰

Вместе с тем, хотя в главе и признается, что в 20-

30-х гг. XVIII века Россия предприняла попытку овладеть прикаспийскими областями Азербайджана³⁹¹ и материал преподносится под этим углом зрения, авторы отрицают, что «включение» прикаспийских областей в состав России явилось результатом завоевания, и высказывают субъективное мнение, будто «исторический акт присоединения прикаспийских областей к России создавал предпосылки для дальнейшего развития политических и экономических связей между Азербайджаном и русским государством, способствовал укреплению военно-политических отношений России с народами Кавказа и усилению здесь прорусской внешнеполитической ориентации».³⁹² Вышеуказанные азербайджано-русские связи развивались, прежде всего, в интересах русского государства и по правилам, продиктованным царскими властями. Авторы преувеличивают имеющуюся среди некоторых слоев населения Азербайджана прорусскую тенденцию, возводя её до движения за присоединение к России.³⁹³ Поскольку они не могли выйти за рамки принятого в условиях советского режима, изложения фактов и событий, то субъективно подобранный материал не дает усомниться в безоговорочном желании азербайджанского населения перейти под власть России. Однако, вряд ли можно предполагать, что феодальная знать спокойно была готова отказаться от своей власти. Совершенно очевидно, что отдельные обращения азербайджанцев отнюдь не предполагали замену иранского или турецкого гнета колониальным гнетом царизма. Тем более, что такие же обращения были и к Ирану, и к Турции.

Вместе с тем, нам понятна позиция авторов, которым, в очередной раз, в целях оправдания вступления русских войск необходимо было выдвинуть и развить мысль об усилении русской ориентации. Этим же объясняется и тот факт, что, рассматривая антииранские и антитурецкие выступления как борьбу за свободу и независимость страны,³⁹⁴ авторы твердо стоят на позиции враждебности народных масс к

Ирану и Турции, «как вековым угнетателям народов Кавказа»³⁹⁵ и, напротив, стремятся противопоставить им интересы России, хотя в своих экспансионистских планах по отношению к Азербайджану эти страны отнюдь не отличались друг от друга.

Авторы сами признают, что и в период правления Екатерины II «Россия имела обширные планы политических и экономических завоеваний на Кавказе, что являлось выражением колониальных замыслов ее господствующих верхов».³⁹⁶

При освещении событий этого периода в главе также доминирует мысль об усилении тяготения образовавшихся на территории Азербайджана во II пол. XVIII в. независимых ханств к России. Естественно, в работе отразилась уже сложившаяся среди историков точка зрения относительно последовательной русской ориентации видного государственного деятеля Азербайджана Фатали хана Губинского, и в качестве доказательства представлены сведения о его неоднократных обращениях к русскому государству с просьбой об оказании помощи, отказе от предложения турецкого султана,³⁹⁷ о миссии губинского посольства в Петербурге в 1787 г.³⁹⁸ и т.д. Таким образом, раскрывая, позицию Фатали хана, и, в целом, большинства азербайджанских ханов, вновь наблюдается не критическое отношение к источникам и особенно к субъективным сведениям русских чиновников. В главе отсутствует подлинная политическая мотивация действий азербайджанских правителей, не желавших уступить кому-либо свою власть. Авторы также не могут открыто осветить суть и принципы двойственной политики Екатерины II в отношении Азербайджана. В то же время, в работе, с одной стороны, говорится о рескриптах командующему русскими войсками на Кавказе, в которых императрица неоднократно поручала уверить азербайджанских владельцев в доброжелательстве русского двора,³⁹⁹ а с другой, – возвращение Фатали хана из похода в Южный Азербай-

джан, верно, связывается с нежеланием царского правительства чрезмерного усиления губинского правителя. По той же причине в 1775 г. русские войска были отозваны из Азербайджана, однако, это обстоятельство осталось без внимания. Таким образом, констатация исторических фактов позволяет читателю создать верное представление о политике царизма в данном регионе.

Красной нитью проходит мысль об усилении русской ориентации среди народных масс Азербайджана и во II половине XVIII в.; причем, если прорусская политика феодальных правителей в работе аргументируется и обосновывается, хотя и неверно была представлена ее подоплека, то в отношении народных масс авторы делали необоснованное обобщение.

На наш взгляд, при характеристике действий азербайджанских ханов по отношению к России авторы стоят на позиции либо измены их русскому государству, либо проявления у них русской ориентации, выражением которой, как уже отмечалось, являлись неоднократные обращения этих ханов к России за помощью, особенно в 90-х годах XVIII в., когда Азербайджан находился под угрозой порабощения Ираном и, в частности, Ага Мухаммедом Гаджаром. С гордостью описывая героическую борьбу шушинцев против иранских завоевателей,⁴⁰⁰ и, в целом, констатируя сопротивление иранским поработителям со стороны народных масс Азербайджана, авторы считают, что «сопротивление народа ослаблялось политической раздробленностью Азербайджана и изменническим поведением некоторых феодальных правителей».⁴⁰¹ Если с первым можно согласиться, то второе в корне ошибочно. Феодальные правители как главы определенных государств, не желали терять свою независимость, почему одни прибегали к политике лавирования, а другие не боялись показать свое неподчинение. Но и в том, и в другом случае действия азербайджанских ханов объяснялись, прежде всего, целями самоутверждения. Од-

нако, авторы вынуждены были выступать с позиции русских источников, т.е. – защиты политики русского правительства, представляя не подчинившихся России ханов изменниками и действовавшими только «во имя своих корыстных интересов». Так, предателем выглядит геройски погибший, защищая своё ханство. Джавад хан Гянджинский, который «помог обеспечить продовольствием войско Ага Мухаммед хана после его отступления от Шуши». ⁴⁰² Однако, если отказаться от пророссийской предвзятости, объективный анализ исторических обстоятельств того времени позволяет считать Джавад хана верным сыном азербайджанского народа. Расценивая его действия, наряду с действиями других азербайджанских ханов, как помощь иранским завоевателям, авторы в очередной раз пытаются обойти стороной вопрос о таких же захватнических целях и у России. Вместе с тем, в главе подчеркивается, что нашествие Ага Мухаммед хана в Южный Кавказ «было направлено против ее (России – М.И.) интересов на Кавказе». ⁴⁰³ Приведенные факты свидетельствуют об активизации политики правительства Екатерины II после окончания русско-турецкой войны (1787-1791 гг.). Обращения некоторых азербайджанских ханств к России в обстановке вторжения иранских полчищ было лишь поводом для начала осуществления давно вынашиваемых захватнических планов России. Но авторы сознательно отказываются от этой мысли и вновь безосновательно показывают русских в качестве заботливых попечителей. Так, вступление в 1796 г. русских войск под командованием генерала В.Зубова в Азербайджан они считают нужным преподнести, как стремление российского правительства «оказать поддержку ханам Азербайджана и другим закавказским правителям, которые просили помощи у России и заявляли о своей готовности принять русское подданство». ⁴⁰⁴

Стараясь подвести нас к мысли о мирном занятии русскими войсками городов Азербайджана, чему, якобы, спо-

собствовало расположению азербайджанских ханов к России, авторы голословно утверждают, что большинство азербайджанских ханств в этот период «перешло под власть России».⁴⁰⁵

Авторы не только выступают против колебания некоторых ханов в своем отношении к России, но и необоснованно обвиняют их за сомнения и опасения потерять свою власть, и, наоборот, с гордостью, хотя и обобщенно, говорят о содействии народных масс русским войскам.⁴⁰⁶ Вместе с тем, авторы старательно рисуют картину хорошего отношения большинства русских солдат и офицеров к населению Азербайджана. В частности, отмечается, что «они оплачивали продукты, получаемые от местных жителей».⁴⁰⁷ Перед нами вновь не критический подход к сведениям источников. Известные факты оказанного русским войскам в Дербенте сопротивления, заговора азербайджанских ханов против В.Зубова, с которыми мы сталкиваемся в ряде исследований, лишний раз доказывают стремление авторов выдать желаемое за действительное. Даже если допустить, что русским солдатам и офицерам, было запрещено бесчинствовать, то это объяснялось не благородностью, как это пытаются представить в работе, а заинтересованностью царского правительства в обеспечении лояльного к себе отношения в целях претворения в жизнь задуманных планов, которые ясно показывают стремление России овладеть опорными пунктами в бассейне Каспийского моря.⁴⁰⁸

Интересным является тот факт, что работы, написанные на рубеже XX-XXI веков, полностью проливают свет на вопросы о произволе и недостойном поведении русских в период пребывания их в Азербайджане.⁴⁰⁹ Что касается отношений между В.Зубовым и местными ханами, которые не сложились с самого начала похода в Азербайджан, то автор одного из указанных исследований Г.Мамедова утверждает: «... с первых дней [В.Зубов] своим недоверием к местным ханам, которые за оказание сопротивления были устранены

от власти и заменены якобы более преданными правителями, он вызвал взаимное недоверие. И в результате, азербайджанские владетели, стремившиеся сохранить собственную независимость, отошли от В.Зубова и составили против него оппозицию. Все это решило исход похода не в пользу России».⁴¹⁰

Авторы первого тома «Истории Азербайджана» справедливо связывают уход русских войск из Азербайджана (1797 г.) с воцарением на престол сына Екатерины II Павла I: враждебно относясь ко всем делам своей матери, он отозвал русские войска из Азербайджана.⁴¹¹ Но, в дальнейшем, судя по изложенному материалу, проводимая Павлом I политика в отношении Азербайджана фактически явилась продолжением двойственной политики Екатерины II. Ярким подтверждением может послужить императорский рескрипт от 5 января 1797 г., в котором говорилось о желании оказать «покровительство ханам Азербайджана».⁴¹²

Как уже отмечалось, перед авторами стояла цель задушевать колониальные цели царской России и в конце XVIII в. Они утверждают якобы о невозможности дальнейшего самостоятельного существования азербайджанских ханств в условиях угрозы порабощения Азербайджана и всего Южного Кавказа Ираном и Турцией, чтобы оправдать добровольный выбор азербайджанского народа «присоединиться к России». Поэтому, по их мнению, отправленные в 1797-1799 гг. в Россию азербайджанские посольства являются ничем иным, как проявлением искренности.⁴¹³

Признавая собственно интересы России, авторы не видят таковые у феодальных владельцев Азербайджана, и не правы, когда обвиняют их в преследовании корыстных целей. В противоположность им ставят русскую ориентацию народных масс, которая, по мнению авторов, якобы была наиболее стойкой и последовательной.⁴¹⁴ Эта обобщенная оценка совершенно безосновательна, т.к. позиция азербайджанских ханств определялась, прежде всего, действиями

их правителей, народные же массы в целом были слепыми исполнителями воли правящей власти.

Авторы не правы, когда считают, что «реакционная тенденция не имела широкой социальной базы и объединяла лишь ту часть феодальной верхушки, которая блокировалась то с Ираном, то с Турцией».⁴¹⁵ Лавирование некоторых азербайджанских ханов, руководствовавшихся не только стремлением сохранить свою власть, но и религиозной общностью, авторы неверно выдают за отрицательное явление. Это и понятно, так как все события и факты излагаются с точки зрения защиты русской ориентации. Выгодно выставляя русскую ориентацию, как передовую и всеобщую тенденцию в Азербайджане, авторы приходят в корне к неправильному выводу о том, что «хотя в тех условиях эта передовая тенденция ещё не могла одержать окончательной победы, тем не менее, уже тогда были налицо исторические предпосылки для осуществления мечты лучших представителей азербайджанского народа о присоединении к России».⁴¹⁶

Таким образом, несмотря на свои достоинства, рассматриваемый труд отражал также некоторые недостатки, связанные с состоянием разработки проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начало XIX вв. в азербайджанской историографии. Вместе с тем данный капитальный труд, несомненно дал толчок новому подъему научных исследований в этой области, расширению масштабов её изучения.

В конце 50-х годов вопросы азербайджано-русских отношений XVIII – начало XIX вв. становятся в центре внимания азербайджанских историков, среди ученых продолжалась серьёзная работа по изучению этих отношений. Доминирующим звеном в них опять-таки оставалась проблема завоевания Азербайджана Россией, что видно из самих названий монографических исследований этого периода. К ним следует отнести работы: Иоаннисяна А.Р. «При-

соединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия» (Ереван, 1958 г.); Григоряна З.Т. «Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в.» (Москва, 1959 г.); Смирнова Н.А. «Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв.» (Москва, 1958 г.).

В этих монографиях бросается в глаза поставленная авторами цель – оправдать завоевание Россией Азербайджана, и представить данный акт, как итог развития азербайджано-русских отношений в указанный период, исходя из чего авторы обращали внимание на те факты и события, которые являлись определяющими в достижении поставленной задачи: отношение местного населения к русским войскам, поход русских войск во главе с В.Зубовым, участие азербайджанцев на стороне русских войск и т.д. Однако по всем вопросам позиции авторов ничем не отличались от предыдущих. Поэтому, во избежание повтора, мы на них не остановимся. Лишь отметим, что, несмотря на различие фраз, суть осталась прежней, что было естественным при той же необъективной интерпретации источников и не критическом и предубежденном подходе к ним. Хотя А.Иоаннисян и отмечает, что «работа не претендует на изложение истории присоединения Закавказья к России и изучение всех вопросов, связанных с этим историческим событием»,⁴¹⁷ однако во введении, не ссылаясь на источники и литературу, он в общих чертах рассматривает ряд аспектов азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., необходимых для освещения главной цели монографии – противодействия Англии и Франции присоединению Южного Кавказа к России.

Изложенный вышеназванными авторами материал создает то же обманчивое впечатление о якобы искренних дружественных взаимоотношениях между азербайджанскими ханами и Россией, какое складывалось при анализе предшествующих работ.

Считаем важным ещё раз подчеркнуть, что авторы не

игнорировали интересы России в данном регионе. Достаточно отметить, что и в работе Смирнова Н.А. особое внимание уделено планам российских властей создать «из азербайджанских прикаспийских областей ещё одно государство под старинным названием Албания».⁴¹⁸ Более того, к захватническим намерениям Ага Мухаммеда Гаджара в отношении Южного Кавказа автор относится, как к главному фактору, препятствовавшему реализации проектов образования буферных государств в данном регионе.⁴¹⁹

Вместе с тем, указанные исследователи, также как и предшествующие историки, стремились затушевать колонизаторские цели царского правительства русской ориентацией местного населения, добровольным признанием российской власти и прогрессивной ролью России. Так, по мнению З.Григоряна, поход русских войск во главе с В.Зубовым был предпринят «с целью дать отпор реваншистским устремлениям персидского шаха в отношении Грузии, Северного Азербайджана и Дагестана и укрепить русское влияние в Закавказье», а вместе с тем, в занятии ряда азербайджанских городов за короткий срок автор отмечает большую роль содействия, оказываемого русским войскам южно-кавказскими народами, в первую очередь – азербайджанским населением ханств.⁴²⁰

В свою очередь, акцентируя внимание на стремлении некоторых азербайджанских ханов к сближению с Россией, Н.А.Смирнов не раскрывает должным образом их позицию, как правителей независимых азербайджанских государств. Ограничиваясь меркантильными интересами ханов, в частности – губинского и гарабахского, рассчитывавших с помощью России, по мнению автора, только расширить свои владения, в работе фактически игнорируется свойственная им (ханам - М.И.) политика лавирования для обеспечения целостности своих ханств.⁴²¹

Вместе с тем, затушевывая лицемерную, двойственную политику правительства Екатерины II, Н.А.Смирнов

несправедливо выставляет Россию благородной и способной на широкий жест страной, несмотря на осознание ею субъективных целей азербайджанских правителей. Подтверждением тому служат как представленные и в данной работе факты о желании России заключить договоры с азербайджанскими ханами, так и термины, которыми автор наделяет её действия. Безусловно, и в исследовании Н.А.Смирнова планы иранского правителя Ага Мухаммеда в отношении Южного Кавказа считаются агрессивными, и, наоборот, в розовых тонах рассматриваются задачи, стоявшие перед отправленными в 1796 г. в данный регион русскими войсками, «которые, прежде всего, должны были избавить народы Закавказья от повторного нашествия» Ага Мухаммеда.⁴²²

Н.А.Смирнов остается верен заложенной в советской историографии тенденции и при рассмотрении позиции России и азербайджанских ханств в ходе русско-иранских войн. Чтобы усилить российскую склонность азербайджанских ханов, он противопоставляет договоры их с российским правительством подстрекательской роли иранского шаха среди феодальных правителей Азербайджана.⁴²³

Таким образом, в очередной раз российской ориентацией азербайджанских правителей, имевшей совершенно иную политическую подоплёку, обосновывается якобы добровольное вхождение азербайджанских ханств в состав России. А это, как считает Н.А.Смирнов, «значительно обезопасило Кавказ от посягательств со стороны иранских шахов».⁴²⁴

Шаблонная оценка Гюлистанского и Туркменчайского договоров, а также характера войн России с Ираном и Турцией в первой четверти XIX в., оказавших, по мнению автора, «большое положительное влияние на судьбу народов Кавказа» и подытоживших «присоединение к России Закавказья»,⁴²⁵ является ярким показателем позиции Н.А.Смирнова и сложившейся в советской историографии тенденции

не только в отношении русско-иранских войн, но и проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX веков в целом.

Вместе с тем, констатируя уже известные последствия завоевания Южного Кавказа Россией, Н.А.Смирнов приходит к заключению, что «эти положительные результаты присоединения Кавказа к России вовсе не учитывались заранее и не выступали в качестве обдуманной цели политики царизма. Они явились следствием объективных условий, в которые попали народы Кавказа и Закавказья, приобщившись к стране, стоявшей на несравненно более высокой ступени экономического развития...». ⁴²⁶ Если можно согласиться с первой частью высказывания автора, то во второй мы сталкиваемся не только с затушевыванием завоевательного процесса, но и оправданием нахождения южнокавказских народов, в том числе азербайджанского, в составе России. Неслучайно, автор подчеркивает, что «политика России, направленная к присоединению Закавказья, встретила сочувствие и содействие южнокавказских народных масс, за исключением отдельных представителей господствующего класса». ⁴²⁷

А, с другой стороны, Н.А.Смирнов объективно раскрывает суть колониальной политики царизма, которая, как он уверяет, «не сулила покоренным народам ничего доброго». ⁴²⁸ Эта двойственность у Н.А.Смирнова, как и у остальных исследователей, в оценке взаимоотношений России с Южным Кавказом, в том числе с Азербайджаном, в изучаемый период не мешает нам согласиться с его точкой зрения по поводу того, что «при утверждении царизма на Кавказе в первой четверти XIX века она приобрела новые, более жестокие формы, чем те, которые были известны кавказским народам в предыдущем столетии. Это породило среди местного населения не только недоверие, но нередко и враждебное отношение ко всему русскому». ⁴²⁹

В таком же ракурсе А.Иоаннисян даёт акт завоевания

Азербайджана Россией в нач. XIX в., в основе которого лежит стремление России удовлетворить свои экономические и политические запросы в данном регионе. Однако автор считает необходимым и первоочередным подчеркнуть, что «присоединение Закавказья к России отвечало кровным интересам закавказских народов, для которых в исторических условиях того времени оно являлось единственной возможностью избежать турецко-иранского ига».⁴³⁰ Более того, в данном акте А.Иоанисян не видит ничего, кроме как добровольное признание власти России большей части азербайджанских ханов, за исключением Джавад хана Гянджинского, оказавшего упорное сопротивление русским войскам и при благожелательном отношении населения.⁴³¹

Необходимо отметить, что и эти авторы подменяют желание и действия христианского населения – армян в отношении русских всеобщей и последовательной русской ориентацией азербайджанского населения. Так, отсутствие критического подхода к источникам приводит Н.А.Смирнова к неверному противопоставлению настроения простого народа, якобы обрадовавшего приходу русских войск во главе с В.Зубовым, тревоге, охватившей некоторых азербайджанских феодалов. При этом автор указывает и причину такого состояния, заключающего якобы в желании «чёрного народа» покончить с охватившими страну междоусобицами.⁴³²

Как видим, и для Н.А.Смирнова, в целом не ставившего перед собой задачу изучить азербайджано-русские отношения XVIII – нач. XIX века, данный не раз, упоминаемый нами факт также служит обоснованием для того, чтобы выдать желаемое за действительное, когда естественное рвение христианского населения к России представляется, как российская склонность азербайджанского народа. Более того, почти все исследователи бывшего СССР и армянские авторы продолжают необоснованно и голословно выдавать или подразумевать исконные земли Азербайджана (Гарабах

и Иреван), как территорию Восточной Армении.

В статье А.М.Лапина,⁴³³ посвященной истории культурных связей России с Азербайджаном, дается общее представление о некоторых аспектах политических азербайджано-русских взаимоотношений в XVIII – нач. XIX вв., которые, к слову, аналогично тенденциозны, и подчеркивается, что «кратковременный период, когда часть Азербайджана входила в состав России, оставил у народа, пережившего тяжкие страдания от турецких и персидских захватчиков, очень благоприятное впечатление».⁴³⁴

А поход русских войск во главе с В.Зубовым автор расценивает, как бескорыстную помощь со стороны России, которая «сыграла большую роль в изгнании персидских захватчиков из пределов Азербайджана в 1795-1796 гг.».⁴³⁵

Исходя из вышеизложенного, в завоевательном акте России в нач. XIX в. автор не мог выделить ничего, кроме как получение азербайджанским народом возможности непосредственного общения с передовыми деятелями русской науки и литературы.⁴³⁶

Объектом исследования таких русских историков, как Л.С.Семёнов, А.А. Тихонова и др., явились русско-иранские отношения первой трети XIX века. В их задачу не входило изучение азербайджано-русских отношений, поэтому отчасти затронутые в работах названных авторов отдельные моменты процесса завоевания Южного Кавказа Россией, в частности, ход и итоги русско-иранских войн, заключение договоров и их значение, они рассматривали исключительно через призму отношений между Россией и Ираном. Более того, позиция авторов в отношении указанных вопросов не отличалась от оценки предшествующих исследователей.⁴³⁷

Следует отметить, что в большинстве работ историков, как этого периода, так и последующих лет, объектом изучения служила деятельность крупнейшего государственного деятеля Азербайджана XVIII века Фатали хана Губинского и, прежде всего, его внешнеполитическая ориентация

на Россию, получившая у всех авторов, как мы увидели, в том числе у Лапина, тенденциозную оценку. В предисловии к работе Искендер бека Гаджинского «Жизнь Фатали-хана Кубинского» (Баку, 1959 г.) отмечено, что указанный вопрос освещен «не без прикрас и идеализации».⁴³⁸

Представляя Фатали хана ревностным поборником русской ориентации, автор относительно подробно рассматривает условия и причины обращения Фатали хана к России. По его мнению, в основе последнего лежит стремление губинского правителя к «единовластию в Закавказском крае и распространить свою власть дальше».⁴³⁹

Работа И.Гаджинского не явилась исключением в почете Фатали хана последовательным сторонником России и якобы бескорыстности и искренности последней. Автор выражает идентичное мнение по поводу высокой оценки Фатали ханом той действенности российской помощи, которая нашла отражение в описании оказанного губинским правителем тёплого приёма генералу де Медему и которая позволила Фатали хану «возвратить всё потерянное».⁴⁴⁰ И в данной работе рассматриваемый вопрос носит односторонний характер. Сочтя нужным в восторженных тонах описать помощь со стороны России, автор, однако, не связывает с политикой царизма срыв планов Фатали хана утвердить власть в южноазербайджанских землях и в Иране и пытается объяснить его причину смертью губинского правителя.⁴⁴¹

Таким образом, несмотря на то, что работа посвящена сугубо деятельности Фатали хана, автор допустил однобокость и субъективность при рассмотрении отношений между ним и русским государством, и ему ничего не остается, как придерживаться уже сложившейся позиции по поводу русской ориентации Фатали хана Губинского, не уделив внимание двойственной политике российского правительства по отношению к нему. Как уже не раз отмечалось, в те годы автор не вправе был изложить ту истину, что помощь со стороны России оказывалась постольку, поскольку это отвеча-

ло собственно интересам России в данном регионе. Думаем, не излишне будет вновь подчеркнуть, что, не желая дальнейшего усиления Фатали хана Губинского, не заинтересованное в том, чтобы иметь на юге сильное, да к тому же мусульманское государство, русское правительство запретило продвижение своих войск дальше, несмотря на просьбу губинского правителя.

Таким образом, рассматриваемые нами монографические исследования и журнальные статьи показывают всю важность и необходимость изучения развития азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. в азербайджанской и русской историографии в послевоенный период. Следует подчеркнуть, что, при всем различии подхода к данной проблеме, эти работы дополняют друг друга и создают целостное представление как о самом вопросе, так и степени его разработки.

Выявляя то рациональное, что достигнуто историками по указанной тематике, можем заключить, что для I трети XVIII в. в Азербайджане характерно частичное складывание русской ориентации, выраженное в обращениях к России за помощью в борьбе против иранского и турецкого ига.

Вместе с тем, несправедливо представляя мнимое усиление русской ориентации как отражение долголетних чаяний азербайджанского народа, среди исследователей нет сомнений и разногласий в понимании, якобы, решающего значения ориентации на Россию в судьбе азербайджанского народа. Авторы в основном игнорируют умелую и гибкую политику царского правительства, в результате которой и складывалась вышеуказанная слабо выраженная русская ориентация в Азербайджане в первой трети XIX века. Последнюю они не только выпячивают, но и, забывая о захватническом характере политики царской России в данном регионе, преувеличивают её масштабы вплоть до не наблюдавшегося здесь движения за присоединение к России. В результате этого, по ошибочному заключению большинства

авторов, русская ориентация возведена ими до размеров мощного определяющего фактора и используется как для оправдания вступления русских войск в Азербайджан, так и вообще для отрицания завоевательной политики царской России в регионе.

Азербайджанские исследователи, верно пронаблюдали политику Ирана, открыто направленную на беспрекословное подчинение Азербайджана. Признавая захватнические действия Ирана и Турции, они не считают таковыми же и политику России, хотя не раз констатировали цели последней в данном регионе. Россия умело завуалировала свои подлинные планы, каковые почти не нашли отражения в разбираемых работах. Проводниками русской ориентации, порой являлись азербайджанские правители, введенные в заблуждение обещаниями русского правительства и надеявшиеся на сохранение своей власти. В целом же, о добровольной сдаче или же искренней мечте о русском покровительстве не могло быть и речи.

Некритическое отношение к данным русских источников, в которых не раз можно встретить утверждение о том, что азербайджанский народ желает прихода русских, легло в основу позиции почти всех авторов послевоенного периода. Им выгодно было выдавать отдельные обращения феодальных правителей Азербайджана к России за искреннее тяготение к ней народных масс, что, естественно, не соответствовало действительности.

Затушевывая разрушительные действия русских войск и представляя их в качестве спасителей, исследователи именно в послевоенный период закрепили концепцию о добровольном присоединении Северного Азербайджана к России. Место отпавшей формулы «наименьшего зла» или «благополучного выхода» прочно занял термин «присоединение». И хотя, как понятие, оно включало явление различного порядка – от прямого завоевания до добровольного вхождения, исследователи отрицали присоединение Север-

ного Азербайджана к России в нач. XIX века как завоевательный акт и утверждали о его добровольном мирном характере.

В послевоенный период и особенно во второй половине 50-х годов XX века историки заняли твердую, но ошибочную позицию по вопросу о прогрессивном значении присоединения Северного Азербайджана к России, несмотря на жестокую колониальную политику царизма и тяжкие последствия этого исторического события.

Вместе с тем, учитывая их вклад в историческую науку в целом и в историю изучения азербайджано-русских отношений XVIII – начало XIX вв., следует отметить, что они не только обратили внимание на многообразие аспектов и сторон указанных отношений, но и пытались исследовать некоторые из них.

Примечания

- ¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. 5, Москва, 1958, с. 10.
- ² Сумбатзаде А.С. Историческая наука Азербайджана на современном этапе. – Вопросы истории, №12, 1972, сс. 53-55; его же. Азербайджанская историография XIX-XX вв. Баку, 1987, сс. 100-213; Георгиев В.А., Панченкова М.Т. Проблемы внешней политики России в XIX в. в трудах советских историков. – Вопросы истории, №7, 1970, сс. 138-147; Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография (В.Т.Пашуто, Г.А.Санин, Л.А.Никифоров и др.). – Москва, 1981.
- ³ Сумбатзаде А.С. Развитие исторической науки в Азерб. ССР за годы Советской власти. – Вопросы истории, №11, 1957, сс. 210-211, 215; его же. Развитие общественных наук в Азерб. ССР за годы Советской власти. – Известия АН Азерб. ССР, №10, 1957, сс. 88, 91, 95; его же. Историческая наука Азербайджана между XX и XXI съездами КПСС и перспективы ее развития. – Вопросы истории, №10, 1959, с. 125; его же. Развитие науки в Азербайджанской ССР. – Баку, 1959, с. 13; Ибрагимов Дж. К вопросу о развитии исторической науки в Азербайджане за годы Советской власти. – Труды Азерб. гос. пед. института им. В.И.Ленина, т. 14, 1960, с. 144; Ибрагимов З.И. и Токаржевский Е.А. Развитие советской исторической науки в Азербайджане. – Баку, 1964, сс. 36, 41-44, 50, 66-68; их же. Академия наук Азербайджанской ССР и

- развитие исторической науки. – Известия АН Азерб. ССР, сер. общественных наук, №3, 1965, сс. 5-8; Гусейнов И.А. Развитие гуманитарных наук в Азербайджане за годы Советской власти. – В сб.: «Развитие науки в Советском Азербайджане». Баку, 1967, сс. 269-272; Очерки истории исторической науки в СССР, т. 7 (вып. 9). Советская историография Азербайджана. – Москва, 1968, сс. 18, 19-20.
- ⁴ Сумбатзаде А.С. Азербайджанская историография XIX-XX вв. Баку, 1987.
 - ⁵ Очерки по истории Азербайджана. – Известия Академии наук Азербайджанской ССР, №1, 5, 1946; Сумбатзаде А.С. Азербайджанская историография..., с. 102.
 - ⁶ Очерки по истории Азербайджана. – Известия АН Азерб. ССР, №5, 1946, с. 89.
 - ⁷ Речь идет о миссии А.П.Волынского.
 - ⁸ Очерки по истории Азербайджана. – Известия АН Азерб. ССР, №5, 1946, с. 89.
 - ⁹ Речь идёт об ограблении русских купцов при взятии Шемахи повстанцами в 1721 г. во время ширваского восстания во главе с Гаджи Давудом.
 - ¹⁰ Очерки по истории Азербайджана. – Известия АН Азерб. ССР, №5, 1946, с. 91.
 - ¹¹ Там же, с. 92.
 - ¹² Там же.
 - ¹³ Там же.
 - ¹⁴ Там же, сс. 92, 93.
 - ¹⁵ Там же, с. 104.
 - ¹⁶ Там же.
 - ¹⁷ Там же, с. 105.
 - ¹⁸ Там же, сс. 106-108.
 - ¹⁹ Мамедова Г. Указ. раб., с. 22.
 - ²⁰ Очерки по истории Азербайджана. – Известия АН Азерб. ССР, №5, 1946, с. 108.
 - ²¹ Там же, с. 113
 - ²² Там же.
 - ²³ Там же.
 - ²⁴ Там же, сс. 114-116.
 - ²⁵ Там же, с. 116.
 - ²⁶ Там же.
 - ²⁷ Левиатов В.Н. Фатали хан Кубинский. – Известия АН Азерб. ССР, отд. общественных наук, вып. IV, №9, 1946; его же. О походе Фатали хана в Ардебиль. – Известия АН Азерб. ССР, отд. общественных наук, №12, 1947, сс. 31-49.

- ²⁸ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948.
- ²⁹ Там же, сс. 74-76.
- ³⁰ Там же, с. 77.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, с. 79.
- ³³ Там же, сс. 80-81.
- ³⁴ Там же, с. 82
- ³⁵ Там же, сс. 86-87, 90.
- ³⁶ Там же, сс. 91-92.
- ³⁷ Там же, с. 92.
- ³⁸ Там же, с. 93.
- ³⁹ Там же, с. 94.
- ⁴⁰ Там же, с. 165.
- ⁴¹ Там же, с. 131.
- ⁴² Там же, с. 132.
- ⁴³ В предшествующих статьях В.Левиатова, почти все основные выводы и положения которых вошли в рассматриваемую монографию, последовательно охарактеризованы определенные периоды взаимоотношений губинского правителя с Русским государством. – См.: Левиатов В.Н. О походе Фатали хана в Ардебиль, с. 59.
- ⁴⁴ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана XVIII в., сс. 133-135.
- ⁴⁵ Там же, сс. 137-138.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же, сс. 143-144.
- ⁴⁸ Там же, сс. 140-141.
- ⁴⁹ Там же, с. 144.
- ⁵⁰ Там же, с. 151.
- ⁵¹ Там же, с. 163.
- ⁵² Там же, сс. 164-165.
- ⁵³ Там же, с. 178.
- ⁵⁴ Там же, с. 179.
- ⁵⁵ Там же, сс. 184-185.
- ⁵⁶ Там же, с. 185.
- ⁵⁷ Там же, с. 189.
- ⁵⁸ Искендерова М.С. Указ. раб., с. 129.
- ⁵⁹ Мамедова Г. Указ. раб., сс. 68-89.
- ⁶⁰ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана XVIII в., с. 193.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же, с. 194.
- ⁶³ Там же, сс. 198, 199.
- ⁶⁴ Там же, с. 199.

- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Агаян Ц.П. А.Бакиханов. – Баку, 1948.
- ⁶⁷ Там же, сс. 19-20.
- ⁶⁸ Агаян Ц.П. Указ. раб., с. 22.
- ⁶⁹ Там же, сс. 22-23.
- ⁷⁰ Там же, с. 26.
- ⁷¹ Там же, с. 24.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же, с. 25.
- ⁷⁴ Агаян Ц.П. Выдающийся азербайджанский просветитель-историк А.Бакиханов. – Известия АН Азерб. ССР, отд. общественных наук, вып. 2, №4, 1947, с. 68.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Агаян Ц.П. А.Бакиханов, с. 26.
- ⁷⁷ Кафенгауз Б.Б. Петр I и его время. – Москва, 1948, сс.134-136; История СССР (под ред. Б.Д.Грекова), т. 1. – Москва, 1947, сс. 553-554; 653-655.
- ⁷⁸ Ионисиани А.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. – Учёные записки Москов. Гос. педагогич. Ин-та им. В.И.Ленина. Истор. фак-т, т. 37, вып. 3. Москва, 1946, сс.159-176.
- ⁷⁹ Там же, с. 162.
- ⁸⁰ Там же, сс. 164-165.
- ⁸¹ Там же, с. 166.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ В статье он дается как Талышский хан.
- ⁸⁴ Имеется в виду Мехтигулу хан.
- ⁸⁵ Мустафа хан Шемахинский – в 1820 г., а Мехтигулу хан – в 1822 г. бежали в Иран. – Там же, сс.163-164.
- ⁸⁶ Шемахинский хан имел чин генерал-лейтенанта, а гарабахский – чин генерал-майора русской службы.
- ⁸⁷ Ионисиани А.З. Указ. раб., с. 167.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же, с. 159.
- ⁹¹ Сумбатзаде А.С. Азербайджанская историография XIX-XX вв., с. 99.
- ⁹² Лысов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. – Москва, 1951.
- ⁹³ Там же, с. 14.
- ⁹⁴ Там же, сс.26-34.
- ⁹⁵ Там же, сс. 39-44, 50-80.
- ⁹⁶ Там же, сс. 72, 87, 99, 101, 122, 169; Мустафаев Т. Усиление русской ориентации в Азербайджане в I половине XVIII века. – Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1980, с. 7.

-
-
- ⁹⁷ Лысцов В.П. Указ. раб., с. 108.
- ⁹⁸ Там же, с. 106.
- ⁹⁹ Там же, с. 107
- ¹⁰⁰ Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. – Баку, 1975, сс. 26-27.
- ¹⁰¹ Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. – Баку, 1993, с. 31.
- ¹⁰² Лысцов В.П. Указ. раб., с. 104.
- ¹⁰³ Там же, с. 110.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 118.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Алиев Ф.М. Антииранские выступления..., с. 39.
- ¹⁰⁷ Там же, сс. 39-42; Dəlili H.Ə. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri fars və Azərbaycan dilli sənədlərdə. 1722. – Bakı, 1976, ss. 9-12, 31-38.
- ¹⁰⁸ Гаджи Давуд и Сурхай-хан при взятии Шемахи в 1721 г. совершили нападение на русских купцов и разграбили их. См.: Лысцов В.П. Указ. раб., с. 105
- ¹⁰⁹ Лысцов В.П. Указ. раб., сс. 119-120.
- ¹¹⁰ Там же, сс. 122-123, 124-125.
- ¹¹¹ Там же, сс. 123, 125-127.
- ¹¹² Там же, сс. 125-127.
- ¹¹³ Там же, с. 144.
- ¹¹⁴ Там же, сс. 158-159.
- ¹¹⁵ Там же, с. 159.
- ¹¹⁶ Там же, с. 177.
- ¹¹⁷ Там же, сс. 190-235.
- ¹¹⁸ Там же, с. 226; См.: Мустафазаде Т.Т. Указ. раб., с. 74.
- ¹¹⁹ Лысцов В.П. Указ. раб., с. 151.
- ¹²⁰ Там же, сс. 150-151.
- ¹²¹ Там же, с. 152.
- ¹²² Там же, сс. 93, 102, 108, 150.
- ¹²³ Там же, с. 215.
- ¹²⁴ Там же, с. 243.
- ¹²⁵ Там же, с. 15.
- ¹²⁶ Тарле Е. Русский флот и внешняя политика Петра I. – Москва, 1949; Кафенгауз Б. Северная война и Ништадтский мир – Москва, Ленинград, 1944; Никифоров Л. Русско-английские отношения при Петре I. – Москва, 1950 и т.д.
- ¹²⁷ Мехтиев Г.Г. Историческое значение присоединения Азербайджана к России. – Вопросы истории, №3, 1952; Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А. К вопросу о значении присоединения Средней

- Азии к России. – Вопросы истории, №8, 1953; Я.Я.Зутис. Об историческом значении присоединения Латвии к России. – Вопросы истории, №7, 1954 и др.
- ¹²⁸ Әliyev М.М. Указ. раб., сс. 189-190.
- ¹²⁹ Гулиев А.Н. О задачах Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР в свете исторических решений XIX съезда КПСС. – Материалы научной сессии Ин-та истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1953, сс. 104, 135-140.
- ¹³⁰ Мехтиев Г.Г. Историческое значение присоединения Азербайджана к России. – Вопросы истории, №3, 1952.
- ¹³¹ Там же, сс. 83, 84.
- ¹³² Там же, с. 84.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же, сс. 84-85.
- ¹³⁵ Там же, с. 85.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же, сс. 86, 87.
- ¹³⁸ Там же, сс. 90-91.
- ¹³⁹ Там же, с. 89.
- ¹⁴⁰ Там же, с. 87.
- ¹⁴¹ Там же, с. 93.
- ¹⁴² Әliyev М.М. Указ. раб., сс. 160-161.
- ¹⁴³ Абрамян Р. Разгром закавказскими народами турецких агрессоров в Гандже в 1723 г. – Известия АН Арм. ССР, общественные науки, №6, 1953.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 49.
- ¹⁴⁵ Там же, с. 57.
- ¹⁴⁶ Лысцов В.П. Указ. раб., сс. 102, 107; Абрамян Р. Указ. раб., сс. 58-59.
- ¹⁴⁷ Арутюнян П.Г. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х гг. XVIII в. за присоединение к России. – Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. III, 1951.
- ¹⁴⁸ Арутюнян П.Г. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. – Москва, 1954.
- ¹⁴⁹ Арутюнян П.Г. Борьба армянского и азербайджанского народов..., с. 108.
- ¹⁵⁰ Там же, с. 110; его же. Освободительное движение армянского народа..., с. 195.
- ¹⁵¹ Арутюнян П.Г. Борьба армянского и азербайджанского народов..., с. 116.
- ¹⁵² Там же, сс. 119-122; его же. Освободительное движение армянского народа ..., сс. 174-175.

- ¹⁵³ Арутюнян П.Г. Борьба армянского и азербайджанского народов..., сс. 122-123; его же. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в., сс. 219-220.
- ¹⁵⁴ Арутюнян П.Г. Борьба армянского и азербайджанского народов..., с. 135.
- ¹⁵⁵ Очерки по истории Азербайджана. – Известия АН Азерб. ССР, №5, 1946, сс. 89-92.
- ¹⁵⁶ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане (под ред. И.П.Петрушевского), ч. 1. – Москва-Ленинград, 1936, с. 16 и т.д.
- ¹⁵⁷ Лысцов В.П. Указ. раб., сс. 106-108.
- ¹⁵⁸ Арутюнян П.Г. Указ. раб., с. 217.
- ¹⁵⁹ Арутюнян П.Г. Борьба армянского и азербайджанского народов..., сс. 134-135; его же. Освободительное движение армянского народа ..., сс. 218, 220-221.
- ¹⁶⁰ Игамбердыев М.А. Русско-иранская война 1804-1813 гг. – Труды Узбек. Гос. Института им. А.Навои. Новая серия, №51, Самарканд, 1952; его же. Русско-иранская война 1826-1828 гг. – Труды Таджикского Учительского Института им. С.С.Айни, т. III, Самарканд, 1955.
- ¹⁶¹ Его же. Русско-иранская война 1826-1828 гг., с. 70.
- ¹⁶² Игамбердыев М.А. Указ. раб., с. 72.
- ¹⁶³ Там же, с. 74.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Там же, с. 79.
- ¹⁶⁸ Исмаилов М.А. Об участии азербайджанцев в рядах русских войск в русско-иранских и русско-турецких войнах I трети XIX в. – Труды Института истории и философии, т. IV, Баку, 1954.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 7.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Там же, с. 8.
- ¹⁷³ Там же, сс. 9-10.
- ¹⁷⁴ Там же, с. 8.
- ¹⁷⁵ Там же, с. 11.
- ¹⁷⁶ Там же, сс. 11-12.
- ¹⁷⁷ Там же, с. 13.
- ¹⁷⁸ Там же, сс. 13-14.
- ¹⁷⁹ Там же, с. 14.
- ¹⁸⁰ Сумбатзаде А.С. О разорительном характере иранских нашествий на Азербайджан в период присоединения страны к России (1801-1828 гг.) – Ученые записки АГУ им. С.М.Кирова, №4, 1955.

- ¹⁸¹ Там же, с. 77.
- ¹⁸² Там же, сс. 77, 81-82 и др.
- ¹⁸³ Там же, сс. 78-81.
- ¹⁸⁴ Там же, сс. 77, 78.
- ¹⁸⁵ Там же, сс. 83, 84.
- ¹⁸⁶ Там же, сс. 81, 82.
- ¹⁸⁷ Там же, с. 82.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ Там же, сс. 82-83.
- ¹⁹⁰ Там же, с. 84.
- ¹⁹¹ Сумбатзаде А.С. Прогрессивное влияние присоединения Азербайджана к России на рост народонаселения страны в XIX в. – Известия АН Азерб. ССР, №3, 1952, сс. 79-84.
- ¹⁹² Там же, сс. 80-81.
- ¹⁹³ Там же, с. 82.
- ¹⁹⁴ Там же, с.81.
- ¹⁹⁵ Там же, с. 83.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ Там же, сс. 82-83.
- ¹⁹⁸ Там же, с. 83.
- ¹⁹⁹ Там же.
- ²⁰⁰ Там же, с. 84.
- ²⁰¹ Сумбатзаде А.С. Развитие торгово-экономических связей Азербайджана с Центральной Россией в первой половине XIX в. – Учёные записки АГУ им. С.М.Кирова, №3, 1956.
- ²⁰² Там же, с. 101.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Там же.
- ²⁰⁵ Там же, сс.101-102.
- ²⁰⁶ Там же, с. 102.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ Сумбатзаде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. – Баку, 1958.
- ²⁰⁹ Там же, с. 10.
- ²¹⁰ Там же, сс. 10-11.
- ²¹¹ Там же, сс. 11-12.
- ²¹² Там же, сс. 13-15.
- ²¹³ Там же, сс. 15-16.
- ²¹⁴ Там же, с. 15.
- ²¹⁵ Сумбатзаде А.С. Кубинское восстание 1837 г. – Баку, 1961. Поскольку большинство работ автора, где затронуты некоторые вопросы исследуемой нами проблемы были написаны в 50-х годах XX в., поэто-

- му названное произведение мы рассмотрели в этой главе.
- 216 Там же, с. 7.
- 217 Там же, с. 8.
- 218 Там же.
- 219 Там же, с. 9.
- 220 Там же.
- 221 Там же.
- 222 Там же.
- 223 Там же.
- 224 Там же, сс. 117-118.
- 225 Там же, с. 117.
- 226 Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (Под ред. А.Н.Гулиева и В.Мочалова). – Баку, 1955. *Azərbaycanın Rusiya ilə birləşdirilməsi və onun mütərəqqi iqtisadi və mədəni nəticələri (XIX-XX əsrin əvvəlləri)* (Ə.Quliyev və V.Moçalovun redaktorluğu ilə). – Bakı, 1956.
- 227 Əliyev M.M. Указ. раб., с. 163.
- 228 «Присоединение...», сс. 7-19.
- 229 Там же, с. 20.
- 230 Подробно см. главу III, §2.
- 231 «Присоединение...», с. 20.
- 232 Там же, сс. 12-14.
- 233 Там же, с. 21.
- 234 Там же.
- 235 Там же, сс. 21-22.
- 236 См. подробно: Алиев Ф.М. Антииранские выступления..., с. 59; его же. Письмо бакинцев Петру I в 1722 г. – ДАН Азерб. ССР, №7, 1964.
- 237 «Присоединение...», с. 21.
- 238 Там же, с. 23.
- 239 Там же, с. 17.
- 240 Там же, сс. 29-32.
- 241 Там же, сс. 28, 44, 45, 46, 47.
- 242 Там же, с. 49.
- 243 Там же.
- 244 Əliyev M.M. Указ. раб., с. 164.
- 245 Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е годы XIX в.). – Москва, 1955. В работе Шемахинское ханство неверно называют Ширванским.
- 246 Шостакович С.В. Из истории английской агрессии на Ближнем и Среднем Востоке. – Ученые записки Иркутск, государ. педаг. института кафедры истории СССР и кафедры всеобщей истории, вып. XI,

- 1955.
- ²⁴⁷ Там же, сс. 125-127.
- ²⁴⁸ Там же, с. 128.
- ²⁴⁹ «Присоединение...», сс. 7-19, 49 и т.д.
- ²⁵⁰ Мустафаев М.М. Экономика Карабагского ханства в конце XVIII – первой трети XIX века. – Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – Москва, 1953.
- ²⁵¹ Джафаров А.П. Присоединение Ширванского ханства к России и восстановление города Шемахи. – Авто реф. дис. ... канд. истор. наук. – Баку, 1955.
- ²⁵² Абдурахманов А.А. Азербайджан в русско-ирано-турецких отношениях в первой половине XVIII в. – Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Баку, 1953.
- ²⁵³ Мустафаев М.М. Указ. раб., с. 3.
- ²⁵⁴ Там же, с. 4.
- ²⁵⁵ Там же, с. 5.
- ²⁵⁶ Там же.
- ²⁵⁷ Там же.
- ²⁵⁸ Там же, с. 12.
- ²⁵⁹ Там же, с. 13.
- ²⁶⁰ Там же.
- ²⁶¹ Там же, сс. 13-14.
- ²⁶² Там же, с. 19.
- ²⁶³ Там же, с. 11.
- ²⁶⁴ Там же, сс. 11-12.
- ²⁶⁵ Там же, с. 17.
- ²⁶⁶ Там же, сс. 17-18.
- ²⁶⁷ Там же, сс. 18-19.
- ²⁶⁸ Джафаров А.П. Указ. раб., с. 5.
- ²⁶⁹ В работе неверно даётся как Ширванское ханство.
- ²⁷⁰ Джафаров А.П. Указ. раб., с. 5.
- ²⁷¹ Там же, с. 6.
- ²⁷² Там же.
- ²⁷³ Там же, с. 7.
- ²⁷⁴ Там же, с. 6.
- ²⁷⁵ Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – нач. XVIII в. – Исторические записки, т. 57, 1956.
- ²⁷⁶ Там же, сс. 241-244.
- ²⁷⁷ Там же, с. 244.
- ²⁷⁸ Там же, с. 245.
- ²⁷⁹ Там же, с. 251.
- ²⁸⁰ Там же, с. 254.

- ²⁸¹ Там же, с. 251.
- ²⁸² Там же, с. 254.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ Юхт А. Восточная торговля России в 30-40-х годах XVIII в. и роль в ней армянских купцов (по материалам астраханской таможни). – Известия АН Арм. ССР, серия общественные науки, №8, 1956.
- ²⁸⁵ Там же, с. 45.
- ²⁸⁶ Там же, сс. 45-46.
- ²⁸⁷ Там же, с. 48.
- ²⁸⁸ Там же, с. 49.
- ²⁸⁹ Сумбатзаде А.С. Азербайджанская историография..., с. 113.
- ²⁹⁰ Петрушевский И.П. Азербайджан. – В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. – Народы СССР в I пол. XVIII в.». – Москва, 1957.
- ²⁹¹ Там же, с. 700; См. подробно: Алиев Ф.М. Антииранские..., сс. 21-28.
- ²⁹² Алиев Ф.М. Указ. раб., сс. 21, 28, 30-31.
- ²⁹³ Там же, сс. 25-27.
- ²⁹⁴ Петрушевский И.П. Указ. раб., с. 700.
- ²⁹⁵ Там же, с. 702.
- ²⁹⁶ Там же, с. 703.
- ²⁹⁷ Там же, с. 704.
- ²⁹⁸ Там же, с. 705.
- ²⁹⁹ Там же, сс. 705-706.
- ³⁰⁰ Там же, сс. 754-758.
- ³⁰¹ Там же, сс. 761, 762.
- ³⁰² Там же, с. 762.
- ³⁰³ Там же, с. 763.
- ³⁰⁴ Там же.
- ³⁰⁵ Сафаров Ю.Г. Крах турецкой и персидской агрессии на Кавказе в нач. XIX в. – Труды Института истории АН Азерб. ССР, т. XI, 1957.
- ³⁰⁶ Там же, сс. 46, 47.
- ³⁰⁷ Там же, с. 47.
- ³⁰⁸ Там же, сс. 53-54.
- ³⁰⁹ Там же, сс. 66, 78-79, 84, 88.
- ³¹⁰ Там же, сс. 88-89.
- ³¹¹ Игамбердыев М.А. Иран в международных отношениях первой трети XIX в. – Самарканд, 1961; его же. Указ. статьи.
- ³¹² Игамбердыев М.А. Иран в международных отношениях первой трети XIX в., с. 51.
- ³¹³ Там же.
- ³¹⁴ Там же.
- ³¹⁵ Там же, с. 52.

- ³¹⁶ Там же, сс. 51-52.
- ³¹⁷ Там же, с.52.
- ³¹⁸ Там же, с. 54.
- ³¹⁹ Там же, с. 247.
- ³²⁰ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. – Махачкала, 1957; его же. Присоединение Дагестана, вып. 1. – Махачкала, 1950; его же. История Дагестана. – Махачкала, 1961 и 1968 гг.
- ³²¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический ..., сс. 336-337.
- ³²² И в данной монографии его называют Давуд-беком.
- ³²³ Там же, с. 340.
- ³²⁴ Там же, с. 341.
- ³²⁵ Там же.
- ³²⁶ Там же.
- ³²⁷ Там же, сс. 339-340.
- ³²⁸ Там же, с. 343.
- ³²⁹ Там же, с. 344.
- ³³⁰ Там же, сс. 344-345.
- ³³¹ Там же, сс. 345-346.
- ³³² Там же, с. 349.
- ³³³ Там же, с. 353.
- ³³⁴ Там же, с. 361.
- ³³⁵ Там же, с. 363.
- ³³⁶ Там же, сс. 363-364.
- ³³⁷ Там же, с. 364.
- ³³⁸ Там же.
- ³³⁹ Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. – Махачкала, 1956.
- ³⁴⁰ Там же, сс. 31, 36-37.
- ³⁴¹ Там же.
- ³⁴² Там же.
- ³⁴³ Там же, с. 32.
- ³⁴⁴ Там же.
- ³⁴⁵ Там же.
- ³⁴⁶ Там же, с. 33.
- ³⁴⁷ Там же, с. 37.
- ³⁴⁸ Там же, сс. 34-37.
- ³⁴⁹ Тамай А. Восстание 1711-1722 гг. в Азербайджане. Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г.Цадасы, т. 3, серия «история», Махачкала, 1957.
- ³⁵⁰ Там же, с. 86.
- ³⁵¹ См. подробно: Алиев Ф.М. Антииранские выступления..., сс. 25-26.

- ³⁵² Тамай А. Указ. статья, сс. 77, 87.
- ³⁵³ Там же, с. 87.
- ³⁵⁴ Там же, с. 88.
- ³⁵⁵ Там же, с. 89.
- ³⁵⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. – Москва, 1985, т. V, с. 24; Сумбатзаде А.С. Азербайджанская историография..., сс. 98-99.
- ³⁵⁷ Гулиев А.Н. Из истории азербайджано-русских отношений в XV-XVIII вв. – Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4-11 июня 1957 г. – Ташкент, 1957. Статья вошла в содержание доклада, с которым А.Н.Гулиев выступил на научной сессии АН СССР и академий наук южно-кавказских республик по общественным наукам. – См.: Гулиев А.Н. Из истории азербайджано-русских отношений – Труды Объединенной научной сессии АН СССР и академий наук закавказских республик по общественным наукам 29 марта – 2 апреля 1954 г. Баку, 1957.
- ³⁵⁸ Quliev Ə.N. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri tarixindən (XV-XVIII əsrlər). – Bakı, 1958.
- ³⁵⁹ Там же, сс. 21-22.
- ³⁶⁰ Там же, с. 23.
- ³⁶¹ Там же, сс. 25-27.
- ³⁶² Там же, сс. 29-30, 31.
- ³⁶³ Там же, сс. 35-36.
- ³⁶⁴ Там же, сс. 36-38.
- ³⁶⁵ Там же, сс. 39-40.
- ³⁶⁶ Там же, с. 42.
- ³⁶⁷ Там же.
- ³⁶⁸ Там же, сс. 42-43.
- ³⁶⁹ Там же, сс. 43-44.
- ³⁷⁰ Там же, с. 44.
- ³⁷¹ Там же, с. 46.
- ³⁷² Там же, с. 48.
- ³⁷³ Там же.
- ³⁷⁴ Там же, с. 51.
- ³⁷⁵ Там же.
- ³⁷⁶ «Советский Азербайджан». (Под ред. М.М.Алиева, С.В.Векилова и др.). – Баку, 1958.
- ³⁷⁷ Там же, с. 236.
- ³⁷⁸ Там же.
- ³⁷⁹ Там же, сс. 237, 238.
- ³⁸⁰ Там же, сс. 238-239.
- ³⁸¹ История Азербайджана, т. I. – Баку, 1958, с. 294.
- ³⁸² Там же, сс. 294, 296 и др.

- ³⁸³ Там же, с. 296.
³⁸⁴ Там же, с. 301.
³⁸⁵ Там же.
³⁸⁶ Там же, сс. 304-305.
³⁸⁷ Там же, сс. 307-308.
³⁸⁸ Там же, с. 311.
³⁸⁹ Там же, сс. 312-315.
³⁹⁰ Там же, с. 314.
³⁹¹ Там же, с. 319.
³⁹² Там же, с. 316.
³⁹³ Там же, с. 309.
³⁹⁴ Там же, сс. 311-312, 317-318, 324-332.
³⁹⁵ Там же, с. 329.
³⁹⁶ Там же, с. 343.
³⁹⁷ Там же, сс. 344, 347.
³⁹⁸ Там же, сс. 349-350.
³⁹⁹ Там же, сс. 344-345.
⁴⁰⁰ Там же, сс. 373-374.
⁴⁰¹ Там же, с. 375.
⁴⁰² Там же.
⁴⁰³ Там же, с. 376.
⁴⁰⁴ Там же.
⁴⁰⁵ Там же, с. 378.
⁴⁰⁶ Там же.
⁴⁰⁷ Там же.
⁴⁰⁸ Там же.
⁴⁰⁹ Искендерова М.С. Указ. раб., с. 129; Мамедова Г. Указ. раб., сс. 68-89.
⁴¹⁰ Мамедова Г. Указ. раб., с. 60.
⁴¹¹ Там же, с. 380.
⁴¹² Там же, с. 381.
⁴¹³ Там же.
⁴¹⁴ Там же, с. 382.
⁴¹⁵ Там же.
⁴¹⁶ Там же.
⁴¹⁷ Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. – Ереван, 1958, с. LIX.
⁴¹⁸ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. – Москва, 1958, с. 126.
⁴¹⁹ Там же.
⁴²⁰ Григорян З.Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в. – Москва. 1959, с. 65.

- ⁴²¹ Смирнов Н.А. Указ. раб., с. 125.
- ⁴²² Там же, сс. 126-167.
- ⁴²³ Там же, сс. 173-174.
- ⁴²⁴ Там же.
- ⁴²⁵ Там же, сс. 175-176, 179-180.
- ⁴²⁶ Там же, с. 181.
- ⁴²⁷ Там же, с. 180.
- ⁴²⁸ Там же, с. 181.
- ⁴²⁹ Там же.
- ⁴³⁰ Иоаннисян А.Р. Указ. раб., сс. 13-14.
- ⁴³¹ Там же, с. 23.
- ⁴³² Смирнов Н.А. Указ. раб., с. 125.
- ⁴³³ Лапин А.М. К истории культурных связей России и Азербайджана в VIII-XVIII вв. – Ученые записки. Азерб. государственного педагогического института русского языка и литературы им. М.Ф.Ахундова, вып. VII (серия филологии). Баку, 1959.
- ⁴³⁴ Там же, с. 46. Речь идёт о периоде пребывания русских в завоеванных прикаспийских провинциях в 20-х годах XVIII в.
- ⁴³⁵ Там же.
- ⁴³⁶ Там же, с. 48.
- ⁴³⁷ Семенов Л.С. Русско-персидские дипломатические отношения после Гюлистанского мира (1813-1826 гг.). – Учёные записки ЛГУ, серия истор. наук, вып. 32, №270, 1959; его же. К истории русско-персидских отношений первой трети XIX в. – Научные доклады высшей школы. Исторические науки, №1, 1958; Тихонова А.А. Русско-персидская война 1826-1828 гг. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1954 и др. – См. подробно: Əliyev M.M. Указ. раб., сс. 171-173
- ⁴³⁸ Искендер бек Гаджинский. Жизнь Фатали хана Губинского. – Баку, 1959, с. 31.
- ⁴³⁹ Там же, сс. 35-36.
- ⁴⁴⁰ Там же, сс. 40-41.
- ⁴⁴¹ Там же, сс. 52-53.

ГЛАВА III

АЗЕРБАЙДЖАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ (XVIII – НАЧ. XIX ВВ.) НА СТРАНИЦАХ ИЗДАНИЙ 60-80-х гг. XX века

§1. Политические аспекты азербайджано-русских взаимоотношений XVIII – нач. XIX вв. в азербайджанской и русской историографии (60-80-е гг. XX века)

В 60-е годы шло успешное развитие азербайджанской историографии, как самостоятельной дисциплины. На совещании историков, состоявшемся в 1962 году, особо подчеркивалось, что историки обязаны «обеспечить развитие историографии (истории исторической науки), что является важнейшим условием повышения уровня научно-исследовательских работ в области истории...».¹

Предметом исследования учёных являлись и вопросы историографии Азербайджана, в том числе историографии азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. И это неслучайно. Огромный интерес историков к истории исторической науки был обусловлен, прежде всего, созданным к этому времени, в частности в 50-60-х гг. XX века научным арсеналом, где разработка проблемы азербайджано-русских отношений указанного периода заняла определенное место. Если до 60-х годов это были большей частью отдельные статьи, в которых нашло отражение развитие исторической науки в Азербайджане, в частности и в области изучения взаимоотношений Азербайджана с Россией, то в

1960 г., наряду с ранее указанными историографическими статьями, выходит в свет уже названная историографическая работа, написанная авторским коллективом в составе А.Н.Гулиева, И.М.Гасанова, И.В.Стригунова и посвященная разработке некоторых вопросов азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. в трудах азербайджанских историков XIX в.²

Следует отметить, что 60-е годы XX в., на наш взгляд, являются кульминационными в изучении проблемы азербайджано-русских отношений указанного периода. Основанием для такого заключения послужила не только многочисленность научных исследований в этой области,³ наиболее интересные из которых оказались в центре нашего историографического анализа. Богатая источниковедческая база позволила авторам глубже проследить как за политическими, так и экономическими взаимоотношениями Азербайджана с Россией в изучаемый период. Эти работы отличаются многоплановостью, сюжетным разнообразием, фактологическим обилием. Если в предшествующие периоды предпочтение отдавалось трудам, в которых воедино были собраны почти все основные моменты в развитии азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., то в 60-х гг. XX в. появляются работы, специально посвященные тем или иным аспектам данной проблемы, и в которых наглядно прослеживается сравнительный анализ развития этих взаимоотношений на протяжении исследуемого периода.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что, несмотря на углубленное изучение со стороны историков вопросов азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. и данную им установку придерживаться объективности в раскрытии исторического процесса, тем не менее, и в 60-х годах в исторической науке наблюдается продолжение искажения исторической действительности, в частности затушевываются захватнические устремления царской России.

Более того хотим отметить, что не только в 60-х годах,

но и во все периоды развития советской исторической науки призывы к правдивому освещению исторической действительности носили декларативный характер, поскольку существовали, как уже отмечалось ранее, негласные конъюнктурные требования, которые никто не осмеливался нарушить.

Попытки вступившего на пост в 1958 г. Н.С.Хрущёва усовершенствовать политическую систему остались безуспешными. Это были формальные изменения в структуре управления. Несмотря на некоторую оттепель в политической жизни после смерти Сталина, однопартийная система не давала возможности для серьёзных перемен. Продолжалась политика разделения народов бывшего СССР с целью сохранения их покорности, на деле прикрываемая мерами по укреплению «дружбы народов». К последним относилось и развитие общественных наук, тормозившееся под сильным давлением коммунистической идеологии. При одностороннем освещении истории Азербайджана в целом, и азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв., в частности, по-прежнему преследовалась единственная цель – формировать веру в незыблемость советского строя, фактически явившимся преемником политики царской России.

Исходя из этого, работы 60-х годов, даже характеризующиеся ранее изложенными особенностями в отношении исследуемой нами области, принципиально не отличались от предыдущих трудов, а, наоборот, их авторы как бы продолжили прочно укоренившиеся традиции в изучении указанной проблемы. Позиция всех авторов в отношении тенденции развития азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. совпадает с позицией предшественников, поэтому, проводя историографический анализ работ 60-х годов XX в., считаем излишне повторно раскрывать нашу точку зрения относительно интерпретации в них тех или иных событий, различных сторон азербайджано-русских отношений указанного периода. Тем более, что мы сталки-

ваемся с целым рядом идентичных примеров и фактов.

Однако, чтобы создать общую картину изучения проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. в 60-80-х годах XX века мы обязаны рассмотреть изданные в это время наиболее важные и интересные работы, обладавшие к тому же, как было указано ранее, расширенным фактологическим содержанием.

Вопросы взаимоотношения Азербайджана с Россией получили разработку в монографии А.Абдурахманова, в которой особое внимание уделено положению Азербайджана в первой половине XVIII века с преимущественным вниманием к внешнеполитическим событиям. Следует отдать должное автору в том, что им впервые в историографии этого времени исследована и показана внешнеполитическая ситуация вокруг Азербайджана в первой четверти XVIII века. Природные богатства Азербайджана, по мнению автора, наряду с торговым и военно-политическим значением страны, делало её объектом острой борьбы между Турцией, Ираном и Россией.⁴ А с другой стороны, в работе как бы противопоставляется борьба Ирана и Турции за Азербайджан «укреплению» его торгово-экономических и политических связей с Россией.

Правда, авторы 60-х годов, в том числе А.Абдурахманов, не только справедливо подчеркивают интересы России, но и открыто усматривают в них предпосылки прикаспийского похода Петра I. В.Гаджиев верно видит причину похода в стремлении Петра I «сделать Россию посредницей в торговле между Востоком и Европой, удовлетворить потребности русской мануфактурной промышленности шёлком-сырцом, нефтью, хлопком и другими видами сырья, а также укрепить юго-восточные границы Русского государства».⁵ Такого же мнения придерживаются и остальные авторы⁶ и оно, как видим, совпадает с точкой зрения их предшественников. И не только в этом.

Хотя в работе В.Гаджиева указывается, что поводом

для начала похода Петра I явилось ограбление русских купцов в Шемахе повстанцами (1721 г.), тем не менее, авторы оправдывают вступление русских войск в прикаспийские земли Азербайджана якобы доброжелательным отношением жителей, выраженное в их обращениях из Дербента, Баку, Шемахи к Петру I с просьбой о покровительстве.⁷

В работе О.П.Марковой подчеркивается, какое значение придавало русское правительство усилению прорусских настроений среди народов Южного Кавказа при проведении своей восточной политики. Отсюда абсурдное ранее встречавшееся у предшественников положение о совпадении интересов России и народов Южного Кавказа в борьбе против общих врагов Ирана и Турции.⁸ Нами не раз была высказана мысль о том, что отчасти сложившаяся русская ориентация, выразившаяся в обращениях к русским властям, была необходима Петру I для завуалирования своих целей и задач, экспансионистский характер которых никак не мог совпадать с желанием южнокавказских народов освободиться из-под чужеземного гнёта.

Однако, А.А.Абдурахманов связывает с началом борьбы в Азербайджане против феодального гнёта и иранского владычества в I четверти XVIII века, зарождение русской ориентации, когда якобы появилась «надежда найти в лице России ту силу, которая поможет освободиться от иранского ига».⁹ Перед нами дифференцированное отношение авторов, противопоставивших этой якобы русской ориентации простого народа протурецкую настроенность феодалов, в частности Гаджи Давуда, деятельность которого, как и в ряде работ, рассматривается односторонне, его имя почти везде сопровождается не совсем точным и справедливым синонимом – «турецкий наймит», «бандит», «разбойник» и т.п. Ошибочно утверждая об антинародном характере их выступлений, А.А.Абдурахманов приходит к необоснованному выводу в том, что, являясь марионетками в руках турецких захватчиков, они пытались расчистить для них путь

к Каспийскому морю.¹⁰

Хотя архивные документы позволили В.Гаджиеву выяснить причины обращения Гаджи Давуда к России, что мы не встретили у предшественников, а затем и к Турции с просьбой об оказании военной помощи и принятии под своё покровительство,¹¹ тем не менее автор, подчеркивая общность религиозного вероисповедания – суннизм, также отдаёт предпочтение скорее протурецкой ориентации Гаджи Давуда, нежели российской.¹² В.Гаджиев продолжает в том же духе, освещая радушную встречу русских войск в Дербенте и констатируя обращения к Петру I здесь феодальных владетелей Дагестана и Азербайджана «с изъявлением покорности и с просьбами принять их в подданство России».¹³ Отсутствие со стороны автора политической мотивации этих обращений позволяет ему добиться впечатления мнимой искренности отношения феодальных правителей к России.

Таким образом, по мнению авторов 60-х годов, как и предыдущих историков, русская ориентация оправдывала вторжение русских войск на Южный Кавказ.

Наряду с этим среди работ, посвященных истории городов Азербайджана, важное место принадлежит монографии С.Б.Ашурбейли, являвшейся первой серьёзной попыткой систематического освещения истории Баку в период средневековья. Автор предпочитает подчеркивать лишь факты, красноречиво свидетельствующие о захватническом характере политики царского правительства и антирусских настроениях среди населения. Так, С.Б.Ашурбейли верно связывает миссию А.П.Волынского, отправленного в 1715 г. в Иран и Азербайджан, с подготовкой оккупации прикаспийских областей Петром I. Цель данной миссии заключалась в выяснении политического и экономического положения страны.¹⁴ Автор прав и тогда, когда, вслед за другими авторами, считает, что Петр I воспользовался указанным антииранским движением в Ширване при организации «во-

енной экспедиции для завоевания западного и южного побережья Каспийского моря».¹⁵

Позиция автора относительно ориентации местного населения ясно видна из описания взятия Баку русскими войсками. Характеризуя действия бакинцев в связи с прибытием русских войск, С.Б.Ашурбейли показывает отношение к нему, прежде всего, правящих слоев Баку. В частности, она убеждает нас в антирусской ориентации бакинского султана Мухаммедгусейн бека, приведя в подтверждение факт недопущения в Баку посланника Петра I – Лунина.¹⁶

С.Б.Ашурбейли считает необходимым показать изменчивость в отношениях русского правительства и бакинского правителя Дергяхгулу бека. Правда, автор не раскрывает политическую мотивацию его отношения к русским, не определяет причины этой непоследовательности. Вместе с тем, она уверена в стремлении русских властей использовать влияние Дергяхгулу бека для удержания в покорности местного населения.¹⁷ Судя по изложению, антирусской позиции бакинских властей придерживались и все жители города.

Вместе с тем, следует отметить, что автор порой увлекается простым изложением сведений средневековых путешественников и оставляет их данные без необходимой научной критики. Отсутствие критического подхода к ранее опубликованным трудам явилось причиной повторения автором ряда ошибок и неточностей, допущенных предшественниками. Так, глава ширванского восстания Гаджи Давуд представлен дагестанским феодалом;¹⁸ дата взятия Шемахи повстанцами указана неверно как 1712 г.¹⁹ и т.д. Автору не удастся выйти за рамки сведений, имеющихся в опубликованных источниках. Неверная интерпретация почерпнутых из них фактов и событий вынуждает порой с недоверием относиться к ряду из рассматриваемых С.Ашурбейли аспектов проблемы азербайджано-русских отношений XVIII в. Однако, отдавая должное, мы обязаны отметить, что автор

не пытается, подобно ряду историков, найти какое-либо оправдание вторжению русских войск в прикаспийские земли. С.Б.Ашурбейли наглядно демонстрирует их захватнические действия при описании взятия Баку генерал-майором Матюшкиным в 1723 г. А приведенный ею факт о торжественном праздновании Петром I в Петербурге завоевания Баку (3 сентября 1723 г.)²⁰ красноречиво свидетельствует о значении этого города в планах царского правительства.

Но С.Б.Ашурбейли не сумела до конца открыто выстоять свою позицию по многим вопросам исследуемой нами проблемы. И в этом смысле она не отличалась ни от современников, ни от предшествующих историков. Так, ограничиваясь выяснением лишь времени заселения Баку армянами, С.Б.Ашурбейли не даёт должную оценку переселенческой политике царизма, направленной на увеличение именно христианского населения в Азербайджане с целью создания опоры России в данном регионе, и её тяжелым последствиям в судьбе азербайджанского народа. Представленные в работе факты являются ярким тому подтверждением.²¹

В работе С.Б.Ашурбейли изложен и факт об издании Петром I перед прикаспийским походом Манифеста «на персидском, турецком и азербайджанском языках».²² Так как этот вопрос уже рассматривался нами, поэтому излишне вновь ссылаться на исследование Ф.М.Алиева, в котором он нашёл подробное освещение. Следует отдать должное, что среди работ 60-х годов только у С.Ашурбейли и В.Гаджиева мы встречаем этот важнейший факт из истории азербайджано-русских отношений XVIII в. – обнародование Манифеста Петра I. Даже вышеназванный азербайджанский историк Ф.М.Алиев рассматривает этот документ только в работе 70-х годов.

И хотя, в отличие от В.Гаджиева, С.Б.Ашурбейли приводит выдержки из содержания указанного Манифеста,²³ тем не менее, оценка документа ничем не отличается от рас-

смотрения его предшественниками. Так же, как и у них, в работе С.Б.Ашурбейли нет чёткой грани между завуалированными и подлинными задачами Петра I в прикаспийском походе.

В поисках оправдания захватнических действий русских войск авторы 60-х годов доходят до утверждения прогрессивной значимости вхождения прикаспийских провинций в состав России. Как и предшественники, они при сравнении положения населения в русской и турецкой зонах, явно считали более мягкой российскую систему управления, объясняя это как результат мероприятий, осуществляемых здесь российским правительством уже после занятия этих территорий.²⁴ Все авторы придерживаются единого мнения о том, что экономическое развитие прикаспийских областей связано с условиями, созданными именно русскими, благодаря, которым оживились торговля, ремесла и т.д.²⁵

Ф.М.Алиев также приводит факт наибольшей прибыли торговли в Баку в Гиляне в период пребывания русских в прикаспийских областях, как яркое свидетельство указанных мирных условий жизни.²⁶

О.П.Маркова наблюдает увеличение населения в прикаспийских провинциях, а приведенное ею сообщение князя Барятинского из Баку о частом приходе сюда шемахинских, губинских, ширванских караванов и его просьба о присылке из Астрахани нескольких купцов с товарами также позволяют говорить о развитии торговли в данном регионе.²⁷

Считаем необходимым вновь подчеркнуть, что увеличение населения, достигнутое в результате переселенческой политики царизма, направленной на переселение в прикаспийские провинции христиан-армян и русских, как из России, так и из Ирана и Турции, усиленное развитие торговли в собственных интересах России, руководствовавшейся основной целью – стать посредницей в торговле Запада с Востоком, – всё это пагубно влияло на судьбу азербайджанско-

го народа и не могло пройти бесследно для развития Азербайджана.

Однако, вслед за предшественниками, авторы 60-х годов, в частности А.А.Абдурахманов, В.Гаджиев также не объективно считают, что вопреки колонизаторской политике царизма вхождение прикаспийских провинций было объективно прогрессивным явлением.²⁸

Необходимость облагораживания мероприятий царского правительства в данном регионе вытекала из того, чтобы продолжать представлять Россию спасительницей с добрыми намерениями, хотя А.А.Абдурахманов и признаёт классовые интересы, преследуемые ею при проектировании вышеуказанных мер, и принятие их, прежде всего с целью больших доходов.²⁹

А это, в свою очередь, сопровождалось стремлением авторов выпукло показать влияние политики русского правительства, якобы, на усиление тяготения местного населения к России.³⁰

В целом, отношение вышеназванных авторов к Стамбульскому договору (1724 г.) такое же, как и у предшественников. Некоторые из них не только ограничиваются его констатацией,³¹ естественно, не акцентируя внимание на его пагубной роли в насильственном включении прикаспийских провинций в состав России и в развитии Азербайджана. Авторы считают обязательным показать после его подписания тяжёлое положение местного населения в турецкой зоне, нарисовав удручающую картину жестокого ига, разорения, которое терпели южнокавказские народы, в том числе азербайджанцы от турецких захватчиков,³² и наоборот, подтвердить мнимое тяготение азербайджанцев к России, причём, не только жителей прикаспийских провинций, занятых русскими, но и той части азербайджанского населения, которая оказалось под властью Турции и, якобы, также желала перейти под покровительство России.³³ Безусловно, как мы упоминали ранее, такое желание могло изъявить только

христианское население – армяне. Более того, следует отметить, что авторы, говоря о русской ориентации азербайджанцев, приводят для обоснования этих утверждений скудные, отрывочные и неубедительные данные.

Гянджинский договор (1735 г.) также нашёл в работах идентичное отражение. Поскольку тенденция изложения материала в советскую эпоху требовала такой трактовки событий, при которой Россия не должна выглядеть проигранно, то и возвращение Россией прикаспийских провинций Ирану, согласно условиям этого договора, авторы вынуждены были комментировать в положительном для России ракурсе. Поэтому В.Гаджиев отдаёт предпочтение военно-политическим последствиям прикаспийского похода русских войск, как для России, так и для народов Кавказа. По его мнению «он обеспечивал безопасность юго-восточных окраин России, содействовал оживлению освободительного движения народов Закавказья».³⁴

А.А.Абдурахманов обвиняет правительство Анны Иоанновны в том, что оно оказалось не в состоянии правильно оценить все значение прикаспийских областей,³⁵ хотя, как указывалось нами ранее, Россия вынуждена была принять условия названного договора как из-за тяжести содержания прикаспийских провинций, так и, прежде всего под давлением сложной, напряженной международной обстановки, не будучи готовой к отпору Турции и Ирана. При этом в работе А.А.Абдурахманова не только подчеркивается значимость прикаспийских областей для русской торговли с восточными странами и нежелание России потерять их, но автор не забывает вновь подвести нас к мысли о её якобы спасительной роли, когда описывает разрушительные действия Надир шаха в Азербайджане и Дагестане (30-40-е гг. XVIII в.), как результат опасения влияния России, её помощи азербайджанцам и дагестанским народам.³⁶

В работе же О.П.Марковой интерес привлекает тот факт, что автор заостряет своё внимание на реакции, вы-

званной у азербайджанцев в связи с подписанием Стамбульского и Гянджинского договоров. В первом случае это был ответ на русско-турецкий договор, признававший установление над восточной частью Южного Кавказа, в том числе части Азербайджана, власти султана,³⁷ во втором же – «народное бедствие» было вызвано выполнением условий Гянджинского договора о возвращении прикаспийских провинций Ирану. О.П.Маркова подчеркивает: «Если возвращение Ирану Гиляна, его исконной провинции, было вполне закономерно, то передача ему закавказский территорий, им некогда насильственно захваченных, представляла собой акт жестокой несправедливости в отношении народов, населявших эти территории. Не случайно они восприняли это как новую катастрофу».³⁸ Таким образом, вновь обосновывается тяготение народов Южного Кавказа, в том числе азербайджанского, к России, якобы, как их защитнице от иранской и турецкой тирании.

Как известно, во второй половине XVIII века на территории Азербайджана образовались самостоятельные государственные образования – ханства, которые вели независимую внутреннюю и внешнюю политику. Однако царское правительство не только не оставило своих намерений в отношении Азербайджана. Так же как и предшественники, исследователи 60-х годов показывают активизацию его политики, проводимой более изощренными методами и фактически явившейся продолжением начатого Петром I дела. В своих работах азербайджанские и русские историки вновь верно указывают цели неизменной восточной политики царизма, заключавшиеся в завоевании новых территорий, расширении рынков сбыта и получении источников сырья.³⁹

Г.Б.Абдуллаев, посвятивший большую работу подробному рассмотрению истории экономических и политических взаимосвязей Азербайджана и России в XVIII веке, подчеркивает, что «Азербайджан, занимавший важное место на морских и сухопутных дорогах, служил связующим

звеном многих восточных стран с Россией и через последнюю с Европой. По этим путям шли сырье для русских мануфактур и русские товары на рынки сбыта». ⁴⁰

Вместе с тем, авторы, не уклоняясь от сложившихся устоев в науке, пытаются оправдать и эти интересы, лежащие в основе захватнических устремлений России, ссылаясь при этом на наличие в Азербайджане русской ориентации. По мнению русского историка О.П.Марковой тяготение народов Южного Кавказа к России в течение XVIII века стало важнейшим фактором в истории внешних сношений народов данного региона. ⁴¹

Вышеотмеченное объясняет тот факт, что в ряде работ авторы уделили большое внимание взаимоотношениям с Россией видного государственного деятеля Фатали хана Губинского, объединившего под своей властью всю северовосточную часть Азербайджана. Ещё в своей ранее вышедшей монографии, ⁴² в которой специально рассмотрена история Губинского ханства, в противоположность Левиатову, Г.Б.Абдуллаев не только стремится показать наличие общественных сил, боровшихся за объединение Азербайджана, но и говорит о поддержке объединителя Фатали хана Губинского мелкими служилыми феодалами, ориентировавшимися на Россию.

Все авторы придерживаются единого мнения, созвучного с представлением предшественников о проводимой Фатали ханом дружеской политике по отношению к России. ⁴³ Если авторы одной из работ ограничиваются оценкой, которую давали в дипломатических кругах Петербурга сближению Северо-восточного Азербайджана с Россией как «союзная дружба» или «добрососедственное согласие между обоими государствами», ⁴⁴ то тщательно исследовавший этот вопрос Г.Б.Абдуллаев подчеркивает, и рвение русской дипломатии рассматривать «это государство (Северо-восточный Азербайджан – М.И.), в качестве своей опоры в Азербайджане, стремясь использовать его в политических и

торговых целях для упрочения своего влияния».⁴⁵

На основе скрупулезного изучения и сопоставления документов Г.Б.Абдуллаев стремился показать обусловленность тесных политических связей Азербайджана с Россией общностью исторических интересов обеих стран.⁴⁶ Именно последнее и определило стойкость азербайджанских ханств и, прежде всего Фатали хана Губинского, по мнению автора, в сохранении добрососедских отношений с Россией в период русско-турецкой войны, т.е. до середины 70-х годов XVIII в. Г.Б.Абдуллаев не отрицает взаимовыгодную основу этих отношений и находит подтверждение тому в официальных русских документах, где «политика добрососедских дружеских отношений правительства Северо-восточного Азербайджана с Россией квалифицируется, как новые полезные услуги...».⁴⁷ Поэтому, неслучайно процесс объединения азербайджанских земель и, в частности, создание феодального государства Северо-восточного Азербайджана в XVIII в. он рассматривает в органической связи с дальнейшим усилением русской ориентации в Азербайджане. Г.Б.Абдуллаев рассматривает проблему взаимоотношений Северо-восточного Азербайджана с Россией во II половине XVIII века не изолированно, а на глубоко проработанном фоне отношений России и азербайджанских ханств с Ираном и Турцией.

В подтверждение твёрдости русской ориентации авторы приводят уже известные нам факты отказа губинского правителя от предложения Турции выступить против России, и, наоборот, обращения его к последней за помощью.⁴⁸

В работе не только констатируется отправка в 1775 г. государством Северо-восточного Азербайджана посольства к русскому двору, явившееся первым азербайджанским посольством в Россию в период ханств. В отличие от предшественников, Г.Б.Абдуллаев, основываясь на сведениях современников и очевидцев событий, анализирует кризисную обстановку в Северо-восточном Азербайджане в 70-х годах

XVIII в. и приходит к аргументированному выводу, что обращения его правительства к России за помощью являлось неизбежным в борьбе против враждебно настроенных феодальных правителей.⁴⁹

В свою очередь, также как и предшественники, выше-названные авторы подчеркивают большую роль российской помощи, выраженной в походе русских войск в 1775 году во главе с генералом де Медемом, в восстановлении прежнего положения Губинского ханства, как объединительного центра Северо-восточного Азербайджана. В.Гаджиев справедливо указывает подлинные цели, преследуемые царским правительством и заключавшиеся в том, чтобы «расширить сферу своего политического влияния и обеспечить безопасность восточной торговли, укрепить в тех же целях пошатнувшееся положение ориентирующихся на Россию феодалов и восстановить свой престиж наказанием уцмия».⁵⁰ В отличие от предшественников, которые позитивно относились к российской помощи, авторы 60-х годов пытаются обосновать её непоследовательность по отношению к Фатали хану. Так, Г.Б.Абдуллаев указывает причину отказа со стороны России от политики открытого вмешательства в дела Северо-восточного Азербайджана, каковой являлось нежелание нарушить выгодный для России договор с Турцией и стремление всячески избежать с ней конфликта.⁵¹ О.П.Маркова ищет причину недоверия, проявленного русским правительством к Фатали хану в период с середины 70-х до середины 80-х годов в провокациях и доносах на Фатали хана, которые по мере усиления губинского ханства отрицательно влияли на отношение к нему русской власти.⁵² В работе О.П.Марковой правильно раскрывается и отрицательное отношение русского правительства к планам Фатали хана относительно Южного Азербайджана, причины отказа России от их поддержки.⁵³ Тем не менее, даже учитывая тот факт, что О.П.Маркова выделяет этапы в развитии взаимоотношений Фатали хана с Россией – до сере-

дины 70-х годов и с середины 70-х до середины 80-х годов, в работах исследуемого периода в целом не удается раскрыть суть двойственной политики России по отношению к Фатали хану, как и ко всем азербайджанским ханам, заключающаяся, как мы не раз отмечали, с одной стороны, в обнадеживании покровительством, и с другой – в претворении захватнических планов, не говоря уже о нежелании допустить существования на юге сильного мусульманского государства. Сама О.П.Маркова подчеркивает, что «по мере новой русско-турецкой войны (1787-1791 гг.) русское правительство всё более убеждалось, что сотрудничество с Фатали ханом более соответствует интересам России, чем вражда с ним».⁵⁴

Об этом свидетельствует и присяжный лист для оформления поступления под русское покровительство, переданный Фатали хану П.С.Потёмкиным через его посланника Мирзу Садыха (осень 1786 г.).⁵⁵ Неоднократный приезд последнего в Петербург В.Гаджиев, вслед за предшественниками, представляет как свидетельство искренних и бескорыстных отношений Фатали хана с Россией.⁵⁶

Г.Б.Абдуллаев, в работе которого разработке данного вопроса уделено особое внимание, на наш взгляд, зачастую гиперболизирует эти дружественные отношения. Так, необоснованно звучит его мнение о том, что в обращении Фатали хана к России «была выражена воля, настроения и чаяние народа...».⁵⁷

В то же время ценным и объективным является вывод Г.Б.Абдуллаева о том, что «Кубинское ханство в лице его хана не намеревалось слепо отдаваться во власть царской России, отказываясь от своих суверенных прав на самостоятельность».⁵⁸ Автор чётко поясняет, что стремление Фатали хана Губинского к признанию протектората России лишь в форме покровительства и союзнических обязательств при сохранении внутренней самостоятельности и независимости противоречило далеко идущим планам правительства Екате-

рины II.⁵⁹ Вместе с тем автор прав, когда подчеркивает заинтересованность правительства Екатерины II в поддержании дружеских отношений с Фатали ханом Губинским, в частности, выражая это следующим образом: «...ни к чему не обязывающими обещаниями она (царская дипломатия – М.И.) старалась удержать государство Фатали хана на стороне России».⁶⁰

Также как и О.П.Маркова, Г.Б.Абдуллаев твёрдо убеждён, что имевшие место провокации были сфабрикованы врагами Губинского ханства и привели к временному, но острому конфликту между Губинским ханством и Россией.⁶¹ Неслучайно в работе уделяется большое место подробному изложению инцидента, связанного с крушением судна астраханского купца. Скворцова недалеко от Дербента и гибели товаров. Тем самым автор стремится наглядно показать действия противников Фатали хана, направленные на подрыв, правда – временный, добрососедских отношений Губинского ханства с Россией.⁶² Скрупулезное изучение документов позволило выявить целый ряд фактов, показывающих предвзятость этих материалов из-за враждебности к Фатали хану.⁶³

В отличие от других авторов, которые ограничиваются констатацией российской помощи – похода русских войск во главе с де Медемом, Г.Б.Абдуллаев отмечает определенную роль и негативных действий генерала де Медема в осложнении отношений между российским правительством и Фатали ханом.⁶⁴

Характеризуя позицию царского правительства к указанному поведению генерала, как умеренную, Г.Б.Абдуллаев верно считает, что российское правительство руководствовалось прежде всего собственными интересами и, несмотря на смещение командующего русскими войсками на Кавказе де Медема, стремилось не допустить ослабления влияния своих представителей в Азербайджане.

Отдавая должное Г.Б.Абдуллаеву, следует подчерк-

нуть, что, не имея возможности открыто и прямо осудить двойственную политику царской России, тем не менее, автор считает необходимым сделать в заключение работы следующий важный вывод: «С одной стороны, правительство Екатерины II поддерживало власть кубинского хана и не допускало его падения в пределах Прикаспийских провинций, с другой стороны, оно препятствовало объединительной политике Кубинского ханства, которая объективно вела к созданию единого Азербайджанского государства».⁶⁵

Вместе с тем, на наш взгляд, Г.Б.Абдуллаев, указывая на тесные политические связи Азербайджана с Россией во второй половине 70-х годов, неубедительно утверждает о, якобы, возрастании русской ориентации среди азербайджанцев. А В.Гаджиев выдвигает свою точку зрения по поводу желаний населения данного региона быть под покровительством России лишь на основании сведений одного очевидца, специально отправленного со стороны России в Дагестан и Азербайджан.⁶⁶ Как видим, налицо не только некритический подход к источникам, но и тенденциозное стремление выдать желаемое за действительное. Этим следует объяснить и тот факт, что Г.Б.Абдуллаев, также как и другие авторы, гиперболизирует прорусскую ориентацию Фатали хана Губинского; подчеркивая развитие указанной внешнеполитической тенденции как в 60-70-х, так и в 80-х годах XVIII века, он отодвигает на второй план её политическую подоплёку. Сознвая двойственность политики царского правительства по отношению к Северо-восточному Азербайджану, Г.Б.Абдуллаев отдаёт предпочтение их общим интересам, нежели противоречиям между ними и, на наш взгляд, противопоставляя интересы России, с одной стороны, и Ирана и Турции, – с другой, игнорирует далекоидущие планы первой в отношении Азербайджана и не видит в её лице потенциального завоевателя – продолжателя политики Петра I.

Немаловажное значение в истории Азербайджана в

целом, и второй половины XVIII века, в частности, имели отношения другого крупного азербайджанского деятеля Ибрагимхалил хана Гарабахского с Россией, которые нашли широкое освещение в работе О.П.Марковой. Многочисленные документы, в частности – приведенные выдержки из рескриптов Екатерины II, писем и донесений П.С. и Г.А.Потёмкиных, показывают изучение автором программы России, «направленной к восстановлению самостоятельной Армении в пределах той части, которая входила в Северный Азербайджан и составляла Карабахское ханство».⁶⁷

Эта политика России явилась для О.П.Марковой отправной точкой при рассмотрении отношений Ибрагимхалил хана с русским государством, в основе которых, по мнению автора, лежал тот факт, что «хан знал об ожидавшей его участи при восстановлении независимой Армении».⁶⁸

О.П.Маркова в корне неправа, когда считает, что Гарабахское ханство «Надир шах создал с целью установления более эффективного контроля над деятельностью армянских феодалов, внушавших персам большие подозрения своими устремлениями к национальному освобождению».⁶⁹ Как видим, автор опровергает факт образования Гарабахского ханства во главе с Панахали ханом, как результат упорной борьбы против иранского гнёта, приведшей к распаду государства Надир шаха после его смерти в 1747 г. Общеизвестной исторической истиной является то, что Гарабахское ханство, как и многие другие азербайджанские ханства, образовалось именно в результате распада государства Надира Афшара.

Более того, складывается такое впечатление, что О.П.Маркова считает армян основным населением Гарабаха. Совершенно очевидно, что автор при этом имеет в виду гарабахских меликов и их подданных, которые, будучи христианами, являлись не армянами, а потомками древних албан, о чём они сами неоднократно сообщали царю.

Констатируя факт отправки Ибрагимхалил ханом в Россию в конце июля 1784 г. посла Муссы – султана,⁷⁰ О.П.Маркова объясняет его тем, что хан искал покровительства России при условии отказа русского правительства от вмешательства во внутренние дела его ханства. По её мнению, «он хотел таким образом сохранить свободу действий в отношении армян, что, конечно, не соответствовало планам ... русской политики...».⁷¹ И вновь автор, сознательно или неосознанно, называет армянами албан-меликов.

В работе раскрывается осторожная и, в то же время, двойственная политика России по отношению к Ибрагимхалил хану, направленная на его низложение и превращение Гарабаха в самостоятельную Армянскую область. Так, указывая причины доброжелательного приёма посланника Ибрагимхалил хана в русском дворе,⁷² одной из которых являлось опасение русского правительства агрессивных действий со стороны гарабахского правителя в отношении армян, в то же время О.П.Маркова рассматривает распоряжения и приготовления князя Г.А.Потёмкина к походу в Дербент с целью создания вышеназванной самостоятельной Армянской области.⁷³

На наш взгляд, используя в своих интересах религиозный фактор, лежавший в основе, так называемой, защиты армян со стороны русского правительства, царизм стремился к осуществлению далекоидущих захватнических планов в отношении Азербайджана, в том числе и Гарабахского ханства. В свою очередь, мы согласны с точкой зрения О.П.Марковой, подвергшей сомнению приверженность Ибрагимхалил хана к Турции. В частности, она утверждает, что «не симпатия к султану и единство интересов были причинами двуличной политики Ибрагим хана – дело шло о сохранении ханской власти».⁷⁴

Автор не только широко показывает безуспешную деятельность турецкой агентуры в Азербайджане,⁷⁵ но и на основе аргументированных данных приходит к убеждению,

что слухи об обращении азербайджанских и дагестанских владетелей исходили, главным образом, от врагов Фатали хана Губинского.⁷⁶ Однако, на наш взгляд, и в данном случае следует учесть религиозный фактор, который не исключает возможность и обращения названных владетелей к Турции.

Безусловно, представить всю картину развития азербайджано-русских отношений во второй половине XVIII в. можно, лишь детально рассмотрев взаимоотношения каждого главы азербайджанских ханств с Россией, охарактеризовав все их стороны. Однако, к сожалению, в большинстве работ 60-х годов нет глубокого анализа действий азербайджанских правителей перед угрозой нашествия Ага Мухаммеда Гаджара. Если одни авторы ограничиваются констатацией в Азербайджане наличия как русской, так и антирусской ориентации, не определяя правильно политическую мотивацию ни той, ни другой стороны,⁷⁷ и, в частности, не уделяя внимание действиям представителей антирусской оппозиции, выпячивая лишь тягу к России, то другие авторы указывают на дифференцированное отношение к русской ориентации правителей и народных масс. Так, прорусские настроения правителей выражались в обращениях Ибрагимхалил хана Гарабахского (1784 г.), Фатали хана Губинского (1783, 1787 гг.) к России с просьбой о покровительстве.⁷⁸ По утверждению авторов, в основе их лежало, прежде всего, стремление ханов укрепить свою власть и расширить владения. Вместе с тем, Г.Б.Абдуллаев подчеркивает расчетливость и дальновидность Фатали хана Губинского, оценившего мощь русского государства и пагубное влияние межфеодальных распрей, сковывавших военные силы.⁷⁹

В этом отношении особо выделяется работа С.Б. Ашурбейли, в которой верно обосновывается желание Гусейнгулу хана Бакинского принять российское подданство в 1795 г. стремлением «найти надёжную защиту своим владе-

ниям и спасти их от разорения и грабежа» в обстановке постоянной угрозы со стороны Ирана, Турции и Шейхали хана Губинского.⁸⁰

В то же время не сбрасываются со счетов сомнения бакинского хана, связанные с вопросом о вступлении в российское подданство, объясняющиеся, как объективно считает С.Б.Ашурбейли, его боязнью «лишиться власти и самостоятельности во внутреннем управлении».⁸¹ Отсюда, справедливым является вывод автора о неустойчивой и двойственной политике как Гусейнгули хана Бакинского, так и Шейхали хана Губинского по отношению к России и Ирану.⁸²

Мы уже отметили, что ряд авторов игнорируют действия антирусских оппозиционных сил; часть из них, в лучшем случае, указывают, что наряду с русской ориентацией феодальных правителей, в частности Фатали хана Губинского, имелись и колеблющиеся азербайджанские феодалы,⁸³ опасавшиеся потерять свою независимость и лишь в этих целях прибегнувших к помощи России, однако, к сожалению, их позиция осталась непонятой со стороны авторов. Поэтому вышеуказанный вывод С.Б.Ашурбейли подводит нас к мысли, что уже в 60-х годах исследователи распознали политику лавирования, проводимую большинством азербайджанских правителей в сложившихся условиях, правда, не всегда уяснить её мотивацию.⁸⁴ Вместе с тем, в большинстве работ колеблющимся ханам противопоставляют не только прорусски настроенных правителей, но и тяготение народных масс к России. Несмотря на то, что о так называемой русской ориентации азербайджанского народа, в основном, говорилось голословно, тем не менее, авторы этих работ приходят к заключению о том, что переход под покровительство России объективно отвечал чаяниям народных масс покончить с феодальной раздробленностью страны, междоусобными войнами, опасностью разорительных нашествий турецких и иранских захватчиков.⁸⁵

Констатируя широкий размах русской ориентации в Азербайджане в конце XVIII века и, вместе с тем, указывая на разницу целей, преследуемых различными слоями населения Азербайджана при их ориентации на Россию, Х.М.Ибрагимбейли подчеркивает, что если местные феодалы, духовенство и их приверженцы «стремились с помощью российского монарха добиться привилегий и укрепления своей власти...», то крестьяне и бедные слои горожан – «избавиться от нескончаемых иноземных нашествий, феодальных междоусобиц и непосильного гнёта местных феодалов».⁸⁶ Вместе с тем, отдавая должное автору, следует указать, что он не забывает и о колониальном характере русского царизма и отмечает, что «трудящиеся массы Азербайджана не понимали истинных намерений русского царизма и наивно верили в его «благородные цели», считая Россию спасительницей».⁸⁷

Именно в тяготении народных масс и искренней благосклонности и преданности азербайджанских ханов авторы находят объяснение тому факту, что отправленные в Азербайджан в 1796 г. русские войска во главе с В.Зубовым почти не встретили сопротивление и за короткое время заняли Дербент, Баку, Шемаху, Сальян, Джавад, Гянджу.⁸⁸ О.П.Маркова безосновательно подчеркивает, что «только при благожелательном отношении населения возможен был такой быстрый успех. Хань один за другим изъявляли свою приверженность к России».⁸⁹

В работах не заостряется внимание на борьбе с русскими в Дербенте, а вынужденное признание азербайджанскими ханами власти русского командования преподносится, как показатель твёрдой русской ориентации. Всё это показывает, что, по сравнению с ранним периодом, освещение указанного похода в исследованиях 60-х годов не претерпело особых изменений. Последнее видно и из определения причины похода. Также как и предшественники, авторы 60-х годов неверно представляют его в качестве ответа Рос-

сии на просьбы азербайджанских феодалов о помощи.⁹⁰

В.Гаджиев признает «утончённую колониальную политику», которую вело царское правительство на Кавказе, отраженную в указаниях генералу Гудовичу «удовлетворить желание талышинского Мир-Мустафы-хана принятием его в вечное подданство е.и.в.», «поощрять владельцев обещанием помощи и при необходимости снабжать артиллерию» и т.д., которые в свою очередь показывают, что Россия под предлогом защиты и покровительства нацелилась на завоевание народов Дагестана, Азербайджана и Грузии.⁹¹ Безусловно, автор понимал, что обещания царского правительства были призваны вызвать благорасположение азербайджанских ханств для облегчения осуществления захватнических целей, однако, он вынужден принять на веру эти обещания о защите и также, как и другие, видит в снаряженной по решению царского правительства особой экспедиции русских войск во главе с В.Зубовым «оказание помощи народам Восточного Кавказа».

Осторожный и дипломатический характер колониальной политики русского царизма в Азербайджане в конце XVIII в. отмечает в своей работе и Х.М.Ибрагимбеили, что, по его мнению, «на первых порах создавало у населения иллюзии по отношению к господству царской России. Разрушительным и грабительским действиям Ага Мухаммеда противопоставлена умелая политика русского правительства, отражением которой явилось «безукоризненное поведение» по отношению к населению, предписанное направленным в Азербайджан русским солдатам специальным рескриптом Екатерины II.⁹² Его содержание и выполнение, якобы обеспечивавшее расположение народов Кавказа к России, дали основание В.Гаджиеву подчеркнуть огромное политическое значение указанного похода.

Восстановление после прихода русских войск нормальной жизни в Дербенте, открытие ремесленных заведений и лавок, оживление торговли – всё это Гаджиев приво-

дит в подтверждение исполнения отмеченного указа русского правительства и в доказательство мирного отношения русских войск к местному населению.⁹³

Понятно, что подчеркивая последнее, В.Гаджиев пытается как-бы оправдать их вторжение и затушевать завоевательный характер похода, тогда как в предыдущей главе нами уже была высказана мысль относительно не безупречного поведения русских солдат в Азербайджане.

А.Фадеев же объясняет попытки Шейхали хана Губинского и Мустафы хана Шемахинского оказать сопротивление продвижению русских войск в 1796 г. боязнью потерять свои владения, при этом как-бы осуждая эту естественную позицию феодальных правителей, не желавших подчиняться русским завоевателям.⁹⁴ В отличие от А.Фадеева, В.Гаджиев, как и большинство авторов, отдаёт предпочтение прорусским настроениям в Дербенте и отодвигает на второй план наличие антирусской ориентации, которую он отождествляет с проиранской, что в корне неверно. Неубедительно звучит мнение автора о том, что под давлением сторонников русской ориентации Шейхали хан вынужден был отправить к Зубову депутатов с просьбой о пощаде.⁹⁵

В отличие от В.Гаджиева, Х.М.Ибрагимбейли, указывая цели похода В.Зубова, подчёркивает его двойственный характер – завоевательный и освободительный. Автор встаёт в один ряд другими историками, когда высказывает субъективное мнение о важности помощи якобы оказанной русской армией азербайджанскому народу, спасая его от разорения, порабощения и прямого физического истребления.⁹⁶

Несмотря на то, что позиция почти всех авторов однозначна, тем не менее, следует вновь выделить работу С.Б.Ашурбейли, где автор справедливо видит главную причину указанного похода в стремлении царского правительства «утвердить свою власть на севере Азербайджана, на который посягнул Ага Мухаммед хан»,⁹⁷ и представляет

официальный мотив похода, заключавшийся в желании наказать Ага Мухаммед хана за разорение Грузии и Тифлиса.⁹⁸ При этом автор акцентирует внимание на продолжении Екатериной II политики Петра I, направленной на завоевание Южного Кавказа Россией.⁹⁹

Если другие исследователи, как было указано ранее, объясняют быстрый успех русских войск преданностью азербайджанских правителей к России, то С.Б.Ашурбейли остается на прежней позиции в отношении лавирования азербайджанских ханов, и в частности – Гусейнгулу хана Бакинского. Убедительно звучит мнение автора о благожелательном отношении Гусейнгулу хана к царским властям только после занятия Баку русскими войсками. Мы согласны с точкой зрения С.Б.Ашурбейли об обусловленности отношений бакинского хана с Россией «политическими интересами, интересами феодала, желающего любой ценой сохранить свою власть».¹⁰⁰

Представленные в работе факты наглядно демонстрируют политику лавирования между Россией и Ираном, проводимую Гусейнгулу ханом как в период правления Екатерины II, так и после неё. Вместе с тем, как и в большинстве исследований, и в этой работе не дана должная оценка двойственной политике царского правительства в отношении азербайджанских ханств, хотя и некоторые упоминаемые официальные документы¹⁰¹ красноречиво свидетельствуют, с одной стороны, об обещании Россией покровительства и приёме азербайджанских владельцев в русское подданство, а с другой – о претворении экспансионистских планов в данном регионе.

Хотя авторы 60-х годов открыто не признают безуспешность военной кампании В.Зубова, о чём было сказано ранее, но считают, что вывод русских войск был необдуманным шагом для России и также, как остальные исследователи, связывают его с именем вступившего на престол Павла I. Вместе с тем, указанные авторы не забывают под-

черкнуть значение этого похода и приходят к заключению, что он не остался бесследным в истории русско-кавказских отношений, в целом, и народов Южного Кавказа – в частности, в том числе азербайджанского. Обосновывая нежелательность ухода русских войск, авторы подчеркивают возросший в результате этого похода авторитет России, как защитницы южнокавказских народов, так как, по их ошибочному мнению, только благодаря русским войскам было приостановлено нашествие Ага Мухаммеда, а поведение русских дало возможность народным массам сравнить его с жестокостями, грабежами, разрушениями, сопровождавшими нашествия полчищ Ирана и Турции.¹⁰²

Таким образом, считая излишним повторяться по поводу разрушительных действий русских в период пребывания их в Азербайджане, отметим, что авторы необъективно и тенденциозно считают цели и действия России, Ирана и Турции в Азербайджане диаметрально противоположными. Они приписывают России роль защитницы народных масс, противопоставляя их феодальным группировкам, которым поход русских войск во главе с В.Зубовым «не только не внёс умиротворения», а, наоборот, борьба между ними ещё более усилилась.¹⁰³

Известно, что в 1797 г. было совершено очередное нашествие Ага-Мухаммеда на Азербайджан. Авторы же, фокусируя внимание на поведении русских войск на занятой территории, предпочитают умалчивать захватнические цели России. Поэтому, естественно, они не акцентируются на значимости указанного похода для самой России. Как было отмечено ранее, он сыграл определенную роль в подготовке окончательного завоевания Азербайджана Россией в начале XIX в. Однако, стремясь оправдать экспансионистскую политику царизма и обосновать мирный, в основном, характер процесса «вхождения» ханств Азербайджана в состав России, авторы неправомерно преувеличивают удельный вес сторонников русской ориентации среди народных

масс Азербайджана в конце XVIII в., утверждают о перерастании её в серьёзную общественно-политическую силу.¹⁰⁴

По мнению А.Фадеева, благодаря этой определяющей тенденции в данном регионе на рубеже XVIII-XIX вв. «русский царизм добился значительных дипломатических успехов без сосредоточения крупных вооруженных сил и широких военных операций».¹⁰⁵

При этом следует отметить, что если о благосклонном отношении грузин и армян к России О.П.Маркова располагает и приводит фактические материалы, то утверждение о русской ориентации азербайджанцев почти не обосновывается. Автор сама косвенно признается в этом в заключение работы, где пишет, что «грузинский и армянский народы постоянно (и нередко-азербайджанцы) призывали Россию к вступлению в Закавказье с оружием в руках». Истоки их постоянного тяготения к России О.П.Маркова находит в общих интересах, которые якобы связывали народы Южного Кавказа с Россией.¹⁰⁶ Как видим, существующая и в 60-х годах XX в. идеолого-политическая обстановка в стране ставила историков в безвыходное положение, когда им ничего не оставалось, как констатировать, с одной стороны, захватнический характер политики царской России, (однако с применением метода «кнута и пряника»), а с другой – выдвигать соображение о не соответствующем действительности совпадении интересов: стремления народных масс освободиться из-под иранского гнёта и планов России утвердиться в данном регионе. Имели место тенденциозный подбор, подтасовка фактов ради намеченной цели, а именно – придать захватническим действиям России облик благородства с использованием соответствующей фразеологии.

Кстати, О.П.Маркова в корне неправа, когда подчёркивает, что «армяне Карабахского и Ереванского ханств продолжали хранить надежду на возрождение своей государственности, внешне мирясь с подневольным существованием под властью ханов, признавших власть Ирана».¹⁰⁷

Гарабахское и Иреванское ханства были исконно азербайджанскими землями и во II половине XVIII в. самостоятельными государственными образованиями, независимыми от Ирана. Что касается государственности армян, то их государство, существовавшее вне территории Азербайджана, было ликвидировано в 387 г. К территории и истории Азербайджана этот факт прямого отношения не имеет. Если в гарабахских и иреванских землях и было незначительное количество армян, то они были пришлыми.

Казалось, данный вопрос не имеет непосредственного отношения к избранной нами проблеме. Но ввиду не утихающих по сей день безосновательных претензий армян на азербайджанские земли и поскольку из-за религиозной близости в их лице царская Россия искала опору своим далекоидущим планам в регионе и не прочь была использовать здесь армян в качестве идеологического оружия, мы сакцентировали внимание на вышеуказанной точке зрения О.П.Марковой. Следует также подчеркнуть, что, в свою очередь, армяне были готовы исполнить отведенную им со стороны России роль, будучи уверены, что с её помощью они захватят азербайджанские земли.

По мнению О.П.Марковой, активизация политики России с начала 80-х годов XVIII в. была связана с воплощением основной идеи «барьера», т.е. создания в Южном Кавказе под протекторатом России федерации государств, освобождённых от ирано-турецкой зависимости. Однако, автор вновь делает ударение на общую заинтересованность народов Южного Кавказа и России в ликвидации ирано-турецкого ига, которая, по её выражению «смягчала захватнический характер политики по установлению «барьера».¹⁰⁸

Почти все авторы этого периода, также как и предшественники, стремятся затушевать завоевательный характер процесса присоединения Азербайджана со стороны России, поэтому доминантной линией в их работах является мысль об усилении русской ориентации, которой отводят, чуть ли

не первостепенную роль в указанном процессе. Под этим же углом зрения авторы 60-х гг., также как и предшественники, рассматривают и обращения ряда азербайджанских ханов к России за помощью в конце XVIII века.¹⁰⁹ Они вынуждены были характеризовать действия азербайджанских владельцев, как представителей государств, внутреннее и внешне-политическое положение которых к концу XVIII – началу XIX вв., по их мнению, якобы не позволяло «успешно защищаться от посягательств со стороны внешних врагов», в частности – избежать порабощения Ираном или Турцией.¹¹⁰

Естественно, показав Россию в роли помощницы, авторы не воспринимают эти обращения, как средство, используемое феодальными правителями Азербайджана в целях сохранения своей независимости и вовсе исключавшее добровольную отдачу своей власти царскому правительству.

Более того, представив обращения наиболее владетельных азербайджанских ханов к России на рубеже XVIII-XIX вв. в качестве решающей тенденции в процессе «вхождения» Азербайджана в состав России, А.Ш.Мильман использует факты отправки послов гарабахского и губинского ханов в Петербург в 1797-1799 гг. с просьбой о покровительстве России и принятия в 1799-1801 гг. Губинского, Лянкяранского и Бакинского ханств под её покровительство как подтверждение высказанной им небесспорной мысли о том, что «ориентация на Россию, находившая поддержку народных масс Азербайджана, к концу XVIII в. стала бесповоротной».¹¹¹

Осталась без изменений, по сравнению с предшествующим периодом, и оценка авторами подписанных ханами договоров или обязательств о принятии российского подданства. По-прежнему их рассматривали, как проявление воли самих ханов, якобы предусматривавшей ввод русских войск.¹¹²

Считаем излишним раскрывать здесь роль указанных обращений азербайджанских правителей в экспансионистской восточной политике царизма, поскольку ранее мы об этом подробно и не раз говорили.

Даже в статье А.Ш.Мильмана, где автор уделил больше внимания юридическим аспектам отношений азербайджанских ханств с Россией, последняя представлена государством, охотно оказывавшим покровительство Азербайджану, «не раз спасая его от опустошительных и разорительных набегов»,¹¹³ и, естественно, что народные массы должны были быть представлены не иначе, как последовательные сторонники русской ориентации, которые видели единственное спасение исключительно в России, «помнили и ценили гуманность русских, проявленную ими во время пребывания в Азербайджане, видели в России своего бескорыстного и верного защитника...».¹¹⁴

Таким образом, перед нами один из примеров искажения исторической действительности, характерных не только для данного автора, но и для его предшественников и современников, допускавших фальсификацию фактов в целях оправдания завоевательных планов и действий России в отношении Азербайджана.

Может быть достаточно было бы дать историографический анализ изданного в 1960 г. II тома «Истории Азербайджана», поскольку именно в нейв обобщенной форме отражена позиция историков 60-х годов по вопросу о завоевании Азербайджана Россией. Тем более, что книга посвящена сугубо историографическим аспектам указанной проблемы. Вместе с тем, мы считаем важным и обязательным дать историографическую оценку наиболее интересных и достойных внимания работ 60-х годов, так как завоевание Азербайджана Россией в первой трети XIX в. является не только судьбоносным событием в истории азербайджанского народа, но и итогом развития азербайджано-русских отношений XVIII в., историографическая разработка которых

и является целью данной монографии.

Следует отметить, что не во всех исследованиях указанный вопрос получил своё исчерпывающее и полное отражение. Если в одних работах авторы стараются довести до читателя весь процесс завоевания, т.е. с первых сражений и до Туркменчайского мирного договора, то другие ограничиваются определением значимости Гюлистанского и Туркменчайского договоров, а третьи уделяют основное внимание участию азербайджанских формирований в составе русских войск в русско-иранских войнах. Но даже при этом в глаза бросается общая тенденция для историков 60-х годов по данному вопросу, не отличавшаяся от позиции предшественников.

Несмотря на вышеизложенное, мы считаем необходимым и актуальным историографическое исследование указанного вопроса ещё и по той причине, что оно позволит воочию пронаблюдать и убедиться в идеолого-партийной зависимости исторической науки в рассматриваемый период, в т.ч. и в Азербайджане, на примере разработки в советской историографии проблемы азербайджано-русских отношений в XVIII – начала XIX вв.

Следует отдать должное некоторым авторам, которые считают своим долгом представить Цицианова, прежде всего, как яркого проводника колонизаторской политики русского царизма на Кавказе и связывают с его назначением главнокомандующим русских войск активизацию политики России в данном регионе и, в частности – в отношении Азербайджана. Но если С.Ашурбейли акцентирует внимание на действиях Цицианова по взятию Баку, то Х.М.Ибрагимбейли на основе сообщений дореволюционных историков раскрывает презрительное и жёсткое отношение Цицианова к народам Кавказа.¹¹⁵ Он прямо и открыто говорит о том, что Цицианов был назначен главнокомандующим войск на Кавказе отнюдь «не для ограждения его народов от военно-феодальной экспансии иранских и турецких захват-

чиков, а для претворения в жизнь внешнеполитических планов русского царизма». ¹¹⁶

В подтверждение всей жестокости этого «ревностного исполнителя повелений царя» ¹¹⁷ Х.М.Ибрагимбейли приводит предусмотренную Цициановым в плане Бакинской операции бомбардировку города с кораблей с целью превращения его в «пепел».

В отличие от Х.М.Ибрагимбейли, который, ограничиваясь фактом убийства Цицианова, не акцентирует на нём внимание, ¹¹⁸ С.Б.Ашурбейли, подробно освещая в своей работе взятие города Баку русскими войсками, преподносит его на основе версий источников, ¹¹⁹ хотя и не выражает свою точку зрения по этому поводу. Вместе с тем рассматриваемые ею факты расторжения Гусейнгулу ханом Бакинским соглашения, заключенного между Цициановым и его посланцем Аллахверди беком в 1801 г., изгнания им русского консула Скибинева в 1804 г. из Баку, отказа бакинского хана сдать генерал-майору Завалишину, отправленному сюда во главе флота в 1805 г. – всё это является наглядной демонстрацией не только антирусской ориентации Гусейнгулу хана Бакинского, но и его верности своим феодальным интересам. В условиях идеолого-партийных ограничений автор, очевидно, таким путем хотел причислить убийство Цицианова к результату враждебных отношений Гусейнгулу хана с Россией, может быть даже допуская участие бакинского правителя в преднамеренном акте.

Факт убийства Цицианова неслучайно привлекает внимание и авторов II тома «Истории Азербайджана». Разбирая версии этого убийства, они отдают предпочтение участию в нем находившихся в Баку агентов шаха. На наш взгляд, авторы не хотят видеть в бакинском хане злоумышленника, хотя, как мы уже говорили, все предшествовавшие действия не исключают организации им убийства Цицианова. Расценивая принятие Гусейнгулу ханом условий Цицианова о переходе под власть России, как добровольное безо-

говорочное подчинение, представляя бакинского правителя верным её сторонником, авторы считают Иран главным противником России, оспаривавшим с ней территорию Азербайджана. Отсюда, и обвинение агентов шаха, по наущению которых будто было совершено убийство Цицианова, с целью «помешать присоединению Бакинского ханства к России».¹²⁰

В ряде работ правильно подчеркивается место и значение каждого из завоеванных азербайджанских ханств. Так, говоря о предпринятых Цициановым операциях в Джаро-Белаканской области (1803) и Гянджинском ханстве (1804), А.Фадеев показывает осуществление захватнических замыслов русского царизма в расширении стратегического плацдарма, которым Россия обладала на Южном Кавказе.¹²¹ А Х.М.Ибрагимбейли, при описании взятия названных земель, не только подчеркивает подчинение их силой русского оружия, но и то большое значение, какое придавало царское правительство крепости Гянджа и всему ханству.¹²²

Вместе с тем, показывая азербайджанские ханства в качестве главных объектов борьбы между Россией и Ираном в период двух русско-иранских войн начала XIX в. и описывая военные действия, авторы, на наш взгляд, под влиянием русских источников, а также согласно требованиям советской эпохи с воодушевлением пишут об успехах русских войск и выступлении азербайджанцев на их стороне. В работе Х.М.Ибрагимбейли, как и в других трудах этого периода не только не дается должная оценка разрушительным действиям русских войск, но и как бы оправдывается переход значительного количества воинов Джавад хана Гянджинского на сторону русских войск.¹²³ Последнее, на наш взгляд, звучит сомнительно. А разрушение русскими Гянджи в 1804 г. было столь мощным, что до 50-х годов XIX в. город не восстанавливался в своём прежнем виде.

Также как и предшественники, авторы 60-х годов не дают должную оценку ни действиям азербайджанских ха-

нов, оказавших сопротивление русским, в частности – Джавад хана Гянджинского, ни тем из них, которые подписали договоры о переходе под власть России. Так, при изложении взятия Гянджинского ханства, во II томе «Истории Азербайджана» отмечается, что «действия русских войск Джавад хан рассматривал как нападение».¹²⁴ Складывается такое впечатление, что авторы не хотят примириться с сопротивлением гянджинского хана, в то время как в отличие от других ханов Азербайджана, Джавад хан Гянджинский, отстаивая независимость своего ханства, не побоялся открыто показать своё неподчинение русским. Он осознал суть завоевательной политики российского правительства, доказательством чего явилась его гибель. Ограничившись лишь констатацией фактов, авторы не дают глубокую и правильную оценку естественному для феодального правителя поведению Джавад хана Гянджинского, действия которого, на наш взгляд, заслуживают уважения и понимания.

Именно антирусской ориентацией следует объяснить сопротивление гянджинского, бакинского и губинского ханов русским войскам при их вступлении в азербайджанские ханства, нежели, как пишет А.Ш.Мильман, «влиянием ориентации на отсталый феодальный Восток».¹²⁵

Однако Х.М.Ибрагимбейли безосновательно относит вышеуказанных ханов, а также Селим хана Шекинского, Мустафа хана Шемахинского и др. к числу проирански настроенных правителей,¹²⁶ так как не хочет признать их реакцию ответом на угрозу потери независимости своих владений. Даже позднее бегство этих ханов в Иран отнюдь не свидетельствовало об их проиранской ориентации в указанный период.

Авторы неправы, когда подчеркивают, что «наличие в Азербайджане сильной русской ориентации и других предпосылок, облегчивших его присоединение к России, привело к тому, что часть азербайджанских ханств перешла под ее власть мирным путем».¹²⁷ Также как и предшественники,

авторы игнорируют вынужденный характер договоров о переходе под власть России, подписанных гарабахским, шекинским и шемахинским ханами (1805 г.) и представляют их как добровольное присоединение к ней.¹²⁸ Вместе с тем А.Фадеев подчеркивает важную роль этих ханств в стратегических планах Цицианова.¹²⁹ Неизменным является то, что авторы лишены возможности определить значение этих завоеваний для самого Азербайджана, их влияние на судьбу азербайджанского народа.

Колебания же некоторых ханов, в том числе Ибрагим-халил хана, во время переговоров с Цициановым авторы объясняют страхом потерять власть и привилегии.¹³⁰ Авторы не признают за гарабахским, также как и за другими ханами, нежелание лишиться, прежде всего, независимости, но при этом отмечают их стремление сохранить самостоятельность во внутреннем управлении в ответ на кабальные условия подписанных договоров.¹³¹

Хотя авторы не применяют термин «завоевание» в отношении действий России в Азербайджане и всячески стараются смягчить и оправдать их, затушевывая их захватнический характер, тем не менее, описываемые события и факты раскрывают ясную картину экспансии царизма в данном регионе. Однако в указанных работах только иранцы показаны как захватчики, угонявшие в плен тысячи жителей, а русским отводилась роль освободителей азербайджанцев. Примером тому является трактовка фактов, связанных с военными действиями в Гарабахе летом 1806 г.¹³² И в этом авторы 60-х годов являются последователями своих предшественников.

Следует подчеркнуть, что Ибрагимхалил хан Гарабахский охарактеризован в работах, как непоколебимо верный России, и в подтверждение этого приводятся факты о неоднократной его помощи русским войскам и, в частности, в период вторжения иранской армии в Гарабах весной 1806 г. Именно поэтому, по мнению авторов, убийство гарабахско-

го правителя у крепости Шуши майором Лисаневичем, «которое даже многие представители русских военных властей в тот период рассматривали как бесцельное и жесткое, ярко характеризовало колонизаторские методы действий царских офицеров».¹³³ Игнорирование авторами избранной Ибрагимхалил ханом и другими правителями политики лавирования, в отличие от открыто враждебных действий Джавад хана Гянджинского, Шейхалихана Губинского и некоторых других ханов против русских войск, создаёт ложное впечатление, будто Ибрагимхалил хан помогал русским войскам завоевать Шушу в борьбе против иранских захватчиков. Однако историческая правда такова, что азербайджанские правители прибегали к разным методам действий лишь с одной целью – отстоять независимость своих ханств и не подчиняться ни России, ни Ирану, о чем уже неоднократно говорилось.

Также как и предшественники, авторы 60-х годов XX в. не только представляют народные массы последовательными сторонниками русской ориентации, но и считают, что, в конечном итоге именно она предрешила вопрос о присоединении Северного Азербайджана к России.¹³⁴ В качестве подтверждения расположения населения к России в работах приведены факты оказания поддержки русским войскам местными жителями и, наоборот, народ якобы отказывался следовать за сопротивлявшимися ханами, что и облегчило быстрое подавление выступлений против России в ханствах.¹³⁵ И в том, и в другом случае мнение авторов звучит неубедительно, тенденциозно и обобщенно. Более того, они выпячивают участие азербайджанцев на стороне русских войск и их помощь в период как первой, так и второй русско-иранской войны, выраженные в создании конных отрядов и снабжении продовольствием.¹³⁶ Совершенно неправильно рассматривать этот факт, как показатель увеличения сторонников русской ориентации.

Как видим, позиция авторов и по данному вопросу в

основном не отличается от точки зрения предшественников, что неслучайно. Положение об усилении русской ориентации, которое ложно проповедают авторы, является удобным и выгодным для оправдания якобы добровольного присоединения Северного Азербайджана к России. Поэтому, на наш взгляд, излишне будет вновь обстоятельно рассуждать о составе и сути действий указанных конных отрядов, о чём мы говорили ранее. Вместе с тем, в работах 60-х годов можно встретить несколько отличительных моментов по данному вопросу, хотя суть остаётся прежней. Так, признавая, что Россия и Иран в названных войнах преследовали захватнические цели, Х.М.Ибрагимбейли в то же время рассуждает о прогрессивном характере участия азербайджанского населения в них на стороне русской армии. Он подчеркивает, что «если русский царизм и шахский Иран вели несправедливую, захватническую войну между собой, то народы Кавказа, приняв вооруженное активное участие в этой войне, боролись за избавление своей территории от иноземных захватчиков и поработителей».¹³⁷ Как видим, в данном высказывании содержится противоречие, причина которого кроется в стремлении автора представить в роли поработителя лишь Иран, а России тенденциозно приписывается роль спасительницы.

Признавая, например, карательный характер похода царского генерала Гулякова в Балакан, Х.М.Ибрагимбейли выступает с ошибочным, на наш взгляд, выводом о том, что выступления азербайджанских добровольцев являются фактами, убедительно свидетельствующими не о поддержке колонизаторских целей царизма, а, прежде всего, о стремлении оградить свои земли и свой народ от угрозы вторжения иноземных захватчиков.¹³⁸ При этом автор лукаво обходит стороной тот момент, что русские войска тоже «иноземные захватчики».

В отличие от предыдущих работ, в данной книге приводится большое число примеров, которые показывают

важную и необходимую роль азербайджанской иррегулярной конницы в предотвращении контратак иранцев и ликвидации их пехоты, так как, по мнению автора, в самом русском корпусе отсутствовала такая лёгкая конница.¹³⁹ Безусловно, с чувством гордости Х.М.Ибрагимбейли говорит о возложенной на азербайджанскую конницу, численностью в 1000 человек, миссии по обороне Шекинского, Шемахинского и Гарабахского ханств от нападения иранских войск в 1809 г.¹⁴⁰

Красной нитью через всю работу проходит мысль об обусловленности ожесточенной борьбы азербайджанцев против иранских войск их стремлением избавиться от иранского ига и тяготением к России. Х.М.Ибрагимбейли, сознательно затушевывая захватнический характер действий русских войск, преувеличивает масштабы взаимодействия азербайджанского населения и русских отрядов, акцентирует внимание на разорительных и опустошительных действиях иранских войск, и, наоборот, представляет русских в качестве спасителей азербайджанского населения.

Таким образом, автор продолжает придерживаться заложенной в советскую эпоху концепции. Поэтому неудивительно, что Х.М.Ибрагимбейли, описывая военные действия из-за Лянкяранского ханства, приходит к необоснованному заключению о том, что, оказавшись в гибельном положении, население ханства и Мир Мустафа хан отказались от перехода под иго Ирана, надеясь на покровительство России.¹⁴¹

Автор уделил особое внимание факту переселения армян из Хойского ханства в Шекинское.¹⁴² И хотя в работе ему не дана должная оценка, тем не менее, перед нами яркое свидетельство целеустремленной переселенческой политики царского правительства, начатой ещё Петром I.

Если В.Гаджиев ограничивается констатацией участия в боевых действиях наряду с русскими представителями народов Кавказа, то Х.М.Ибрагимбейли говорит о том, что «в

ходе боевых действий... крепло (так называемое – М.И.) боевое содружество русских войск с населением и ополченскими войсками Азербайджана».¹⁴³

Указывая на участие азербайджанских конных и пеших ополчений, состоявших из жителей Шекинского, Шемахинского и Гарабахского ханств, Газахской, Шамшадильской и Борчалинской дистанций, в боевых действиях первой русско-иранской войны, автор также рассматривает причину отхода от русской ориентации ряда азербайджанских ханов, в частности – гарабахского и шемахинского, объясняя это колонизаторскими методами царского управления,¹⁴⁴ осуществляемыми жестоким и циничным Цициановым. Отдавая должное автору, следует указать, что в работе констатируются две позиции в Азербайджане по отношению к России; прорусская и антирусская. Не раскрывая политическую подоплёку ни той, ни другой, тем не менее, он как-бы порицает азербайджанских правителей, в частности – Мехтигулу хана Гарабахского, за их враждебное отношение к царским властям.¹⁴⁵ Х.М.Ибрагимбейли не одобряет и действий Шейхали хана Губинского и даже обвиняет царское командование в неорганизации своевременного противодействия его отрядам, что способствовало склонению большей части населения Губинской провинции на сторону губинского хана. Однако, если дореволюционные историки оправдывали национальную и социальную политику самодержавия, то Х.М.Ибрагимбейли не только не выступает против, но и выдвигает обобщенное положение якобы о значительной роли населения Губинского ханства, а также ополчений из шекинских и ширванских азербайджанцев в деле присоединения ханства к России.¹⁴⁶

Не без чувства гордости автор так же, как и другие историки, пишет о победах русских войск в том или ином сражении. Складывается такое впечатление, что он рассматривает их с позиции русских дореволюционных историков, восхвалявших русские войска, и начисто забывает о

захватническом характере их действия в отношении Азербайджана. Ярким подтверждением может послужить заключение Х.М.Ибрагимбеги об Асландузском сражении в октябре 1812 года. Он подчеркивает: «Беспредельная храбрость, выносливость и героизм русского солдата, военные дарования полководца Суворовской школы Котляревского, секретность всех подготовительных мероприятий и наступления, наличие в тылу наступавшего русского отряда дружески расположенного к России азербайджанского населения и, наконец, его моральная и материальная поддержка русским войскам явились главными причинами асландузской победы русских войск».¹⁴⁷

Автор выпячивает ведущую роль активной помощи и участия азербайджанцев на стороне русских войск не только в этом сражении, но и в целом в военных успехах русской армии в первой русско-иранской войне.¹⁴⁸ При этом отсутствие твёрдо установленной численности азербайджанских ополчений и всевозможных вооруженных отрядов в отдельных сражениях автор объясняет «стихийностью их формирования и действий, в большинстве случаев в зависимости от обстановки и неприятельского вторжения в то или иное ханство».¹⁴⁹ Этим же, по его мнению, обусловлен и социально-классовый состав азербайджанских ополчений, в которые, как утверждает автор, вступали все слои населения с преобладанием крестьян.¹⁵⁰

Однако, на наш взгляд, последнее не соответствует действительности. Если учесть, что все бразды правления в ханствах находились в руках хана при решающей роли светских феодалов – беков, султанов, агаларов и т.д., то положение о преобладающей активности эксплуатируемых крестьян, слепо выполнявших волю последних представляется необидительным и маловероятным. Очевидно, автор пытается использовать отдельные моменты снабжения азербайджанскими крестьянами русских войск продовольствием, фуражом, лошадьми и т.д. для того, чтобы показать,

якобы, исключительно русскую ориентацию низших слоев азербайджанского населения. Участие же отдельных представителей бекского сословия в военных действиях на стороне русской армии в корыстных целях, как мы утверждали ранее, подразумевает их выбор под давлением сложившихся обстоятельств более мощной в военном отношении России, по принципу «из двух зол – меньшее», что отнюдь не является доказательством их преданности и искренней верности русским. Именно в последнем нас пытается убедить Х.М.Ибрагимбейли, и в этом вопросе он не отличился ни от предшественников, ни от своих современников.¹⁵¹ Вместе с тем внимание автора привлекает тот факт, что создавая в своих интересах иррегулярные войска из местных жителей, царизм укреплял свою колониальную власть в присоединенных владениях, «привлекая на свою сторону значительную часть феодальной знати и зависимых от неё крестьян».¹⁵²

Ссылаясь на походные журналы, военные дневники, донесения и другие документы, составленные царскими военными деятелями на Кавказе, и на основе конкретных примеров Х.М.Ибрагимбейли определяет значение той материальной помощи, которая была оказана населением Азербайджана русским войскам и в ходе второй русско-иранской войны (1826-1828 гг.).

На наш взгляд, учитывая колонизаторскую сущность царского режима, момент принуждения был доминирующим в отношениях русских войск с населением в ходе обеих русско-иранских войн.¹⁵³ Очевидно, вынужденные действия большинства жителей азербайджанских селений по предоставлению продуктов, скота и т.д. автор выдаёт за добровольное оказание материальной помощи.

Х.М.Ибрагимбейли не только не даёт объективную оценку действиям бывших ханов, в частности Мустафа хана Шемахинского, Гусейнгулу хана Бакинского, Мир Гасан хана Лянкяранского, прибывших в составе иранских войск

на территорию Азербайджана с целью восстановить независимость своих ханств, но и выдвигает положение о том, что, якобы преобладающая часть населения Азербайджана не поддержала их идею отторжения Азербайджана от России.¹⁵⁴ При этом автор опирается на отдельные факты участия населения Шемахинского, Бакинского, Лянкяранского ханств в военных действиях на стороне русских, которым он отводит, чуть ли не основную роль в успехах русских войск. На наш взгляд, автор явно преувеличивает значение указанных случаев «помощи» населения русским войскам, носившей далеко не массовый характер, а потому вряд ли имевшей решающее значение в победе русских.

В принципе, в работах, затрагивающих события второй русско-иранской войны, наблюдается идентичная тенденция. Даже в коллективной работе «В единой семье братских народов», где изложение вопроса об участии азербайджанцев во второй русско-иранской войне носит эпизодический характер, и приводятся единичные, но уже известные нам примеры особого отличия азербайджанских конных ополчений, также подчеркивается значимость (правда, не первостепенная, как у Х.М.Ибрагимбеги) поддержки, оказываемой представителями азербайджанского народа русским войскам.¹⁵⁵

Действовавших вместе с иранскими войсками азербайджанских ханов бичуют и авторы «Истории Азербайджана». По их мнению, они стремились воспользоваться нападением шахской армии на Южный Кавказ для того, чтобы восстановить свою власть и нажиться на грабеже населения.¹⁵⁶ Грабеж, разорение – все это, в основном, как было уже отмечено, связывается с действиями иранцев и азербайджанских ханов. А широкомасштабные военные действия России по захвату азербайджанских территорий разве обошлись без разорения? Конечно же, нет. Однако авторы предпочитают об этом молчать, пытаясь представить русских в более выгодном свете, нежели иранцев или азербай-

джанских ханов. Вместе с тем, они вынуждены признать, что поднятым на территории Северного Азербайджана антироссийским мятежам «объективно благоприятствовало и недовольство народных масс произволом царской администрации».¹⁵⁷

Доминирующей в соответствующих разделах «Истории Азербайджана» является мысль о верности России. Именно под этим углом рассматриваются действия представителей тех или иных слоев. Так, если с осуждением говорится о «небольшой кучке изменников» из среды феодалов и духовенств, с помощью которых бывшим ханам «удалось обмануть и на время увлечь за собой часть населения, в том числе бывших ханских нукеров, маафов и др.»,¹⁵⁸ то в отношении народных масс авторы, заняв позицию предшественников, считали, что они не принимали участие в «реакционных авантюрах» ханов, а значительная часть населения выступала на стороне русской армии, оказывая ей немалую поддержку.¹⁵⁹

Авторы неправы, когда, основываясь на частных случаях, приходят к обобщенным выводам. В целом, утверждение о русской ориентации народных масс звучит голословно или недостаточно аргументировано. Неудивительна позиция авторов и в отношении поведения бывших азербайджанских ханов. Стремление последних к восстановлению независимости азербайджанских ханств после завоевания их Россией авторы несправедливо считают «реакционной авантюрой», в то время как это была справедливая борьба азербайджанских ханов за освобождение из-под царского гнёта, если даже при этом наблюдались властолюбивые мотивы.

Авторы рассматриваемого периода проявляли тенденциозность и при изучении непосредственно военных действий. Так, те или иные сражения описаны в работе Х.М.Ибрагимбейли с целью ярче показать боевое содружество русской пехоты и азербайджанской конницы в борьбе

против иранских войск.¹⁶⁰ Но автор неправ, когда показывает обусловленность успехов русской армии, якобы, дружественным расположением к ней большинства населения Азербайджана и его активной материальной и военной помощью.¹⁶¹ Тем самым, на наш взгляд, автор умаляет военную мощь русской армии, на которой и держалась вся захватническая политика царизма.

В свою очередь, с воодушевлением и гордостью авторы «Истории Азербайджана», также как и большинство историков, пишут об успехах русских войск под Шамхором (2 сентября 1826 г.) и Гянджой (13 сентября 1826 г.).¹⁶² Сильно греша против истины, они подчеркивают: «Весть о победе под Гянджой с радостью была встречена населением Азербайджана. Когда русские войска вместе с азербайджанской конницей вступили в Гянджу, народ встретил их как избавителей».¹⁶³ Как видим, авторы не перестают рассматривать русских, как спасителей, дабы оправдать завоевание Северного Азербайджана Россией. Следует отметить, что присоединение Северного Азербайджана к России во II томе «Истории Азербайджана» преподносится как добровольный акт, что делалось, как уже отмечалось, в угоду конъюнктурным требованиям советского времени.

Эта цель преследуется и тогда, когда неверно интерпретируются наступательные действия русских войск в 1827 г. Так, указывается, что «к началу 1827 года все провинции Азербайджана, захваченные шахскими войсками были освобождены»,¹⁶⁴ или же – «азербайджанское и армянское население (той части территории Азербайджана и Восточной Армении, которая ещё не была под властью шаха – М.И.) дружески встречало русских воинов и всемерно им помогало».¹⁶⁵

Особое внимание уделяется реакции населения южных ханств Азербайджана на вступление русских войск. Радостная встреча, активная его помощь русским воинам – вот главные подчеркиваемые авторами моменты, сопровож-

давшие, якобы, русские войска на территории Южного Азербайджана. Следует отметить, что и в данном вопросе авторы 60-х годов стоят на тех же позициях, что и предшествующие историки, в частности – М.А.Исмаилов, А.С.Сумбатзаде, и даже приводят идентичные примеры.¹⁶⁶

Говоря о рядовом составе азербайджанских ополчений в период второй русско-иранской войны, набравшихся, по мнению. Х.М.Ибрагимбейли, из крестьян, маафов, ремесленников, автор в то же время подчеркивает значительное увеличение в них и представителей господствующих классов. Но, не принимая во внимание корыстные цели последних, не дав правильную оценку политической подоплёке их русской ориентации, он объясняет участие представителей высших слоев населения на стороне русской армии якобы отказом от проиранских симпатий и ориентацией на Россию.¹⁶⁷

Думаем, излишне будет повторить, что выбор представителями бекского сословия мощной в военном отношении стороны – России отнюдь не является доказательством их преданности и искренней ей верности. В свою очередь, если учесть, что все бразды правления в ханствах находились в руках хана при решающей роли светских феодалов-беков, султанов, агаларов и т.д., то положение о преобладающей активности эксплуатируемых крестьян, слепо выполнявших волю последних, неубедительно и маловероятно.

А.Фадеев также определяет значительную роль вышеуказанной поддержки со стороны местного населения, как один из факторов успешного завершения Россией войн с Ираном и Турцией.¹⁶⁸ Причём, следует указать, что почти во всех работах, за исключением монографии Х.М.Ибрагимбейли, приводятся идентичные примеры этой помощи. Вместе с тем в корне неверным и необъективным, но вполне обычным для советской эпохи, звучит вывод А.Фадеева о том, что в сложной международной обстановке в первой

трети XIX в. присоединение Южного Кавказа к России не могло бы осуществиться без активного участия народов Грузии, Армении и Азербайджана.¹⁶⁹ Тем самым, также как и предшественники, он умалчивает о целенаправленности захватнической политики царского правительства и, в частности, игнорирует факт завоевания Северного Азербайджана Россией.

Поскольку в большинстве работ доминирует признание первостепенной роли поддержки азербайджанского населения в победоносном окончании обеих русско-иранских войн, естественной звучит та несправедливая оценка, которая даётся их характеру. Неслучайно в «Истории Азербайджана» мы встречаем неверное утверждение о том, что по своим объективным результатам русско-иранские войны первой трети XIX в. являлись освободительными для Северного Азербайджана. Вполне понятна и аналогичная позиция Х.М.Ибрагимбеили. Несмотря на то, что автор приходит к объективному выводу о захватническом характере указанных войн для обеих сторон (Россия и Иран – М.И.), боровшихся за обладания Кавказом, он уверен, что «только в результате победы России в этих войнах они могли спастись от угрозы порабощения и физического истребления со стороны феодальных деспотий Востока».¹⁷⁰ И нет ответа на вопрос: «чем угроза порабощения и физического истребления» со стороны феодальной деспотии Севера лучше?

Х.М.Ибрагимбеили сознательно отбрасывает схожесть экспансионистских целей России и Ирана в отношении Азербайджана, когда неправоммерно указывает на единый фронт борьбы русских войск с азербайджанцами против «общего врага» – Ирана. Красной нитью через всю работу и в заключении проходит в корне неверное и несколько циничное утверждение о том, что «избавление Закавказья от угрозы порабощения Каджарским Ираном и султанской Турцией было достигнуто ратным трудом, воинским мастерством, стойкостью русских солдат и боевым вкладом за-

кавказских воинских иррегулярных частей, ополчений и населения в победу над общим врагом». ¹⁷¹

Более того, шокирующей является мысль о «великой» роли русского солдата, который якобы «передавая свой опыт, знания, обучал воинскому мастерству азербайджанских воинов...». ¹⁷² Исторически военный опыт азербайджанцев имеет более древние корни, нежели русский. Кроме того, находясь на чужой территории, русские солдаты, пожалуй, более нуждались в опыте ведения военных действий в местных условиях и носителями этого опыта являлись азербайджанские воины.

Необъективным и неверным представляется утверждение автора о том, что в основе, так называемого, «боевого содружества русских войск и азербайджанских ополчений, как и всего населения Азербайджана», лежит «известное совпадение на определенных этапах национальных чаяний азербайджанцев, грузин и армян с государственными интересами России». ¹⁷³

Представляя завоевание Северного Азербайджана Россией итогом развития азербайджано-русских отношений в XVIII – начале XIX вв., авторы 60-х годов подчеркивают исключительно прогрессивное значение данного события в истории азербайджанского народа. Несмотря на то, что в исследованиях 60-х годов указанная проблема азербайджано-русских отношений получила широкое отражение с привлечением большого числа документальных данных, тем не менее, в вышеуказанном вопросе авторы остались на прежних позициях. Более того, неслучайно, в 60-х годах в советской (русской – М.И.) историографии появился термин «добровольного вхождения нерусских народов в состав России». Тогда же и азербайджанскими учёными был введен термин «вхождения Азербайджана в состав России», не отражавший сущности колонизаторской политики царского правительства, насильственного захвата Россией азербайджанских ханств в первой трети XIX века. Очередной шаг в

разработке данного направления проблемы был сделан в связи с проведением в 1964 г. 150-летия «вхождения» Северного Азербайджана в состав России. А постановление Центрального Комитета правящей в то время и захватившей все бразды государственного управления Коммунистической партии Азербайджана «О праздновании 150-летия вхождения Азербайджана в состав России» явилось ярким показателем того факта, что азербайджанские и русские учёные этого периода в своей оценке об исторической прогрессивности «присоединения» Северного Азербайджана к России исходили, прежде всего, из существующей партийной установки. В этом постановлении данное историческое событие преподносилось «... поворотным пунктом в истории азербайджанского народа», определившим «дальнейший ход развития его социально-экономической, политической и культурной жизни», и, как неправомерно подчеркивалось, оно «объективно отвечало интересам широких народных масс Азербайджана».¹⁷⁴ В преддверии указанной даты был издан ряд работ,¹⁷⁵ в которых, следуя партийной линии, признанные авторами колонизаторские цели царской России померкли перед «огромным исторически прогрессивным значением вхождения Азербайджана в состав России», и были проигнорированы все отрицательные последствия данного процесса. Как было уже отмечено, такое положение сохранялось до середины 80-х годов XX века.

Уже само название изданной в этот период статьи А.Ш.Мильмана, о которой мы уже упоминали, показывает отношение автора к вышеуказанному историческому событию. Он даёт оценку Туркменчайскому мирному договору, в т.ч. и с юридической точки зрения, согласно которой он «вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, т.е. в течение почти столетия был в известной степени кодексом русско-иранских отношений».¹⁷⁶ А.Ш.Мильман подчеркивает и историческую значимость договора, ознаменовавшего с т.н. «вхождением Азербай-

джана в состав России» начало поворотного этапа в исторических судьбах азербайджанского народа.

Раскрывая каждый из известных нам «прогрессивных» последствий «вхождения»,¹⁷⁷ о которых мы не раз говорили, вместе с тем автор правильно подчеркивает, что «вхождение Азербайджана в состав России не принесло трудящимся освобождения... Опираясь на местных эксплуататоров, царизм проводил в Азербайджане жестокую колонизаторскую политику, свирепо подавлял национально-освободительное движение».¹⁷⁸

Однако мы в корне не согласны с утверждением автора о том, что «нельзя ставить знака равенства, отождествлять гнёт, которому подвергнулись трудовые слои населения Азербайджана в период порабощения Азербайджана отсталыми, феодальными странами Востока, когда народ подвергался физическому истреблению, и в период после вхождения Азербайджана в состав России, хотя и царская Россия была тюрьмой народов».¹⁷⁹ Таким образом, перед нами вновь «благородные» захватнические цели России, в отличие от Ирана и Турции, предполагавшие вышеотмеченные «прогрессивные» последствия.

А.Ш.Мильман противопоставляет чаяния народных масс и политику царского правительства. Если итогом первых явилось «вхождение», под которым подразумевается не завоевательный акт, а добровольное присоединение, и в этом чувствуется шаблон, то несколько объективнее звучит суждение автора о том, что «прогрессивные последствия вхождения Азербайджана в состав России не являлись результатом стремлений царского правительства, его социально-экономической политики». А.Ш.Мильман справедливо подчеркивает: «... царизм, стремясь к достижению лишь своих узкоклассовых интересов, рассматривал Азербайджан, как и другие национальные окраины в качестве колонии, подвергал азербайджанский народ жестокому социальному и национальному угнетению, тормозил хозяйственное

и культурное развитие Азербайджана».¹⁸⁰

С осознанием этой колонизаторской сущности политики царизма никак не вяжется данная А.Ш.Мильманом высокая оценка присоединению Северного Азербайджана к России.

В целом, в статье А.Ш.Мильмана в искаженном свете показана роль России, она представлена защитницей азербайджанского народа, не разоблачается колониальная сущность политики царского правительства. Вне поля зрения автора остались экспансионистские и стратегические цели, преследуемые царизмом в Южном Кавказе в целом, и в Азербайджане, в частности.

На наш взгляд, не критическое отношение А.Ш.Мильмана к первоисточникам, отсутствие глубокого анализа тех или иных исторических событий, фактов и другие недочёты объясняются, прежде всего, тем, что объектом исследования явились не азербайджано-русские отношения в своём историческом развитии, а лишь их юридические аспекты.

Слабая источниковая база не позволила А.Ш.Мильману расширить и углубить общеисторический фон, расширить возможности критического подхода к трактовке ряда вопросов исследуемой проблемы.

Среди вышедших к указанной ранее дате изданий особо выделяется коллективная работа «В единой семье братских народов», в которой также прослеживаются исторические корни представленной как господствующей русской ориентации в Азербайджане, освещаются ход и значение его «присоединения» к России. Рассматривая значение подписания Туркменчайского договора, авторы также усматривают в нём завершение добровольного вхождения Северного Азербайджана в состав к России. Особенно подчеркивается роль «вхождения» в развитии производительных сил и роста народонаселения Северного Азербайджана, а также, ссылаясь на вышеуказанное партийное постановление, выдвигается положение о спасении азербайджанского народа в

результате этого исторического события «от угрозы порабощения его отсталыми государствами Востока, от угрозы закабаления со стороны английских и французских колонизаторов, стремившихся к установлению своего господства в Закавказье, как и на всем Ближнем и Среднем Востоке».¹⁸¹

Говоря о научном аппарате данной работы, следует отметить, что и здесь слабая источниковедческая база не позволила авторам глубоко рассмотреть исторические условия и предпосылки завоевания Северного Азербайджана Россией. Представлена лишь общая картина развития азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. Нет полного и последовательного освещения политики России в Азербайджане в исследуемый период.

А.В.Фадеев, наряду с вышеотмеченными последствиями, усматривает историческую прогрессивность завоевания Кавказа Россией и в создание объективных предпосылок в изучаемый период для революционного содружества народов России.¹⁸²

А.О.П.Маркова, при констатации крайне осторожного, но всё же наступательного характера политики России в Южном Кавказе, выделяет также её «прогрессивные» результаты, такие как прекращение феодальных войн и усиление национального фактора, имевшие, по её мнению, общенародное значение.¹⁸³ Если первое можно в определенной степени считать позитивным моментом, то второе вовсе не соответствует действительности. Колонизаторская политика царизма, сковывавшая развитие всего национального, на наш взгляд, исключает какую-либо прогрессивность.

Х.М.Ибрагимбейли, наоборот, признает установление в Азербайджане режима национального гнёта и несправедливости, тем не менее, он считает, что «именно ликвидация ханств и султанств как проявления политической и экономической раздробленности страны была важным непосредственным прогрессивным последствием присоединения Азербайджана к России».¹⁸⁴ Как видим, автор, как и другие историки, иг-

норирует один из тяжелейших итогов завоевания Северного Азербайджана Россией, а именно – потерю азербайджанским народам своей государственности.

Вышеизложенное позволяет отметить, что в каждой из работ рассмотрены те или иные «прогрессивные» последствия. Все они собраны воедино в указанном II томе «Истории Азербайджана», авторы которого стремились вскрыть две противоречивые стороны самого этого акта: субъективно-колониалистские цели царизма, с одной стороны, и объективно-прогрессивное значение «присоединения» в исторических судьбах азербайджанского народа, – с другой.¹⁸⁵ Фактически, в исследованиях, изданных после этого тома, авторы остались на прежних позициях по данному вопросу. Даже С.Б.Ашурбейли, которая при описании захвата Баку русскими правильно подчеркивает, что «вхождение Баку в состав России решило судьбу ханства»¹⁸⁶ и, в отличие от многих авторов, не пытается убедить читателя в прогрессивном значении этого исторического события, констатирует все же такие его положительные последствия, как прекращение междоусобных войн, а также иноземных вторжений.

В предыдущей главе данной работы мы дали подробный анализ всех «прогрессивных» последствий «присоединения» Северного Азербайджана к России, поэтому считаем излишне вновь возвращаться к ним.

Вместе с тем, хотим обратить внимание на то, что авторы второго тома «Истории Азербайджана» неправомерно придают огромное международное значение данному событию. По их мнению, «оно нанесло удар по агрессивным стремлениям шахского Ирана и султанской Турции и стоявших за их спиной английских и французских колонизаторов, способствовало последующему сближению народов России и Востока».¹⁸⁷ Как видим, признавая последнее, авторы игнорируют тот факт, что с завоеванием Северного Азербайджана фактически Азербайджан был разделен на

Северный и Южный.

Рассматривая вопрос, поставленный русской дипломатией в Туркменчае по поводу присоединения к России и южных областей Азербайджана, авторы ориентируются на мнение участника русско-иранских переговоров А.С.Грибоедова, «который считал необходимым обеспечить независимость южных областей Азербайджана от Ирана».¹⁸⁸ Складывается впечатление, будто Россия искренне заботилась и беспокоилась о судьбе азербайджанского народа, в то время, как и в вопросе о Южном Азербайджане Россия руководствовалась исключительно собственными интересами. Более того, нельзя согласиться с такой точкой зрения, что «в результате противодействия британской дипломатии Южный Азербайджан, вопреки коренным интересам населения и его симпатиям к России, остался под властью Ирана».¹⁸⁹ Авторы не совсем правы, когда обвиняют Англию в насильственном разделении единого азербайджанского народа. При учёте решающей роли англичан, эта трагедия явилась результатом, прежде всего, захватнической политики царизма и его экспансионистских действий.

Злободневность избранной нами проблемы вытекает и из того, что в 60-х годах сотрудники специально сформированного отдела в Институте истории Академии наук Азербайджана защищали диссертации по истории азербайджанских ханств, и предметом особого внимания в них были вопросы внешней политики и, в частности, взаимоотношения Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX вв. К числу указанных работ относятся диссертации Н.И.Исхаги,¹⁹⁰ Ф.С.Асадова,¹⁹¹ Г.А.Далили.¹⁹²

Н.И.Исхаги констатирует слабые торговые и политические связи Макинского ханства с Россией до середины XVIII в. и, наоборот, их активность в конце XVIII в. Представленные в работе факты о неоднократных обращениях макинских правителей к русским генералам за помощью и выступления их против иранских властей свидетельствуют

не только о дипломатических связях с Россией. На наш взгляд, автор пытается убедить нас в русской ориентации Макинского ханства.¹⁹³ Вместе с тем, в целом он не показывает её причинную обусловленность и, без должного критического анализа и обобщений, ограничивается простой подачей фактов. Правда, стремясь продемонстрировать лавирование последнего макинского хана, когда после Туркменчайского договора тот «уклонялся от России и отказывался от обещанной им продажи хлеба русским войскам»,¹⁹⁴ Н.И.Исхаги выясняет главный фактор, воздействующий на изменение политической ориентации макинского правителя. Согласно условиям Туркменчайского договора, Южный Азербайджан, в том числе и Макинское ханство, остались в составе Ирана, поэтому заключение этого договора, по мнению Н.И.Исхаги, явилось тем стержнем, который в итоге и определил антирусскую позицию макинского хана.¹⁹⁵

Следует отдать должное автору в том, что он не обходит стороной вопрос о переселении армян из Южного Азербайджана. В работе показана роль макинского правителя в создании препятствия переселению их на территорию, подвластную России, каким явилась организация макинским ханом курдских отрядов для выступления против России.¹⁹⁶

В свою очередь, рассматривая политику России в обстановке обострения её противоречий с Турцией и Англией, Н.И.Исхаги необоснованно и необъективно пытается убедить нас в противодействии Макинского ханства последним и стремлении его сблизиться с Россией,¹⁹⁷ при этом он вскользь указывает на захватнические цели последней. На наш взгляд, вопрос о сближении с Россией Макинского ханства автором, как говорится, «притянут за уши» и созвучен требованиям советского времени.

Содержание диссертаций Ф.С.Асадова и Г.А.Далили легло в основу опубликованных позже авторами монографий, историографический анализ которых мы дадим в последующем.

Большое и важное место в изучении проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. занимают труды азербайджанского историка Ф.М.Алиева, который является первопроходцем в исследовании целого ряда вопросов указанной темы. Если в 60-х годах объектом его внимания были большей частью торговые взаимоотношения Азербайджана с Россией,¹⁹⁸ то написанные им в 70-80-х годах специальные монографии охватывают и политическую историю Азербайджана XVIII века, в частности – политические связи с Россией. С этой точки зрения особый интерес вызывает работа Ф.М.Алиева, посвященная антииранскому движению в Азербайджане в первой половине XVIII века.¹⁹⁹ Раскрывая деятельность одного из главных зачинщиков борьбы против иранского господства Гаджи Давуда, Ф.М.Алиев обращает внимание на его попытки заручиться поддержкой России. Хотя представленные в работе выдержки из писем Гаджи Давуда, а также русского посланника А.П.Волынского свидетельствуют о безуспешности данного шага, так как царизм, руководствуясь субъективными устремлениями, оставил без ответа просьбу предводителя восставших, вместе с тем, по мнению автора, они подтверждают желание Гаджи Давуда найти в русском государстве сильного союзника в борьбе против иранского господства.²⁰⁰

В свою очередь, касаясь причин прикаспийского похода, Петра I, Ф.М.Алиев, также как и предшественники, не только справедливо выделяет политические и экономические интересы России, но и считает, что антииранское настроение южнокавказских народов должно было служить опорой Петра I. Он подчеркивает: «Предварительные дипломатические переговоры Петра I с представителями местной феодальной знати обещали успешный исход Прикаспийского похода. Благодаря умелой дипломатии Петр I добился дружеского расположения и без того симпатизирующих России народов Закавказья».²⁰¹

На наш взгляд, излишне повторять первопричину преувеличенно радужного описания взаимоотношений народов Южного Кавказа и России, что безусловно, явилось результатом влияния неизменных советских постулатов.

Как было отмечено ранее, Ф.М.Алиев обстоятельно изучил вопрос о специально изданном перед походом Манифесте Петра I. Поместив копию Манифеста на страницах своей книги, он, в отличие от других историков, подчёркивает его значимость, как первого печатного документа на азербайджанском языке.²⁰² Внимание автора привлекают те его части, где как цель похода указывается якобы стремление оказать помощь шаху против «возмутителей» и «бунтовщиков» во главе с Гаджи Давудом, и при этом местному населению гарантируется полная безопасность.²⁰³ Однако наказание «бунтовщиков» во главе с Гаджи Давудом – это лишь повод для начала похода. Цели же преследовались определенно захватнические.

Издание Манифеста в работе, верно, относится к принятой Петром I мере предосторожности «для облегчения продвижения русских войск на юг».²⁰⁴

Более того, автор противопоставляет враждебную реакцию, вызванную в феодальной среде Манифестом Петра I, обращениям представителей низших слоев населения к царю с просьбой о помощи и присылке войск для обеспечения безопасности жителей, чтобы выпукло преподнести дружелюбие местного населения к России.²⁰⁵ Таким образом, позиция Ф.М.Алиева по данному вопросу совпадает с мнением других историков. А его заключение о том, что «содержание приведенных писем вполне определенно выражает настроение местного населения и его доброжелательное отношение к приходу русских войск»,²⁰⁶ вполне убеждают нас в сказанном.

Вместе с тем, на наш взгляд, не излишне будет отметить, что эти обращения исходили, прежде всего, от лиц правящего класса и объяснялись потребностью в россий-

ской военной помощи и боязнью потерять свои привилегии и состояние в результате восстания. Объединенные же религиозной общностью христиане – армяне действительно постоянно обращались к Петру I и лелеяли надежду на русскую помощь в осуществлении своих территориальных притязаний на азербайджанские земли.

Ф.М.Алиев не просто ограничивается написанным Петру I с большим воодушевлением письмом бакинцев, «которым предавали себя в его покровительство»,²⁰⁷ но и уделяет, как было отмечено ранее, особое внимание вопросу об отношении бакинцев к приходу русских войск. Впервые введя в научный обиход новые архивные документы, сделав сравнительный анализ их с другими источниками, Ф.М. Алиев пытается выявить неточности, встречающиеся у предшествующих исследователей и внести ясность в данный аспект проблемы. В частности, он указывает на отправку подпоручика Лунина в Баку с ответной грамотой, а не с манифестом императора,²⁰⁸ высказывает суждение по поводу борьбы двух группировок среди феодальной и городской верхушки в Баку – сторонников и противников российской ориентации, в ходе которой названная ответная грамота Петра I попала в руки последних, чем и объясняется недопущение Лунина в город.²⁰⁹

Если обращения отдельных представителей феодальной знати и, в основном, купеческих слоев населения Азербайджана к Петру I могли свидетельствовать, как отмечалось, лишь о частичной русской ориентации, обусловленной, прежде всего их материальными интересами, то необъективно звучит не только умозаключение Ф.М.Алиева о прорусской ориентации всего местного населения в целом, но и его отношение к ней как важнейшему фактору, сыгравшему одну из решающих ролей в «присоединении» Северного Азербайджана к России.²¹⁰

Вместе с тем, автор не скрывает целенаправленно захватнический характер политики России, наглядно отра-

женный в инструкции генерал-майору Матюшкину, на которого была возложена задача захватить Баку.²¹¹ Более того, приведенные в работе материалы с описанием взятия им Баку также ярко свидетельствуют о хищнических действиях русских войск.

А с другой стороны, автор не только вновь делает упор на наличие двух группировок в Баку и выдвигает на передний план русскую ориентацию, но и показывает мотивы доброжелательного отношения её сторонников к России. По мнению автора, это было вызвано поведением русских солдат и властей, исключавшим по приказу русского командования насилие и грабежи, а также деловая торговая связь, «укреплявшая дружбу между представителя двух народов».²¹² В подтверждение автор приводит и письмо Матюшкина императору, из которого складывается впечатление о склонности юзбаша Дергяхгулу бека и бакинских жителей к России.²¹³ Как видим, он не учитывает вышеотмеченную политическую подоплеку русской ориентации части феодальной знати. Кроме того, очевидно, письмо отразило желание Матюшкина показать более результативными свои действия в Баку.

В отличие от некоторых работ предшественников, которые вовсе умалчивали об антирусской оппозиции, Ф.М. Алиев считает, что сопротивление бакинского гарнизона русским объяснялось наличием враждебных России сил в лице бакинского султана Мухаммедгусейн бека. Автор не только не оправдывает его действия, но прямо осуждает открытое неподчинение бакинского султана. Подтверждением может служить предположение Ф.М.Алиева о желании Мухаммедгусейн бека создать в союзе с известным нам Гаджи Давудом независимое султанство.²¹⁴

Если ряд исследователей ограничивались определением прогрессивного значения вхождения прикаспийских областей Азербайджана в состав России, то в работе Ф.М.Алиева противопоставляются разрушительные и разо-

рительные действия турецких захватчиков гуманному поведению русских войск в прикаспийских областях. На наш взгляд, тенденциозное отношение автора подводит нас к мысли, чуть ли не о благодарности России за её якобы заботу о местном населении. Автор пишет: «Азербайджанский народ к тому времени убедился, что, несмотря на различие языка и веры, русские войска в занятых ими провинциях ведут себя более гуманно, чем их единоверцы-турки, которые в захваченных ими местах творят неслыханные бесчинства и занимаются грабежом и насилием. Это способствовало тяготению народных масс к России и усилению российской ориентации среди широких слоев населения».²¹⁵ Как видим, автор стремится утвердить превосходство русской ориентации. В обращениях к Петру I он находит доказательство существования тяготения к русскому государству не только среди народных масс, но и среди мусульманской феодальной верхушки.²¹⁶ На наш взгляд, не следует забывать, что в основном это были обращения христиан-армян, которые, как нами не раз отмечалось, пытались использовать поход Петра I с целью претворения коварных планов в отношении азербайджанских земель. Вместе с тем, надо учесть, что лояльное отношение русских в период пребывания в прикаспийских областях являлось, прежде всего, результатом тонкой и умелой политики русского правительства, направленной на завоевание расположения местного населения ради осуществления своих далекоидущих замыслов. Обращения же отдельных представителей феодальной знати к Петру были продиктованы исключительно их желанием использовать военную мощь России в собственных интересах. Как известно, и у России, и у Турции были идентичные захватнические цели в данном регионе и действия каждой из этих держав были направлены на их достижение. Очередное подтверждение мы находим как в указанных автором причинах завоевания Россией в данный период только прикаспийских земель Азербайджана,²¹⁷ так и в подписанном в

1724 г. Стамбульском договоре. Однако, как и его предшественники, Алиев Ф. не выпячивает пагубную роль этого договора для азербайджанского народа, который фактически был разделен между Россией и Турцией, не акцентируется внимание на его завоевательном характере, хотя совершенно очевидно, что присоединение прикаспийских провинций Азербайджана к России явилось результатом экспансии русских войск.²¹⁸

Хотя есть доля истины в том, что, как указывает автор, было предотвращено столкновение русских и турецких войск на территории Азербайджана, был перекрыт путь для продвижения турецких войск на прикаспийское побережье, установленный в прикаспийских областях Азербайджана порядок создавал относительно благоприятные условия для развития хозяйственной жизни,²¹⁹ однако следует, прежде всего, подчеркнуть неоспоримый факт, что был создан прецедент колониального угнетения азербайджанского народа.

Продолжая рассуждения об отношении феодалов к России и обвинив некоторых из них в неискренности,²²⁰ Ф.М.Алиев заключает, что почти все феодалы – султаны и наибы были «верными, добрыми и надобными» людьми для русских властей в Прикаспии.²²¹ И хотя тем самым он опровергает устаревшую точку зрения о первостепенной роли религиозных симпатий азербайджанцев,²²² следовало бы учесть, что эта часть феодальной знати руководствовалась не слепой верой в русское государство.

Тенденциозно освещая налоговую политику русских властей в завоеванных прикаспийских областях Азербайджана, принятые ими меры, направленные якобы на расширение здесь торговли, восстановление и развитие разрушенного хозяйства, автор игнорирует по понятным нам причинам колонизаторскую сущность царизма, что, естественно, приводит его к необъективному выводу о выборе подавляющим большинство азербайджанского народа протектората России, «обеспечивавшего относительно благоприят-

ные условия для развития материальной и духовной культуры». ²²³ Поэтому неудивительно, что вывод русских войск из прикаспийских областей он преподносит, как потерю азербайджанским народом «обретенного мира, относительно благоприятных условий для развития экономики». ²²⁴

Таким образом, мы наблюдаем типичную для того времени позицию Ф.М.Алиева по вопросу о значимости включения прикаспийских областей Азербайджана в состав России, когда предпринимается попытка преподнести Россию в более выигрышном свете с тем, чтобы сравнение с политикой и действиями Ирана и Турции было в её пользу. Экспансионистский характер присоединения данных провинций к России, колонизаторская сущность царизма имела и тягчайшие последствия для исторического развития Азербайджана. В работе отсутствует должная оценка умелой и расчетливой политики русского правительства в отношении указанного региона, отличавшейся от ожесточенных действий иранских и турецких войск. Однако, при всем различии методов, цели указанных государств в отношении Азербайджана совпадали: и Россия, и Иран, и Турция стремились к его захвату.

Главным предметом исследования в работе является общенародное движение в Азербайджане против иранского господства в 30-х и 40-х годах XVIII века. Уделив внимание реакции русских официальных кругов на эти антииранские выступления, Ф.М.Алиев приписывает им сочувственное отношение к местным жителям, страдавшим от грабежей и разорений Надир шаха, приведя в подтверждение одно из донесений их представителя из Гянджи, в котором отразилось якобы радостное ожидание местным населением прихода русских войск, чтобы покончить с иранским разбоем, ²²⁵ что свидетельствует о стремлении автора выдать желаемое за действительное.

Безусловно, архивные документы, свидетельствующие о просьбе жителей принять их в российское подданство, как

отмечает автор, проливают свет на азербайджано-русские отношения.²²⁶ Однако субъективный и тенденциозный подход к этим документам и, главным образом, к рассматриваемой в книге «Ведомости...», не позволяет Ф.М.Алиеву, верно определить мотивацию названных обращений в целом, и в 1744 г., – в частности, и отклониться от намеченного курса предвзято положительного отношения к российской ориентации. Поэтому неслучайно наличие и содержание указа правительствующего сената даёт ему основание предположить, что почти все желающие того азербайджанцы в 1744 г. были приняты в российское подданство.²²⁷

На наш взгляд, наличие указа ещё не означает, что значительное количество азербайджанцев действительно приняли российское подданство. Кроме того, данный указ отнюдь не свидетельствует о заботе русского правительства об азербайджанцах; как нами не раз было отмечено, в работе не учитывается, большинство обращений к России исходило от христиан-армян. Отдельные же обращения азербайджанцев, в основном представителей торговых слоев, имели место в целях найти более выгодные условия для своей деятельности и не отражали повсеместного усиления русской ориентации среди азербайджанского населения.

Хотя работа Ф.М.Алиева посвящается событиям первой половины XVIII в., тем не менее, в последней главе затронут вопрос об образовавшихся в Азербайджане ханствах. Но и относительно этого периода доминантной идеей для автора остается решающая роль русской ориентации.

Констатируя возникновение независимых ханств на территории Азербайджана в середине XVIII в., Ф.М.Алиев подчеркивает их стремление к расширению экономических и политических связей с русским государством в сочетании с отказом азербайджанских ханов признать власть кого-либо на иранском троне.²²⁸ Такая политика была продиктована желанием ханов сохранить свои позиции.

Судя по содержанию, рассматриваемые в работе ар-

хивные документы были составлены представителями российского государства, руководствовавшимися предвзятым отношением к событиям. Не принимая во внимание это обстоятельство, автор на основании указанных документов сделал необъективный, но отвечавший запросам советского времени вывод о якобы нараставшем тяготении к России ханств Северо-восточного Азербайджана. Более того, раскрывая политические мотивы доброжелательного отношения отдельных ханств к России, он пишет, что «уже в этот период некоторые ханы, понимая невозможность самостоятельного существования образующихся на территории Азербайджана отдельных ханств, под угрозой поглощения последних шахским Ираном и султанской Турцией, обратили свои взоры на север, где искали поддержку все более растущего, сильного Российского государства».²²⁹

На наш взгляд, следовало бы выдвинуть на первый план обусловленность российско-азербайджанских отношений необходимостью военной помощи России в отстаивании независимости азербайджанских ханств. В свою очередь, как не раз нами было отмечено, обращения азербайджанских ханств к России были в определенные периоды выгодны русскому правительству, но в конечном итоге не сыграли определяющую роль в завоевании Северного Азербайджана Россией в первой трети XIX века.

Следует отметить, что ещё в первой главе книги Ф.М.Алиев указывает задачи, поставленные Петром I перед отправленным ко двору иранского шаха посольством А.П.Волынского, маршрут, а также значение его описания, содержащего «весьма ценные и достоверные сведения о политическом и экономическом состоянии Иранского государства в общем и Азербайджана, в частности ...».²³⁰ А изданная в 1979 г. другая работа Ф.М.Алиева посвящается подробному изучению деятельности названного посланника в Азербайджане в 1716-1718 гг.²³¹ Наряду с архивными материалами, автор использовал путевой «Журнал» посланни-

ка А.П.Волынского, являющийся ценным источником по истории Азербайджана.

Рассматривая экономические и политические предпосылки дипломатической миссии А.П.Волынского, Ф.М.Алиев раскрывает политику русского государства по отношению к Азербайджану, определяет её характер. Достаточно убедительно звучит его вывод о том, что «отправка посланника А.П.Волынского на юг являлась как бы подытоживанием всей восточной политики русского государства, которую оно проводило, начиная с XVI века».²³²

Если в допетровское время, как правильно отмечается в работе, связи России с Сефевидским государством, в составе которого находился Азербайджан, были в основном экономическими, в частности – торговыми, и русская торговля по Волжско-Каспийскому пути носила преимущественно транзитный характер, то уже с конца XVII века и особенно в начале XVIII века идёт активизация политики России в данном регионе, что связано, по мнению автора, не только с повышением интереса России к необходимому для её промышленности шёлку-сырцу, а, прежде всего, со стремлением западных держав и Турции захватить стратегически и экономически важные прикаспийские провинции.²³³

Азербайджан, как утверждает автор, «в отношении источников сырья, рынков сбыта, морской торговли превосходил другие области Закавказья», что и предопределило цель русского государства утвердиться на Волжско-Каспийском пути и, в частности – в прикаспийских провинциях Азербайджана.²³⁴

В работе ясно показывается, что миссия посланника А.П.Волынского явилась подготовкой разведывательного характера для осуществления далекоидущих планов Петра I в отношении прикаспийских провинций, о чём красноречиво свидетельствуют поручения Петра I А.П.Волынскому, отраженные в секретной «Инструкции».²³⁵ Ф.М.Алиев спра-

ведливо отмечает, что содержащиеся в ней пункты «не совсем соответствовали имени дипломата».²³⁶

С одной стороны, автор не только не скрывает, а доказывает разведывательный характер миссии А.П.Волынского, что подтверждают составленные им описания состояния дорог в Азербайджане с точки зрения продвижения русских войск, повозок и конницы, а также пристаней, его контакты с христианской частью населения, выяснение отношений Ирана с Турцией.

А с другой, считая важным вопрос об отношении местных властей и населения Азербайджана к пребыванию русского посланника, автор показывает достойную встречу и тёплый приём, оказываемые А.П.Волынскому в Сальяне, Тебризе, как свидетельство их доброжелательного отношения к нему, и к России вообще.²³⁷

Внимание автора привлекли и те части «Журнала», которые непосредственно касались торговли русских купцов в Азербайджане. Историографический анализ этих вопросов мы дали в последующем параграфе, специально посвященном изучению торговых взаимосвязей Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX вв.

В целом, следует отметить, что рассматриваемые в данной работе аспекты исследуемой нами проблемы имеют тем большую ценность, что кроме материалов, связанных с деятельностью А.П.Волынского, как пишет Ф.М.Алиев, «по истории Азербайджана этого периода научному миру не известен ни один достоверный документ».²³⁸ С этой точки зрения работа Ф.М.Алиева, несомненно, представляет для нас научный и познавательный интерес. И хотя идеологические рамки советского времени вынуждали автора обтекаемо и косвенно говорить о завоевательном характере предстоящего прикаспийского похода Петра I, как и в целом о его захватнических планах в отношении данного региона, тем не менее «Журнал» является ярким доказательством того, что Петр I осуществлял вполне однозначно трактуемые

шаги и меры в преддверии претворения в жизнь политики по захвату прикаспийских областей.

Первую часть изданной в 1985 г. очередной работы Ф.М.Алиева²³⁹ можно считать итогом исследования широкого круга вопросов азербайджано-русских отношений, почти все из которых были рассмотрены в его предыдущих книгах. Поэтому во избежание повторения при историографическом анализе указанного труда мы ограничились аспектами, ранее не изученными упомянутым автором.

Естественно Ф.М.Алиев по-прежнему придерживается своей точки зрения по поводу дружелюбного отношения местного населения Азербайджана к России. И в этой работе он тенденциозно утверждает, что, независимо от экспансионистских целей Петра I, политика России «безусловно, отвечала чаяниям широких народных масс, страдавших от произвола шахской администрации, от феодального разбоя и политических неурядиц».²⁴⁰ Как видим, противопоставляя Россию Ирану, игнорируется схожесть их захватнических целей в отношении Азербайджана.

Вместе с тем, внимание автора привлекла враждебная реакция, которую вызвал Манифест Петра I у Гаджи Давуда. Если ранее указывалось намерение Гаджи Давуда вступить в союз с русским государством, то сейчас подчеркивается, что с изданием Манифеста Петра I он «видел в политике России угрозу своим личным интересам». Раскрывая мотивы, лежавшие в основе отрицательного отношения Гаджи Давуда к указанному Манифесту, Ф.М.Алиев выделяет его опасение ответственности за нанесенный ущерб русским купцам при взятии Шемахи и, самое главное, страх потерять приобретенное им положение и земли в случае прихода русских войск.

Стремление Гаджи Давуда укрепить отношения с Турцией Ф.М.Алиев связывает с его желанием получить гарантию от предполагаемой агрессии со стороны России. Обращения к Турции убеждают в окончательном изменении

позиции Гаджи Давуда по отношению к России.²⁴¹

Следует отдать должное автору в том, что в работе говорится не только о враждебном отношении и некоторых феодалов прикаспийских областей Азербайджана к приходу сюда русских войск,²⁴² приводятся факты недовольства русскими властями. Последнее, например, на Апшероне, Ф.М.Алиев связывает с жестким обращением оккупационных войск с местными феодалами. В частности, причиной так называемого бунта в Баку против русских войск он считает изъятие русским командованием нефтяных колодцев у местных феодалов, что привело к сильному сокращению их доходов.²⁴³

Демонстрируя антироссийскую ориентацию бакинско-го султана Мухаммедгусейна, Ф.М.Алиев в данной работе опровергает утвердившееся мнение о нём, как о стороннике Ирана, и на основе архивных документов приходит к логическому выводу, что бакинский султан «выступал как союзник противника шахской власти»,²⁴⁴ так как «побуждаемый личными интересами, хотел избавиться от иранского господства».²⁴⁵

Таким образом, автор справедливо показывает одного из представителей правящего класса, отвергавшего как русских, так и иранских захватчиков, хотя и не имеет возможность принять, и открыто оправдать его действия. Более того, из-за тенденциозного подхода к архивному материалу и в данной работе наблюдается противопоставление позиции бакинского султана мнению подавляющего большинства населения Баку, якобы желавшего быть под российским покровительством.²⁴⁶

Безусловно, выход в свет книги Ф.М.Алиева, специально посвященной азербайджано-русским отношениям, показывает актуальность проблемы. Вместе с тем, не умаляя заслуг автора в деле глубокого изучения её различных сторон, следует отметить, что для него также как и для его современников, находившихся под воздействием советской

идеологии, опорной точкой служила утвердившаяся мысль об усилении русской ориентации среди азербайджанцев, проходящая красной нитью через все работы Ф.М.Алиева, в том числе и в данной монографии. Что же касается колониальной политики царизма, или же оппозиционных настроений в Азербайджане, автор умышленно уделяет этим вопросам мало внимания, либо ограничивается констатацией фактов, не показывая своё отношение к ним.

В монографии С.А.Мамедова,²⁴⁷ на фоне исследования исторических связей азербайджанского и армянского народов, их освободительной борьбы против ирано-турецких захватчиков автор прослеживает как торговые, так и политические взаимоотношения Азербайджана с Россией в первой трети XVIII в. Изложение С.А.Мамедовым вопросов, связанных с торговыми взаимоотношениями, будет приведено нами в соответствующем параграфе.

Отведя определенное место политическим связям, раскрывая захватнические планы Турции в отношении Южного Кавказа, и в частности, – Азербайджана, С.А.Мамедов справедливо констатирует столкновение их с агрессивными планами России в данном регионе. Однако, если точка зрения автора на отрицательное отношение Турции, Англии и Франции к освободительному движению южнокавказских народов ясна,²⁴⁸ то позиция России представлена в противоречивом свете. С одной стороны, С.А.Мамедов отмечает создание освободительным движением в Азербайджане в 20-х гг. XVIII в. благоприятной почвы для осуществления планов Петра I по захвату Южного Кавказа, а с другой, выставляя Россию якобы защитницей, автор подчеркивает, что «на помощь, оказываемую Россией народам Закавказья, естественно, не могла смотреть благожелательно и Турция, давно мечтавшая использовать благоприятные политические условия – бесчисленные смуты в Персии – для захвата Закавказья и особенно Азербайджана».²⁴⁹

Уделив особое место вопросу о совместной борьбе

азербайджанского и армянского народов против турецких агрессоров в Гяндже в 1723 г., автору удалось привлечь большой фактический материал; в частности, были обстоятельно рассмотрены обращения гянджинцев к России с просьбой о помощи. При этом он справедливо считает, что «к России были обращены взгляды различных социальных слоев, в том числе феодалов, духовенства, торговцев и т.д., которые исходили из своих классовых интересов».²⁵⁰

Вместе с тем, чтобы представить Россию в благоприятном свете и навязать читателю мысль о необходимости её «помощи», в обращениях к Петру I и русскому командованию в Баку автор особое внимание уделяет описанию грабительских действий турецких захватчиков, а также сведениям о численности турецкого войска и количестве убитых турок.²⁵¹

В отношении определения значения Стамбульского договора 1724 г. позиция С.А.Мамедова не отличается от точки зрения большинства историков изучаемого периода. Подчеркивая роль этого договора, как «успешно разрешившего вопрос присоединения прикаспийских областей Азербайджана к России»,²⁵² автор выступает с позиции интересов России и нет сожаления по поводу насильственного разделения азербайджанского народа и территории Азербайджана между Россией и Турцией.

Раскрывая посреднические действия посланника русского правительства в Гарабахе Ивана Карапета в заключении договора между гянджинцами и армянами Гарабаха в преддверии турецкого нашествия, С.А.Мамедов верно подчеркивает преследуемые им цели, направленные прежде всего на подготовку благоприятной почвы для введения русских войск в Южный Кавказ.²⁵³ Вместе с тем, он не только не признает колонизаторскую сущность политики царизма, но и не даёт объективную оценку отношению русских войск к местному населению в занятых прикаспийских городах. Утверждения Иванова Карапета о том, что в пись-

мах, направленных азербайджанцами армянам, говорится о доброжелательном и даже «заботливом» отношении России к местным жителям в прикаспийских областях, было естественным для посланника русского государства. Однако в изложении автора факты подобраны так, что складывается впечатление, будто Россия действует из истинно благородных побуждений.²⁵⁴

Более того, следовало бы учесть и действия Карапета, как и других армянских представителей, стремившихся использовать Россию для претворения в жизнь давно вынашиваемых замыслов в отношении азербайджанских земель. В связи с этим, а также принимая во внимание исторически сложившиеся черты характера армянской национальности,²⁵⁵ можно с сомнением отнести к указанным письмам якобы азербайджанцев армянам и допустить составление их или самим Карапетом, или же армянами прикаспийских областей Азербайджана. Совершенно очевидно, что главным для армянских лидеров было вовсе не «гуманное» отношение русских в прикаспийских провинциях, а надежда на покровительство России армянам и ее пособничество в их расселении на исконно азербайджанских землях.

Влияние советских научных стандартов ясно видно и из оценки, данной С.А.Мамедовым указанному выше договору между гянджинцами и армянами Гарабаха, который, как утверждает автор, «показывает ... их (азербайджанцев и армян – М.И.) стремление к присоединению к России ещё в 20-е годы XVIII века».²⁵⁶ Недифференцированное отношение автора к каждой из сторон приводит к тому, что он несправедливо выдаёт намерение гянджинцев, в отличие от армян, получить от России лишь необходимую помощь в борьбе против турецких захватчиков за мнимое желание присоединиться к России. Кроме того, заключение автора по этому поводу подводит нас к мысли и о его ошибочной точке зрения в отношении, якобы, добровольного присоединения Северного Азербайджана к России в начале XIX в.

В свою очередь, следует подчеркнуть, что в работе незаслуженно и неправомерно превозносится деятельность Ивана Карапета «по сплочению южнокавказских народов». ²⁵⁷ На наш взгляд, представив не только посланника, но и, как мы уже отметили, Россию неправдоподобно благородными, автор забывает о её экспансионистских планах в данном регионе и игнорирует один из основных принципов политики царизма, заключавшийся в создании здесь своей опоры в лице христиан-армян. Осторожный, критический подход к письмам Ивана Карапета, в которых он пишет о желании «людей гянджинской страны» «подчиниться нашему (русскому – М.И.) государю, а не османскому», ²⁵⁸ позволил бы убедиться, что с целью приукрасить свою деятельность, придать ей результативный характер в глазах русского правительства, Иван Карапет выдал стремление южнокавказских народов получить военную помощь со стороны России за искреннее желание армян подчиниться России.

Неудивительно, что ссылаясь на отдельные отрывочные сведения, без критического подхода к источникам С.А.Мамедов обобщенно говорит о тяготении местного населения Азербайджана к России. Не отличаясь от остальных историков, автор рассуждает об исторических корнях русской ориентации на Кавказе, приписывает ей довольно высокий удельный вес и значение и тем самым как бы пытается показать обусловленность стремления южнокавказских народов к присоединению к России. ²⁵⁹

Тенденциозно интерпретируя события, автор не только неправомерно оправдывает завоевание прикаспийских провинций Азербайджана русскими войсками прогрессивной ролью России. Вслед за другими исследователями, С.А.Мамедов считает, что политика российского правительства оставила положительный след в хозяйственном и культурном развитии азербайджанского народа. ²⁶⁰ Излишне подвергать историографическому анализу и его необосно-

ванное, но созвучное идеологическим требованиям советского периода утверждение о том, что «известные предпосылки присоединения к России создавались именно в 20-е годы XVIII в., что помогло народам Закавказья избавиться от иноземного угнетения и получить возможность ускоренно развивать свою экономику и культуру».²⁶¹

Об актуальности периода XVIII – нач. XIX вв. среди историков свидетельствует работа Г.А.Далили.²⁶² Значимость её определяется ещё и тем, что фактически это была первая работа, специально посвященная изучению южных ханств Азербайджана. Вместе с тем автор едва коснулся связей этих ханств с Россией.

Г.А.Далили, вслед за другими историками, верно обосновывает заинтересованность России в Азербайджане. Стремительно развивающейся державе, каковой являлась Россия в конце XVII – нач. XVIII вв., как считает автор, трудно было бы обойти вниманием наличие здесь богатых источников сырья и рынков сбыта, выгодность в географическом и военно-стратегическом отношении, большое количество торговых путей и транзитную роль Азербайджана, посредством которого можно было поддерживать тесные торговые связи с восточными странами.²⁶³

В работе определяется главный соперник России в борьбе за обладание прикаспийским регионом в лице Турции и подчеркивается основная цель Петра I, заключавшаяся в предотвращении захвата Южного Кавказа и прикаспийского побережья турками.²⁶⁴

Говоря о начале прикаспийского похода Петра I, Г.А.Далили верно констатирует выгодное использование русским царём сложившейся обстановки в Иране, когда в результате восстания афганцев шах Султан Гусейн обратился к русскому государству за помощью.²⁶⁵

В задачу автора не входило освещение самого похода, пребывания русских войск в прикаспийских провинциях. Вместе с тем он связывает причину падения влияния Тур-

ции в Дагестане и Ширване с приходом сюда русских войск и, совершенно безосновательной, с бережным отношением их к местному населению.²⁶⁶ Последнее говорит не только о схожести позиции Г.А.Далили с другими историками, но и идеологической обусловленности изложенного материала. Таким же образом он противопоставляет захватническую политику Ирана и Турции политике России и как бы опирается при этом на обращения североазербайджанских ханств к России за помощью. Однако, Г.А.Далили верно отмечает совпадение данных обращений с замыслами царского правительства в указанном регионе и действия последнего в выгодном для себя направлении.²⁶⁷

Подчеркнув усиление влияния России на азербайджанские ханства в период ирано-русских войн, Г.А.Далили констатирует обращения и группы южных ханств Азербайджана к русскому императору и отправку ими дружественных писем к русским военачальникам с просьбами о помощи в сохранении их независимости. В этом отношении он выделяет переписку и переговоры с русским государством хойского, сарабского, гарадагского и марагинского ханов.²⁶⁸

В свою очередь, в работе особое место занимают взаимосвязи Ахмед хана Хойского с Россией, склонность к которой у него наблюдается изначально. Автор подчеркивает и оценку этого факта со стороны России, отраженной в указании Екатерины II князю Потемкину, текст которого приведен Г.А.Далили, и из него следует, что русское государство ни в коем случае не желает упустить шанс приобретения такого сторонника, каким было Хойское ханство. Более того, с целью наглядно продемонстрировать твёрдость русской ориентации хойского хана, в работе показана заинтересованность Турции в Хойском ханстве и меры, принятые ею в этом направлении.²⁶⁹

В работе Г.А.Далили несколько затронуты и торговые отношения южных ханств с Россией. По мнению автора, расширение этих связей явилось одним из факторов образо-

вания ханств Азербайджана и отчасти способствовало экономической независимости таких городов, как Тебриз, Ардебиль, Баку и др.²⁷⁰

Подчеркнув основную роль России во внешней торговле Азербайджана во второй половине XVIII в., автор раскрывает её причины. Совершенно справедливо он усматривает их в активности русских торговых судов на Каспийском море, относительном спокойствии на торговых путях. В работе также выделяется потребность русского рынка в азербайджанских товарах и вежливое отношение к купцам. Перечисляя предметы вывоза из азербайджанских ханств, автор не только в очередной раз убеждает в той роли, какую играла Россия в качестве главного торгового партнёра, но и показывает основное место сельскохозяйственных товаров.²⁷¹ Г.А.Далили приходит к обоснованному выводу о том, что качественность и дешевизна российских товаров способствовали оживленной торговле в ханствах, особенно среди широких народных масс.²⁷²

В целом, следует отметить, что в работе Г.А.Далили взаимоотношения южноазербайджанских ханств с Россией в XVIII – нач. XIX вв. не получили глубокого освещения. Автор не счёл нужным уделить им должное и широкое внимание, ограничившись отрывочными сведениями и общими выкладками. Вместе с тем, даже по ним можно представить позицию автора по изучаемой нами проблеме, ничем не отличавшуюся от мнения остальных исследователей этого периода. В частности, и в заключении отсутствует объективная оценка «помощи» русского государства, когда автор противопоставляет захватнические действия Ирана и Турции «благородному» поведению русских войск в прикаспийских провинциях, которые, согласно Манифесту Петра I, обеспечивали безопасность личности и имущества местного населения, не вмешивались во внутренние дела правителей.²⁷³

Как мы отметили ранее, автор объясняет причину со-

гласия Россией оказать военную и политическую помощь местным феодальным правителям, совпадением их интересов с её планами в данном регионе. Но он отдаёт предпочтение русской ориентации феодальных правителей, которая, по его необъективному мнению, усиливала сопротивление последних врагу и создавала условия для их независимого существования.²⁷⁴

Наконец, разделение внешних отношений ханств на два направления: одно – связи с иностранными государствами, особенно экономические и политические связи с Россией; второе – освободительная борьба против иранского завоевания,²⁷⁵ – наглядно свидетельствует о точке зрения автора, которая не составила исключения из общего правила советской эпохи.

Подтверждение мы находим в его отношении к указанным взаимоотношениям с Россией, как к одному из основных факторов длительного независимого существования азербайджанских ханств.²⁷⁶ В свою очередь, Г.А.Далили верно считает, что в сложившейся в начале XIX в. внутренней и международной обстановке было невозможно создание единого азербайджанского государства. Вместе с тем, представленные в работе итоги русско-иранских войн и Туркменчайского договора,²⁷⁷ в результате которых была окончательно ликвидирована такая форма государственности азербайджанского народа, как ханства, не отражают ни суть колонизаторской политики царизма, ни их тяжкие последствия для Азербайджана.

В 1979 г. вышла в свет очередная «История Азербайджана»,²⁷⁸ где охвачены события с древнейших времен по 70-е годы XX века. В данной работе по вопросам азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. исследователи стоят на той же позиции, что и в предыдущие годы. Концептуально идентичное с рассмотренной ранее «Историей Азербайджана»²⁷⁹ изложение событий и процессов изучаемого нами периода в указанном очерке, в том числе и

азербайджано-русских отношений, исключает надобность в их повторной историографической разработке.

Проблема азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. оставалась предметом пристального внимания и в 80-х годах XX века. Более того, именно в это время с обогащением источниковедческой базы глубже стали рассматриваться как ранее поднятые вопросы данной темы, так и значительно расширился круг её новых аспектов, выявились неисследованные стороны азербайджано-русских отношений. В этом смысле можно предположить, что в 80-х годах был достигнут своего рода пик в изучении данной проблемы. Подтверждением тому является детальный, все-сторонний охват всех аспектов взаимоотношений с Россией при изучении истории отдельных ханств и Азербайджана в исследуемый период в целом, отраженных в ряде диссертационных и монографических работ. К ним относятся работы Ш.П.Гамидовой,²⁸⁰ Т.Т.Мустафаева,²⁸¹ Г.Н.Мамедовой,²⁸² М.М.Багировой,²⁸³ М.А.Исмаилова,²⁸⁴ Дж.М.Мустафаева,²⁸⁵ М.С.Искендеровой,²⁸⁶ А.Г.Бабаева,²⁸⁷ М.М.Алиева.²⁸⁸ Следует отметить, что поскольку содержание большинства диссертаций легло в основу опубликованных названными авторами книг, мы ограничились историографическим анализом последних.

В очерке М.А.Исмаилова, посвященном истории города Шеки, были затронуты и взаимоотношения Шекинского ханства с Россией. Правда, автор прослеживает их начиная с конца XVIII в., после походов Ага Мухаммеда в Азербайджан. Автор, верно связывает внешнеполитические приоритеты шекинского хана,²⁸⁹ в частности – взаимоотношения с Россией, со сложным внутренним и международным положением Азербайджана. В отличие от других исследователей, он показывает, что главной целью политики хана являлось сохранение своей власти. Констатируемая в работе политика лавирования шекинских ханов между Россией и Ираном объективно предопределялась военно-политиче-

ской расстановкой сил.²⁹⁰ В частности, кратко описав события, связанные с началом процесса завоевания азербайджанских земель Россией, М.А.Исмаилов обращает внимание на то обстоятельство, что убийство Джавад хана Гянджинского способствовало ослаблению русской ориентации шекинского хана и усилению проиранских настроений.²⁹¹ Разбирая мотивы последнего, он учитывает не только родственные связи шекинского и гянджинского правителей, но и искушение первого предложением шаха участвовать в походе иранских войск в Грузию.²⁹²

В работе также демонстрируется действие той или иной внешней ориентации на внутреннее положение в ханстве. В частности, придерживавшийся ранее иранской стороны последний шекинской правитель Селим хан представлен как личность, которая неформально изменила свою ориентацию на российскую. Он рассчитывал на помощь России в борьбе с другими правителями за власть в Шекинском ханстве. Показав успех Селим хана в этой борьбе, автор особо подчеркивает значимость полученной от Цицианова военной помощи.²⁹³

Вместе с тем, указав на истинные замыслы России в отношении Шекинского ханства, как и Азербайджана в целом, в работе раскрываются причины положительной реакции царского правительства на обращения шекинского правителя. Совпадение последних с планами Цицианова, а также стремление воздействовать через шекинского хана на его родственника – гарабахского хана, относятся, по мнению М.А.Исмаилова, к мотивам, так называемого, сближения русского главнокомандующего с шекинским правителем.²⁹⁴

В работе уделяется внимание Кюрекчайскому договору, подписанному в 1805 году между Цициановым и шекинским ханом, согласно условиям, которого Шекинское ханство попадает в зависимость от России.²⁹⁵ В отличие от предшествующих исследователей, М.А.Исмаилов подчеркивает вынужденность подписания этого договора со сто-

роны шекинского правителя, признавшего своё бессилие перед Ираном и Мустафой ханом Шемахинским.²⁹⁶ В работе также описаны упорные, но безуспешные действия шекинского хана по восстановлению своей независимости после подписания Кюрекчайского договора. В свою очередь, ясно показана и целенаправленность захватнической политики царского правительства в отношении Шекинского ханства. Раскрывая мотивы, ускорившие её претворение в жизнь, автор акцентирует внимание на отказе шекинского хана от русской ориентации по вине царского военачальника, и использовании ханом помощи со стороны Ирана,²⁹⁷ которая, однако, не могла нарушить предначертанный план России. Вместе с тем, констатируя поражение шекинского хана, автор выражает свое отношение к жестокости колонизаторской политики царского правительства, которое не отставивалось ни перед чем для достижения своей цели. Последнее наглядно демонстрируется при показе реакции на поведение местного населения при водворении у власти в Шекинском ханстве ставленника русского государства. С одной стороны, мы видим подстрекательную роль России, которая умело использовала междоусобную борьбу феодальных правителей, а с другой, – в работе подчеркивается не только упорство хана, но и стойкое сопротивление местного населения.²⁹⁸ Через отношение его к российскому ставленнику автор справедливо показывает протест местного населения против колонизаторского правления царизма. Объективный вывод М.А.Исмаилова убеждает нас в том, что поднятое народное восстание было направлено как против царского гнёта, так и против его прислужников из местных феодалов.²⁹⁹

На наш взгляд, при таком живом и аргументированном освещении борьбы Шекинского ханства против царизма, М.А.Исмаилов даёт объективную оценку Гюлистанскому договору, хотя и подчеркивает осуществленный в результате него раздел Азербайджана на две части.³⁰⁰

В работе затронуты и события второй русско-иранской войны (1826-1828). Отдав должное автору, следует отметить, что он не только констатирует выступление части населения азербайджанских ханств в ходе войны против России, но и раскрывает причины этого факта, среди которых выделяет произвол и жестокость русских комендантов, чиновников и их прислужников - местных феодалов.³⁰¹

Однако, на наш взгляд, тенденциозный подход к источникам не позволил автору до конца придерживаться позиции объективности. Иначе, чем объяснить, что в работе говорится о вынужденном подчинении большинства населения шекинскому хану³⁰² и о ликовании его подданных в связи с бегством хана в Иран.³⁰³

Наконец, подтверждение сказанному мы находим и в идентичной идеологически скованной оценке М.А.Исмаилова факта присоединения Шекинского ханства к России, которое, по его мнению, «несмотря на национально-колониальный гнёт царизма имело прогрессивный характер».³⁰⁴

К сожалению, показав политику лавирования шекинских ханов, отказавшись от превозношения их русской ориентации, раскрыв стремление правителя и населения Шекинского ханства сохранить независимость и не подчиняться царскому колониальному режиму, М.А.Исмаилов, как и остальные исследователи, не смог до конца избежать господствовавшие в советское время в исторической науке идеологические препоны, мешавшие объективному отражению итогов взаимоотношений Шекинского ханства с Россией в указанный период.

Внешняя политика Шекинского ханства была обстоятельно изучена и в работе М.М.Багировой, посвященной истории этого ханства.³⁰⁵ В ней рассматриваются как экономические, так и политические связи Шекинского ханства с Россией. В отношении первых автор выделяет оживленную торговлю ханства с Россией, указав её основные пути. На-

ряду с определением главного предмета торговли Шекинского ханства – шёлка, в работе даётся перечень товаров, экспортируемых и импортируемых Россией, среди которых автор, верно отводит основное место ремесленным изделиям.³⁰⁶

Вместе с тем, на наш взгляд, изложенный материал, в частности – отсутствие годовых торговых таблиц, не позволяет проследить динамику развития торговых взаимосвязей Шекинского ханства с Россией.

В работе М.М.Багировой шире рассмотрены политические связи Шекинского ханства с Россией, хотя в ней, также как в указанном выше очерке М.А.Исмаилова, они сводятся к взаимоотношениям последних шекинских правителей с русским государством в конце XVIII – начале XIX вв. Несмотря на то, что автор пытается показать стремление названных ханов найти в лице России поддержку в борьбе за власть в ханстве, она преувеличивает русскую ориентацию Селим хана Шекинского. Неоднократные обращения этого правителя к России и совместное выступление его с русскими войсками М.М.Багирова расценивает как свидетельство, якобы, искренних дружественных отношений Селим хана Шекинского с Россией.³⁰⁷ Поэтому, в отличие от М.А.Исмаилова, по мнению М.М.Багировой, заключение Кюрекчайского договора явилось, как бы итогом русской ориентации Селим хана Шекинского, пытавшегося опереться на Россию в борьбе против враждебных намерений Ирана.³⁰⁸

Автор не смогла избавиться от тенденциозности не только при показе позиции азербайджанских правителей, но и при изложении событий первой русско-иранской войны, в ходе которой и был подписан указанный договор.

Не составили исключения в этом плане и взгляды автора по вопросам отношения населения к России. В основном голословно рассуждая об участии местного населения в военных действиях на стороне русских войск, М.М.Баги-

рова как бы обосновывает «правое» дело России и не считает русских завоевателями, избегая в их адрес резких выражений.³⁰⁹

И в данной работе выявлены идентичные мотивы изменения отношения шекинского хана к России. Однако, в отличие от М.А.Исмайлова, автор рассматривает действия шекинского правителя, как предательство по отношению к русским. В то же время она приводит высказывание главнокомандующего Гудовича, который оправдывал поведение шекинского хана тем, что «напрасная смерть карабахского Ибрагимхалил хана и его жены, родной сестры Селим хана, дала последнему повод к мысли, что и он может подвергнуться такой же участи».³¹⁰ Казалось, что Гудович не хочет верить в измену шекинского хана, поэтому изгнание Селим ханом русского отряда из Шекинского ханства он «расценивал как попытку оградить солдат от возможных угроз со стороны взбунтовавшегося народа».³¹¹

Однако, если Гудович, руководствуясь шовинистическими интересами царизма и претворяя в жизнь его колонизаторские цели, всё таки в итоге признал предателем Селим хана Шекинского, то М.М.Багирова по известным причинам не только не воздаёт должное упорной борьбе шекинского хана с русскими завоевателями, но и вынуждена согласиться с Гудовичем и считать заслуженным наказание шекинского правителя со стороны русского командующего.

Автор остается верна в целом единой позиции историков советского периода, когда с гордостью говорит о шекинском и иллисуйском конных отрядах, отразивших натиск иранцев, названных ею противниками в противоположность русским,³¹² голословно утверждает о военной и продовольственной помощи местного населения Азербайджана русским войскам в период второй русско-иранской войны,³¹³ подчеркивает значимость присоединения Северного Азербайджана к России как наивыгодного исторического акта, оправдывая его теми последствиями, которые

мы не раз анализировали и которые заключались в «разрушении хозяйственной замкнутости, введении Азербайджана в сферу мирового товарно-денежного обращения, расширении культурного общения азербайджанского народа с великим русским народом и формировании прогрессивной общественно-политической мысли».³¹⁴

Таким образом, перед нами ещё одна работа, отвечающая требованиям советской эпохи и фактически продолжавшая курс, заложенный в исторической науке ещё в 40-х годах XX века.

Кстати, само название работы М.М.Багировой и факт, того, что она была приурочена к 175-летию подписания Гюлистанского мирного договора, уже показывает ту партийно-идеологическую ауру, под воздействием которой находились исследователи истории Азербайджана и в особенности, изучающие проблему взаимоотношений Азербайджана с Россией в XVIII – нач. XIX вв.

В этом отношении работа М.М.Багировой не единственная. Так, брошюра Ф.С.Асадова, в которой рассматриваются некоторые стороны взаимоотношений Талыша и Лянкяранского ханства³¹⁵ с Россией в указанный период, увидела свет под названием «Хорошая опора в тяжёлые дни» (Баку, 1988). Касаясь прикаспийского похода Петра I автор стоит на позиции своих предшественников по вопросу о пророссийской ориентации местных феодалов. Не раскрывая политическую подоплёку обращения феодалов Лянкярани к Петру I с просьбой о переходе под покровительство России, не распознав проводимую ими политику лавирования, Ф.С.Асадов констатирует доброжелательное отношение их к приходу русских войск и стремится доказать устойчивую русскую ориентацию феодальных правителей.³¹⁶

Однако, в работе нет всестороннего анализа политики России в данном регионе, однако отдельные её моменты заслуживают внимания. Так, автор продолжает давно заданную тенденцию среди историков в отношении совпадения

указанных обращений ханов планам русского государства.³¹⁷

Признав относительное спокойствие и безопасность в Лянкярани в период временного нахождения его в составе России (1722-1732 гг.), Ф.С.Асадов отмечает тяжёлое положение народа сего края, которое не облегчилось с временным «присоединением» к России. И за этим он справедливо видит преследование последней, прежде всего собственных интересов в регионе. Так, автор приводит факт о строительстве ряда оборонительных сооружений – крепостей в целях ограждения от иранской угрозы.³¹⁸

И в этой работе в запрете Петра I русским войскам заниматься грабежом усматривается стремление императора добиться расположения местного населения, чтобы осуществить давно задуманный план укрепления в прикаспийских областях.³¹⁹ Однако автору следовало подчеркнуть, что каковым бы ни было отношение местного населения, оно не играло определяющей роли в захватнических действиях России.

Автор пытается, основываясь на обращениях отдельных представителей правящего класса, показать якобы искреннее расположение населения к русским, в т.ч. и в период Надир-шаха, когда верхние слои вынуждены были подчиниться ему,³²⁰ и после смерти этого иранского правителя во время существования Лянкяранского ханства. Ф.С.Асадов стремится проследить развитие российской ориентации во второй половине XVIII в., начиная от основателя Лянкяранского ханства и до верного продолжателя его политики в названном ракурсе последнего лянкяранского хана. Если в период первого автор связывает усиление русской ориентации с появлением картли-кахетинского посредника, способствующего принятию Лянкяранского ханства в русское подданство,³²¹ то во время правления Мир-Мустафы хана указанный фактор выпячивается в условиях, не прекращавшихся междоусобиц в ханстве и даже наличия антирусской

группировки.³²²

Приведенные в работе обращения лянкяранского Мир-Мустафы хана к русскому двору и к военным кругам за помощью перед угрозой нашествия Ага Мухаммеда Гаджара и особое внимание к миссии лянкяранского посланника в Петербурге в 1796 г., то есть после первого похода Гаджара,³²³ используются автором для подтверждения последовательности позиции лянкяранского хана в отношении Русского государства.

В то же время, отражение определенных сторон политики царского правительства в данном регионе позволяет оценить попытки Ф.С.Асадова шире раскрыть взаимоотношения Лянкяранского ханства с Россией. В частности, он подчеркивает заинтересованность русского государства в этом ханстве, как в экономическом, так и стратегическом отношении, и стремление российского правительства использовать русскую ориентацию лянкяранского хана в своих собственных интересах. Вместе с тем, отметив согласие русского правительства на принятие Лянкяранского ханства в российское подданство, отправку малочисленного войска в Лянкяран, получение генеральского чина и подарков лянкяранским ханом от Екатерины II,³²⁴ Ф.С.Асадов не даёт должную оценку той двойственной политике, которую проводило царское правительство в отношении всех азербайджанских ханств, в том числе и Лянкяранского.

При освещении похода русских войск в Азербайджан во главе с В.Зубовым автор стоит на позициях предшествующих исследователей.³²⁵ Он представляет лянкяранского хана верным сторонником России, как в период этого похода, так и после смерти Ага Мухаммеда Гаджара.³²⁶

Субъективный подход к архивным документам не позволяет Ф.С.Асадову даже допустить возможность связей лянкяранского хана с Ираном, поэтому он подчеркивает безосновательность утверждений о его переговорах с шахом. По поводу последних русское командование было опо-

вещено группой лянкяранских феодалов. Разбирая причины их провокационных доносов, Ф.С.Асадов уверен, что к ним следует относиться не иначе, как к попыткам подорвать сложившиеся отношения Мир-Мустафы хана с Россией.³²⁷ Хотя, на наш взгляд, даже подстрекательская роль феодалов не мешала лянкяранскому хану проводить политику лавирования между Россией и Ираном в целях сохранения независимости своего ханства, подтверждение чему мы находим в недавно опубликованных работах азербайджанского исследователя И.Мамедовой, специально посвященных изучению данного вопроса.³²⁸

Под таким же углом зрения в работе представляется Георгиевский договор, подписанный 26 декабря 1802 г. между Россией и правителями Губинского и Лянкяранского ханств, а также некоторыми дагестанскими владетелями. Неудивительно, что, по мнению Ф.С.Асадова, договор якобы ещё более сблизил Азербайджан с Россией и заложил основу присоединения его к России.³²⁹

С одной стороны, автор не скрывает планы России в отношении Азербайджана, в т.ч. Лянкяранского ханства, а с другой, следуя по стопам предшественников, показывает её якобы защитницей перед угрозой иранского нашествия. Автор игнорирует тот факт, что для лянкяранского хана заключение Георгиевского договора диктовалось исключительно его потребностью в российской военной помощи, а не стремлением к присоединению к России; договор явился результатом коварной и целенаправленной политики русского правительства, направленной на принятие азербайджанских ханств под своё покровительство и обещание помощи с одновременным осуществлением захватнических планов.

В свою очередь, отдав должное автору, следует подчеркнуть, что красной нитью через всю работу проходит мысль о том значении, какое придавало русское правительство Лянкяранскому ханству. В частности, неслучайно ав-

тор обращает внимание на то, что вопрос о Лянкяранском ханстве был остро дискутируем в 1810 г. в переговорах между Россией и Ираном.³³⁰

Вместе с тем, события, связанные с завоеванием Лянкяранского ханства в период первой русско-иранской войны, Ф.С.Асадов освещает в вышеуказанном ракурсе, акцентируя внимание на совместном успешном выступлении русских войск с силами лянкяранского хана против иранских войск.³³¹ Он стоит на идентичной позиции с теми историками, которые при характеристике действий русских и иранских войск, описывают первых в более благородных тонах, чтобы оставаться последовательными при утверждении о, якобы, освободительной миссии России. Очередным ярким свидетельством тому служит показ взятия Лянкярани, когда русские войска стремились овладеть Лянкяранским ханством как последним пунктом на первом этапе завоевания Азербайджана.³³²

Необъективно показав лянкяранского хана до конца верным России, автор представляет антирусскую позицию его сына Мир-Гасан хана как отход от политики отца. В то же время Ф.Асадов справедливо находит основную причину отказа Мир-Гасан хана от российской приверженности, заключавшуюся во вмешательстве главнокомандующего русских войск во внутренние дела Лянкярана.³³³ При этом в работе не дана должная оценка мужественному и достойному поведению названного правителя, упорно боровшегося в лесах Лянкарана ради сохранения независимости ханства.³³⁴ Но мы не встретили в этой работе объективного осуждения экспансионистских действий и всей колонизаторской политики царской России. Ф.С.Асадов, как и его предшественники, рассуждает о прогрессивной роли России, значимости Гюлистанского и Туркменчайского мирных договоров и их последствий в жизни азербайджанского народа.³³⁵ В этом плане Ф.С.Асадов не внёс ничего нового в существующую в советской историографии концепцию.

Одним из регионов Азербайджана, занимавшим особое место в восточной политике России было Бакинское ханство. Поэтому неслучайно вопросы взаимоотношений Бакинского ханства с Россией явились предметом специального исследования в диссертации М.С.Искендеровой.³³⁶

В III и IV главах работы, где непосредственно освещаются внешнеполитические отношения Бакинского ханства с русским государством, основное внимание, как и в предшествующих трудах, уделяется вопросу о русской ориентации. Прослеживая прорусскую политику бакинских правителей, начиная с основателя Бакинского ханства и до последнего Гусейнгулу хана, нашедшую своё отражение в их обращениях к России за помощью против Ирана, автор также стремится убедить читателей в их российской склонности.³³⁷ Вместе с тем, он справедливо обосновывает выбор Россией бакинской стороны в междоусобной борьбе азербайджанских правителей, продиктованный осознанием ею транзитного значения Баку.

В свою очередь, показ якобы искренности обращений Гусейнгулу хана Бакинского к царскому правительству не помешал автору распознать в них, наряду с обращениями других правителей Южного Кавказа, повод для введения Россией в данный регион своих войск.³³⁸

Позиция М.Искендеровой при освещении похода русских войск в Азербайджан во главе с В.Зубовым не отличалась от установок большей плеяды исследователей советской эпохи. Автор не только ошибочно утверждает об отсутствии сопротивления русским войскам в Баку, но и пытается обосновать это совпадением, якобы, доброжелательного отношения как бакинского правителя, так и местного населения к русскому государству.³³⁹

Вывод М.Искендеровой о важности похода для дальнейшего укрепления русско-азербайджанских связей и создания благоприятных предпосылок для присоединения Азербайджана к России³⁴⁰ является очередным подтвержде-

нием партийно-идеологической обусловленности решения данного, да и остальных вопросов исследуемой проблемы в условиях советского тоталитаризма. Отсюда, необъективная, тенденциозная оценка колонизаторской сути похода В.Зубова, как первого шага на пути осуществленного в первой трети XIX века завоевания Северного Азербайджана Россией, не отличающаяся от точки зрения большинства историков изучаемого периода.

Вместе с тем, автор впервые отметила бесчинства некоторых царских высокопоставленных военнослужащих и чиновников, совершенные во время ухода из Азербайджана, тем самым констатируя несоответствие указанного поведения военных обещанному в Манифесте Екатерины II ограждению населения от притеснений.³⁴¹

В работе М.Искендеровой отсутствует должная, всесторонняя, аргументированная характеристика политики лавирования бакинского правителя в условиях серьезной угрозы независимости ханства. Вместо этого автор выдвигает, как доминантную, мысль о русской ориентации. В частности, уделив основное внимание взаимоотношениям Гусейнгулу хана Бакинского с Россией, автор рассматривает каждое из его обращений к русскому государству, как наглядное подтверждение последовательности российской ориентации бакинского хана. Под этим углом зрения в работе прослеживается и изменение позиции бакинского правителя. Автор находит причину последнего в агрессивности ряда действий российских войск в период пребывания их в Азербайджане и стремится обосновать отказ главы Бакинского ханства от прежнего политического курса в отношении России.³⁴²

Поэтому подробно изложенный в работе насильственный захват Россией Бакинского ханства представляется как результат враждебных отношений между ними и реакция российского правительства на вышеуказанное поведение бакинского хана. Более того, несмотря на существование

различных версий по поводу убийства Цицианова, претворявшего в жизнь завоевание азербайджанских земель, в том числе Бакинского ханства, М.Искендерова выдвигает предположение об участии в данном акте бакинского правителя и основанием для этого считает окончательный разрыв в отношениях его с русским государством.³⁴³ В работе не дана должная объективная оценка убийству Цицианова как одному из средств любой ценой сохранить независимость ханства и оградить его от российской экспансии вообще, и названного царского колонизатора, в частности.

Вместе с тем, к сожалению, у автора, следовавшего тенденциям исторической науки советского периода, при рассмотрении всех перипетий, связанных с завоеванием Бакинского ханства, не звучит вывод о претворении в жизнь предначертанного Петром I плана в отношении данного региона, о колонизаторской сути захватнических действий русских войск в отношении Бакинского ханства; автор вынуждена заглушать российскую агрессию мыслью о необходимости присоединения Азербайджана в целом, в том числе и Бакинского ханства к России и оправдать этот акт прогрессивной ролью России. Также как и предшественники, М.Искендерова выдаёт участие местного населения в составе народных ополчений в период русско-иранской войны 1826-1828 годов в качестве фактора, доказывающего последовательность его российской ориентации и «немало способствовавшего победе России и в конечном итоге предпринятого вопроса о присоединении к ней Бакинского ханства».³⁴⁴

Наконец, заключение о прогрессивном значении и исключительно положительных последствиях завоевания Северного Азербайджана, в том числе Бакинского ханства Россией, о стремлении бакинцев к сближению с русским народом как «единственно исторически верной ориентации»³⁴⁵ красноречиво свидетельствуют о попытках оправдать захватнические устремления России со стороны оче-

редного азербайджанского исследователя, не внесшего какие-либо коррективы в партийно-идеологические постулаты советского режима.

Для создания полной картины изучения взаимоотношений Азербайджана с Россией в XVIII – нач. XIX вв. важное значение имеет исследование связей Нахчыванского ханства с царской империей, что обусловлено, кроме прочего, ещё и тем, что данное ханство одним из последних было захвачено русскими войсками. Необходимость изучения данного вопроса вытекает и из субъективных и необоснованных претензий определенного толка историков на исконные азербайджанские земли.

Процесс завоевания Нахчыванского ханства Россией рассмотрен в работе М.М.Алиева, который также не смог отойти от принятых в исторической науке советского этапа стандартов при изложении вопросов, связанных с взаимоотношениями названного ханства с Россией. В частности, отнесясь к русской ориентации, как катализатору в процессе присоединения Северного Азербайджана к России, автор тщательно изучает исторические условия, пытаясь обосновать свой тезис о её усилении и победе. Это, по его мнению, «вытекает из необходимости вести аргументированную борьбу против буржуазной пропаганды, идеологии которой и поныне трубят о завоевании Азербайджана Россией, отрицают наличие в нём русской ориентации и тем самым грубо фальсифицируют историю».³⁴⁶ Как мы не раз отмечали, именно такой позиции придерживалось большинство историков того времени.

Разделив политическую историю Нахчыванского ханства на три периода, М.М.Алиев показывает, что уже в первом периоде независимого управления (со II половины XVIII века до 1797 г.) русское государство являлось той силой, с помощью которой отдельные представители власти связывали свою победу в борьбе за власть в Нахчыванском ханстве.³⁴⁷

Более того, как бы оправдывая указанную позицию нахчыванских ханов и соглашаясь с таким предназначением Российского государства, в работе неслучайно констатируются причины, препятствовавшие последнему заняться судьбой Нахчыванского ханства в это время.³⁴⁸

Прослеживаемое во втором периоде (1797-1813 гг.) дальнейшее развитие взаимоотношений Нахчыванского ханства с Россией, верно связывается с нашествием Ага Мухаммеда Гаджара в Азербайджан. Безусловно, М.М.Алиев отдаёт предпочтение склонности одного из видных деятелей Нахчыванского ханства Келбали хана к России. Именно этим объясняется, что в работе большое внимание уделено выбору нахчыванским правителем в качестве союзника России, а не Ирана, и проявлениям его верности союзническому долгу во время похода В.Зубова в Азербайджан.³⁴⁹ Кроме того, автор показывает стойкость российской ориентации последнего, подчеркнув ненависть к шахам даже после признания его на троне Нахчыванского ханства со стороны Ирана.³⁵⁰

Важным представляется тот факт, что в работе делается ударение на русскую ориентацию нахчыванского правителя во второй период (1797-1813 гг.), когда ханство было фактически в полузависимом от Ирана положении. Преувеличение значения русской ориентации, игнорирование её политической подоплёки приводит автора к показу посреднической роли нахчыванского хана между Россией и армянами. На наш взгляд, стремление России столкнуть азербайджанских ханов друг с другом, в угоду своим союзникам-единоверцам – армянам М.М.Алиев неуместно и ошибочно интерпретирует как доверие русского командования нахчыванскому правителю.³⁵¹

Таким образом, политика нахчыванского правителя характеризуется исключительно в ракурсе российской ориентации. Отсюда, понятно, почему осуждающе преподносятся оппозиционные России действия иранского прави-

теля³⁵² и не дается должная объективная оценка позиции ни иранского, ни нахчыванского правителей. Подтверждением служат и освещаемые в работе события, связанные с процессом завоевания Нахчыванского ханства Россией. На основе переписки представителей русского командования выдвигается версия о последовательной приверженности и верности России со стороны нахчыванского хана в ходе первой русско-иранской войны, то есть в период его вассальной зависимости от Ирана. Упор в работе на антииранскую борьбу нахчыванского Келбали хана, вывод автора о предательском захвате Нахчыванской крепости³⁵³ иранскими войсками в очередной раз убеждают в традиционном и одностороннем изложении вопроса.

Более того, положение об устойчивости русской ориентации в Нахчыванском ханстве усиливает и рассматриваемое в работе союзничество Келбали-хана с Россией при учёте особенностей этих отношений, исходя из которых создается образ верного продолжателя деяний отца также бывшего преданным русскому государству.³⁵⁴ С учётом вышеизложенного, совершенно естественно, что в данной работе игнорируется пагубная роль Гюлистанского договора для азербайджанского народа.³⁵⁵

В свою очередь, внимание заслуживает тот факт, что следуя курсу, принятому в советской историографии, согласно которому исторические процессы рассматривались в территориальных рамках советского периода, автор относит Иреванское ханство к территории современной Восточной Армении.³⁵⁶ Однако совершенно очевидно, что по всем критериям: население, территория, культура, исторические традиции и т.д. – Иреванское ханство являлось азербайджанским и любое другое утверждение просто абсурдно.

М.М.Алиев остается верным своей позиции и когда рисует положение Нахчыванского ханства после Гюлистанского договора как придатка Ирана. Поэтому неудивителен его вывод о том, что «не только народные массы, но и сам

ставленник шаха Келбали хан мечтал, как и другие ханы Северного Азербайджана, находиться под эгидой Русского государства».³⁵⁷ Неслучайно в работе выделено высказывание нахчыванского хана при встрече с русским послом в Иране Ермоловым. Для автора было особо важным подчеркнуть выражение правителем чаяния всех нахчыванцев.³⁵⁸

Как большинство историков этого времени, М.М. Алиев старается ярко показать разрушения и грабительские действия иранских войск и в ходе второй русско-иранской войны и, наоборот, видит в русских исключительно освободителей народов Южного Кавказа, в том числе азербайджанского.³⁵⁹ Автор не только с пафосом говорит об успехах русских войск, но и пытается, как бы оправдать их борьбу с Ираном за территорию данного региона. Красноречивым свидетельством последнего является его указание о том, что «одержанная русскими войсками победа произвела глубокое впечатление на жителей Нахичеванского и Ереванского ханств».³⁶⁰

В работе мы сталкиваемся с идентичной точкой зрения в отношении таких вопросов как участие отдельных представителей высшего сословия на стороне русских войск, «радостная» встреча русских войск местным населением Южного Азербайджана.³⁶¹ Не составила исключения и оценка Туркменчайского мирного договора, а также «прогрессивного» значения завоевания Нахчыванского ханства Россией. Ярким примером идеологического воздействия на исследователей в советскую эпоху служит наблюдаемое в заключении работы противопоставление автором успешного развития Северного Азербайджана «под мудрым руководством ленинской партии в единой семье народов СССР», гнёту, которому подвергалось население его южной части в составе Ирана.³⁶²

В 80-х годах исследователи занимались изучением ряда аспектов взаимоотношений с Россией не только отдель-

ных ханств, но и в целом Азербайджана. К числу таких работ принадлежат монографии Т.Т.Мустафаева³⁶³ и Г.Н.Мамедовой,³⁶⁴ в которых затрагиваются важнейшие вопросы азербайджано-русских взаимоотношений, в основном, в первой половине XVIII в., в том числе и интересы России в Прикаспии и прикаспийский поход Петра I. Т.Т.Мустафаев конкретизирует уже известные нам цели, преследуемые русским правительством в указанном регионе, и причины похода Петра I.³⁶⁵ Г.Н.Мамедова, обстоятельно показывая роль русских консулов в осуществлении восточной политики Русского государства, подчеркивает, что «миссия консулов в Персии, в том числе и Азербайджане, одновременно подготавливала почву для прикаспийского похода Петра I, а в дальнейшем и присоединения этих областей к России».³⁶⁶

Мы наблюдаем идентичный с предшественниками подход авторов к вопросу о поводе и причинах прикаспийского похода Петра I. Вместе с тем на основе фактов и событий периода ширванского восстания 1721 г., приводимых первым русским консулом в Сефевидском государстве С.Аврамовым в его «Журнале», Г.Н.Мамедова выдвигает новую точку зрения, согласно которой в инциденте, связанном с убийством и ограблением русских купцов, обвиняются сами русские купцы, перешедшие на сторону иранских купцов и стрелявшие в повстанцев.³⁶⁷

Указанные авторы признают и обращение Гаджи Давуда за помощью к России. Представленные в работе Т.Т.Мустафаева, выдержки из писем его, а также русского посланника А.П.Волынского, позволяют автору выяснить не только цель обращения Гаджи Давуда к России, но и предположить причину уклонения русских властей от прямого ответа на его просьбу.³⁶⁸

Если некоторые предшествующие историки, как мы видели, констатировали исключительно связи Гаджи Давуда с Турцией, то Г.Н.Мамедова подчеркивает, что отказ русского правительства из-за политических соображений

вынудил повстанцев во главе с Гаджи Давудом обратиться к покровительству Турции. Таким образом, как справедливо утверждает автор, обращение к Турции был вынужденным шагом.³⁶⁹

Одним из главных звеньев проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX в. является вопрос о русской ориентации в Азербайджане. В обоих трудах авторы уделили ему определенное место. Так, Г.Н.Мамедова не ограничивается указанием наличия русской ориентации в Азербайджане в период Шемахинских событий 1721 г. Она проводит некоторую дифференциацию между русской ориентацией правящей верхушки, обусловленной страхом перед «бунтовщиками», и русской ориентацией среди трудового народа, которая, по её мнению, «объективно складывалась в процессе торгово-экономических взаимосвязей, а также в борьбе против иранского и турецкого владычества».³⁷⁰

В свою очередь и Т.Т.Мустафаев определяет отношение каждой социальной группы к присоединению к России и говорит о социальном содержании русской ориентации. Господствующим классам противопоставляются народные массы, Азербайджана которые, по его мнению, были «носителями этой ориентации».³⁷¹ Однако, не все социальные слои азербайджанского населения относились к числу последних. Были и противники русской ориентации. И это вопрос в работе Т.Т.Мустафаева рассмотрен.

Мы вправе согласиться с положением о том, что упадок Сефевидской державы и угрозы со стороны повстанцев обусловили русскую ориентацию среди правителей Азербайджана. Однако позиция авторов относительно русской ориентации народных масс была продиктована идеологическими установками советского времени.

Вместе с тем, следует отметить, что Г.Н.Мамедова не ставит целью проследить динамику развития русской ориентации среди населения Азербайджана.

Напротив, работа Т.Т.Мустафаева специально посвящена этому вопросу и, судя по названию, автор преследовал задачу показать не только наличие, но и усиление русской ориентации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Под этим углом зрения Т.Т.Мустафаев рассматривает и Манифест Петра I, и умеренное отношение русского правительства к местному населению. Автор особое внимание уделил специальной оговорке в Манифесте Петра I о наказании русских солдат и офицеров в случае допущения насильственных действий в отношении местных жителей, на основании чего он приходит к верному и чёткому выводу, что «умеренное отношение русского правительства к местному населению было вызвано дальновидной политической целью – желанием укрепиться в районе прикаспийских провинций. Добиться же лояльного отношения населения можно было только путем мирной политики в отношении местных жителей».³⁷²

Однако автор переоценивает доброжелательное отношение местного населения к России с тем, чтобы показать усиление русской ориентации в Азербайджане.³⁷³ Более того, как и другие исследователи, он стремится создать контраст между политикой России в прикаспийских провинциях и грабительскими действиями турков с целью обосновать нарастание в крае русской ориентации,³⁷⁴ Работа Т.Т.Мустафаева отличается от трудов некоторых предшественников, которые вовсе не упоминали об антирусской оппозиции. Но при этом следует отметить, что антироссийская группировка показана в сравнении не в её пользу: либо подчеркивалось, что большинство составляли сторонники российской ориентации, как было в Баку,³⁷⁵ либо, продемонстрирована ее слабость. В частности, автор не расценивает антирусскую ориентацию отдельных местных феодалов, как наличие враждебных сил в Азербайджане, и пытается доказать локальный характер их антирусских выступлений, например, в Баку и Сальяне в 1724 г.³⁷⁶

На наш взгляд, тенденциозный подход к источникам убеждает автора в противоположном настроении большинства феодальной знати, а преувеличенное им мягкое обращение русских властей с местным населением, по его мнению, даже положило конец колебаниям некоторых правителей прикуринских провинций.³⁷⁷

Прослеживая процесс формирования и усиления русской ориентации, Т.Т.Мустафаев доводит до нас и осознание царским правительством значимости приобретения прикаспийских провинций Азербайджана. Это мы видим и при показе реакции русского двора и, особенно, Петра I на взятие Баку русскими войсками во главе с Матюшкиным в 1723 году, которое также подробно освещается в работе,³⁷⁸ и при рассмотрении Стамбульского договора 1724 года. В то же время, автор игнорирует тот факт, что Стамбульский договор фактически осуществил раздел Азербайджана между Турцией и Россией, закрепив за последней прикаспийские провинции, Т.Т.Мустафаев преподносит тексты присяг, как свидетельство, якобы, добровольного принятия верховной власти России феодальными правителями и представителями прикаспийских провинций, в частности – Губы, Астары, Лянкярани и др.³⁷⁹ Таким образом, автор не допускает мысль о том, что феодальные правители присягнули России с целью сохранения своей власти, то есть не учитывает политические мотивы. Он придерживается идентичной необъективной и необоснованной точки зрения и в отношении всего населения прикаспийских земель Азербайджана, которое, по его мнению, «без какого либо принуждения извне, с радостью приняли русское подданство».³⁸⁰

Вместе с тем, колебания среди некоторых феодалов автор справедливо объясняет опасением ограничения их прав с присоединением к России.³⁸¹

Вслед за предшественниками, Т.Т.Мустафаев, с одной стороны, подчеркивает целенаправленность мер, предпри-

нятых Россией для оживления хозяйственной жизни прикаспийских провинций, стремление России получить большие и постоянные экономические выгоды, а с другой, фактически игнорируя захватнический характер действий русских войск на территорию данного региона и не отражая колонизаторскую сущность политики царизма здесь, выпячивает желание русского правительства завоевать симпатию местного населения путем упорядочения взимания налогов и податей.³⁸²

Более того, ссылаясь на первоисточники автор, определив социальный состав сторонников русской ориентации, не только приходит к заключению о твёрдой и последовательной русской ориентации большинства жителей прикаспийских провинций Азербайджана – горожан, крестьян и феодалов.³⁸³ В работе не раз акцентируется внимание на сдержанном поведении русских офицеров и солдат в отличие от иранских и турецких войск, что свидетельствовало гибкой и умелой политике России в данном регионе, и являлось фактором, способствовавшим усилению русской ориентации в Азербайджане.³⁸⁴ Другими словами, Т.Т.Мустафаев стол по данному вопросу на тех же позициях, что и ранее рассмотренные нами исследователи.

Рисуя картину ужасающего положения в стране до появления русских, он расценивает вторжение русских войск в прикаспийские области как положительное явление и говорит о позитивном влиянии его на те или иные стороны жизни азербайджанского народа.³⁸⁵

Таким образом, процесс слабого формирования русской ориентации в Азербайджане в работе преподносится как её усиление, с тем, чтобы выставить это в качестве одного из решающих факторов присоединения Северного Азербайджана к России. Само название монографии Т.Т.Мустафаева подводит к такой мысли., Продолжая традиции ранних авторов, игнорирующих экспансионистские цели России в данном регионе, затушевывая колониальную

политику царизма, Т.Т.Мустафаев даёт одностороннюю оценку «вхождению Азербайджана в состав России в начале XIX века», подразумевая его добровольный характер со всеми вытекающими и известными нам последствиями,³⁸⁶ о которых уже не раз говорилось.

В ранее названной нами работе Г.Н.Мамедовой был частично затронут и вопрос о русской ориентации в Азербайджане во второй половине XVIII века. В частности, последовательная русская ориентация азербайджанских ханов представляется одной из основных причин сокращения консульской службы в Азербайджане.³⁸⁷

В свою очередь Г.Н.Мамедова на основании консульских сведений выдвигает обобщенное положение об усилении русской ориентации среди большинства азербайджанских ханов,³⁸⁸ хотя представленные факты говорят о незначительном числе таковых. С другой стороны, в работе почти отсутствуют сведения об антирусских настроениях среди населения. Более того, на наш взгляд, как и остальные историки этого периода, автор неубедительно и неправоммерно считает приверженцами России все население Азербайджана.³⁸⁹

Вместе с тем, преувеличивая масштабы русской ориентации, Г.Н.Мамедова игнорирует наличие антирусской оппозиции среди феодальной знати, не считая нужным вводить данный аспект в круг вопросов своего исследования.

Автор указывает на роль и значение русской ориентации среди населения Азербайджана во второй половине XVIII века в целом, и, в частности, в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг.³⁹⁰ Хотя в работе и подчеркивается субъективное отношение консулов к фактам,³⁹¹ тем не менее, на наш взгляд, более критический подход к консульским сообщениям создал бы реальную основу для объективного и всестороннего отражения данного вопроса.

Оставаясь верной своей позиции, Г.Н.Мамедова подчеркивает большую роль русских консулов в установлении

тесных дипломатических отношений между азербайджанскими правителями и Россией, в благорасположении азербайджанских ханов к ней, позволившее России полнее развернуть свои действия в указанной русско-турецкой войне.³⁹²

Поэтому неслучайно автор приходит к твёрдому убеждению, что «русские консульства были связующим звеном, способствовавшим тесным торгово-экономическим и политическим связям, назреванию и усилению русской ориентации, а в дальнейшем – присоединению северной части Азербайджана к России».³⁹³ На наш взгляд, если можно согласиться с первой частью этого заключения, то вторая его часть звучит обобщенно и необоснованно, и, в этом смысле, в очередной раз демонстрируется тенденциозный подход к важнейшему аспекту проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. Подтверждение сказанному мы находим в рассматриваемой автором позиции азербайджанских ханов, в том числе и Фатали хана Губинского, представленного исключительно сторонником русской ориентации.³⁹⁴ Однако, к сожалению, в работе не только не раскрывается суть подлинной политики России в отношении Фатали хана Губинского. Г.Н.Мамедова неверно и неуместно выпячивает русскую ориентацию многих азербайджанских ханств в 50-60-х годах XVIII века как решающий фактор, объективно способствовавший впоследствии присоединению Северного Азербайджана к России.³⁹⁵

Таким образом, как и почти во всех трудах этого периода, в работах Т.Т.Мустафаева и Г.Н.Мамедовой мы наблюдаем общую, обличённую в советские идеологические рамки точку зрения по поводу усиления русской ориентации в Азербайджане в XVIII в., чтобы убедить и оправдать подразумеваемый добровольный характер «присоединения» к России. В то время как вопрос о завоевании Северного Азербайджана был полностью разрешен петербургским кабинетом, наличие русской ориентации могло лишь несколь-

ко облегчить претворение поставленных Россией задач, но ни в коем случае не играло решающей роли.

Отношения некоторых азербайджанских ханств с Россией во второй половине XVIII в. отчасти рассматриваются в работе Ш.П.Гамидовой, посвященной азербайджано-грузинским отношениям этого периода.³⁹⁶ Автор уделяет внимание политике Фатали хана Губинского, направленной на укрепление взаимосвязей с русским государством, подчеркивая при этом, что одной из причин является наличие мощной русской ориентации народных масс.³⁹⁷

Во избежание повторения отметим, что изучаемые в работе аспекты взаимоотношений губинского правителя с Россией не претерпели никаких изменений по сравнению с исследованиями предшественников. Ш.П.Гамидова не ограничивается показом Фатали хана последовательным российским сторонником. Она охватывает и объединительную деятельность Фатали хана, одну из положительных сторон которой автор видит в создании условий для развития тесных связей Северо-восточного Азербайджана с Россией;³⁹⁸ и оказание «безмерной» российской помощи, которая, по мнению Ш.Гамидовой, обеспечила победу Фатали хана над врагами,³⁹⁹ и отрицательное отношение Фатали хана к проискам Турции склонить его на свою сторону, подчеркнув, что связано это было с пророссийской направленностью действий Фатали хана.⁴⁰⁰

Вместе с тем, в работе акцентируется внимание на посредничестве русского государства в налаживании отношений Фатали хана с картли-кахетинским правителем Ираклием II.⁴⁰¹ При этом Ш.П.Гамидова отмечает, что Россия играла роль как регулятора в регионе, напряженность в котором могла бы препятствовать претворению в жизнь намеченных ею планов. В то же время демонстрируется дальновидность губинского правителя, стремившегося любой ценой отстаивать свою независимость и лишь использовать Россию, чтобы оградить себя от территориальных претензий Картли-

Кахетии.

В работе также определяется роль Фатали хана в восточной политике русского государства и автор подчеркивает, что Россия использовала этого влиятельного правителя во взаимоотношениях с восточными странами.⁴⁰²

В свою очередь, Ш.П.Гамидова справедливо подмечает нежелание России допустить укрепления кого-либо в данном регионе, в том числе и Фатали хана Губинского,⁴⁰³ хотя в целом затушевывает целенаправленную экспансионистскую политику России здесь, говоря о её действиях в смягченном тоне, и, наоборот, вновь следуя требованиям советского времени, открыто выставляет Иран и Турцию захватчиками.

Более того, в той внутренней и международной обстановке, которая сложилась в Азербайджане на рубеже XVIII-XIX вв., автор русское государство считает опорой азербайджанского народа и высказывает традиционную, обычную для советской историографии высокую оценку завоеванию Северного Азербайджана Россией в начале XIX века.⁴⁰⁴

В целом, Ш.П.Гамидова, как и почти все исследователи изучаемой нами проблемы, отличается стандартным подходом к взаимоотношениям азербайджанских ханов с Россией, то есть выпячивает русскую ориентацию первых и до конца не раскрывает тонкую и в то же время широкомасштабную колонизаторскую политику России в регионе. Говоря о ней как о посреднице, автор приводит лишь отрывочные сведения об этой миссии России.

Вместе с тем, следует отдать должное автору в том, что если наряду с Фатали ханом Губинским, и Ибрагимхалил хан Гарабахский представлен как правитель, предпочитавший союз с Россией в борьбе с врагами,⁴⁰⁵ то, показав упорство и стойкость Джавад хана Гянджинского⁴⁰⁶ в борьбе против русских войск она подводит нас к мысли о наличии антирусской оппозиции. В свою очередь, констатируя

подготовку русскими войсками тайного плана по захвату Гянджи,⁴⁰⁷ она показывает реакцию русского двора на появление какого-либо препятствия на пути претворения намеченных планов и робко пытается довести до нас агрессивность действий России в регионе.

В 80-х годах XX в. в трудах азербайджанских историков получил отражение и один из сложных периодов истории Азербайджана в целом, и азербайджано-русских отношений, в частности – последнее десятилетие XVIII – начало XIX вв. Так, в работах Дж.М.Мустафаева⁴⁰⁸ и А.Бабаева⁴⁰⁹ освещаются те же аспекты политических взаимосвязей северо-азербайджанских ханств с Россией в указанный период, что и в исследованиях 60-х годов. Не изменился и сам подход к рассматриваемым вопросам. В частности, к ним относится чёткое противопоставление в работе Дж.М.Мустафаева открыто агрессивной политике Ага-Мухаммеда Гаджара «более умеренную и довольно разумную политику» царской России, хотя в обоих случаях главная цель – захват Азербайджана, а также завуалирование колониальной политики царизма под лозунгом защиты южнокавказских народов от иранского и турецкого вторжений.⁴¹⁰ Дж.М.Мустафаев продолжает представлять и политику «тонкой осторожности» России в отношении Южного Кавказа, показывая её обусловленность нежеланием русского правительства допустить укрепления здесь и, прежде всего, в Азербайджане какого-либо государства.⁴¹¹

Следует подчеркнуть, что указанные авторы, как и предыдущие исследователи отдают предпочтение вопросу о русской ориентации. Хотя А.Бабаев акцентирует внимание на стремлении азербайджанских ханов получить военную помощь России, нежели создать единый фронт и обосновывает их выбор могуществом России,⁴¹² он не забывает, что обращения некоторых азербайджанских ханств к России отвечало, прежде всего, её собственным интересам. Правда, говоря о помощи азербайджанским ханам в борьбе

против Ага-Мухаммеда Гаджара,⁴¹³ обещанной в рескриптах Екатерины II и указаниях командующему русскими войсками Гудовичу, автор, очевидно, считает это искренним порывом царицы.

Вместе с тем, и А.Бабаев и Дж.М.Мустафаев факт обращения к России ряда азербайджанских ханов, в том числе бакинского, гарабахского, лянкяранского, считают неопровержимым доказательством их русской ориентации. Более того, Дж.М.Мустафаев подчеркивает, что «нахождение войск Ага-Мухаммед хана в Азербайджане в целом не могло ослабить здесь русскую ориентацию, имевшую широкую популярность в народных массах. Наоборот, зверства и разнужданность захватчиков всё больше убеждали население азербайджанских ханов в том, что их крепким союзником и защитником может стать только Россия».⁴¹⁴ Как видим, перед нами всё та же обобщенная и не мотивированная точка зрения по поводу русской ориентации народных масс и спасительной роли России.

В таком же духе в названных работах отражен и поход русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан. Оба автора справедливо связывают его не только с нашествием Ага-Мухаммеда Гаджара, но и с началом претворения в жизнь давно вынашиваемых планов России в данном регионе.⁴¹⁵ А с другой стороны, в работе Дж.М.Мустафаева мы встречаем общее с некоторыми ранними исследованиями необъективное положение об организации этого похода по просьбе южнокавказских, в том числе азербайджанских владетелей,⁴¹⁶ которое, было позаимствовано из изданного перед походом «Манифеста» Екатерины II, где оно использовалось для маскировки настоящей цели прибытия русских войск.

А.Бабаев смело раскрывает суть указанного «Манифеста», заключавшуюся в завуалировании колонизаторской политики царизма, но неуместно убеждает, что для её претворения правительство Екатерины II стремилось завоевать

симпатии всех местных жителей, в том числе феодальных правителей и особенно городского населения – торговцев и ремесленников.⁴¹⁷

Вместе с тем А.Бабаев предпринимает попытку вскрыть истинные цели похода русских войск, и завоевательную политику России в данном регионе. Поэтому он пишет, что «обращения местных правителей к Русскому государству с просьбами о помощи послужили лишь поводом к началу похода русских войск. Проводившее по отношению к Востоку колонизаторскую политику царское правительство должно было прибегнуть к оружию, чтобы занять господствующее положение в Закавказье».⁴¹⁸

Автор совершенно ясно показывает, что отправка русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан не являлась проявлением заботы правительства Екатерины II об азербайджанских ханах. Автор прав, когда отмечает, что при организации похода для правительства Екатерины II первостепенное значение имели не просьбы азербайджанских ханов о помощи, а его военно-экономические интересы.⁴¹⁹

В свою очередь, Дж.М.Мустафаев, указав задачи В.Зубова, состоявшие в защите южных границ, создании стратегической и экономической базы в Южном Кавказе, выводит обеспечение безопасности русской торговли по Каспийскому морю в качестве основной цели похода.⁴²⁰

Таким образом, оба автора, смогли распознать истинные цели действий Екатерины II, представлявшие собой продолжение политики Петра I, подчеркнув большое значение Каспийского моря в её восточной политике.⁴²¹

Несмотря на вышеизложенное, авторы вынуждены были продолжать заложенные ранее тенденции, как при описании самого похода, так и при изложении других аспектов азербайджано-русских отношений на рубеже XVIII-XIX веков. В частности, в работах в указанном ракурсе рассмотрены доброжелательное отношение азербайджанского населения к приходу русских войск, чем они также объяс-

няют их быстрый успех при занятии ряда городов Азербайджана,⁴²² оказание помощи русским войскам со стороны ряда азербайджанских ханов, преувеличение масштабов которой привело к мнению А.Бабаева о том, что «прибытие русских войск в Азербайджан расценивалось ими (ханами – М.И.) как одно из первых мероприятий на пути присоединения Азербайджана к России».⁴²³

Следует отдать должное Дж.М.Мустафаеву, внесшему ясность в вопрос о численности русских войск, участвовавших в походе. Однако, он также находится под идеологическим воздействием своего времени, о чем свидетельствует его утверждение о радостной встрече их местным населением.⁴²⁴

Ярким примером подтверждения тенденциозного и одностороннего отражения изучаемых нами вопросов может служить показ взятия Дербента, который не внес ничего нового в освещение этого события по сравнению с предыдущими исследованиями. На базе многочисленных архивных источников скрупулезно исследовавший данный вопрос Дж.М.Мустафаев, с одной стороны, приходит к убедительному выводу, что «взятие Дербента штурмом было заранее запланированным, независимым от того, добровольно сдадут город или нет».⁴²⁵ А с другой, он как бы порицает Шейхали хана за насильственный захват Дербента русскими войсками, за оказанное им сопротивление.⁴²⁶ Правда, если А.Бабаев рисует Шейхали хана Губинского как проиранского сторонника, то Дж.М.Мустафаев справедливо указывает на его двойственную политику.⁴²⁷ Вместе с тем, недооценка антирусской ориентации, проявленной в сопротивлении губинского правителя, а, следовательно, отсутствие должной оценки его позиции и политики других азербайджанских ханов являются общими не только для работ названных авторов.

Мы наблюдаем, идентичность выводов с исследованиями 60-х годов XX в. относительно доброжелательного

отношения ряда азербайджанских ханов к России и дейст-
вий ранее упоминаемого советника В.А.Зубова, армянского
архиепископа Иосифа Аргутинского, вызвавших изменение
мнения части азербайджанских правителей о В.Зубове.⁴²⁸

Если авторы дают справедливую оценку деятельности
Иосифа Аргутинского, то в отношении позиции азербай-
джанских ханов в их трудах наблюдается игнорирование
политической подоплёки их поведения, представлявшего
собой лавирование между крупными державами с целью
сохранить свою независимость.

Однако, дав оценку каждому из двух периодов в от-
ношениях азербайджанских ханов к походу В.Зубова,
Дж.М.Мустафаева ещё в одной из своих ранних статей ука-
зывает: «В первом периоде они (ханы – М.И.) смотрели на
русские войска как на своих освободителей от иранского
порабощения. После же распространения слуха о том, что
русское командование имеет намерение лишить мусульман-
ских владетелей власти, они уже относились с подозрени-
ем».⁴²⁹ Тем самым Дж.М.Мустафаевым впервые была выяв-
лена причина изменения отношения ряда азербайджанских
ханов к названному походу.

Подразумевая под доброжелательством азербайджан-
ских правителей искреннее отношение к России, на наш
взгляд, вполне понятно стремление Дж.М.Мустафаева
сконцентрироваться на факторах, воздействовавших на его
изменение у некоторых из них, и тем самым оправдать не-
доверие азербайджанских ханов к русскому государству,
объяснить его причины, в ответ утверждениям некоторых
русских историков XIX века.⁴³⁰

В своей монографии автор пытается указать на то, что
сопротивление некоторых азербайджанских ханов было вы-
звано недопустимым поведением И.Аргутинского, высту-
пившего с обращением к гарабахским меликам с целью рас-
пространить слухи среди христианского населения об «ос-
вободительной» миссии русских войск, заключавшейся в

создании на территории Азербайджана христианского государства.

Таким образом, Дж.Мустафаев и ряд последующих исследователей, лишенных возможности раскрыть проводимую азербайджанскими ханами политику лавирования, искали причину их антироссийской позиции в деятельности И.Аргутинского. Принимая это во внимание, считаем целесообразным вновь обратиться к недавно опубликованной работе Г.Мамедовой, где подчеркивается: «Христианский вопрос в восточной политике кабинета Екатерины II, преследовавшей в основном цель подчинения Азербайджана, использовался как средство для выяснения расстановки сил на местах, искусственного накаливания обстановки и создания противоборства, и все это в целом не позволяло консолидации сил со стороны азербайджанских правителей против агрессии русских войск».⁴³¹

Более того, по мнению Г.Мамедовой, действия самого В.Зубова, о чём было сказано ранее, стали причиной отхода многих местных ханов от него и в конце привели к неудачному результату всей кампании.⁴³²

В отношении же народных масс мысль о твёрдой и последовательной русской ориентации проходит красной нитью не только в работах, Дж.М.Мустафаева и А.Бабаева, но и, как показал историографический анализ, почти во всех трудах изучаемого периода. Вместе с тем, в работе Дж.М.Мустафаева мы наблюдаем даже противопоставление российской ориентации жителей ряда ханств антирусской позиции их правителей.⁴³³

В свою очередь, А.Бабаев верно демонстрирует двойственную лицемерную политику русского государства. С одной стороны, «доброе» отношение с мусульманами, а с другой – обнадеживание христиан и получение с их помощью нужных сведений. Проявление «доброго» отношения русского командования к мусульманам он правильно соотносит с будущими планами правительства Екатерины II, ко-

торое хотело иметь поддержку среди местного населения в случае войны с Ираном или Турцией.⁴³⁴

Вместе с тем неудивительно, что мы наблюдаем общность с ранними исследованиями и таких положений в работах Дж.М.Мустафаева и А.Бабаева, как выпячивание исключительно положительных результатов пребывания русских войск, оправдание прибытия русских войск потребностью местного населения в русских «спасителях», и даже вывод о влиянии похода на дальнейшее расширение русской ориентации.⁴³⁵

К сожалению, широко рассмотрев экспансионистские цели России, её умелую и дальновидную политику в регионе, авторы сознательно затушевывают завоевательный характер похода и колонизаторскую суть царизма в целом при определении значимости похода, как для России, так и для Азербайджана.

Если, по мнению А.Бабаева, этот поход ничего не дал для России кроме близкого ознакомления с прикаспийскими провинциями, то он и Дж.М.Мустафаев подчеркивают его особую роль в судьбе азербайджанского народа.

Руководствуясь вышеотмеченными ограничениями, А.Бабаев доходит до абсурда, когда приходит к выводу о вдохновляющей силе данного похода для южнокавказских народов в их упорной борьбе против иранских захватчиков.⁴³⁶ Как бы продолжая его мысль, Дж.М.Мустафаев считает, что «в результате этого похода азербайджанский народ ещё раз убедился в преимуществе для себя правления России по сравнению с Ираном и Турцией».⁴³⁷

Наконец, А.Бабаев указывает на значимость похода в дальнейшем расширении азербайджано-русских отношений,⁴³⁸ безусловно игнорируя завоевание Северного Азербайджана Россией в первой трети XIX века. Подтверждение мы находим и в работе Дж.М.Мустафаева, согласно неактивной точке зрения которого «поход несомненно оставил добрые воспоминания в памяти азербайджанского на-

рода. Он в значительной степени подготовил и ускорил присоединение Азербайджана к России». ⁴³⁹ Такой вывод представляется неудивительным и исходит опять-таки от общей идеологической установки о добровольном характере присоединения Северного Азербайджана к России в начале XIX века, одним из решающих факторов которого было якобы усиление здесь русской ориентации.

На наш взгляд, не излишне будет вновь подчеркнуть, что поход В.Зубова явился началом претворения колонизаторской политики царизма в регионе, первым шагом на пути завоевания Азербайджана, осуществленное в начале XIX века, и с этой точки зрения он действительно подготовил насильственное присоединение Северного Азербайджана к России.

Хотя Дж.М.Мустафаев обращает особое внимание на колониальную направленность ряда мероприятий российского правительства, целью которых было закрепление за собой занятых провинций Азербайджана, однако она игнорируется, когда речь идёт об увеличении числа сторонников русской ориентации в обстановке удручающей картины разорений в ходе иранских нашествий конца XVIII века. Автор не только считает рассматриваемый период кульминационным для русской ориентации, но и выражает солидарность с точкой зрения известного историка Г.Абдуллаева о превращении её на исходе XVIII века «в могучую политическую силу, отображавшую коренные интересы исторического развития Азербайджана». ⁴⁴⁰

Таким образом, сам факт ссылки на вышеуказанное исследование конца 50-х годов XX века является красноречивым свидетельством того, что глобальные вопросы проблемы азербайджано-русских отношений второй половины XVIII – начала XIX вв. фактически и в 80-х годах не претерпели существенных изменений, поскольку также не миновали идеологического преломления.

Исходя из вышеизложенного, естественно, что в рас-

сма­три­вае­мых ра­бо­тах ут­вер­жда­ет­ся не толь­ко уси­ле­ние рус­ской ори­ен­та­ции фео­даль­ных пра­ви­те­лей и на­род­ных масс Азе­р­бай­д­жа­на на ру­бе­же XVIII-XIX вв., но и прос­ле­жи­ва­ет­ся её по­сле­до­ва­тель­ность и стой­кость. По­след­нее, вы­ра­жен­ное в об­ра­ще­ниях ря­да азе­р­бай­д­жан­ских пра­ви­те­лей к Рос­сии в 1797-1800 гг. с прось­бой о по­кро­ви­тель­стве, А.Ба­ба­ев ха­рак­те­ри­зу­ет да­же как по­ли­ти­че­ское дви­же­ние.⁴⁴¹

В этом от­но­ше­нии ин­те­рес пред­став­ля­ет точка зре­ния Дж.М.Му­ста­фа­ева. Скру­пу­лёз­но изу­чив азе­р­бай­д­жа­но­рус­ские от­но­ше­ния в ука­зан­ный пе­ри­од, он вы­яв­ля­ет два эта­па в их раз­ви­тии. Кон­ста­ти­руя вы­жи­да­тель­ный ха­рак­тер этих от­но­ше­ний на пер­вом эта­пе, автор по­яс­ня­ет, что об­ра­ще­ния пра­ви­те­лей к Рос­сии име­ли место ис­клю­чи­тель­но в слу­чае уг­ро­зы со сто­ро­ны Ира­на.⁴⁴² Про­ти­во­по­ставив им по­сле­до­ва­тель­ность от­но­ше­ний азе­р­бай­д­жан­ских пра­ви­те­лей к Рос­сии на вто­ром эта­пе, Дж.М.Му­ста­фа­ев ак­цен­ти­ру­ет вни­ма­ние на не­об­хо­ди­мо­сти при­ня­тия рос­сий­ско­го по­кро­ви­тель­ства, как един­ствен­ной их це­ли.⁴⁴³

Сего­дня нам понят­ны при­чи­ны, по ко­то­рым Дж.М. Му­ста­фа­ев, да и боль­шин­ство ис­то­ри­ков со­вет­ской эпо­хи, не мо­гли дать объ­ек­тив­ную оцен­ку по­ис­ку азе­р­бай­д­жан­скими пра­ви­те­лями пу­тей со­хра­не­ния не­за­ви­си­мо­сти сво­их ханств, рас­крыть дей­стви­тель­ную по­до­пле­ку рос­сий­ской ори­ен­та­ции азе­р­бай­д­жан­ских ханов, стерж­нем ко­то­рой была про­во­ди­мая ими на обо­их эта­пах по­ли­тика ла­ви­ро­ва­ния.

От­сю­да и по­пы­тки ав­то­ров про­иг­но­ри­ро­вать вы­нуж­ден­ность ука­зан­ных об­ра­ще­ний азе­р­бай­д­жан­ских ханов и пред­став­ить их как вы­ра­же­ние ис­кер­нен­ней предан­но­сти Рос­сии. С этой же по­зи­ции Дж.М.Му­ста­фа­ев рас­сма­три­ва­ет и от­но­ше­ние Рос­сии к прось­бам азе­р­бай­д­жан­ских пра­ви­те­лей. В его ра­бо­те от­сут­ствует долж­ная оцен­ка двой­ствен­ной по­ли­тики рос­сий­ско­го пра­ви­тель­ства при опи­сании его мер по обес­пе­че­нию предан­но­сти азе­р­бай­д­жан­ских пра­ви­те­лей ещё до по­хода В.Зубова, и тем бо­лее при кон­ста­та­ции по­сле­до­ва­тель­ной ори­ен­та­ции фео­даль­ных пра­ви­те­лей и на­род­ных

масс Азербайджана, как главной причины принятия азербайджанских ханов под российское покровительство в изучаемый период.⁴⁴⁴

Таким образом, автор сознательно уделяет внимание той завуалированной оболочке, под которой должны были осуществиться захватнические планы России в регионе. Подтверждением может служить и раскрытие сути российского покровительства, согласно которой оно выражалось «в жалованной грамоте и не влекло за собой вмешательства России во внутренние дела ханства. Россия обязалась оказывать помощь в случае опасности извне».⁴⁴⁵

Как видим, игнорирование собственных интересов России приводит к демонстрации её «благородной» роли, мысль о которой также являлась доминантной в ранних исследованиях.

Наряду с этим при рассмотрении политики России в отношении азербайджанских владетелей констатируется отличие её в период Александра I более действенными мерами, направленными на создание федерации азербайджанских и дагестанских феодалов. К последним относится освящаемый в обеих работах известный Георгиевский договор 1802 г. Будучи заключен против иранской угрозы и тем самым усыпив североазербайджанских ханов перед их поглощением царизмом в процессе первой русско-иранской войны, этот договор является ярким примером двойственности России. Однако вышеуказанная позиция авторов не позволила дать объективную и справедливую оценку и этому договору. Подразумевая в нём добровольный союз, в том числе некоторых азербайджанских владетелей с Россией, они отводят договору определенное место в процессе присоединения Азербайджана к России.⁴⁴⁶ Также как и у предшественников, в анализируемых работах Дж.М.Мустафаева и А.Бабаева не только не признается в подписании Георгиевского договора очередной шаг умелой и тонкой политики России на пути завоевания Азербайджана Россией. Наобо-

рот, авторы как бы считают своей обязанностью подчеркнуть значимость этого договора в дальнейшем укреплении азербайджано-русских отношений, в том числе в содействии усилению в этом регионе русской ориентации, которое, по их мнению, создавало «благоприятную почву для присоединения Азербайджана к России».⁴⁴⁷

Следует отметить, что авторы не ставят целью осветить процесс завоевания Азербайджана Россией. Однако, судя по вышеизложенному, нетрудно догадаться об их позиции по данному вопросу. Подтверждением может служить тенденциозный и односторонний подход А.Бабаева к выяснению значения этого исторического события. Конституируя добровольное, на договорных началах вхождение некоторых ханств Северного Азербайджана в состав русского государства в процессе первой русско-иранской войны, он приходит к заключению о том, что «... несмотря на управление царского самодержавия в самой России, присоединение к ней большей части азербайджанских земель, создало условия для будущего политического, экономического и культурного развития Азербайджана... Народ Северного Азербайджана освободился от опасности порабощения Ираном и Турцией».⁴⁴⁸

Ярким отражением позиции представителей русской историографии изучаемого периода по вопросу о взаимоотношениях России с народами Южного Кавказа в целом, и в частности – о предполагаемой её «освободительной» миссии, считаются работы А.П.Новосельцева⁴⁴⁹ и Г.А.Галояна⁴⁵⁰ Подтверждением являются и рассматриваемые в статье русского историка А.П.Новосельцева ряд аспектов азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. Вслед за предшественниками и своими современниками А.П.Новосельцев, разбирая факторы, вызвавшие протурецкую политическую ориентацию Гаджи Давуда, мотивирует её отказом России в поддержке.⁴⁵¹ Более того, с одной стороны, автор высказывает мнение по поводу неточности названия

прикаспийского похода Петра I «персидским» со стороны исследователей, а с другой, подчеркивает, что «царь, стремясь предупредить турецкую агрессию в Закавказье и Иран и учитывая сильную прорусскую ориентацию в Закавказье, да к тому же просьбы шаха, отправил военный отряд в «Персидский поход»». ⁴⁵² Как видим, в русской ориентации народов Южного Кавказа, в том числе и азербайджанского, у А.П.Новосельцева нет сомнений, хотя он и ограничивается её констатацией и даже указывает на имевшие место «отдельные попытки сопротивления со стороны местных владетелей» в период вступления русских войск. ⁴⁵³

Безусловно, рассматривая Стамбульский договор (1724 г.) как результат упорной дипломатической борьбы между Россией и Турцией, ⁴⁵⁴ как и большинство исследователей изучаемого периода, данные авторы не характеризуют действия России как захватнические и, естественно, не рассматривают его значение в судьбе азербайджанского народа, в историческом развитии Азербайджана.

В качестве доказательства, так называемой, освободительной миссии России показана совместная борьба гянджинцев и гарабахских христиан против турецких захватчиков (1724 г.). При этом автор особо выделяет «движение в Карабахе», подразумевая под гарабахскими повстанцами исключительно христианское население Гарабаха, лелеявшее надежду на русскую помощь. Вместе с тем складывается ложное представление об «основном» христианском населении Гарабаха, тогда как подавляющее большинство его здесь составляли азербайджанцы, и территория Гарабаха является азербайджанской землей. ⁴⁵⁵

Подход А.П.Новосельцева и Г.А.Галояна к объединительной деятельности Фатали хана Губинского идентичен взглядам многих историков-предшественников. Объяснив стремление губинского правителя к установлению дружественных отношений с Россией её возрастающей ролью на Кавказе, А.П.Новосельцев одновременно указывает и на

противоречивый характер политики хана.⁴⁵⁶

В свою очередь, утверждение Г.А.Галояна о том, что «политика Фатали хана имела прогрессивное значение и способствовала консолидации азербайджанского народа», не помешало ему показать губинского правителя «неизменно верным русской ориентации», подтвержденной в работе известными нам фактами, повторение которых считаем излишним.⁴⁵⁷ И совсем уж абсурдно звучит предположение автора о намерении Фатали хана объединить азербайджанские земли под эгидой России.⁴⁵⁸

Необъективность и тенденциозность при освещении действий России в данном регионе естественно предполагали игнорирование той двойственной, политики, которую проводило правительство Екатерины II в отношении Фатали хана, использовавшего любые средства для сохранения независимости своего детища – объединенного Северо-восточного Азербайджана.

Отсутствие критического подхода к некоторым источникам, где не исключалось субъективное и предвзятое отношение к фактам, приводит к обобщенному и фактически безосновательному утверждению о том, что «русской ориентации в азербайджанских ханствах придерживался преимущественно простой народ».⁴⁵⁹

Неслучайно в статье А.П.Новосельцева прослеживается общая тенденция историографии 60-80-х годов XX века в отношении вопроса о завоевании Северного Азербайджана Россией. В частности, автор подчеркивает «объективно-положительные» последствия присоединения к России для народов Южного Кавказа, несмотря даже на то, что «для самодержавия присоединение Закавказских земель означало, прежде всего, очередной успех его восточной политики, исходившей из интересов дворянства и нарождавшейся буржуазии».⁴⁶⁰

Вместе с тем, важно отметить, что среди известных нам «прогрессивных» результатов указанного процесса ав-

тор с известной долей цинизма называет «национальную консолидацию азербайджанского народа».⁴⁶¹ Чудовищно несправедливо это утверждение в отношении народа, на территории которого царизм настойчиво проводил политику русификации и христианизации, о чем свидетельствуют многочисленные источники и исследования. Процесс формирования азербайджанской нации шёл не «в результате», а вопреки этой политике.

Будучи солидарным с А.П.Новосельцевым, Г.А.Галоян абсурдно утверждает, что только после присоединения к России «усилился процесс этнической консолидации азербайджанского народа, в результате чего многие тюркские и не тюркские этнические группы слились с азербайджанцами».⁴⁶²

Достаточно указать на предисловие в книге Г.А.Галояна, чтобы понять кредо автора и убедиться в издании ещё одной работы с тенденциозным «советским» походом к вопросам изучаемой нами проблемы. Автор подчеркивает: «Вся история экономических и политических взаимоотношений Закавказья с Россией как до, так и после присоединения к ней Грузии, Азербайджана и Армении неопровержимо доказывает общность их интересов».⁴⁶³ Он не сомневается в том, что «народы Закавказья на своем вековом опыте освободительной борьбы убедились, что только Россия заинтересована в их освобождении. Именно общность экономических и политических интересов явилась предпосылкой формирования русской ориентации народов Закавказья».⁴⁶⁴

Поскольку Г.А.Галоян стоит в ряду большинства исследователей, несправедливо представлявших процесс завоевания Южного Кавказа Россией добровольным актом присоединения этих народов, считаем излишне анализировать его позицию относительно вопроса о русской ориентации, тем более, что он не делает исключения для азербайджанского народа. Мысль о решающей силе русской ориен-

тации, о том, что «русская ориентация охватывала все социальные слои населения»⁴⁶⁵ является доминантной в работе Г.А.Галояна, хотя автор и определяет её классовое содержание.

Мы наблюдаем общность взглядов Г.А.Галояна с его современниками и предшествующими историками при определении последствий и прогрессивного значения присоединения южнокавказских народов к России. При этом автор подчеркивает, что последняя конечно, не ставила целью предоставление независимости народам Закавказья, хотя царизм демагогически прикрывал свои классовые интересы под флагом «освободительной миссии».⁴⁶⁶ Г.А.Галоян не только подчеркивает, что «заинтересованность русских феодалов и помещиков в богатых источниках сырья и дешёвых рабочих руках и определяла основную цель завоеваний Россией новых колоний и обогащения путем эксплуатации «инородцев», но и признает, что «царизм тщательно скрывал захватнический характер своей восточной политики, чтобы «азиатские народы... не думали, что в российских завоеваниях участвует некоторым образом и корыстолюбие».⁴⁶⁷ Вместе с тем автор также продолжает оправдывать завоевательную политику царизма знакомой нам прогрессивной ролью России.⁴⁶⁸

Наряду с объективным рассмотрением повода и причин прикаспийского похода Петра I, Г.А.Галоян не удерживается от пафосного и утрированного отражения доброжелательного отношения бакинцев к прибытию русских войск. В отличие от некоторых других работ, где раскрывается борьба в Баку группировок с разной ориентацией, автор выдвигает версию о желании бакинцев получить помощь от русских, вопреки антирусской позиции султана.⁴⁶⁹ Понятно, что это было вызвано необходимостью представить Россию освободительницей южнокавказских народов в целом. Отсюда и безосновательное стремление автора выдать их народно освободительную борьбу против турецких и иран-

ских захватчиков за движение в целях присоединения к России.⁴⁷⁰

Неудивительно, что, подчеркнув огромное значение для России взятие русскими Баку в 1723 г., Г.А.Галоян старается оправдать это, как и другие завоевания русского государства, якобы доброжелательным отношением местного населения и его всемерной помощью, выраженной в создании вооруженных отрядов, «готовых отдать себя под командование русских».⁴⁷¹ Автор не раз демонстрирует свою позицию армянского историка, следовавшего курсу всех армянских исследователей, которые руководствовались союзническими армяно-русскими отношениями и переводили поведение христиан-армян на азербайджанцев. Подтверждением служит данная Г.А.Галояном характеристика поощрительной политики российского правительства по отношению к южнокавказским народам после Петра I, где он голословно утверждает о призыве русскими властями на службу в армию как грузин и армян, так и азербайджанцев.⁴⁷²

Следует отметить, что в работе больше внимания уделяется русско-грузинским и русско-армянским отношениям. Разработка русско-азербайджанских отношений носит эпизодический характер. Некоторые аспекты этих отношений в работе даются обобщенно: к тому или иному выводу о них автор неправоммерно приходит на основе анализа взаимосвязей грузинского и армянского народов с Россией, тем самым игнорируя дифференцированную политику не только царского правительства к мусульманам-азербайджанцам, но и отличительные особенности отношения азербайджанского населения к русским.

Объектом особого изучения Г.А.Галояна явились отношения гарабахских меликов с Россией. Именно в этих взаимосвязях отчётливо отражена политика царизма, направленная на использование христиан в своих интересах. Г.А.Галояну, как армянскому историку, льстила идея низ-

вержения гарабахского правителя Ибрагимхалил хана, почему он и сакцентировал внимание на указанном в источнике сведении о том, что эта идея «созрела в планах русского правительства ещё в начале 80-х годов XVIII века».⁴⁷³

Следует отметить, что также как и во многих других трудах, в работе Г.А.Галояна параллельно идут две фактически противоречивые линии: 1) отражение захватнических целей и колониальной политики царизма; 2) благосклонное отношение местного населения к русским. Это же мы наблюдаем, когда речь идёт о походе русских войск во главе с В.Зубовым. С одной стороны, автор пишет о намерениях российского правительства «присоединить к Грузии Эриванскую область и Гянджу и создать сильное грузинское государство, способное надёжно защищать южные подступы к России»,⁴⁷⁴ а с другой, констатируя беспрепятственное занятие русскими войсками ряда азербайджанских городов, Г.А.Галоян голословно подчеркивает, что «азербайджанцы повсюду принимали русских благожелательно и помогали им».⁴⁷⁵

Он придерживается вышеуказанного курса и при оценке значения Георгиевского договора 1802 г., не только укрепившего, по его мнению, влияние России среди ханов и горских владетелей, но и способствовавшего «укреплению их общей русской ориентации, а также некоторой нормализации взаимоотношений».⁴⁷⁶

Отмеченное положение наблюдается и при освещении процесса завоевания азербайджанских ханств Россией, в отношении которого автор выражает схожую точку зрения с предшествующими исследователями. В частности, это касается вопросов об участии местного населения на стороне русских войск в ходе первой и второй русско-иранских войн, лавировании азербайджанских правителей, об убийстве Цицианова, о последствиях и значении присоединения Южного Кавказа к России и т.д. Естественно, в задачу Г.А.Галояна не входило последовательное изложение взаи-

моотношений азербайджанских ханств с Россией. Урывчатый характер последних исключает всестороннее и объективное освещение мотивации действий азербайджанских ханов. Так, представленного сторонником русской ориентации бакинского хана автор считает организатором убийства Цицианова.⁴⁷⁷ А констатируя переход под власть России в 1805 г. Гарабахского и Шекинского ханств, Г.А.Галоян подменяет вынужденность признания российской власти со стороны их правителей добровольным принятием «над собою власти только русского императора».⁴⁷⁸ Вместе с тем, он видит причину сохранения ханской власти в указанных ханствах в их географическом и стратегическом положении, игравших важную роль в укреплении позиций России в Южном Кавказе.⁴⁷⁹ История очень скоро разоблачила коварство царской политики: Кюрекчайские договоры были Россией нарушены, а ханства окончательно лишились независимости и были ликвидированы.

Следует подчеркнуть мягкие тона, в которых говорится о захватнических замыслах и действиях русских войск; они не мешают автору оправдать процесс завоевания азербайджанских земель Россией. Так, неслучайно в работе имеет место следующее утверждение: «Но независимо от целей царизма его восточная политика полностью отвечала интересам, как народов Закавказья, так и самой России. Если народы края освобождались от векового гнёта и под могущественным покровительством России сохраняли своё физическое существование и получали возможность национального развития, то Россия, присоединив Закавказье, не только упрочивала свои позиции на Ближнем Востоке, но и получала возможность использовать богатые природные ресурсы края для своего экономического развития».⁴⁸⁰ Сегодня известно, что последующие события доказали колониальный характер политики царизма в отношении азербайджанского народа и его территории.

Г.А.Галоян не только, как и большинство исследова-

телей того времени преувеличивает «помощь» местного населения русским в годы второй русско-иранской войны, но и заостряет внимание при этом на религиозном факторе. Надуманная общность интересов южнокавказских, в т.ч. и азербайджанского, народов и России проходит красной нитью в работе. На наш взгляд, некоторые выдержки из труда Г.А.Галояна красноречиво раскрывают позицию исследователя, прибегавшего к любым средствам с целью оправдать «добровольное присоединение» народов Южного Кавказа к России, в том числе азербайджанского. Так, автор подчеркивает: «Если учесть, что персидские и турецкие поработители веками стремились противопоставить народы Закавказья друг другу по религиозному признаку, что религия у лишенных собственной государственности народов представляла огромную силу как главная форма идеологии в эпоху феодализма, то очевидной становится политическая значимость этой помощи. История подтвердила, что общие социально-политические интересы народов края оказались выше, чем их религиозные убеждения».⁴⁸¹

Сегодня мы с уверенностью можем опровергнуть мнение автора о том, что не было «ни единого факта, который бы доказал, что народы Закавказья с оружием в руках оказывали сопротивление России, но есть бесчисленные факты, доказывающие обратное...».⁴⁸² Самоотверженная борьба гянджинцев во главе с Джавад ханом и другие примеры служат ярким тому подтверждением.

Наконец, нижеследующее утверждение Г.А.Галояна, как и ранее приведенные, звучит более чем ordinarily. Он считает, что «... присоединение Закавказья к России в целом необходимо рассматривать как добровольное, ибо оно произошло в результате длительной борьбы против варварского господства Оттоманской империи и персидских властителей. Россия вела войны не против народов края, а против Турции и Персии, которые поработили эти народы и натравили их друг на друга».⁴⁸³ Как видим, не признается факт

завоевания Северного Азербайджана Россией, а присоединение к ней Южного Кавказа преподносится как проявление доброй воли азербайджанского и других народов края. Не замечая отличительные особенности колониальной политики царизма в отношении азербайджанцев, не воспринимая политику лавирования азербайджанских правителей, автор в целом игнорирует существование во второй половине XVIII века азербайджанских ханств, независимых от Ирана.

Будучи армянским историком, Г.А.Галоян не мог обойти вниманием вопрос о переселении армян в Россию. Ссылаясь на 15-ую статью Туркменчайского договора, автор констатирует, что «персидское правительство обязалось не препятствовать переселению армян и азербайджанцев в пределы России».⁴⁸⁴ На наш взгляд, он сознательно не до конца, верно преподносит данную статью договора. Очевидно, автор стремится поставить «на одну чашу весов» отношение армянского и азербайджанского народов к Российскому государству, поставив при этом знак равенства между отношением России к армянам и азербайджанцам.

Как известно, 15-ая статья Туркменчайского договора касалась исключительно армян Ирана, в результате переселения которых увеличилось число армянского населения в Иреване, Гарабахе и Нахчыване.

Очередной армянский историк Ц.П.Агаян в своей работе «Роль России в исторических судьбах армянского народа»⁴⁸⁵ также даёт тенденциозное описание почти всех вопросов исследуемой нами проблемы. Как видно из самого посвящения книги, автор не вносит никаких изменений в интерпретацию различных аспектов азербайджано-русских отношений. Здесь мы вновь, как и у других армянских авторов, сталкиваемся с вопиющим фактом – исконно азербайджанские западные земли, входившие в состав Иреванского ханства, названы в работе «Восточной Арменией». Как у предшествующих армянских авторов, так и в работе Ц.П.Агаяна красной нитью проходит мысль о подобостра-

стном отношении к России не только армян, но и азербайджанцев, которые якобы тоже с нетерпением ждали прихода русских войск.⁴⁸⁶

Вместе с тем, утверждая, что общность религиозного вероисповедания делает армян союзниками России в регионе, Ц.П.Агаян не признает таких же отношений между азербайджанцами и Турцией. Так, он говорит о непрерывных обращениях азербайджанцев к России и их упорной борьбе с турецкими войсками, называя последних завоевателями и не считая таковыми русские войска.

При излишней фокусировке внимания на русской ориентации азербайджанцев, Ц.П.Агаян руководствовался не только идеологическими постулатами компартии, но и стремился затушевать давно вынашиваемые территориальные претензии армян к азербайджанским землям.

Преклонение перед Россией и одностороннее изложение событий приводят автора к тому, что он с сожалением говорит о неосуществлении со смертью Петра I намеченных планов русского государства в отношении Южного Кавказа, и подчеркивает неизменную надежду народов данного региона «на помощь могучего северного соседа».⁴⁸⁷

Та же тенденциозность наблюдается и при освещении событий второй половины XVIII века. Ц.П.Агаян утверждает, что «столь же сочувственно, как и армяне, относилось к русским и азербайджанское население закавказских ханств».⁴⁸⁸

В таком же духе автор подменяет склонность меликов Гарабаха к России мнимой готовностью всех местных жителей этой и других азербайджанских местностей оказать помощь русским войскам.⁴⁸⁹

Говоря о походе русских войск во главе с В.Зубовым, Ц.П.Агаян сознательно не только ярко описывает ожидания русских «спасителей» народами Южного Кавказа, но и особо выпячивает беспрепятственную и радушную встречу их азербайджанским населением. На наш взгляд, представлен-

ные факты о письме жителей Эривани (Иравана) к В.Зубову с просьбой «поскорее избавить их от чужеземного ига», а также о получении Вагифом – «горячим сторонником русской ориентации» драгоценного подарка от Екатерины II является красноречивым свидетельством ранее указанной далекоидущей цели армянского историка.

Очередным подтверждением вышесказанному служит тот факт, что автор необоснованно считает азербайджанские земли Лори-Памбак и Шамшадил, территорией «Восточной Армении». Отсюда и необъективная оценка присоединению их в составе Грузии в 1801 г. к России. Ц.П.Агаян подчеркивает, что «этот исторический факт создал более реальную почву для присоединения Восточной Армении к России».⁴⁹⁰

Следует отметить, что в работе неслучайно уделяется особое внимание отношениям российских властей с иреванским ханом. В частности, в благородном свете показаны действия Цицианова в отношении последнего.

В целом, Ц.П.Агаян оправдывает тех азербайджанских ханов, с которыми, по его мнению, русским удалось установить дружественные контакты, и, наоборот, работа изобилует обвинениями в адрес оказавших сопротивление азербайджанских правителей. Естественно в ней, как и в остальных трудах изучаемого периода, не отводится достойное место героической борьбе Джавад хана Гянджинского. Более того, автор несправедливо признаёт закономерным захват Россией Гянджинского ханства и изменение названия города Гянджи.⁴⁹¹

С пафосом и гордостью говоря о борьбе армян с иранскими и турецкими войсками, Ц.Агаян без зазрения совести соглашается с точкой зрения армянского епископа о том, что «самым выдающимся событием нового 1804 г. [было – М.И.] свержение ненавистного народу Джавад хана и появление «северного сияния в стране Атрпатакана».⁴⁹²

Если учесть содействие армян русским при взятии Гянджи, о чём автор сознательно умалчивает, то складыва-

ется впечатление, что гянджинцы вместе с армянами предпочитали оказать поддержку России, а не своему правителю Джавад хану.

Подтверждение вышесказанному мы находим в дифференцированном показе отношения народных масс и правителей Азербайджана к России. Судя по изложению материала, утверждения о приверженности первых к России были призваны затушевывать агрессивный характер её укрепления в Южном Кавказе, и вполне понятно, почему последнее «вдохновляло и поднимало на освободительную борьбу народы от шахского и султанского ига...».⁴⁹³ Как говорится, комментарии излишни.

Попытки иреванского сардара создать армяно-азербайджанские отряды против русских, переход армянского и азербайджанского населения в пределы российских владений при наступлении иранских войск, оказание армянским и азербайджанским населением горячей поддержки русским и т.д. – всё это, безусловно, свидетельствует о преследуемой Ц.Агаяном цели умышленно «раздуть» русскую ориентацию азербайджанцев, чтобы не затушевать предательство армян и, как было ранее отмечено, не обнаружить их коварные планы в отношении азербайджанских земель. Поэтому он продолжает убеждать в том, что не только армяне, но и азербайджанцы относились к русским, как к освободителям.⁴⁹⁴

По вопросу об участии азербайджанских конных отрядов на стороне русских войск Ц.Агаян также выражает тенденциозную точку зрения, не подвергая критическому разбору ни социальную принадлежность указанных вооруженных отрядов, ни их мотивы.⁴⁹⁵

Говоря с воодушевлением об успехах русских войск, вместе с тем он пытается найти связь между ними и борьбой народных масс против иранского и турецкого ига. Так, в работе выдвигается тезис о «преданности» России народов Южного Кавказа, в том числе азербайджанцев. Неслу-

чайно при описании Асландузского сражения (1812 г.) Ц.Агаян подчеркивает, что «народы Закавказья принимали русских солдат как родных братьев и сыновей, и это явилось одним из главных источников блестящей победы войск Котляревского и других русских генералов, сражавшихся против Персии и Турции».⁴⁹⁶

Вслед за предшественниками, автор даёт ординарную оценку значению вхождения ряда азербайджанских ханств в состав России, осуждает двойственность политики азербайджанских правителей, позволявшей им лавировать между Россией и Ираном. Рассматривая завоевание азербайджанских ханств как прогрессивное историческое событие, он подчеркивает его исключительную роль «для присоединения Восточной Армении к России», подразумевая территорию Иреванского ханства.⁴⁹⁷ Поэтому, руководствуясь верой в непобедимость русского оружия, автор с пафосом и чувством гордости описывает сражения второй русско-иранской войны, особенно взятие русской армией Иреванской крепости.⁴⁹⁸

Если действия иреванского хана в книге расценивались исключительно как разорительные и отягощающие положение населения, то русские войска представлены освободителями, причем не только армян, но и азербайджанцев.⁴⁹⁹ Так, автор утверждает, что жители Иревана, большинство которых составляли азербайджанцы, выражали свою благодарность завоевателям. В подтверждение сказанному в работе приводится абсурдный факт пожертвования азербайджанцами Иревана определенной суммы в честь его взятия, как выражение их ликования.⁵⁰⁰

Ярким проявлением позиции автора следует считать и несправедливую оценку роли Гюлистанского и Туркменчайского договоров в жизни народов Южного Кавказа, в частности, азербайджанского, явившуюся итогом субъективного и предвзятого изложения материала. Представив Гюлистанский мирный договор «как результат победы русских

войск и выгодный для России и народов Закавказья», указав его условия, Ц.Агаян сознательно выводит из состава Северного Азербайджана ряд азербайджанских земель. Так, по его мнению, «значительная часть Закавказья – Дагестан, Грузия, Северный Азербайджан, Шамшадил, Карабах, Шорагал, Памбак – вошли в состав России. Эривань и большая часть Армении продолжали стонать под гнётом Османской Турции и Персии».⁵⁰¹ Из приведенного перечисления территорий получается, что Шамшадил, Гарабах, Шорагал и Памбак – не североазербайджанские земли и совершенно очевидно, что автор делает это сознательно, что приписать их потом к Армении.

Неудивительно, что Ц.Агаян выпячивает восторженную реакцию армян на создание по указу царского правительства Армянской области на территории Нахчыванского и Иреванского ханств, проигнорировав колонизаторскую политику царизма в Азербайджане.⁵⁰² Неслучайно, автор посвящает одну из глав историческому значению присоединения, так называемой, Восточной Армении к России и, безусловно, следуя советским традициям, определяет прогрессивную роль данного события, несмотря на экспансионистские планы царского правительства.⁵⁰³

Некоторые моменты азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. отчасти затронуты и в работе М.Р.Гасанова «Из истории Табасарана (XVIII – нач. XIX вв.)». В частности, говоря о прикаспийском походе Петра I и уделив внимание факторам, способствовавшим его ускорению, автор констатирует не только антииранские выступления народных масс, но и экономические, а также политические интересы России.⁵⁰⁴

Ссылаясь на ранее упоминаемую работу 50-х годов Н.Смирнова, М.Гасанов фактически соглашается с точкой зрения почти всех предшествующих и последующих историков о поводе прикаспийского похода, но при этом также как и в ряде исследований неверно считает Гаджи Давуда

лезгином.⁵⁰⁵

В работе справедливо показана двойственная политика России в отношениях между Фатали ханом Губинским и некоторыми дагестанскими владельцами. Наряду с посреднической ролью России в их налаживании, на наш взгляд, М.Гасанов как бы оправдывает предпринимаемые ею меры во избежание присоединения к Губинскому ханству дагестанских владений.⁵⁰⁶

Не составляет исключения и трактовка Георгиевского договора 1802 г. Хотя автор ограничивается указанием имён дагестанских правителей среди его участников, вместе с тем он даёт понять, что этот договор, целью которого было обсуждение условий союза с Россией, явился итогом и ответом на неоднократные обращения владельцев как Дагестана, так и Азербайджана.⁵⁰⁷

Таким образом, считая подписание Георгиевского договора проявлением искренности России, в работе М.Гасанова игнорируется завуалированность колониальной политики царизма, её лицемерие и двуличие.

Подтверждение вышесказанному мы находим и в освещении антирусской позиции Шейхали хана Губинского в ходе первой русско-иранской войны. Автор как бы порицает его за это и приветствует устойчивую русскую ориентацию табасаранцев. Известная оценка Гюлистанского мирного договора и в целом прогрессивного значения присоединения Дагестана к России⁵⁰⁸ наглядно свидетельствуют об общности изложения вопросов азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. и идеологической направленности научных трудов советской эпохи.

К последним следует отнести и ряд коллективных монографий, одной из которых является работа «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России».⁵⁰⁹ Она посвящена истории политических и дипломатических связей России с народами Кавказа на протяжении середины XVIII – конца XIX вв. Её авторы подчеркивают, что «без исследо-

вания истоков этого общения и его эволюции невозможно понять глубинную сущность процесса присоединения нерусских народов к России».⁵¹⁰

Вместе с тем, поэтапно рассматривая русско-кавказские отношения с начала XVIII в., авторы в основном уделяют внимание формированию и расширению политической программы России в отношении народов Северного Кавказа, Грузии и Армении, а также её реализации. Выкладки в отношении действий России, связанных с Азербайджаном, носят в работе или отрывочный характер, или звучат голословно и обобщенно. Часто то, что относится к христианам региона механически авторы распространяют и на азербайджанцев. Так, по мнению авторов, ещё до прикаспийского похода Петра I, благодаря умелой дипломатии, получил поддержку не только у народов Северного Кавказа, но и Азербайджана.⁵¹¹ Констатируя развитие военно-политических связей России с народами Кавказа в первой четверти XVIII в., в работе особо подчеркивается, что Азербайджан также входил в число регионов, где ещё более утвердилась российская внешнеполитическая ориентация.⁵¹²

Коснувшись событий II половины XVIII века, в частности похода Ага-Мухаммеда Гаджара, авторы убеждены в стремлении большинства азербайджанских правителей «домогаться заступничества России». Более того, они особо подчеркивают русскую ориентацию тех ханов, «кто ранее резко выступал против царской политики на Кавказе»,⁵¹³ тем самым, пытаясь затушевать её колонизаторскую сущность.

Авторам импонирует решительная готовность Ибрагим хана Гарабахского к отпору гаджарской агрессии, и они особое внимание уделяют совместным действиям азербайджанских и грузинских войск при обороне Шушинской крепости.⁵¹⁴

Также как и почти во всех работах советского периода, военные операции со стороны России описываются не

только в мягких тонах, но иногда даже с пафосом, что исходит из желания придать спасительный характер её действиям.

Рассматривая взаимоотношения России с народами Кавказа, авторы акцентируют внимание на христианском факторе. Вместе с тем, констатируя занятие В.Зубовым ряда азербайджанских городов в кратчайший срок, авторы считают справедливым указание армянского историка З.Т.Григоряна о том, что «успехам русских войск способствовали содействие и помощь кавказских народов»,⁵¹⁵ в том числе азербайджанского. В действительности они подразумевали, прежде всего, христианское население и, в первую очередь, армян. Однако, и в данной работе уделяют внимание действиям антироссийской оппозиции в лице Шейхали хана Губинского (Дербентского), правда, исключительно с целью выпукло показать их безуспешность, отдав предпочтение сторонникам русского государства.

В свою очередь вышеуказанная солидарность авторов с армянами имеет давние традиции и очевидно, черпает силы из исторического прошлого. В частности, при описании взятия Дербента они демонстрируют завоевательные амбиции В.Зубова. Выдвигая на передний план его союз с армянским советником И.Аргутинским, авторы считают, что именно последний, натравливал русских на вооруженный захват Дербента, чтобы «нагнать страх и на другие города...», в основе чего естественно лежало стремление осуществить руками России давно лелеемую мечту об азербайджанских землях.

Таким образом, перед нами вновь тенденциозный подход к проводимой азербайджанскими правителями политике лавирования и открыто враждебной антироссийской позиции некоторых из них, которую авторы монографии как осуждают, так и считают бессмысленной.⁵¹⁶

Исходя из вышеизложенного не вызывает удивление опять таки высокая оценка значимости похода В.Зубова, за-

ключавшаяся по мнению авторов в том, что в результате него «престиж и влияние России, ставшей единственной защитницей от «каджарской опасности», неизмеримо возросли на Кавказе, народы которого в своей политической ориентации уже приобретали достаточную устойчивость».⁵¹⁷ Более того, авторы с уверенностью говорят о возможности успешного завершения данного похода и присоединения к России ряда районов Кавказа, в том числе Азербайджана,⁵¹⁸ если бы не известное решение Павла I об отзыве русских войск. Кстати, последнее, по их мнению, «не было исключением в ряду устаревших подходов к кавказским делам».⁵¹⁹

В то же время следует отдать должное авторам в том, что наряду с тенденциозным подходом к Георгиевскому договору 1802 г., они признают во многом формальный характер достигнутого федеративного союза владетелей Дагестана и Азербайджана.⁵²⁰

Мысль о русской ориентации и в данной монографии является доминантной. Так, при описании процесса завоевания Южного Кавказа Россией сепаратистские настроения против России констатируются среди феодалов Грузии и Северного Кавказа, однако, как за некоторым исключением, авторы уверены в твёрдой российской склонности в Азербайджане. Утверждая последнее, они ограничиваются перечислением фактов и событий в ходе завоевания территории азербайджанских ханств и, наоборот, широко прослеживают нюансы политики России в Грузии и Северном Кавказе и перипетии её взаимоотношений с народами данных регионов в указанный период.

Противопоставление Ирана и Турции – «исконных агрессоров на Кавказе» «благородной» роли России – уже известное кредо исследователей изучаемого периода, которое ярко дает о себе знать при определении значимости Гюлистанского и Туркменчайского мирных договоров.⁵²¹ Необъяснимый вывод о том, что «приход войск России азербайджанский и армянский народы оценивали как освобождение

от ненавистного шахского ига и всюду встречали радушно, как освободителей»,⁵²² на наш взгляд, кроме всего прочего, является очередным показом солидарности авторов монографии с армянскими исследователями. Более того, они не раз демонстрировали свою проармянскую настроенность. Так, судя по изложению, Иреван авторы относят к территории Восточной Армении, неверно называя иреванского хана Сардар шахом, и с гордостью констатируют участие армянодобровольцев в составе русской армии при завоевании этой крепости.⁵²³

В заключение монографии авторы вновь выдвигают мысль о союзе южнокавказских народов, в том числе азербайджанского, с Россией как в русско-иранских войнах первой трети XIX в., так и в процессе завоевания данного региона, безусловно, прозвучавшим как присоединение этих народов по доброй воле.

В «Истории народов Северного Кавказа»⁵²⁴ затрагиваются идентичные аспекты изучаемой нами проблемы. Естественно, что и позиция авторов в подходе к ним не могла отличаться от точки зрения предшественников, поскольку данная работа фактически является обобщающим итогом разработки и сложившейся концепции ряда вопросов русско-кавказских отношений, в том числе азербайджано-русских связей в изучаемый период. В частности, в их число входят прикаспийский поход Петра I, Константинопольский мирный договор, исключительно положительные последствия завоевания Прикаспья Россией, отношения Фатали хана Губинского с Россией, поход русских войск во главе с В.Зубовым, процесс завоевания Азербайджана Россией.⁵²⁵ Так как эти вопросы неоднократно уже рассматривались в нашей работе, мы дали ограниченный историографический анализ некоторых из них.

Хотя в «Истории народов Северного Кавказа» не раскрывается суть двойственной политики России, однако констатация факта об отклонении российским правительством

просьбы Фатали хана о военной помощи «для расширения ханства за счёт территориальных захватов соседних владений»⁵²⁶ свидетельствует о преследовании Россией в отношениях с губинским правителем, прежде всего, собственных интересов.

В данной монографии, как и в предыдущих, красной нитью проходит мысль о преимуществе русской ориентации и спасительной роли России. Так, авторы считают, что «столь большие успехи корпуса В.А.Зубова объяснялись тем обстоятельством, что большая часть населения Дагестана и Азербайджана оказывала ему всяческую поддержку. В подданстве России оно видело гарантию от нападения иранских войск и ханских междоусобиц».⁵²⁷

При описании событий русско-иранских войн авторы констатируют влияние побед русских войск на подписание мирных договоров некоторыми азербайджанскими ханами о принятии российского подданства.⁵²⁸ Более того, на примере Гарабахского ханства они показывают российскую ориентацию как у правителя, участвовавшего против иранской армии, так и у большинства жителей, которые будучи заинтересованными «в безопасности торговли и собственности стояли за переход под власть России».⁵²⁹ При этом совершенно необоснованно звучат рассуждения о многочисленности армянского населения, что было характерно не только для данной работы, но и ряда трудов изучаемого периода, чьи авторы всячески пытались довести до общественности свои армянофильские рассуждения.

Вместе с тем, несколько обрисовав личность Цицианова и осуждающе представив его жёсткое обращение с азербайджанскими ханами, в монографии тем самым раскрывается причина его убийства у стен Баку.⁵³⁰

Авторы особо выделяют лояльное по отношению к России поведение местного населения в годы второй русско-иранской войны, надеясь таким образом убедить в безукоризненной верности его царизму.⁵³¹

Наконец, утверждение, что в период второй русско-иранской войны «поддержка русских войск населением была ... ещё более широкой, чем в 1804-1813 гг.»⁵³² является ярким показателем позиции авторов в этом вопросе, не претерпевшей каких-либо изменений в сравнении с установкой предшественников. Подтверждение мы находим в следующем субъективном и несправедливом заключении: «Хотя часть азербайджанских и дагестанских феодалов и местных жителей была вовлечена в действия против России, но большинство населения было против шахского Ирана и ханского произвола».⁵³³

Наряду с этим, при описании обороны Шуши русским гарнизоном, которую в работе считают героической,⁵³⁴ авторы игнорируют тот факт, что не только иранцы, но и русские в данном случае являются завоевателями. А говоря о самоотверженном содействии русским со стороны армян совместно с азербайджанцами,⁵³⁵ они не только затушевывают дифференцированное отношение их к России, но и подобно ряду авторов, в частности, – предыдущей монографии, ставят знак равенства между соучастием армян в захвате азербайджанских земель и якобы последовательной российской ориентацией азербайджанцев, что вполне понятно для исследователей изучаемого периода, стремившихся убедить в приверженности к России населения всего южнокавказского региона.

Более того, авторы вновь сознательно подтасовывают данные о составе населения Шуши, с целью убедить в коренной принадлежности армян к земле Гарабахского ханства. Подтверждение мы находим и в интерпретации условий Туркменчайского договора.⁵³⁶

В работах неслучайно выделяется и пункт о разрешении шахского правительства на переселение армян, подчеркнув значение избавления их от иранского гнёта.⁵³⁷ Неизменно прослеживается желание авторов представить ещё одну часть территории Азербайджана – Иреванское ханство

с центром в Иреване как исконно армянскую. Очевидно, на это было нацелено пафосное отражение «освобождения» русскими Эривани (1 октября 1827 г.), где они «были восторженно встречены армянским населением»,⁵³⁸ при этом сознательно упускается из виду его малочисленность.

Вместе с тем, чтобы усилить показ российской ориентации азербайджанского населения, авторы как бы оправдывают участие азербайджанских ополчений в составе русских войск, явившееся, по их мнению, естественной реакцией на жестокий ханский режим.⁵³⁹

Как явствует из вышеизложенного, авторы, выразившие схожую точку зрения по поводу поддержки действий русских со стороны местного населения азербайджанских ханств, не могли миновать необоснованного и тенденциозного для изучаемого периода утверждения о добровольном вхождении Азербайджана в состав России с вытекающими уже известными нам последствиями, хотя и признаются агрессивность политики царизма и её завоевательный характер.⁵⁴⁰

Следует отметить, в 60-80-х гг. были изданы ряд работ, посвященных непосредственно русско-иранским отношениям. Хотя в них и были отчасти затронуты вопросы изучаемой нами проблемы, однако мы посчитали излишне давать их историографический анализ, поскольку они входили в круг изучения внешней политики Ирана. А с другой стороны, рассматриваемые в этих трудах моменты касаются непосредственно и только процесса завоевания Азербайджана Россией, чему посвящена, как мы отметили ранее, монография М.М.Алиева.⁵⁴¹

§2. Вопросы торгово-экономических взаимосвязей Азербайджана с Россией в XVIII – нач. XIX вв. в азербайджанской и русской историографии 60-80-х годов XX века

Как было отмечено ранее, в отличие от 30 – середины 50-х годов XX века, исследовательская работа в области истории азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. в 60-80-х годах стала вестись более широким фронтом. Одним из важнейших направлений работ учёных стало изучение характера и экономических связей.

В 60-80-х годах XX века объектом пристального внимания в азербайджанской и русской историографии стали торгово-экономические взаимосвязи Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX вв. Более того, почти все авторы рассматривали эти связи в аспекте предпосылок вхождения Азербайджана в состав России. Выяснение взаимообусловленности торгово-экономических и политических связей Азербайджана с Россией имело важное значение в трудах азербайджанских и русских историков. Всё это позволило нам выделить изучение торгово-экономических взаимосвязей Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX вв. в азербайджанской и русской историографии в отдельный параграф. Тем более, что данный аспект являлся краеугольным камнем при изучении взаимоотношений Азербайджана с Россией, так как он играл роль моста между Россией и восточными странами. Через призму торгово-экономических взаимосвязей рассматривались и политические проблемы. Поэтому, неслучайно вопросы торгово-экономических связей Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX вв. разрабатывались в ряде упоминаемых ранее монографий, посвященных исследуемой нами проблеме. Вместе с тем, именно в 60-80-х гг. появился ряд научных работ, в которых специально изучались вопросы торговых взаимосвязей Азербайджана с Россией в указанный период.

Несмотря на это, как было отмечено ранее, в историографических работах 60-80-х годов XX века,⁵⁴² отсутствует должный анализ степени изученности и разработки вопросов торговых взаимосвязей изучаемого периода. Так и в вышедшей из печати в 1987 г. упоминаемой нами книге А.С.Сумбатзаде,⁵⁴³ явившейся первой и на сегодняшний день единственной работой, в которой дана обобщенная картина развития азербайджанской историографии от истоков XIX столетия до середины 80-х годов XX век, автор не только не раскрывает степень изучения торгово-экономических связей Азербайджана с Россией в работах азербайджанских учёных, ограничиваясь лишь перечнем основных вопросов, разрабатываемых ими в этом направлении, но и в духе времени подчеркивает, что торговля Азербайджана с Россией в XVIII веке «имеет большое значение с точки зрения складывания экономических предпосылок вызревания российской ориентации в Азербайджане».⁵⁴⁴

Авторы изданной в 1981 г. коллективной монографии отмечают большой вклад азербайджанских историков в изучение вопросов взаимоотношений России с Азербайджаном, однако и они, кроме анализа работы Г.Б.Абдуллаева, не раскрывают данный аспект. Вне поля зрения остались эти вопросы и при оценке работы О.П.Марковой.⁵⁴⁵

Таким образом, наряду с вышеизложенным, отсутствие детального историографического анализа вопросов торгово-экономических связей Азербайджана с Россией в XVIII веке в историографии 60-80-х годов также объясняет выбор нами данной темы и рассмотрение её в отдельном параграфе.

Среди основных исследований учёных этого времени следует особо выделить работы азербайджанского историка Ф.М.Алиева, внесшего весомый вклад в разработку проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв., в целом, и в частности, вопросов торговых связей данного периода. Так, в своей статье «Русско-английское со-

перничество из-за каспийской торговли и Азербайджан в 40-х гг. XVIII в.». ⁵⁴⁶ Ф.М.Алиев выясняет доминирующее место Азербайджана в каспийской торговле и, раскрывая причины русско-английского соперничества из-за последней, он показывает Азербайджан в качестве одного из основных объектов этого противоборства.

Говоря об основных богатствах Азербайджана, о выгодном географическом положении азербайджанских городов, о нахождении главных источников шёлка-сырца Южного Кавказа и Ирана в азербайджанских городах – Шемахе, Гяндже и т.п., Ф.М.Алиев тем самым обосновывает заинтересованность русского государства в Азербайджане и его действия с целью недопущения утверждения здесь англичан. ⁵⁴⁷

Автор уделяет внимание указу российского правительства, согласно которому в Бакинский порт даже зимой могло заходить одно торговое судно, в то время как в Гилян только весной, летом и осенью. Данный факт как нельзя лучше подчеркивает то важное значение, какое придавала Россия прикаспийским областям, особенно Баку. ⁵⁴⁸

Хотя в статье открыто и прямо не говорится о гегемонистской колониальной политике русского царизма, но, очевидно, именно она является подоплекой утверждаемой автором мысли о том, что стремление России ни в коем случае не допустить в данный регион какую-либо из стран исходит, прежде всего, из заинтересованности русского государства в упоминаемых богатствах Азербайджана. Она же лежит в основе рассматриваемого в статье русско-английского соперничества в 40-х гг. XVIII в., завершившегося полным поражением англичан.

В 1964 году вышла из печати книга Ф.М.Алиева, явившаяся первым монографическим исследованием, посвященным непосредственно торговле Азербайджана в первой половине XVIII века. ⁵⁴⁹ В ней трактуются вопросы внутренней и транзитной торговли Азербайджана в первой

половине XVIII в., борьба между Англией и Россией за транскаспийскую торговлю. Но главное внимание уделяется азербайджано-русской торговле, деятельности русского купечества в Азербайджане.

Рассматривая азербайджанские города как узловые центры пересечения караванных путей и как выгодные приморские порты, Ф.М.Алиев определяет место и значение этих городов в торговле с Россией. Основываясь на сведениях первоисточников, позволивших раскрыть степень развития торговых отношений между Азербайджаном и Россией в указанный период, автор прослеживает оживленную торговлю русских купцов в азербайджанских городах, показывает места их торговли, уточняет ассортимент товаров, привозимых сюда из России.⁵⁵⁰

Множество документов из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, сообщения современников, письма консулов позволили Ф.М.Алиеву аргументировать тезис о более последовательных и тесных экономических отношениях Азербайджана с Россией, нежели с Ираном и Турцией, в связи, с чем он выводит на передний план необходимость изучения торговых отношений Азербайджана с Россией.

Вместе с тем и в данной работе Ф.М.Алиев не скрывает заинтересованности русского государства в Азербайджане как в сырьевой базе, и, прежде всего шёлка-сырца для развивающейся русской мануфактурной промышленности, и справедливо относит укрепление торговых отношений России со странами Востока, и особенно – с Азербайджаном, к числу первостепенных мероприятий восточной политики Петра I.⁵⁵¹ Поручения Петра I и действия русских чинов, связанные с разработкой месторождений меди, нефти, а также меры императора с целью развития шелководства в России⁵⁵² доказывают целенаправленность планов России в отношении прикаспийских провинций.

Ф.М.Алиев обоснованно выступает против мнения русского исследователя Н.Г.Кукановой, которая также, как

и ряд историков, ошибочно включает в понятие «Иран» все страны, находившиеся в составе Сефевидского государства. При этом, естественно, говорится о русско-иранской торговле, и выпадают роль и значение Азербайджана в торговле с Россией.⁵⁵³ Однако неоспоримо, что именно Азербайджан являлся для России основным поставщиком шелка-сырца, в русской торговле важное значение имели азербайджанские порты, а в азербайджанских городах русские купцы развернули широкую торговую деятельность и магистральные караванные пути из России на юг пролегали через Азербайджан.

Интересным в работе является вопрос о выборе места русского консульства в Сефевидском государстве. Обосновав его учреждение русского консульства в Азербайджане, Ф.М.Алиев не раз подчеркивает превосходство азербайджанских городов в торговом отношении и большую прибыль, получаемую русскими купцами, именно в Азербайджане. Более того, показав транзитное значение Шемахи, богатый базар которого всегда являлся осью притяжения, как русских, так и иностранных купцов, автор объясняет мотивировку выбора русским посланником А.Волынским этого города для пребывания русского консульства.⁵⁵⁴

Ф.М.Алиев обнаруживает в действиях России стремление к торговому посредничеству между Европой и Востоком и верно определяет важное экономическое и политическое значение данной роли для неё.⁵⁵⁵ Вместе с тем, констатируя активность торговых отношений русских купцов в Азербайджане, несмотря на притеснения, чинимые им в Шемахе и Баку, автор игнорирует колониальный характер торговли России в данном регионе. Хотя в работе справедливо указывается на давно преследуемую Петром I цель относительно занятия прикаспийских областей, имевших важнейшее значение в волжско-каспийской торговле,⁵⁵⁶ однако автор превозносит мирные условия жизни в этих областях, созданные здесь русскими и способствовавшие рез-

кому возрастанию торговых прибылей, например, в результате расширения торговых связей между Баку и Гиляном.⁵⁵⁷

А говоря о причинах возврата Россией прикаспийских областей Ирану (1735 г.) вне поля зрения автора остались экономические расчёты русского государства. Приобретение прикаспийских областей повлекло за собой больше расходов, чем доходов, и удержание этих областей было тягостно для русского государства.

В работе подчеркивается важная роль Азербайджана и в международной торговле, что подтверждается высоким удельным весом сугубо азербайджанских товаров среди товаров в торговле иностранных купцов, прибывающих в Россию посредством Каспийского моря.⁵⁵⁸

Говоря о развитии торговли России с Азербайджаном, даже за счет тех товаров, вывоз которых запрещался русским государством, Ф.М.Алиев уделяет определенное место его таможенной политике. Автор не оставил без внимания важный факт о невзимании никакой пошлины с товаров, служащих сырьем для русской промышленности, и прежде всего это касалось шёлка-сырца, в то время как с шёлка-сырца, привезённого в Россию, но предназначенного для продажи на зарубежных рынках взималась пошлина в увеличенном размере. Ф.М.Алиев верно констатирует цели, преследуемые русским правительством при ведении такой таможенной политики, отмечая их направленность на увеличение количества привозимого шёлка-сырца и других товаров, не производившихся в России или производившихся в мизерных количествах.⁵⁵⁹

Ценные документы позволили автору не только раскрыть то огромное значение, какое придавало русское государство торговле с Азербайджаном, но и рассмотреть факторы, отрицательно влиявшие на развитие русско-азербайджанской торговли. К последним он справедливо относит притеснение азербайджанских купцов.⁵⁶⁰ Поэтому вывод Ф.М.Алиева о том, что именно связи России с Азербайджа-

ном лежали в основе стремления азербайджанских купцов перейти под покровительство России, на наш взгляд, исходит исключительно из потребностей советской эпохи. Данный вывод был неслучайным в условиях тенденциозного развития исторической науки вообще и идеологической обусловленности изучения проблемы азербайджано-русских отношений, в частности. На наш взгляд, представленные в работе отдельные примеры показывают вынужденность указанных действий азербайджанских купцов, предпочитавших принятие покровительства России исключительно ради наивыгодных и удобных условий торговли. Хотя политические отношения государств в определенной степени и влияют на развитие торговых связей между ними, вместе с тем названные документы не демонстрируют искреннее желание всего азербайджанского народа принять российское покровительство, как это пытается представить автор.

В то же время, подытоживая вышеизложенное, хотим отметить, что Ф.М.Алиев приходит к верному заключению о том, что азербайджано-русские торговые отношения первой половины XVIII в. сыграли определенную роль в расширении политических связей Азербайджана с Россией и в самом развитии Азербайджана. Он подчеркивает большое значение торговли в сближении азербайджанского и русского народов. Однако несправедливым и безосновательным звучит вывод автора о том, что именно благодаря экономическим, политическим и культурным связям Азербайджана с Россией в исследуемый период возрастало тяготение азербайджанского народа к России, которому в итоге и была отведена решающая роль в процессе добровольного присоединения Азербайджана к России в первой трети XIX века. Хотя в монографии исследуются вопросы азербайджано-русских торговых связей в первой половине XVIII века, вместе с тем последнее заключение показывает позицию автора и в отношении торговых отношений Азербайджана с

Россией во второй половине XVIII века, когда доминантной также является мысль о русской ориентации. Следовало бы учесть колонизаторскую сущность политики царского правительства, которое в торговых отношениях с Азербайджаном руководствовалось исключительно собственными интересами, стремясь всячески прибрать их к своим рукам, диктовать свои условия и стать единственным хозяином в каспийской торговле.

Исследуемый нами вопрос в вышепоказанном ракурсе рассматривается и в других работах Ф.М.Алиева. Так, в монографии, посвященной антииранским выступлениям в Азербайджане в I половине XVIII века, при описании известных событий, связанных с взятием Баку русскими в 1723 г. автор предполагает, что в доброжелательном отношении одной группы бакинцев к русским войскам наряду с названными факторами сыграли свою роль и деловые торговые связи, «укреплявшие дружбу между представителями двух народов».⁵⁶¹

В свою очередь, в проведении ряда мер русскими в прикаспийских областях Азербайджана, в частности – в поощрении азербайджанцев к активному участию в волжско-каспийской торговле, Ф.М.Алиев видит заинтересованность России в поддержке местного населения, хотя в конечном итоге она не имела определяющего значения для претворения в жизнь захватнических планов России. Вместе с тем, представленный в работе архивный документ, констатирующий наплыв азербайджанских купцов в города России в конце 20-х годов XVIII века, свидетельствует об обоюдовойгодности участия азербайджанских купцов в волжско-каспийской торговле.⁵⁶²

Более того, в работе приводится вывод о ненарушении при сложившихся условиях в результате подписания Гянджинского договора «складывавшихся традиционно дружественных и в том числе торговых отношений населения этих областей с Россией, которые и в дальнейшем про-

должали развиваться и укрепляться».⁵⁶³ Не остаётся без внимания даже факт об оказании снисхождения в основном русским купцам в напряженный период антииранских выступлений джарцев в конце 30-х годов XVIII века, и они продолжали везти свои товары в Баку, Шемаху, Дербент, хотя и «несли больше убытков в этих городах, нежели в пути».⁵⁶⁴

Ф.М.Алиев справедливо подчеркивает развитие между ханствами Азербайджана и Россией в конце XVIII в. преимущественно экономических, в частности – традиционных торговых отношений, явившихся основной политических связей этих государств. Вместе с тем выдвинутый в работе вывод о том, что они служили базой формирования русской ориентации, сыгравшей большую роль в период включения Северного Азербайджана в состав России в начале XIX века,⁵⁶⁵ также как и у современников автора, отличается тенденциозностью и субъективностью.

Отличительной чертой следующей монографии Ф.М.Алиева «Миссия посланника Русского государства А.П.Волынского в Азербайджане (1716-1718 гг.)» является то, что среди анализируемых архивных документов главное место занимает путевой «Журнал» русского посланника, поэтому раскрываемые здесь аспекты торгово-экономических связей Азербайджана с Россией носят скорее источниковедческий характер. Вместе с тем следует отметить, что Ф.М.Алиев не только опровергает мнение некоторых исследователей об исключительном упадке экономики Азербайджана в первой половине XVIII в. и «что торговля носила лишь внутренний характер»,⁵⁶⁶ но и предполагает размах внутренней и внешней торговли шелком-сырцом в Азербайджане в начале XVIII века.⁵⁶⁷

Несмотря на то, что в данной работе автор подробно разбирает пункты упоминаемого ранее торгового договора, подписанного между Россией и Ираном (30 июня 1717 г.) на основе предложений А.Волынского, он вновь приходит к

важному и неоспоримому заключению, что «почти все вопросы затронутые в нём касаются торговли в городах Северного Азербайджана, а это свидетельствует о значении и месте Азербайджана в системе переживавшего упадок Сефевидского государства, о необходимости поставки для развивающейся российской промышленности сырья, которым богат был Азербайджан».⁵⁶⁸

Позиция Ф.М.Алиева в отношении вопроса об учреждении русского консульства в Азербайджане в частности – в Шемахе, в целом схожа с точкой зрения последующих исследователей. Анализ фактов из «Журнала» позволил ему вновь убедиться в том, что «интерес русских купцов к Шемахинскому рынку обильному всевозможными предметами торговли, сравнительная близость Азербайджана к южным границам России», а также стремление к ограждению русских купцов от притеснений местных властей являлись основными моментами при выборе А.Волынским места для учреждения первого русского консульства в Сефевидском государстве не где-нибудь, а именно в Шемахе.⁵⁶⁹

Интересным и важным является вопрос об отношении азербайджанских купцов к А.Волынскому. Неслучайно внимание автора привлекает факт приезда азербайджанских купцов в Шемаху, продиктованного их желанием «просить его [Волынского – М.И.] покровительства в случае, если они привезут товары в Астрахань или другие русские города».⁵⁷⁰ Таким образом, демонстрируется заинтересованность азербайджанских купцов в России, боязнь потерять в её лице выгодного торгового партнёра. Безусловно, эти купцы руководствовались, прежде всего, своими торговыми интересами и давними традициями азербайджано-русской торговли, однако их предполагаемое обращение отнюдь не отражало склонность азербайджанского населения к присоединению к России, как это пытаются представить ряд исследователей. Вместе с тем, судя по изложению автором политических аспектов азербайджано-русских отношений,

очевидно, данный пример служит ещё одним подтверждением якобы утвердившейся русской ориентации в Азербайджане в исследуемый период.

Вопросам торговли уделяет определенное внимание в своей работе С.Б.Ашурбейли, так как исследует социально-экономическую жизнь Баку «как основной фактор в развитии феодального города». Автор справедливо указывает на то, что «Россия нуждалась в удобном порте для международной транзитной торговли шёлком на Каспийском море, каковым являлся Баку», тем самым раскрыв одну из причин занятия этого города русскими войсками в 1723 году.⁵⁷¹

Хотя в монографии С.Б.Ашурбейли нет ясной картины динамики развития азербайджано-русской торговли в Баку в I половине XVIII в., в ней приводятся некоторые данные об ассортименте товаров данной торговли, а также отрывочные сведения о товарообороте русских, азербайджанских, армянских и индийских купцов в Баку в первой половине XVIII века.⁵⁷²

В свою очередь, автор констатирует сокращение доходов с нефти в Баку в период пребывания здесь русских войск,⁵⁷³ но при этом не учитывается возросший вывоз нефти в Россию, о чем можно предположить, учитывая особый интерес последней к добыче нефти на Апшероне и указ Петра I Матюшкину после захвата Баку об отправке отсюда до тысяча и более пудов белой нефти. А поскольку экспорт нефти в Россию в этот период был беспошлинный, то количество вывезенной нефти не отразилось в документах.⁵⁷⁴

Вместе с тем, в работе приводятся более подробные данные об ассортименте и количестве товаров, привозившихся в Баку из Астрахани и экспортируемых из Баку во второй половине XVIII века.⁵⁷⁵ Несмотря на то, что и они не позволяют проследить динамику развития азербайджано-русской торговли, рассматриваемые факты дают представление о повышении её удельного веса, и, наоборот, деградации торговли России с Ираном через Баку.

Автор неоднократно подчеркивает, что русское правительство придавало большое значение городу Баку и каспийской торговле, роли Баку «как портового города, связанного с транзитной торговлей, главным образом с Ираном и Россией». ⁵⁷⁶ Исходя из этого, на наш взгляд, документы, свидетельствующие о сокращении здесь торговли с Россией до 70-х гг. XVIII в. в связи с перенесением русской торговли из Баку в Сальян, требуют более критического разбора. Вызывает сомнение тот факт, что возвышение Сальяна могло препятствовать коммерческим оборотам России через Баку, постоянность которых обеспечивалась, прежде всего, за счёт преимуществ Баку среди других городов Азербайджана.

Автор справедливо показывает враждебное отношение ханской власти в Баку к русским купцам, констатируя постоянные конфликты между ними по вопросам торговли в начале XIX в. Правда, она не пытается найти и раскрыть причины указанных действий бакинских правителей, в частности – Гусейнгулу хана Бакинского, ⁵⁷⁷ которые можно считать протестом против неравного положения азербайджанских купцов в России. Понимая значимость Бакинского порта, Гусейнгулу хан действовал как феодальный правитель, руководствовавшийся собственными интересами и не хотел делать исключения для русских купцов. Другими словами, Гусейнгулу хан пытался проводить политику протекционизма, т.е. покровительства собственным азербайджанским купцам.

Хотя С.Б.Ашурбейли и не даёт открыто должную оценку факту обстрела Баку русским капитан-лейтенантом флота Мочаковым 6 февраля 1800 года, в результате которого произошло возмещение бакинским правителем потерь русских купцов, ⁵⁷⁸ вместе с тем она подводит нас к мысли о колонизаторской сущности политики России в данном регионе. В свою очередь, указанный факт и другие многочисленные сведения заслуживают внимания потому, что объек-

тивно представляются в работе в подтверждение, прежде всего, заинтересованности царского правительства «в расширении торговли с Ираном через Бакинский порт, лелея планы распространения своего экономического влияния до самой Индии». ⁵⁷⁹ Ярким примером в этого, как показывает автор, могут служить переговоры графа Войновича с Фатали ханом Губинским по урегулированию в Баку торговли русских купцов в период пребывания здесь русской эскадры. ⁵⁸⁰

В целом, прослеживая, по материалам источников, вопрос о значении для царского правительства Баку в торговле на Каспийском море, С.Б.Ашурбейли открыто не говорит о колонизаторской политике царизма в данном регионе, хотя и указывает, как было отмечено выше, на некоторые действия русского правительства в этом направлении. ⁵⁸¹ Так, автор утверждает, что секретное задание, полученное российским академиком С.Г.Гмелиным при посещении Баку в 1770 году заключалось в выяснении экономического и политического состояния прикаспийских областей «с целью осуществления планов завоевания прикаспийской зоны Азербайджана и Ирана». ⁵⁸²

Говоря о разработке вопросов торгово-экономических взаимосвязей Азербайджана с Россией в исследуемый период, следует особо выделить представлявшую историографическую ценность работу Г.Б.Абдуллаева «Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией». Богатая источниковедческая база позволила автору широко осветить не только политическое, но и торгово-экономические связи азербайджанских ханств с Россией в 60-80-х годах XVIII века, дали возможность глубже изучить широкий круг вопросов азербайджано-русской торговли в указанный период.

Выделяя торгово-экономические связи Азербайджана с Россией в описаниях русских дипломатов, чиновников, представителей деловых кругов, Г.Абдуллаев подчеркивает

в них ошибочность представления об этих связях, как о «персидской торговле». В свою очередь он приводит веские доводы в подтверждение причины появления данного положения, заключавшейся в том, что «царское правительство и во второй половине XVIII в. пренебрегало самостоятельностью азербайджанских ханств, формально не замечало выхода Азербайджана из под власти Ирана, который вел независимую внешнюю торговую политику».⁵⁸³

На основе фактологического материала Г.Абдуллаев показывает всю сложность положения купцов Азербайджана при отсутствии своего морского флота, зависимости торговли и перевозки азербайджанских товаров от русского торгового флота, обладавшего монопольным правом на Каспийском море.⁵⁸⁴

Вместе с тем, в работе делается справедливый вывод о содействии русского судоходства расширению торговых связей, об объективно положительном влиянии русской торговли независимо от царской политики на развитие экономики Азербайджана.⁵⁸⁵

Г.Абдуллаев, как и в ряде работ изучаемого периода, рассматривая вопрос о роли русской консульской службы, раскрывает преимущества портов Северо-восточного Азербайджана, послужившие, по его мнению, основной причиной появления среди деловых кругов тенденции перевода русской торговли в Баку или Сальян. Также проводя красной нитью через всю работу мысль о первенствующем месте Баку среди городов Азербайджана, как выгодного и удобного торгового порта, автор, в отличие от некоторых исследователей, представляет политику Фатали хана Губинского в качестве основной причины перевода центра торговли из Баку в Сальян и приходит к твердому убеждению, что «перемещение центра торговли из Баку в Сальяны было ошибкой – Баку не имел равного себе конкурента для организации центра торговли с Россией».⁵⁸⁶

С другой стороны, говоря о перемещениях центра рус-

ской торговли, автор стремится показать не только места сосредоточения русской торговли, но и политические расчёты царского правительства, то важное значение, какое придавалось Азербайджану во внешнеторговой политике России.

В свою очередь, подтверждением мнения исследователей о более высоком удельном весе азербайджано-русской торговли через Баку, по сравнению с русско-иранской, о возросшем значении Баку в торгово-экономических связях России с Ираном служит идентичная позиция Г.Абдуллаева в этом вопросе.⁵⁸⁷

Автор справедливо выдвигает на первый план интересы царских властей и русского купеческого капитала при решении конфликтов между Северо-восточным Азербайджаном и Россией.⁵⁸⁸

Рассмотрев вопрос о пошлинах и таможенную политику российского правительства и Губинского ханства., Г.Абдуллаев приходит к заключению о неравноправных торговых отношениях, вытекающих из больших исключительных льгот для русских купцов, принципа беспошлинной торговли их в Азербайджане и обложения товаров азербайджанских купцов большими пошлинами в России.⁵⁸⁹ Последнее отчётливо отражается в официальных документах, на основании которых автор уверяет, что в них скрыта полуколониальная система торговой политики царизма, «которая препятствовала развитию торговых и других деловых отношений между народами, их сближению и экономическому сотрудничеству».⁵⁹⁰

Продолжая размышления в этом направлении, Г.Абдуллаев приходит к выводу о превышении русского вывоза над ввозом, о преобладании сельскохозяйственного сырья, в частности шёлка-сырца в азербайджанском экспорте. Тщательная обработка автором документального материала привела к неоспоримому заключению, что «Азербайджан являлся, с одной стороны, рынком сбыта для России, с дру-

гой, аграрным придатком, источником закупки сырья».⁵⁹¹

В работе освещается и острая борьба между русским и местным купечеством на шелковом рынке. Автор рассматривает согласованные действия азербайджанских купцов, проводивших негласные кампании по вытеснению русского купечества с местных рынков, отношение ханских властей и их агентов к засилью русского торгового капитала, а также меры русских правящих и деловых кругов, направленные на установление своего господства в торговой сфере.⁵⁹²

Изучая содержащиеся в архивных материалах сообщения, заявления, письма и донесения русских и местных очевидцев, современников, свидетельствующих о некотором относительном и периодическом застое русской торговли в Южном Кавказе и падение ее в Иране во второй половине XVIII в., Г.Абдуллаев убеждается в том, что «снижение оборота и упадок русской торговли в Азербайджане и Приморских областях Ирана были эпизодичны для отдельных этапов XVIII в. и не характерны для всего периода».⁵⁹³

Вместе с тем, анализируя торгово-экономические связи азербайджанских ханств с Россией во второй половине XVIII в. автор приходит, на наш взгляд, к противоречивому выводу о меньших масштабах этой торговли по сравнению с предыдущим периодом, например, XVII и началом XVIII вв., что, по его мнению, было связано со сложившейся обстановкой и междоусобными войнами.⁵⁹⁴

Определенный научный интерес представляет содержащийся в работе Г.Абдуллаева анализ рекомендаций С.Гмелина, собранных в его труде «Приложение о Каспийском торге». Не претендуя на всестороннее изучение данного труда Г.Абдуллаев рассматривает аспекты, связанные с русско-иранскими и русско-азербайджанскими торговыми отношениями в 70-х годах XVIII века. В частности, он справедливо указывает на то, что торгово-экономическое значение Баку и Шемахи, преимущества Баку, как портового города, остались почти вне поля зрения С.Гмелина.

В целом, Г.Абдуллаев рассматривает работу С.Гмелина с источниковедческой точки зрения. Поэтому автор ограничивается указанием общей установки, прослеживаемой в таких предложениях С.Гмелина, как предоставление русским купцам монопольных прав, превращение Азербайджана и Прикаспийских областей с сопредельными районами в колониальный придаток, в сырьевую базу для русских мануфактур, создание торговых факторий и т.д.⁵⁹⁵ Объединяет эти рекомендации идея создания режима колониальной торговли.

Анализ огромного и богатейшего архивного материала, большая часть которого впервые была введена в научный оборот, позволил Г.Абдуллаеву выявить, основные тенденции в развитии русско-азербайджанской торговли во второй половине XVIII века, в частности – в 60-80-х годах XVIII века. При этом доминирующей является мысль о сближении Азербайджана с Россией в ходе этих торгово-экономических связей. Автор пишет: «Правительство Северо-восточного Азербайджана рассматривало торговые связи с Россией как имеющие материальное и культурное значение в жизни страны. В свободном движении купцов и их коммерческой деятельности в Северо-восточном Азербайджане были замечены элементы некоторого благоустройства, рост хозяйственной жизни».⁵⁹⁶

Г.Абдуллаев уделяет внимание той обстановке, при которой сложились благоприятные условия для усиления русской торговли в Азербайджане, что в свою очередь, способствовало более тесным торговым и политическим русско-азербайджанским связям. Вместе с тем, на наш взгляд, необъективно, что, впрочем, характерно для исследуемого периода, звучит убеждение автора, согласно которому сближение Азербайджана с Россией на почве торговых отношений в дальнейшем «послужило одной из экономических предпосылок русской ориентации азербайджанцев и создало некоторые экономические и политические предпо-

сылки для вхождения северного Азербайджана в состав России». ⁵⁹⁷

Таким образом, осознавая колониальную сущность царизма, Г.Абдуллаев остаётся верным своей идеализированной позиции в отношении указанных торговых взаимосвязей, что соответствовало тенденциозности советского периода. Совершенно очевидно, что Россия рассматривала расширявшиеся торговые связи с Азербайджаном исключительно через призму своих захватнических планов, однако автор использует вопрос о торгово-экономических связях для обоснования «добровольного присоединения» Северного Азербайджана к России.

Торговые отношения Азербайджана с Россией в первой трети XVIII века рассмотрены также в уже упоминаемой ранее работе С.Мамедова. Вслед за остальными исследователями, он определяет первостепенное значение городов Азербайджана в торговле с Россией в указанный период и подчеркивает главную роль Баку как основного пункта в торговле с Южным Кавказом и удобного порта для международной транзитной торговли на Каспийском море. ⁵⁹⁸

Большой фактический материал позволил выяснить ассортимент товаров, вывозимых и ввозимых в Баку и доказать преобладание именно азербайджанских товаров в торговле армянских купцов с Россией. ⁵⁹⁹ В частности, представленные в работе С.Мамедова таблицы наглядно демонстрируют не только количество и разнообразие тебризских, шемахинских и ардебильских товаров, вывезенных из этих городов, но и увеличение экспорта товаров из Баку и Дербента. ⁶⁰⁰

На основании источников автор приходит к верному выводу, что шёлк-сырец, прежде всего шемахинский и гянджинский шёлк и изделия из него, занимали основное место среди вывозимых в Россию товаров. ⁶⁰¹

В свою очередь, стремясь раскрыть экономические мотивы прикаспийского похода Петра I, С.Мамедов особо

подчеркивает заинтересованность Петра I в шелке и других богатствах Азербайджана в качестве сырья для некоторых отраслей российской промышленности, удовлетворявших «потребности прежде всего господствующего класса в товарах, которых либо совсем не было в России, либо имелось в недостаточном количестве».⁶⁰²

Вместе с тем, представленные в работе таблицы наряду с другими документальными данными, свидетельствуют об ассортименте и стоимости товаров, вывозимых в основном из городов Азербайджана через Баку в Астрахань, и показывают большое значение Астрахани, как в торговле России с Азербайджаном, так и с Южным Кавказом, в целом. Вне поля зрения автора не остается и Кизляр, который был одним из пунктов транзитной сухопутной караванной торговли. Отмечая положительные и отрицательные стороны торговли через эти города, С.Мамедов подчеркивает их основную роль в восточной торговле России, в том числе и в азербайджано-русских торговых отношениях.⁶⁰³

Внимание автора привлекает и торговля русских купцов в Азербайджане. С этой точки зрения он рассматривает миссию уже упоминаемого нами русского посланника А.П.Волынского, в результате которой в 1717 г. был заключен торговый договор между Россией и Ираном, согласно которому русским купцам были предоставлены льготные условия торговли в Иране и Азербайджане.⁶⁰⁴ Однако, к сожалению, отсутствие характеристики положения азербайджанских купцов в России не даёт возможности составить общую картину условий их торговли в вышеназванных и других городах, показать насколько равноправными они были.

Вызывает большой интерес отражение изучаемого вопроса в работе Г.Мамедовой, посвященной, как было отмечено, роли консулов в урегулировании азербайджано-русской торговли. Красной нитью через всю работу проходит положение о том, что торговые связи между Азербай-

джаном и Россией всегда служили стимулом для развития дипломатических и политических отношений между обоими государствами. Более того, отмечая немаловажную роль русских консулов в развитии этих отношений, автор подчеркивает ценность сообщений русских консулов, в которых, в основном, достоверно отражалась конъюнктура азербайджано-русской торговли, так как будучи официальными представителями русского государства, они контролировали торговлю русского купечества в Азербайджане и Иране.⁶⁰⁵ Вместе с тем, отдавая должное автору, следует отметить, что она не проигнорировала некоторое субъективное отношение самих консулов к фактам, что, впрочем, по мнению автора, не снижает информативной ценности консульских сведений, написанных со слов очевидцев и богатых фактическими данными.⁶⁰⁶

В работе прослеживаются этапы развития русской консульской службы, перемещения её центров и их влияние на течение торговли, упадок торговли России с Ираном, причину которого автор видит в усилении русско-азербайджанских торговых связей.⁶⁰⁷ Вместе с тем, уделяется внимание конфликту между русскими и местными властями, в частности – с бакинским ханом, так как именно в этом инциденте автор видит причину перемещения центра русской торговли из Гиляна в Баку (1757 г.), тем самым, внося уточнение в дату перенесения резиденции русского консульства, указанную её предшественником Г.Абдуллаевым (1754 г.).⁶⁰⁸

Хотя в работе раскрываются факторы, способствовавшие сокращению азербайджано-русской торговли, однако автор приходит к твёрдому выводу об отсутствии полного её застоя и сосредоточения этой торговли в 50-60-х годах XVIII века, главным образом, в Баку и Шемахе.⁶⁰⁹ Г.Мамедова положительно оценивает результаты перемещения центра русской консульской службы и азербайджано-русской торговли из Ирана в Азербайджан и подчеркивает

большую заслугу в этом русских консулов, которые «превращая в жизнь восточную политику русского государства ... на местах приложили немало усилий для получения максимальных прибылей от торговли».⁶¹⁰ При этом в работе рассмотрена зависимость неравномерного развития азербайджано-русской торговли от политических обстоятельств и субъективных факторов.⁶¹¹

Автор справедливо относит конфликты с местными властями, возникавшие на почве их произвола и самоуправства при взимании пошлин, к причинам, в определенной степени тормозившим развитие азербайджано-русской торговли. Однако, на наш взгляд, в работе нет должной мотивации действий азербайджанских ханов. Не исключено, что это была их ответная реакция на действия русских властей по отношению к азербайджанским купцам. Кроме того, данное поведение азербайджанских правителей могло быть связано и с их политической ориентацией, и с осознанием ими торгового преимущества своих ханств. Известно, что Фатали хан и его сыновья долгое время боролись за получение для своих купцов такого же права беспошлинной торговли в России, какое было предоставлено русским купцам ранее по условиям Рештского договора (1732 г.). Поскольку действия азербайджанских правителей в этом направлении были безуспешными, а Россия требовала от них соблюдения указанных условий, не признавая самостоятельности азербайджанских ханств, то дело доходило до частых конфликтов.

Обстоятельно изучив все перипетии, связанные с перемещением центра русской консульской службы, Г.Мамедова уделяет внимание и вопросу о её закрытии в Азербайджане. Убедительным аргументом автора в пользу обоснования отсутствия у России необходимости «содержать здесь своего консульского представителя для контроля и урегулирования торговых операций» явилось превращение азербайджанских городов в центры сосредоточения

русской торговли.⁶¹²

Вместе с тем, мнимая последовательная русская ориентация азербайджанских ханов, о чём подробно говорилось в предыдущем параграфе, в работе выдвигается в качестве одной из основных причин сокращения консульской службы в Азербайджане. Таким образом, в этом смысле Г.Мамедова отчасти повторила точку зрения своих современников.

В разработку вопроса о торгово-экономических связях Азербайджана с Россией на рубеже XVIII – начала XIX вв. свою лепту внёс и азербайджанский историк Дж.М.Мустафаев. На основе анализа многочисленных архивных материалов им раскрыта возросшая роль Азербайджана в восточной торговле России.

Также, как и Г.Мамедова, при выяснении причин упадка русско-иранской торговли Дж.М.Мустафаев пишет не только об экономических, но и политических факторах, в частности – о влиянии усиления гаджарской опасности на ослабление экономических связей азербайджанских ханств с Ираном.

Цифровые данные о сравнительном вывозе товаров в Астрахань и Энзели, а также факт нахождения в 90-х годах XVIII в. русских консульств на территории Азербайджана подтверждают выдвинутое положение об ослаблении русско-иранских и, наоборот, расширении русско-азербайджанских торговых связей.⁶¹³

Вместе с тем, Дж.М.Мустафаев признаёт слабое развитие среди местного населения Азербайджана морской торговли на Каспии, одной из причин которого являлась политика царского правительства в этой области, в частности, искусственное торможение расширения судоходства в прикаспийском регионе.⁶¹⁴ Правда, как указывает автор, Россия вскоре вынуждена была отказаться от политики ограничения местной морской торговли. В работе автор на основании анализа данных о разнообразии и количестве вы-

возимых и ввозимых товаров приходит к выводу о возрастании роли городов Азербайджана в торговых связях с Россией как важных торговых центров, что было обусловлено выгодным географическим положением, способствовавшим активности участия в торговых процессах купцов различных народов.⁶¹⁵

Изучая характер товарооборота между Азербайджаном и Россией в последнем десятилетии XVIII в. в работе прослежен ассортимент товаров, производившихся в отдельных провинциях Азербайджана в зависимости от местных условий и занятий населения.⁶¹⁶

Как и предшественники, Дж.М.Мустафаев утверждает, что основным предметом азербайджано-русской торговли, являлся шёлк-сырец. Однако в отличие от большинства исследователей, он изучил большое количество новых архивных документов, в частности – ведомости Астраханского таможенного управления, на основании которых смог показать возрастание вывоза шёлка-сырца из Азербайджана в Россию в конце XVIII века, что было обусловлено бурным развитием в ней шелкоткацкой промышленности и свидетельствовало об удовлетворении нужд российских шелкоткацких фабрик в сырье за счёт азербайджанского шёлка.⁶¹⁷

Автор находит подтверждение вышеотмеченного усиления азербайджано-русских торговых отношений в 90-х годах XVIII века в представленных данных по экспорту не только шёлка-сырца, но и других товаров из Азербайджана.⁶¹⁸

В работе рассматривается также российский экспорт в Азербайджан, основное место в котором занимали промышленные товары. Уделив особое внимание контрабандной торговле, Дж.М.Мустафаев создаёт общую картину заинтересованности российского правительства в крупных прибылях от данной торговли и его реальных действиях в этом направлении.⁶¹⁹

Вместе с тем, показав транзитный характер русско-

азербайджанской торговли в 90-х годах XVIII в., автор констатирует и обосновывает невыгодность для России, как посредницы между Европой и Востоком, торговать реэкспортными товарами.⁶²⁰

Ценные торговые таблицы за 1789-1791 гг. явились основанием для заключения автора о более низком торговом балансе Азербайджана, чем у России. Среди факторов пагубно влиявших на ход внешней торговли Азербайджана, Дж.Мустафаев особо отмечает беззащитное положение азербайджанского купечества, явившееся, по мнению автора, результатом отсутствия централизованного государства.⁶²¹

В свою очередь, раскрыв таможенно-пошлинную политику русского государства, направленную на создание выгодных условий для торговли русских купцов в городах Азербайджана, автор показывает неравносильный характер азербайджано-русской торговли. Он справедливо видит в основе конфликтов, как между самими купцами, так и между русскими купцами и местными властями, отсутствие равных условий торговли: одностороннее взимание пошлин с азербайджанских купцов в России и беспошлинная торговля русских купцов в Азербайджане.⁶²² Говоря о мерах российского правительства, включая и военные действия, в защиту русского купечества, в работе наглядно демонстрируется безоговорочное стремление России к нормализации своих торговых отношений с Азербайджаном в целом, и с некоторыми ханствами в отдельности, что вновь подтверждает значимость азербайджанского сырья для российской промышленности.⁶²³ Последнее наблюдается и при определении особой роли не раз упоминаемого Георгиевского договора (1802 г.) для развития торговых отношений в прикаспийских провинциях. Разбирая статьи этого договора, Дж.М.Мустафаев преследует цель выпукло показать заинтересованность подписавших его сторон – России и представителей прикаспийских провинций Азербайджана и Да-

гестана, в частности Губинского и Лянкяранского ханств, в создании безопасных и выгодных условий торговли для своих купцов в данном регионе.⁶²⁴

Однако, как было указано ранее, автор не дает, открыто должную оценку ни колониальной сути этого договора, ни всей политике царской России. Хотя он приходит к выводу об усилении торговли между северными ханствами Азербайджана и русским государством по сравнению с предыдущим периодом на базе богатого, отличавшегося новизной фактического материала, но данное заключение не лишено тенденциозности. Так, в работе констатируется, что «эта торговля для обеих сторон имела огромное значение, так как она послужила развитию экономики. Кроме того, усиление торговых связей Азербайджана с Россией способствовало сближению азербайджанского народа с русским народом, что в свою очередь приводило к усилению русской ориентации среди народных масс».⁶²⁵ Таким образом, последнее доказывает соответствие необъективной и утрированной точки зрения Дж.М.Мустафаева существующему положению как в целом в исторической науке Азербайджана, так и в изучении азербайджано-русских отношений, в частности.

Общее представление о степени изученности торгово-экономических взаимоотношений Азербайджана с Россией в исследуемый период можно создать, если учесть и работы, освещавшие торговые связи отдельных азербайджанских ханств с русским государством. Одной из них является названный ранее труд М.М.Багировой. Автор рассматривает оживленную торговлю Шекинского ханства с Россией. Констатируется не только многочисленность купцов, как из России, так и из других ханств Азербайджана, но и, прежде всего источник их основной прибыли, заключавшийся в экспорте главного предмета торговли Шекинского ханства – шёлка.

На основе архивных материалов даётся перечень това-

ров, ввозимых и вывозимых из России. Автор справедливо классифицирует их на дорогие, покупаемые феодальной знатью, и дешевые, верно подчеркивает важное место ремесленных изделий в торговле Шекинского ханства с Россией.⁶²⁶

Вместе с тем, на наш взгляд, если бы автор использовал таблицы с указанием товарооборота за отдельные годы, можно было бы проследить динамику развития торговли Шекинского ханства с Россией.

Вопрос о торговых связях с Россией изучался и М.С.Искендеровой, посвятившей работу, как было отмечено ранее, истории Бакинского ханства. Это и естественно: Бакинское ханство занимало особое место среди других ханств по своему удобному географическому положению на волжско-каспийском пути. Поэтому неслучайно автор сакцентировал внимание на торговле ханства, в которой торговые связи с Россией имели первостепенное значение.

В работе показано место Баку в азербайджано-русских торговых связях. Как и предшественники, М.С.Искендерова приходит к выводу о том, что, несмотря на перемещение русского консульства из Баку и затем его полное закрытие, Баку на протяжении всей II половины XVIII в. продолжал оставаться одним из главных центров русско-восточной торговли в регионе Каспийского моря.⁶²⁷

В свою очередь, М.С.Искендерова указывает факторы, препятствовавшие нормальному течению торговли, среди которых выделяет таможенную политику бакинских ханов и, прежде всего, последнего – Гусейнгулу хана. Однако автор не даёт ей должную объективную оценку, игнорируя неравноправный характер торговли азербайджанских купцов в русских городах и выпячивая нарушения в отношении взимания пошлин с русского купечества. Автор не могла выйти за пределы заданных идеологических рамок советской исторической науки, когда любые антироссийские действия азербайджанских правителей – вообще, и бакин-

ских ханов – в частности, принимались с осуждением, и не учитывалась зависимость их ни от политических обстоятельств, ни от осознания значимости Бакинского ханства в русско-восточной торговле.

Подтверждение мы находим в очередном заключении М.С.Искендеровой, где она подчеркивает, что «торговые взаимосвязи Бакинского ханства с Россией в целом оставались стабильными, что способствовало усилению русской ориентации среди бакинского населения и присоединению Бакинского ханства к России ещё в процессе первой русско-иранской войны (1804-1813 гг.)». ⁶²⁸

В исследовании вопроса о торгово-экономических взаимосвязях Азербайджана с Россией в русской историографии внимания заслуживает работа О.П.Марковой. Автор справедливо обосновывает исключительное значение торговых отношений между Россией и Южным Кавказом, в частности – с Азербайджаном, стремлением России к торговле с Востоком, являвшимся стержнем всей её политики в XVIII веке.

Если относительно периода пребывания русских в прикаспийских провинциях в 20-х годах XVIII века О.П.Маркова ограничивается почти голословным умозаключением об экономическом развитии Азербайджана, в том числе усилении торговли в данном регионе, умалчивая пагубное влияние колониальной политики царизма, то для второй половины XVIII века богатый фактический материал дал ей основание для вывода о расширении торговых взаимоотношений Азербайджана с Россией.

О.П.Маркова признается, что «состояние материалов о русско-иранских и русско-кавказских экономических связях ещё не позволяет создать полное и совершенно отчётливое представление о них». Вместе с тем, использованные в работе официальные данные о морской и сухопутной торговле Кизляра, а также другие материалы позволили выявить тенденции этих связей.

Рассматривая отдельные статьи импортной и экспортной торговли Астрахани за 1778-1784 гг., автор приходит к важнейшему выводу о росте значения азербайджанских городов в русско-иранской торговле в последние десятилетия XVIII века и справедливо отводит Баку первое место в ней.⁶²⁹

И в русской историографии мы сталкиваемся с признанием повышения удельного веса торговли России с Южным Кавказом во второй половине XVIII века, в частности – с Азербайджаном.

Статистические сведения о торговых оборотах Энзели и Баку, анализ товарооборота, изучение структуры и хода торговли России с собственно Ираном и Южным Кавказом в последние десятилетия XVIII в. с ясной и полной очевидностью раскрывают основную тенденцию деградации в отношении экономических связей Южного Кавказа с Ираном и Турцией, и, наоборот, расширения экономических связей Южного Кавказа, в частности – Азербайджана, с Россией.⁶³⁰ Подчёркивая обусловленность развития связей Южного Кавказа с Россией, прежде всего, нуждами русской промышленности, О.Маркова приходит к важнейшему выводу: «Всероссийский рынок уже в конце XVIII века втягивал экономику Закавказья в сферу своих интересов. Насильственное торможение связей русского купечества с гиланским шелковым рынком стимулировало развитие экономических связей между Россией и народами Закавказья».⁶³¹ Более того, данному положению автор находит объяснение и в политических условиях. Обострение русско-турецких отношений в 60-80-х годах, угроза порабощения Ага Мухаммед Гаджаром Азербайджана и Грузии в 80-90-х годах XVIII века способствовали, по мнению О.П.Марковой, усилению русской ориентации некоторых владельцев и народов Южного Кавказа.⁶³²

Таким образом, мы наблюдаем идентичность точки зрения О.П.Марковой с предыдущими исследователями, не-

верно раскрывавшими политическую подоплёку азербайджано-русских торговых взаимосвязей. Выгодность и большая заинтересованность Азербайджана в торговле с Россией, нежели с Ираном, ни в коей мере не объясняют политическую ориентацию народов Южного Кавказа, в том числе азербайджанского, учитывая колонизаторскую сущность планов России в отношении данного региона.

Как и азербайджанские исследователи, О.П.Маркова обращает внимание и на факторы, препятствовавшие успешному развитию этой торговли. Однако причисленные к ним междоусобные войны азербайджанских ханов, по мнению автора, не уничтожили тенденции развития торговли с Россией.⁶³³

Хотя мы не обнаружили иной серьёзной работы русских исследователей, освещавшей вопрос о торгово-экономических связях Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX века, однако на основании историографического анализа работы О.П.Марковой можно предположить идентичный подход к данному аспекту азербайджано-русских отношений и русской историографии в целом.

Таким образом, в азербайджанской и русской историографии вопрос о торгово-экономических взаимоотношениях Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX вв. неслучайно явился предметом особого изучения. Уделив особое внимание месту и роли Азербайджана в русско-восточной торговле, исследователи показали стабильный характер торговли азербайджанских ханств с Россией во второй половине XVIII века, по сравнению с предыдущим периодом, и закрепили положение о том, что торговые связи явились своего рода катализатором политических и дипломатических связей Азербайджана с Россией.

Однако, поднимая ряд вопросов, непосредственно касающихся изучаемого нами аспекта, авторам 60-80-х годов не удалось детально охарактеризовать ход развития азербайджано-русской торговли, показать всестороннюю дина-

мику развития торгово-экономических связей между Азербайджаном и Россией в изучаемый период. Последние рассматриваются в аспекте социально-экономических предпосылок присоединения Азербайджана к России. При этом учёные, руководствуясь исключительно методологией советского периода, пытались найти оправдание длительному нахождению Азербайджана в составе бывшего СССР. Тем самым авторы не смогли отойти от сложившихся стереотипов и тенденций. Отсюда, неслучайно, в торгово-экономических связях Азербайджана с Россией они находили истоки якобы добровольного желания азербайджанского народа перейти под покровительство России.

Вместе с тем, названные труды свидетельствуют о большой и серьёзной работе, которую проделали историки 60-80-х годов по изучению торгово-экономических связей Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX вв. Именно они заложили фундамент в разработке данного направления исторической науки, а содержащийся в них богатый фактический материал служит до сегодняшнего дня необходимым подспорьем для новых исследований в этой области.

В целом, из вышеизложенного можно заключить, что, несмотря на идентичный с предшествующим периодом подход почти ко всем основным вопросам проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX веков, 60-80-е годы XX века можно считать кульминационным этапом её изучения в азербайджанской и русской историографии. Большое число монографий, защищенных диссертаций и других научных изысканий являются не только показателем скрупулёзного анализа многочисленных новых источников по изучаемым вопросам, но и тщательной разработки разнообразных сторон и аспектов азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX веков.

Возросший интерес историков к данной проблеме в эти годы связан как с окончательным формированием концепции «присоединения» Северного Азербайджана к Рос-

сии, так и политическими условиями в стране. Необходимость утверждения незыблемости социалистической системы, существования многонационального государства СССР на добровольной дружеской основе особенно проявились в 60-80-е годы XX века. Отсюда, и глубокое исследование азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. Осознание важности и особенностей указанного периода позволило авторам азербайджанской и русской историографии показать этапы развития взаимоотношений Азербайджана с Россией, проследить за их изменением во второй половине XVIII века в связи с внутривнутриполитической и международной обстановкой, раскрыть позиции отдельных азербайджанских правителей в отношении к России, торгово-экономические взаимосвязи Азербайджана с Россией в XVIII – нач. XIX вв., последовательность политики царского правительства в данном регионе на протяжении всего XVIII века, всесторонне изучить процесс завоевания Северного Азербайджана Россией, включая его предпосылки, ход и значимость.

Разносторонность и многосюжетность проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX вв. привели к появлению в 60-80-х годах XX века как монографий, посвященных отдельным её вопросам, в частности – отношениям Азербайджана с Россией в целом, так исследовавших взаимоотношения определённых регионов Азербайджана с русским государством.

Примечания

-
- ¹ Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров по историческим наукам. – Всесоюзное совещание историков (18-21 декабря 1962 г.). – Москва, 1964, с. 507.
 - ² Гулиев А.Н., Гасанов И.М., Стригунов И.В. Развитие исторической науки в Азербайджане в конце XIX – нач. XX вв. – Баку, 1960.
 - ³ Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана. – Баку, 1964; Əliyev F.M. XVIII əsrin birinci yarısında

- Azərbaycanda ticarət. – Bakı, 1964; Ашурбейли С.Б. Очерк истории средневекового Баку. – Баку, 1964; В единой семье братских народов (под ред. Х.Г.Везирова, М.А.Дадашзаде, А.Н.Гулиева). – Баку, 1964; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – Москва, 1965 и др.
- ⁴ Абдурахманов А.А. Указ. раб., с. 10.
- ⁵ Гаджиев В. Указ. раб., с. 102.
- ⁶ Абдурахманов А.А. Указ. раб., сс. 27, 28; В единой семье ..., с. 53.
- ⁷ Там же, сс. 27-29.
- ⁸ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – Москва, 1966, сс. 116, 117.
- ⁹ Абдурахманов А.А. Указ. раб., с. 18.
- ¹⁰ Там же, сс. 97-98.
- ¹¹ Гаджиев В. Указ. раб., сс. 107-109.
- ¹² Там же, с. 109.
- ¹³ Там же, с. 113.
- ¹⁴ Ашурбейли С.Б. Указ. раб., с. 252.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же, с. 253.
- ¹⁷ Там же, с. 259.
- ¹⁸ Там же, с. 252.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, сс. 254-257.
- ²¹ Там же, сс. 257-258.
- ²² Там же, с. 252.
- ²³ Там же, сс. 252-253; Гаджиев В. Указ. раб., с. 110.
- ²⁴ Гаджиев В. Указ. раб., с. 116.
- ²⁵ Там же, с. 124; Абдурахманов А. Указ. раб., сс. 31-33; В единой семье..., сс. 54, 55.
- ²⁶ Əliyev F.M. Указ. раб., с. 24.
- ²⁷ Маркова О.П. Указ. раб., с. 117.
- ²⁸ Абдурахманов А.А. Указ. раб., с. 98; Гаджиев В. Указ. раб., с. 124.
- ²⁹ Абдурахманов А.А. Указ. раб., сс. 31-33.
- ³⁰ В единой семье..., сс. 54, 55.
- ³¹ Ашурбейли С.Б. Указ. раб., с. 261; Гаджиев В. Указ. раб., с. 115.
- ³² Гаджиев В. Указ. раб., с. 116; Маркова О.П. Указ. раб., сс. 115, 117 и др.
- ³³ Абдурахманов А.А. Указ. раб., с. 51; Маркова О.П. Указ. раб., сс. 116, 117.
- ³⁴ Гаджиев В. Указ. раб., с. 124.
- ³⁵ Абдурахманов А.А. Указ. раб., с. 67.
- ³⁶ Там же, сс. 73-74.
- ³⁷ Маркова О.П. Указ. раб., сс. 116-117.

- ³⁸ Там же, с. 123.
- ³⁹ Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – Москва, 1960, сс. 8-11; История Азербайджана, т. II. – Баку, 1960, с. 1.
- ⁴⁰ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. – Баку, 1965, с. 297.
- ⁴¹ Маркова О.П. Указ. раб., с. 99.
- ⁴² Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-х гг. XVIII века. – Баку, 1958.
- ⁴³ Абдуллаев Г.Б. Указ. раб., с. 492 и др.; Маркова О.П. Указ. раб., сс. 157, 177-180; Гаджиев В. Указ. раб., с. 153.
- ⁴⁴ В единой семье..., с. 56.
- ⁴⁵ Абдуллаев Г.Б. Указ. раб., с. 492.
- ⁴⁶ Там же, с. 504.
- ⁴⁷ Там же, с. 510.
- ⁴⁸ Абдуллаев Г.Б. Указ. раб., сс. 506-510; Гаджиев В. Указ. раб., с. 153; Маркова О.П. Указ. раб., сс. 141, 157, 224; В единой семье..., с. 56.
- ⁴⁹ Абдуллаев Г.Б. Указ. раб., сс. 524-525.
- ⁵⁰ Гаджиев В. Указ. раб., сс. 142-143.
- ⁵¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. раб., сс. 529-533.
- ⁵² Маркова О.П. Указ. раб., с. 177.
- ⁵³ Там же, сс. 179, 180.
- ⁵⁴ Там же, с. 177.
- ⁵⁵ Там же, с. 221.
- ⁵⁶ Гаджиев В. Указ. раб., с. 153.
- ⁵⁷ Абдуллаев Г.Б. Указ. раб., с. 546.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же, сс. 550-552.
- ⁶⁰ Там же, сс. 553-554.
- ⁶¹ Там же, сс. 567-568.
- ⁶² Там же, сс. 568-584.
- ⁶³ Там же, сс. 572-575.
- ⁶⁴ Там же, сс. 580-583.
- ⁶⁵ Там же, сс. 585-586.
- ⁶⁶ Гаджиев В. Указ. раб., с. 156.
- ⁶⁷ Маркова О.П. Указ. раб., сс. 160-161, 162.
- ⁶⁸ Там же, с. 182.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же, с. 184.
- ⁷¹ Там же, с. 183.
- ⁷² Там же, с. 184.
- ⁷³ Там же, сс. 185-186. Кстати, указанный поход был отменен.
- ⁷⁴ Там же, с. 208.

-
-
- ⁷⁵ Там же, с. 207.
- ⁷⁶ Там же, сс. 206-207.
- ⁷⁷ Фадеев А.В. Указ. раб.
- ⁷⁸ В единой семье..., сс. 57-58.
- ⁷⁹ Абдуллаев Г.Б. Указ. раб., сс. 506-510.
- ⁸⁰ Ашурбейли С.Б. Очерк истории средневекового Баку. – Б., 1964, с. 301.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Фадеев А.В. Указ. раб., с. 96.
- ⁸⁴ Маркова О.П. Указ. раб., с. 287.
- ⁸⁵ В единой семье..., сс. 58-59.
- ⁸⁶ Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. (Из военно-политической истории). – Москва, 1969, с. 52.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ В единой семье..., с. 62; Маркова О.П. Указ. раб., с. 292; Гаджиев В. Указ. раб., с. 169.
- ⁸⁹ Маркова О.П. Там же.
- ⁹⁰ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 52.
- ⁹¹ Гаджиев В. Указ. раб., сс. 160-161, 163-164.
- ⁹² Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., сс. 54-55.
- ⁹³ Фадеев А. Указ. раб., с. 96.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Гаджиев В. Указ. раб., с. 169.
- ⁹⁶ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 55.
- ⁹⁷ Ашурбейли С.Б. Указ. раб., с. 302.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же. Указ. раб., с. 303.
- ¹⁰¹ Там же, сс. 307-308.
- ¹⁰² Гаджиев В. Указ. раб., с. 171.
- ¹⁰³ Маркова О.П. Указ. раб., с. 293.
- ¹⁰⁴ Маркова О.П. Указ. раб., сс. 304-305; В единой семье..., сс. 62, 63.
- ¹⁰⁵ Фадеев А. Указ. раб., с. 101.
- ¹⁰⁶ Маркова О.П. Указ. раб., сс. 305, 309.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 305.
- ¹⁰⁸ Маркова О.П. Указ. раб., сс. 305, 309.
- ¹⁰⁹ История Азербайджана, т. II. – Баку, 1960, с. 2.
- ¹¹⁰ Там же, с. 1.
- ¹¹¹ Мильман А.Ш. Вхождение Азербайджана в состав России и его прогрессивные последствия. – Учёные записки АГУ. Сер. юридических наук, 1964, №1, с. 29. Содержание данной статьи в сокращенном ви-

- де вошло в монографию; Мильман Ш.А. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX веков. – Баку, 1966, сс. 49-56.
- ¹¹² История Азербайджана, т. II, с. 3.
- ¹¹³ Мильман А.Ш. Вхождение Азербайджана в состав России и его прогрессивные последствия, с. 29.
- ¹¹⁴ Там же, с. 30.
- ¹¹⁵ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 60.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же, с. 63.
- ¹¹⁸ Там же, с. 64.
- ¹¹⁹ Ашурбейли С.Б. Указ. раб., сс. 311-312.
- ¹²⁰ История Азербайджана, т. II, с. 11.
- ¹²¹ Имеется в виду Восточная Грузия. См.: А.Фадеев. Указ. раб., сс. 111, 115-116.
- ¹²² Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., сс. 60-62, 63.
- ¹²³ Там же, сс. 60-62.
- ¹²⁴ История Азербайджана, т. II, с. 4.
- ¹²⁵ Мильман А.Ш. Указ. раб., с. 31.
- ¹²⁶ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., сс. 66-67.
- ¹²⁷ История Азербайджана, т. II, с. 7.
- ¹²⁸ Там же; Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 62.
- ¹²⁹ Фадеев А. Указ. раб., сс. 124-125.
- ¹³⁰ История Азербайджана, т. II, с. 7; Мильман А.Ш. Указ. раб., с. 30; Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 65.
- ¹³¹ История Азербайджана, т. II, с. 7.
- ¹³² Там же, с. 12.
- ¹³³ История Азербайджана, т. II, с. 12; Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., сс. 79-81.
- ¹³⁴ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 65.
- ¹³⁵ История Азербайджана. Т. II, с. 13; Мильман А.Ш. Указ. ст., с. 31.
- ¹³⁶ История Азербайджана, т. II, сс. 9, 35, 37 и др.; В единой семье..., сс. 65-66, 71.
- ¹³⁷ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 73.
- ¹³⁸ Там же, сс. 66-67.
- ¹³⁹ Там же, сс. 82, 83.
- ¹⁴⁰ Там же, сс. 100-101.
- ¹⁴¹ Там же, сс. 104-108.
- ¹⁴² Там же, с. 83.
- ¹⁴³ Там же, с. 104.
- ¹⁴⁴ Там же, сс. 109-110.
- ¹⁴⁵ Там же, с. 115.
- ¹⁴⁶ Там же, сс. 123-128.

- ¹⁴⁷ Там же, сс. 145-147.
- ¹⁴⁸ Там же, с. 149.
- ¹⁴⁹ Там же, с. 152.
- ¹⁵⁰ Там же, с. 150.
- ¹⁵¹ Там же, с. 181.
- ¹⁵² Там же, с. 151.
- ¹⁵³ Там же, с. 165.
- ¹⁵⁴ Там же, сс. 174-182.
- ¹⁵⁵ В единой семье..., сс. 65-66, 71.
- ¹⁵⁶ История Азербайджана, т. II, с. 36.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же, с. 37.
- ¹⁶⁰ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., сс. 189-192 и др.
- ¹⁶¹ Там же, сс. 202-203, 204-206.
- ¹⁶² История Азербайджана, т. II, сс. 38-40.
- ¹⁶³ Там же, с. 38.
- ¹⁶⁴ Там же, с. 40.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 214.
- ¹⁶⁸ Фадеев А.В. Указ. раб., с. 260.
- ¹⁶⁹ Там же, с. 274.
- ¹⁷⁰ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 4.
- ¹⁷¹ Там же, с. 254.
- ¹⁷² Там же, с. 255.
- ¹⁷³ Там же, с. 256.
- ¹⁷⁴ 150-летие вхождения Азербайджана в состав России. – Баку, 1964, сс. 3-9.
- ¹⁷⁵ Великая дружба азербайджанского и русского народов (С древних времен до наших дней), кн. 1. – Баку, 1964, сс. 10, 123-140; В единой семье братских народов. – Баку, 1964, сс. 5-50, 51-72; В содружестве с великим братом. К 150-летию вхождения Азербайджана в состав России. – «На страже», 1964, 10 марта и др.
- ¹⁷⁶ Мильман А.Ш. Указ. раб., с. 33.
- ¹⁷⁷ Там же, сс. 33-36, 37.
- ¹⁷⁸ Там же, с. 36.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Там же, с. 37.
- ¹⁸¹ В единой семье..., с. 72.
- ¹⁸² Фадеев А.В. Указ. раб., с. 374.
- ¹⁸³ Маркова О.П. Указ. раб., с. 309.

- ¹⁸⁴ Ибрагимбейли Х.М. Указ. раб., с. 71.
- ¹⁸⁵ История Азербайджана, т. II, сс. 47-48.
- ¹⁸⁶ Ашурбейли С.Б. Указ. раб., с. 314.
- ¹⁸⁷ История Азербайджана, т. II, с. 49.
- ¹⁸⁸ Там же, с. 44.
- ¹⁸⁹ Там же, с. 45.
- ¹⁹⁰ Исхаги Н.И. Исторический очерк Макинского ханства. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1966.
- ¹⁹¹ Асадов Ф.С. История Тальшского ханства. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1966.
- ¹⁹² Далили Г.А. Исторический очерк Урмии. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1968.
- ¹⁹³ Исхаги Н.И. Указ. раб., сс. 17-18.
- ¹⁹⁴ Там же. с. 18.
- ¹⁹⁵ Там же.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ Там же, сс. 18-19.
- ¹⁹⁸ См. §2 данной главы.
- ¹⁹⁹ Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII века. – Баку, 1975.
- ²⁰⁰ Там же, сс. 25-27.
- ²⁰¹ Там же, с. 38.
- ²⁰² Там же, сс. 39-42.
- ²⁰³ Там же, сс. 39, 42-43.
- ²⁰⁴ Там же, с. 39.
- ²⁰⁵ Там же, с. 45.
- ²⁰⁶ Там же, с. 46.
- ²⁰⁷ Там же, сс. 46-47.
- ²⁰⁸ Там же, сс. 47-48.
- ²⁰⁹ Там же, сс. 48-49.
- ²¹⁰ Там же, сс. 49-50.
- ²¹¹ Там же, сс. 50, 54.
- ²¹² Там же, сс. 61-62.
- ²¹³ Там же, с. 62.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ Там же, с. 66.
- ²¹⁶ Там же, сс. 66-68.
- ²¹⁷ Там же, с. 69.
- ²¹⁸ Там же, сс. 70, 93.
- ²¹⁹ Там же, сс. 68-69.
- ²²⁰ Там же, сс. 81-83.

- 221 Там же, сс. 92-93.
- 222 Там же, с. 93.
- 223 Там же, с. 94.
- 224 Там же, с. 117.
- 225 Там же, с. 212.
- 226 Там же.
- 227 Там же, сс. 214-215.
- 228 Там же, сс. 226-228.
- 229 Там же, с. 230.
- 230 Там же, сс. 18-19.
- 231 Алиев Ф.М. Миссия посланника Русского государства Волынского А.П. в Азербайджане (1716-1718 гг.). – Баку, 1979 г.
- 232 Там же, с. 7.
- 233 Там же, сс. 8, 9.
- 234 Там же, с. 9.
- 235 Там же, сс. 19-20. Текст «Инструкции» дан в приложениях. – См.: Указ. раб., сс. 96-98.
- 236 Там же, с. 19.
- 237 Там же, сс. 43, 44.
- 238 Там же, с. 85.
- 239 Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения, часть I. – Баку, 1985.
- 240 Там же, с. 86.
- 241 Там же.
- 242 Там же, сс. 131-134.
- 243 Там же, сс. 134-135.
- 244 Имеется в виду Гаджи Давуд.
- 245 Алиев Ф.М. Указ. раб., сс. 106-107.
- 246 Там же, с. 107.
- 247 Мамедов С.А. Исторические связи азербайджанского и армянского народов (вторая половина XVII в. и первая треть XVIII в.). – Баку, 1977.
- 248 Там же, сс. 158-159.
- 249 Там же.
- 250 Там же, с. 161.
- 251 Там же, сс. 163-164, 166-167.
- 252 Там же, с. 168.
- 253 Там же, сс. 172-173.
- 254 Там же, с. 173.
- 255 Величко В.Л. Кавказ (Русское дело и междуплеменные вопросы). – СПб., 1904. Переиздат. Баку, «Елм», 1990, сс. 63-65.
- 256 Мамедов С.А. Указ. раб., с. 175.
- 257 Там же, сс. 199, 200.

- ²⁵⁸ Там же.
- ²⁵⁹ Там же, сс. 188-191, 191-195.
- ²⁶⁰ Там же, с. 200.
- ²⁶¹ Там же, с. 207.
- ²⁶² Dəlili H.Ə. Azərbaycanın cənub xanlıqları (XVIII əsrin ikinci yarısında). – Bakı, 1979.
- ²⁶³ Там же, сс. 17-18
- ²⁶⁴ Там же, с. 18.
- ²⁶⁵ Там же, сс. 18-19.
- ²⁶⁶ Там же, с. 19.
- ²⁶⁷ Там же.
- ²⁶⁸ Там же.
- ²⁶⁹ Там же, сс. 131-132.
- ²⁷⁰ Там же, сс. 11-12.
- ²⁷¹ Там же, с. 95.
- ²⁷² Там же, сс. 95-96, 101.
- ²⁷³ Там же, с. 137.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ Там же, с. 141.
- ²⁷⁶ Там же, с. 142.
- ²⁷⁷ Там же, с. 143.
- ²⁷⁸ Azərbaycan tarixi. – Bakı, 1979.
- ²⁷⁹ Речь идёт о I (Баку. 1958) и II (Баку. 1961) томах трёхтомной «Истории Азербайджана».
- ²⁸⁰ Гамидова Ш.П. Из истории азербайджано-грузинских отношений (80-90-е гг. XVIII в.). – Автореф. дис. ... канд., ист. наук. Баку, 1973.
- ²⁸¹ Мустафаев Т.Т. Усиление русской ориентации в Азербайджане в I половине XVIII века. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1980.
- ²⁸² Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане (20-60-е годы XVIII в.). – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1980.
- ²⁸³ Багирова М.М. История Шекинского ханства. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1980
- ²⁸⁴ İsmayılov M.A. Şəki. – Bakı, 1982.
- ²⁸⁵ Мустафаев Дж.М. Азербайджано-русские взаимоотношения на рубеже XVIII-XIX вв. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1983.
- ²⁸⁶ Искендерова М.С. Бакинское ханство и его присоединение к России. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1983.
- ²⁸⁷ Бабаев А.Г. Борьба против иранской агрессии, турецких происков и усиление русской ориентации в Азербайджане на рубеже XVIII-XIX вв. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1984.
- ²⁸⁸ Алиев М.М. Нахчыванское ханство. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1986.

- ²⁸⁹ Речь идёт о Мухаммедгасан хане.
- ²⁹⁰ İsmayılov M.A. Указ. раб., с. 39.
- ²⁹¹ Там же, сс. 40-41.
- ²⁹² Там же, с. 41. Жена Джавад хана Гянджинского была сестрой Мухаммедгасан хана Шекинского.
- ²⁹³ Там же, с. 42.
- ²⁹⁴ Там же.
- ²⁹⁵ Там же, сс. 42-43.
- ²⁹⁶ Шемахинское ханство в работе неверно называется Ширванским.
- ²⁹⁷ Там же, сс. 42-43.
- ²⁹⁸ Там же, с. 44.
- ²⁹⁹ Там же.
- ³⁰⁰ Там же.
- ³⁰¹ Там же, с. 45.
- ³⁰² Прибывший из Ирана сын Селим хана Шекинского Гусейн хан также как, и другие правители стремился воспользоваться нападением иранских войск для восстановления ханской власти в Шеки.
- ³⁰³ Там же, сс. 45-46.
- ³⁰⁴ Там же, с. 46.
- ³⁰⁵ Багирова М.М. По велению разума (К 175-летию подписания Гюлистанского мирного договора). – Баку, 1989.
- ³⁰⁶ Там же, с. 28.
- ³⁰⁷ Там же, сс. 45-48.
- ³⁰⁸ Там же, сс. 48-49.
- ³⁰⁹ Там же, сс. 46, 49.
- ³¹⁰ Там же, с. 50.
- ³¹¹ Там же.
- ³¹² Там же, с. 51.
- ³¹³ Там же, с. 52.
- ³¹⁴ Там же, сс. 53-55.
- ³¹⁵ До последнего времени Лянкяранское ханство неправильно представляли как Тальшское ханство. См. подробно: Məmmədova İ.M. Lənkəran xanlığının qonşu xanlıqlar və dövlətlərlə münasibətləri. – Автореф. дис.... канд. ист. наук. Баку, 2005.
- ³¹⁶ Асадов Ф.С. Хорошая опора в тяжёлые дни. – Баку, 1988, сс. 17, 21.
- ³¹⁷ Там же, с. 17.
- ³¹⁸ Там же, сс. 17-18.
- ³¹⁹ Там же.
- ³²⁰ Там же, с. 21.
- ³²¹ Там же, с. 79.
- ³²² Там же, с. 80.
- ³²³ Там же, сс. 85, 91-92.

- ³²⁴ Там же, сс. 92-93.
³²⁵ Там же, с. 93.
³²⁶ Там же, сс. 94-95, 100-101, 102.
³²⁷ Там же, с. 95.
³²⁸ Мəтмədova İ.М. Указ. автореф., сс. 18-20; еѐ же. Lənkəran xanlığı birinci Rusiya-İran müharibəsi dövründə. – Bakı, 2007, сс. 19-109.
³²⁹ Асадов Ф.С. Указ. раб., с. 104.
³³⁰ Там же, с. 114.
³³¹ Там же, сс. 116-118.
³³² Там же, сс. 119-120.
³³³ Там же, с. 125.
³³⁴ Мəтмədova İ.М. Указ. раб., сс. 109-122.
³³⁵ Асадов Ф.С. Указ. раб., сс. 123, 127.
³³⁶ Искендерова М.С. Указ. раб.
³³⁷ Там же, сс. 19, 20-22.
³³⁸ Там же, сс. 20-21.
³³⁹ Там же, с. 21.
³⁴⁰ Там же.
³⁴¹ Там же, сс. 21-22.
³⁴² Там же, с. 24.
³⁴³ Там же, сс. 24-25.
³⁴⁴ Там же, сс. 26-27.
³⁴⁵ Там же, с. 27.
³⁴⁶ Алиев М.М. Нахичеванское ханство и его присоединение к России. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1986, с. 3.
³⁴⁷ Там же, с. 17.
³⁴⁸ Там же.
³⁴⁹ Там же, с. 18.
³⁵⁰ Там же, с. 19.
³⁵¹ Там же.
³⁵² Там же.
³⁵³ Там же, сс. 20-21.
³⁵⁴ Там же, сс. 21-22.
³⁵⁵ Там же, с. 22.
³⁵⁶ Там же, с. 24.
³⁵⁷ Там же, с. 23.
³⁵⁸ Там же.
³⁵⁹ Там же, сс. 23-24.
³⁶⁰ Там же, с. 24.
³⁶¹ Там же.
³⁶² Там же, с. 25.
³⁶³ Mustafaeв T.T. XVIII əsrin birinci yarısında Azərbaycanca Rusiyaya

- meylin güclənməsi. – Bakı, 1986.
- 364 Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане (20-60-е годы XVIII века). – Баку, 1989.
- 365 Mustafayev T.T. Указ. раб., с. 19.
- 366 Мамедова Г.Н. Указ. раб., сс. 15-17.
- 367 Там же, с. 30.
- 368 Mustafayev T.T. Указ. раб., сс. 16-17.
- 369 Мамедова Г.Н. Указ. раб., сс. 31-32.
- 370 Там же, с. 32.
- 371 Mustafayev T.T. Указ. раб., с. 18.
- 372 Там же, сс. 22-23.
- 373 Там же, сс. 23-24.
- 374 Там же, сс. 29-30.
- 375 Там же, с. 25.
- 376 Там же, сс. 46-48.
- 377 Там же, сс. 48-49, 41.
- 378 Там же, сс. 27-28.
- 379 Там же, сс. 33, 35-37.
- 380 Там же, с. 42.
- 381 Там же.
- 382 Там же, сс. 43-44.
- 383 Там же, сс. 57-58.
- 384 Там же, с. 63.
- 385 Там же.
- 386 Там же, с. 69.
- 387 Мамедова Г.Н. Указ. раб., с. 83.
- 388 Там же, с. 85.
- 389 Там же, с. 87.
- 390 Там же, с. 105.
- 391 Там же, с. 61.
- 392 Там же, с. 109.
- 393 Там же.
- 394 Там же, сс. 77, 95.
- 395 Там же, с. 107.
- 396 Həmidova Ş.P. XVIII əsrin ikinci yarısında Azərbaycan-Gürcüstan münasibətləri tarixindən. – Bakı, 1985.
- 397 Там же, сс. 17-18.
- 398 Там же, с. 17.
- 399 Там же, с. 18.
- 400 Там же.
- 401 Там же, с. 20.
- 402 Там же, с. 49.

- ⁴⁰³ Там же, с. 50.
⁴⁰⁴ Там же, с. 22.
⁴⁰⁵ Там же, сс. 57-58.
⁴⁰⁶ Там же, сс. 75-76.
⁴⁰⁷ Там же, с. 75.
⁴⁰⁸ Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX вв.). – Баку, 1989.
⁴⁰⁹ Babayev A. Rusiyaya qoşulmaq ərəfəsində. – Bakı, 1988.
⁴¹⁰ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., с. 72.
⁴¹¹ Там же.
⁴¹² Babayev A. Указ. раб., сс. 20, 40.
⁴¹³ Там же, сс. 22-23.
⁴¹⁴ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., сс. 86-87.
⁴¹⁵ Там же, сс. 87, 88; Babayev A. Указ. раб., сс. 74-75.
⁴¹⁶ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., с. 112.
⁴¹⁷ Babayev A. Указ. раб., сс. 76-78.
⁴¹⁸ Там же, с. 79.
⁴¹⁹ Там же, сс. 74-75, 111.
⁴²⁰ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., сс. 87, 88.
⁴²¹ Babayev A. Указ. раб., сс. 74-75.
⁴²² Мустафаев Дж.М. Указ. раб., сс. 91, 97.
⁴²³ Babayev A. Указ. раб., с. 82.
⁴²⁴ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., сс. 88-89, 97.
⁴²⁵ Там же, сс. 89-90.
⁴²⁶ Там же, с. 91.
⁴²⁷ Babayev A. Указ. раб., сс. 82-83; Мустафаев Дж.М. Указ. раб., с. 91.
⁴²⁸ Там же, сс. 96-99; Там же, сс. 91, 93, 94-95.
⁴²⁹ Мустафаев Дж.М. Новые данные об отношении азербайджанских ханов к походу русских войск в Азербайджан в 1796 г. – Доклады АН Азерб. ССР, №11, 1982, с. 71.
⁴³⁰ Мустафаев Дж.М. Северные ханства..., сс. 92-93.
⁴³¹ Мамедова Г. О походе..., с. 49.
⁴³² Там же, с. 54.
⁴³³ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., сс. 90, 91.
⁴³⁴ Babayev A. Указ. раб., сс. 104-105.
⁴³⁵ Там же, сс. 102-104, 106-107, 107-109, 114-115; Мустафаев Дж.М. Указ. раб., с. 99.
⁴³⁶ Babayev A. Указ. раб., сс. 114-115.
⁴³⁷ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., с. 99.
⁴³⁸ Babayev A. Указ. раб., сс. 114-115.
⁴³⁹ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., с. 99.
⁴⁴⁰ Там же, сс. 97-99, 101.

- ⁴⁴¹ Бабаев А. Указ. раб., сс. 159-160.
- ⁴⁴² Мустафаев Дж.М. Указ. раб., с. 111.
- ⁴⁴³ Там же, с. 112.
- ⁴⁴⁴ Там же, сс. 106-108, 109-112.
- ⁴⁴⁵ Там же, с. 109.
- ⁴⁴⁶ Там же, сс. 108-109; Бабаев А. Указ. раб., с. 165.
- ⁴⁴⁷ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., сс. 108-109; Бабаев А. Указ. раб., сс. 165, 166. В работе Бабаева А. очевидно, опечатка: договор датируется 1801 г.
- ⁴⁴⁸ Бабаев А. Указ. раб., сс. 166, 167.
- ⁴⁴⁹ Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII веке. – Вопросы истории, №5, 1972, сс. 110-122.
- ⁴⁵⁰ Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. – Москва, 1976.
- ⁴⁵¹ Новосельцев А.П. Указ. раб., с. 112.
- ⁴⁵² Там же.
- ⁴⁵³ Там же.
- ⁴⁵⁴ Там же, с. 113; Галоян Г.А. Указ. раб., сс. 76-77.
- ⁴⁵⁵ Новосельцев А.П. Указ. раб., сс. 113-115.
- ⁴⁵⁶ Там же, с. 120.
- ⁴⁵⁷ Галоян Г.А. Указ. раб., сс. 91, 93, 98.
- ⁴⁵⁸ Там же, с. 108.
- ⁴⁵⁹ А.П.Новосельцев. Указ. раб., с. 120.
- ⁴⁶⁰ Там же, с. 122.
- ⁴⁶¹ Там же.
- ⁴⁶² Галоян Г.А. Указ. раб., сс. 11, 179.
- ⁴⁶³ Там же, с. 5.
- ⁴⁶⁴ Там же.
- ⁴⁶⁵ Там же.
- ⁴⁶⁶ Там же, с. 6
- ⁴⁶⁷ Там же.
- ⁴⁶⁸ Там же, с. 7.
- ⁴⁶⁹ Там же, сс. 68-69.
- ⁴⁷⁰ Там же, с. 91.
- ⁴⁷¹ Там же, с. 72.
- ⁴⁷² Там же, с. 78.
- ⁴⁷³ Там же, сс. 100-101.
- ⁴⁷⁴ Там же, с. 112.
- ⁴⁷⁵ Там же, с. 114.
- ⁴⁷⁶ Там же, с. 128.
- ⁴⁷⁷ Там же, с. 134.

- 478 Там же, с. 133.
479 Там же.
480 Там же, с. 154.
481 Там же, с. 162.
482 Там же, с. 179.
483 Там же.
484 Там же, с. 168.
485 Агаян Ц.П. Роль России в исторических судьбах армянского народа (К 150-летию присоединения Восточной Армении к России). – Москва, 1978.
486 Речь идёт о прикаспийском походе Петра I. – См.: Агаян Ц.П.. Указ. раб., с. 75.
487 Там же, с. 90.
488 Там же, с. 110.
489 Там же, сс. 110-111.
490 Там же, с. 152.
491 Там же, с. 157.
492 Там же.
493 Там же.
494 Там же, сс. 166-167, 168, 170.
495 Там же, сс. 183-184, 188-189.
496 Там же, с. 191.
497 Там же, сс. 171-172.
498 Там же, сс. 213-217.
499 Там же, с. 218.
500 Там же, с. 244.
501 Там же, с. 193.
502 Там же, сс. 219-220.
503 Там же, с. 239.
504 Гасанов М.Р. Из истории Табасарана (XVIII – нач. XIX вв.). – Махачкала, 1978, с. 87.
505 Там же.
506 Там же, сс. 89-90.
507 Там же, с. 92.
508 Там же, сс. 92-95.
509 Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – Москва, 1984.
510 Там же, с. 2.
511 Там же, с. 16.
512 Там же, сс. 18-19.
513 Там же, с. 82.
514 Там же.

- ⁵¹⁵ Там же, с. 89.
- ⁵¹⁶ Там же, сс. 89-90.
- ⁵¹⁷ Там же, с. 90.
- ⁵¹⁸ Там же, с. 91.
- ⁵¹⁹ Там же.
- ⁵²⁰ Там же, сс. 101-102.
- ⁵²¹ Там же, сс. 122, 126-127.
- ⁵²² Там же.
- ⁵²³ Там же, с. 126.
- ⁵²⁴ История народов Северного Кавказа (с древнейших времен до конца XVIII века), т. III. – Москва, 1987.
- ⁵²⁵ Там же, сс. 411, 412-413, 415-417 и т.д.
- ⁵²⁶ Там же, с. 448.
- ⁵²⁷ Там же, сс. 460-461.
- ⁵²⁸ История народов Северного Кавказа (конец XVIII века – 1917 г.), т. IV. – Москва, 1988.
- ⁵²⁹ Там же, с. 24.
- ⁵³⁰ Там же, сс. 24-25.
- ⁵³¹ Там же, с. 43.
- ⁵³² Там же, с. 45.
- ⁵³³ Там же, с. 44.
- ⁵³⁴ Там же, с. 43.
- ⁵³⁵ Там же.
- ⁵³⁶ Там же, с. 44.
- ⁵³⁷ Там же.
- ⁵³⁸ Там же.
- ⁵³⁹ Там же, с. 43.
- ⁵⁴⁰ Там же, сс. 29-30.
- ⁵⁴¹ См.: Балаян Б.П. Международные отношения Ирана в 1813-1828 гг. – Ереван, 1967; его же. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединение восточной Армении к России. – Ереван, 1988; Попова О.И. Грибоедов – дипломат. – Москва, 1964; Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX в. – Москва, 1983; её же. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII – первой половине XIX в. – В кн.: Очерки новой истории Ирана (XIX – нач. XX вв.). – Москва, 1978, сс. 5-122; Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английская политика в Иране в начале XIX в. – Ташкент, 1971. – В кн.: Əliyev M.M. Указ. раб., сс. 212-214.
- ⁵⁴² См. подробно главу II.
- ⁵⁴³ Сумбатзаде А.С. Азербайджанская историография XIX-XX веков.
- ⁵⁴⁴ Там же, сс. 196-197.
- ⁵⁴⁵ Итоги и задачи изучения внешней политики России ... , с. 168.

- ⁵⁴⁶ Алиев Ф.М. Русско-английское соперничество из-за каспийской торговли и Азербайджан в 40-х гг. XVIII в. Материалы по истории Азербайджана, т. V. – Баку, 1963.
- ⁵⁴⁷ Там же, с. 70.
- ⁵⁴⁸ Там же, с. 81.
- ⁵⁴⁹ Əliyev F.M. XVIII əsrin birinci yarısında Azərbaycanca ticarət. – Bakı, 1964.
- ⁵⁵⁰ Там же, сс. 38, 43, 47.
- ⁵⁵¹ Там же, сс. 56-57.
- ⁵⁵² Там же, сс. 73-75.
- ⁵⁵³ Там же, сс. 57-58.
- ⁵⁵⁴ Там же, с. 65.
- ⁵⁵⁵ Там же, сс. 69-70.
- ⁵⁵⁶ Там же, с. 22.
- ⁵⁵⁷ Там же, с. 24.
- ⁵⁵⁸ Там же, сс. 82-83.
- ⁵⁵⁹ Там же, сс. 88-89.
- ⁵⁶⁰ Там же, сс. 90-91.
- ⁵⁶¹ Алиев Ф.М. Антиранские выступления..., сс. 61-62.
- ⁵⁶² Там же, сс. 94-95.
- ⁵⁶³ Там же, с. 117.
- ⁵⁶⁴ Там же, сс. 139-140.
- ⁵⁶⁵ Там же, с. 230.
- ⁵⁶⁶ Алиев Ф.М. Миссия посланника ..., с. 40.
- ⁵⁶⁷ Там же, с. 79.
- ⁵⁶⁸ Там же, с. 47.
- ⁵⁶⁹ Там же, сс. 51-52.
- ⁵⁷⁰ Там же, с. 84.
- ⁵⁷¹ Ашурбейли С.Б. Указ. раб., сс. 221-222.
- ⁵⁷² Там же, сс. 219, 220.
- ⁵⁷³ Там же.
- ⁵⁷⁴ Mustafayev T.T. XVIII əsrin birinci yarısında Azərbaycanda Rusiyaya meylin güclənməsi, с. 44.
- ⁵⁷⁵ Ашурбейли С.Б. Указ. раб., сс. 270-273.
- ⁵⁷⁶ Там же, сс. 278-280 и др.
- ⁵⁷⁷ Там же, сс. 274, 278-279.
- ⁵⁷⁸ Там же, сс. 279, 306.
- ⁵⁷⁹ Там же, с. 274.
- ⁵⁸⁰ Там же.
- ⁵⁸¹ Там же, сс. 278-280.
- ⁵⁸² Там же, с. 293.
- ⁵⁸³ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке ..., сс. 283-284.

- ⁵⁸⁴ Там же, сс. 302-307.
⁵⁸⁵ Там же, с. 311.
⁵⁸⁶ Там же, сс. 343-355.
⁵⁸⁷ Там же, сс. 359-361.
⁵⁸⁸ Там же, сс. 397-403.
⁵⁸⁹ Там же, с. 413.
⁵⁹⁰ Там же, сс. 408-411.
⁵⁹¹ Там же, с. 451.
⁵⁹² Там же, сс. 461-463, 464.
⁵⁹³ Там же, сс. 465-467.
⁵⁹⁴ Там же, с. 468.
⁵⁹⁵ Там же, сс. 481-483.
⁵⁹⁶ Там же, с. 487.
⁵⁹⁷ Там же, с. 336.
⁵⁹⁸ Мамедов С.А. Указ. раб., сс. 98-101.
⁵⁹⁹ Там же, сс. 102, 107-110.
⁶⁰⁰ Там же, сс. 110-112.
⁶⁰¹ Там же, сс. 102, 112, 113.
⁶⁰² Там же, сс. 118-119.
⁶⁰³ Там же, сс. 120-124.
⁶⁰⁴ Там же, сс. 114-117.
⁶⁰⁵ Мамедова Г.Н. Указ. раб., с. 60.
⁶⁰⁶ Там же, с. 61.
⁶⁰⁷ Там же, сс. 63-64, 66 и т.д.
⁶⁰⁸ Там же, сс. 65-68.
⁶⁰⁹ Там же, сс. 70-72, 75, 78-80.
⁶¹⁰ Там же, с. 72.
⁶¹¹ Там же.
⁶¹² Там же, с. 83.
⁶¹³ Мустафаев Дж.М. Указ. раб., сс. 38-41.
⁶¹⁴ Там же, сс. 43-45.
⁶¹⁵ Там же, сс. 45-48.
⁶¹⁶ Там же, с. 53.
⁶¹⁷ Там же, сс. 53-54.
⁶¹⁸ Там же, сс. 54-56.
⁶¹⁹ Там же, сс. 56-60.
⁶²⁰ Там же, сс. 60-61.
⁶²¹ Там же, с. 61.
⁶²² Там же, сс. 62-63.
⁶²³ Там же, сс. 65-66.
⁶²⁴ Там же, сс. 66-68.
⁶²⁵ Там же, с. 68.

⁶²⁶ Багирова М.М. Указ. раб., с. 28.

⁶²⁷ Искендерова М.С. Указ. раб., сс. 17-18.

⁶²⁸ Там же, с. 18.

⁶²⁹ Маркова О.П. Указ. раб., сс. 83-89.

⁶³⁰ Там же, сс. 79-81, 89-93.

⁶³¹ Там же, сс. 96-97.

⁶³² Там же, с. 92.

⁶³³ Там же, с. 80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века в исторической науке 20-80-х годов XX века свидетельствует о наличии определенной историографической концепции, связанной с особым интересом к данной проблеме в контексте требований эпохи, то есть сложившиеся в это время политические условия диктовали необходимость изучения азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века с позиции системы советской империи, возвеличивания значения России для развития не только этих взаимоотношений, но и в целом становления Северного Азербайджана как государства.

Историографическая разработка данной проблемы позволила выявить закономерности и особенности развития исторических процессов, их влияние на ход и укрепление азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века. Актуальность аспектов данной проблемы, многосюжетность и многоплановость, а также большое количество опубликованной в 20-80-х годах XX века исторической литературы и уточнение общеизвестных концепций в азербайджанской и русской историографии показали целесообразность поэтапного историографического анализа, в ходе которого были определены основные направления азербайджанской и русской историографии и особенности каждого периода в изучении азербайджано-русских связей XVIII – начала XIX века, прослежена доминирующая в самой историографии советского периода тенденция.

В частности, утверждается традиционный характер дружеских азербайджано-русских отношений, а военно-политическое сотрудничество сторон трактуется как альянс в противовес захватническим планам Турции и Ирана. Поэтому многие аспекты взаимоотношений Азербайджана с

Россией в изучаемый период в работах рассматриваются через призму общей заинтересованности в борьбе с указанными якобы врагами, хотя последние, как известно, преследовали по отношению к Азербайджану те же цели, что и российская сторона.

Первой попыткой комплексной разработки проблемы азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века были труды историков 20-40-х годов XX века. В свою очередь, этот период можно считать начальным этапом в становлении и развитии советской исторической науки вообще и накоплении историографического материала по изучаемой нами проблеме в частности.

Авторы правильно определили колонизаторскую сущность царизма, хотя и не дали должной оценки процессу завоевания Азербайджана Россией. Они справедливо игнорировали надуманное в последующие десятилетия расширение русской ориентации в Азербайджане, приведшей в итоге якобы к добровольному принятию подданства России. Вместе с тем здесь наблюдается изменение трактовки данного узлового вопроса проблемы от голословного утверждения враждебного отношения азербайджанского населения к России до тяготения к ней.

В эти годы были сделаны шаги к верному пониманию целей и мотивов установления царского режима. Хотя авторы и старались осмыслить отдельные моменты развития азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века, однако идеологические установки не давали им возможности дать объективную оценку характеру и итогам данных отношений. Этим и объясняется пафосное изложение и утрирование дружественных сторон взаимодействия этих отношений.

В целом, рассматриваемые труды этого времени отличались научной незрелостью, обусловленной слабой фактической базой, поспешностью выводов в унисон советской эпохе.

Недостаточная источниковедческая основа, пробелы в

изучении проблем истории Азербайджана исследуемого периода, в том числе взаимоотношений его с Россией отражались в поверхностности отдельных обобщений и схематичности изложения.

Несмотря на освещение в основном политической истории, отсутствие анализа и ограничение только констатацией фактов, порой описательный характер и другие недостатки, не позволившие раскрыть всю полноту складывавшихся и расширявшихся азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века, однако данные авторы были первопроходцами в освещении изучаемой проблемы.

Высокая творческая активность учёных в 50-х годах XX в. была направлена на более оперативное изучение нерешенных вопросов по истории Азербайджана, в том числе и азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века, что нашло свое отражение в издаваемых в тот период монографиях и статьях. Были опубликованы первые обобщающие труды, в которых прослеживалось историческое развитие азербайджанского народа и его взаимоотношения с Россией. Повышенный интерес к проблеме был новым этапом в развитии исторической науки в области азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века. В связи с доступностью хранящихся в российских архивных фондах документов использование фактического материала положительно сказалось на научном содержании исследований. То или иное событие рассматривалось в его развитии с учётом по возможности большего числа обуславливающих обстоятельств.

Активизация деятельности историков по освещению данной проблемы, которая сводилась лишь к присоединению Северного Азербайджана к России, сделала неизбежным разработку отдельных вопросов азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века, осуществлявшуюся преимущественно в масштабах региона.

Вместе с тем партийно-идеологическая обусловленность всего советского периода объясняется отсутствием

объективного научного анализа событий и соответствующих выводов в отношении сущности азербайджано-русских отношений в целом и утверждением в это время ряда компромиссных концепций, о расширении русской ориентации, о присоединительной политике России и её благородной миссии по отношению к населению региона.

Осмысление авторами характера азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века приводит к рассмотрению их как части единого закономерного процесса. Фактически в эти годы была заложена основа субъективно-идеалистического подхода к исследованию этой проблемы.

Была закреплена позиция большинства авторов в азербайджанской и русской советской историографии в отношении первостепенной значимости русской ориентации в выборе судьбы азербайджанским народом. Сменой определенных терминов истории пытались отстоять заложенные концепции и оправдать гибкую политику царской России, выраженную не только в завуалировании своих захватнических целей, но и в «искреннем» отношении азербайджанского населения к ней как к прогрессивной стране и добровольном мирном характере присоединения Северного Азербайджана. Именно в этот период началось выпячивание исключительно прогрессивных последствий акта присоединения Россией Северного Азербайджана, что, в свою очередь, явилось итогом развития и расширения азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века, хотя данная проблема не получила должной оценки в исторической науке указанного периода.

В целом, в опубликованных работах прослеживалась некоторая односторонность в подходе к вопросу азербайджано-русских отношений, и обходили стороной колониальные устремления царизма. Отдельные аспекты этих отношений рассматривались вскользь, поскольку в исследованиях доминировали предпосылки и ход присоединения Азербайджана к России, значение и прогрессивные последствия этого факта для азербайджанского народа.

Отличительным периодом в разработке азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века были 60-80-е годы XX века. Этот отрезок времени выделялся не только широтой охвата вопросов данной проблемы, определенной постановкой и оценкой некоторых из них, привлечением богатого фактического материала, но и числом изданных работ, а также степенью изученности в хронологическом порядке. Если до этого более подробно были изучены азербайджано-русские отношения с начала до конца 70-х годов XVIII века, то широкое место уже отводилось исследованию данных взаимосвязей во второй половине и особенно в последней четверти XVIII века, т.е. в период образовавшихся на территории Азербайджана новых государственных структур – ханств.

Поэтому в опубликованных в указанный период обобщенных и специальных трудах, прослеживаются политические и экономические взаимоотношения отдельных ханств с Россией.

Вместе с тем в изучаемый период, охарактеризованный как застойный, исследователи зачастую оставляли вне поля зрения негативные стороны азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века. Так, в этих работах не было должной объективной оценки политики российского правительства в исследуемый период, отсутствовал критический подход к утвердившейся в исторической литературе точке зрения о якобы прогрессивном значении присоединения Азербайджана к России, и выпячивалась русская ориентация населения и ряда феодалов как решающий фактор данного исторического события.

Рассмотрение азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века в контексте внешней политики России, которая затушевывала захватнические стремления её в регионе, приводило к игнорированию политических и стратегических целей российской империи по отношению к Азербайджану. Укрепившаяся в данный период партийно-идеологическая система требовала от исследователей пока-

зать общность интересов Азербайджана и России, внутреннюю и внешнеполитическую обстановку, обусловившую русскую ориентацию, сближение и дружбу, и их взаимовыгодный характер. Неслучайно, партийно-административные органы, реализуя установки сверху стали использовать тему присоединения народов к России, в том числе азербайджанского, как одно из средств демонстрации идеологической работы на местах.

Одной из важнейших направлений работ 60-80-х годов XX века стало изучение и экономических связей Азербайджана с Россией в XVIII – начале XIX века. Среди рассматриваемых работ историков нет сомнения в понимании решающей роли этих связей, в особенности торговых в этот период. Труды этих ученых были первыми монографическими исследованиями, в которых данные связи представляли первооснову азербайджано-русских отношений, без глубокого изучения которых невозможно понять их сущность и дать им правильную оценку.

Торгово-экономические связи между Азербайджаном и Россией в XVIII – начале XIX века рассматривались в аспекте социально-экономических предпосылок присоединения Азербайджана к России. Несмотря на интерпретацию его как фактора усиления русской ориентации, сыгравшей чуть ли не главную роль в добровольном присоединении Северного Азербайджана к России, однако исследование этих торгово-экономических взаимосвязей имело важное значение не только в истории Азербайджана, но и определяло его социально-экономическое развитие и место в данных связях.

В свою очередь, рассматривая историю азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века как источник аргументов для обоснования своей политической позиции по вопросу о добровольном характере присоединения Северного Азербайджана к России и его прогрессивном значении авторы подходили к исследованию событий с уже готовыми схемами и концепциями. В целом, по данной пробле-

ме почти не оказалось ни одного исследователя, кто мог бы в своих работах по возможности преодолеть официальные догмы советской эпохи.

Принципиальную роль играет анализ социальной базы исследования, включающей исторические условия формирования учёного и позицию исследователя. В этом отношении деятельность как азербайджанских, так и русских историков была в прямой зависимости от эпохи, когда советско-партийная идеология не только оказывала влияние, но и фактически определяла их позицию в области изучения исторических процессов, в том числе азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века и характер мировоззрения в целом. Отсюда и схематичность, односторонность, тенденциозность почти всех важнейших вопросов проблемы, наличие ограничивавших или зачастую умышленно искажавших научные выводы историографических концепций. Именно такой подход к вопросу, затушевывая историческую действительность, привел авторов к необъективному представлению о русской ориентации и исключительно дружеской основе этих отношений.

Таким образом, предвзятость, зависимость от политико-идеологического руководства действовать по заранее заготовленным схемам и концепциям мешали историкам изучаемого периода не только дать объективную оценку азербайджано-русским отношениям XVIII – начала XIX века, но и прогнозировать их дальнейшее развитие. В этом проявляется одна из характерных и отличительных черт историографии советского периода. Поэтому историческая наука по данной проблеме в 60-80-х годах XX века продолжала страдать односторонностью, выпячиванием, порой несколько искусственно, только идеологически выгодных моментов, замалчиванием невыгодных фактов, сознательным уходом от изучения некоторых актуальных вопросов азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века.

Хотя авторы и стремились к раскрытию реальных причин событий и явлений, однако не всегда достигалось

критическое отношение к используемому материалу, а иногда произвольно вместо правдивой истории азербайджанского народа давались описания и характеристики христианского населения. В то время, как только критическое отношение к используемому материалу могло помочь созданию реальной национальной истории азербайджанского народа.

Уделив центральное место в своих работах вопросу о важности расширения политической ориентации Азербайджана на Россию, в XVIII – начале XIX века, как азербайджанские, так и русские исследователи тенденциозно видели перспективу развития азербайджанского этноса только в союзе с Российским государством – «старшим русским братом». Неслучайно, боевое содружество, по их мнению, являлось одним из важнейших факторов становления союзнических отношений.

Несмотря на эти недостатки, следует отдать должное авторам азербайджанской и русской советской историографии, которые смогли выделить проблему азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века как предмет исследования, тем самым, показав её значимость и их определяют роль в истории Азербайджана и России.

Несмотря на идеологическую обусловленность представленных работ их главное неопределимое значение заключается в насыщенности фактическим материалом, относящимся к истории азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века и служащим подспорьем для нынешнего поколения исследователей. В этом смысле данные труды сохраняют свою значимость до сегодняшнего дня.

Обоснованная авторами концепция дружеских взаимодействий Азербайджана с Россией в изучаемый период, завершившихся добровольным признанием господства России и затушевыванием экспансионистской политики России в регионе, надолго стала доминирующей в азербайджанской и русской историографии 20-80-х годов XX века, однако рассматриваемые работы имеют непреходящее значение в

исследовании и внешней политики России в XVIII – начале XIX века. Почти на всех этапах истории азербайджано-русских отношений этого времени авторы сказали своё веское слово, осветив, в первую очередь, важнейшие и переломные периоды истории. Отсюда важность подлежащего историографического исследования и выработка информации, необходимой в итоге для направления историко-научной деятельности в этой области.

Вместе с тем изучение азербайджано-русских отношений XVIII – начала XIX века в азербайджанской и русской историографии помогает избежать недопустимых повторений при решении ряда актуальных проблем и определить перспективы будущего развития исторической науки в области исследования этих отношений.

Данные труды не потеряли свою научную ценность и по сей день, и, несомненно, являются большим вкладом в историческую науку, а это, в свою очередь, не снимало с повестки дня историографическое исследование проблемы после 80-х годов XX века.

Безусловно, настоящая монография отнюдь не претендует на исчерпывающее решение всех вопросов этой ещё малоизученной проблемы по исторической науке, которая требует осмысления опыта прошлых лет и нового подхода. Только научный анализ углубит наши представления и нацелит на претворение задач будущего межнационального взаимодействия Азербайджана и России, тем более произошла очередная смена стереотипов в межнациональных отношениях вообще, азербайджано-русских, в особенности.

К чести историков Азербайджана следует отметить, что начавшаяся ими с 90-х годов XX века кропотливая работа по новому осмыслению ряда страниц истории Азербайджана, в том числе отношений его с Россией в XVIII – начале XIX века, ставит перед учёными решение важнейших проблем, которые ждут дальнейших поисков и разработок в этом направлении.

XÜLASƏ

XVIII-XIX əsrin əvvəlində tarixi hadisələr Azərbaycan xalqının ictimai-siyasi və mədəni inkişafına təsir edərək bir çox halda onun gələcək taleyini qabaqcadan həll etmişdir. Buna görə göstərilən dövrdə Azərbaycan-Rusiya münasibətlərinin öyrənilməsi XX əsrin 20-80 illərində tarixçilərin diqqət mərkəzində olmuşdur.

XVIII-XIX əsrin əvvəllərində Azərbaycanın Rusiya ilə münasibətlərinin siyasi və iqtisadi aspektləri XX əsrin 20-40 illərin nəşrlərində öz əksini tapmışdır. M.Vəlili, R.İsmayılov, C.Zeynalovlu, V.M. Sisoyev, Y.A. Paxomov, V.V.Bartold, A.P.Fituni, M.A.Poliyevktov, Y.S.Zevakin və digərlərinin əsərlərində bu və ya digər dərəcədə I Pyotrun Xəzəryanı yürüşü barədə məsələlər araşdırılır, rus hakim dairələrinin Azərbaycan hökmdarlarına və yerli əhalinin Rusiya «himayəçiliyinə», rus istilacılarına münasibətinə diqqət yetirilir, Rusiyanın Azərbaycandakı işğalçılıq siyasəti barəsində danışılır izah edilir. Eləcə də müəlliflər bəzi Azərbaycan xanlarının Rusiyanın əleyhinə mövqeyinə də diqqət yetirirlər.

Bütün göstərilən əsərlərin mənbəşünaslıq bazasının zəifliyi gözdən keçirilən məsələlərin dərin və əlverişli şəkildə əks olunmasını istisna edir. Azərbaycan tarixinin toplu sistematik ifadəsinin ilk təcrübəsi olan bu əsərlərə o vaxt tarix elminin inkişaf səviyyəsi, tarixi proseslərə obyektiv və hərtərəfli yanaşmanın olmaması təsir göstərmişdir. Rusiya siyasətinin tənqidi təhlilinin olmaması, azərbaycanlılar arasında anti-rus əhvali-ruhiyyəsinin olmasını qəbul etməkdən imtina edilməsi, Rusiyanın Azərbaycana qarşı siyasətinin işğalçılıq xarakterinin pərdələnməsi bu dövrün əksər araşdırmaları üçün səciyyəvidir. Hətta bu dövrdə müəlliflər tərəfindən rusların xilaskar kimi göstərilməsinin əsası qoyulmuş, ilk dəfə olaraq Şimali Azərbaycanın Rusiya tərəfindən istila edilməsi yaranmış vəziyyətdə yeganə doğru yol olması kimi

absurd fikir ifadə edilmişdir.

Bununla yanaşı bu əsərlər XVIII-XIX əsrin əvvəli Azərbaycan-Rusiya münasibətləri probleminin ayrı-ayrı aspektlərinin işlənilib hazırlanmasına öz töhfəsini vermiş, Şimali Azərbaycanın Rusiyaya «birləşməsi» tarixi aktının həqiqi mahiyyətinin müəyyən edilməsi yolunda ilk, əslində tamamilə yanlış və qeyri-obyektiv addım atılmışdır.

Azərbaycan və Rusiya tarixşünaslığında XX əsrin ortaları və ikinci yarısında XVIII-XIX əsrin əvvəllərində Azərbaycan-Rusiya münasibətlərinin öyrənilməsi sahəsində müəyyən işlər görülmüşdür. Lakin tədqiqatçılar problemin çoxsaylı məsələlərini XX əsrin 20-ci illərində qoyulan məhdud çərçivədən kənara çıxmadan gözdən keçirmək məcburiyyətində qalmışlar. Bu əsərlər arasında V.N.Leviatov, V.P.Listov, Q.Q.Mehdiyev, M.İqamberdiyev, M.A.İsmailov, A.S.Sumbatzadə, A.Yuxta, Y.Q.Səfərov, A.N.Quliyev və digərlərinin əsərlərini qeyd etmək olar. Bu əsərlərin tarixşünaslıq baxımından analizi elmin nəinki ölkədəki siyasi vəziyyətdən, hətta partiya göstərişlərindən asılı olması fikrini söyləməyə imkan verir. Bu işə müəlliflərin tarixi faktlara yanlış yanaşmasına səbəb olurdu.

Müəlliflər başlıca olaraq çarizmin müstəmləkəçilik cəhərlərinə haqq qazandırır xalq kütlələrinin əhval-ruhiyyəsini müəyyən edən Azərbaycan feodallarının maraqlarına diqqət yetirmirdilər.

Azərbaycanda Rusiya təmayülü məsələsinin qoyuluşu və həllində 50-ci illərdə kəskin dəyişikliklər müşahidə olunur.

Müəlliflər qeyd olunan dövrdə bölgənin əhalisinin güya güclü Rusiya meylini nümayiş etdirməsi, onların fikrincə geridə qalmış İran və Türkiyə ilə müqayisədə Rusiyanın və siyasi gücü daha mütərəqqi olması ilə şərtlənir.

Müəlliflər rus qoşunlarının Azərbaycana yürüşlərinin işğalçı xarakterini geniş xalq kütlələrinin Rusiyaya xəyali xeyirxah münasibəti ilə pərdələmək istəyirlər. Hətta bəzi əsərlərin bütün sujet xəttində bu regionda Azərbaycan əhalisinin maraqları ilə Rusiyanın maraqlarının üst-üstə düşməsi fikrinin əsaslandırılması meylləri görünür. Bu işə rus xalqının

azərbaycanlıları geridə qalmış İran və Türkiyə tərəfindən labüd işğal təhlükəsindən xilas etdiyini iddia edən sovet ideologiyasına uyğun idi. Müəlliflər tərəfindən Rusiyanın işğalçılıq və müstəmləkəçilik siyasətinin alicənab niyyətlər ilə dəyişdirilməsi nəinki elmi obyektivliyin olmamasını sübut edir, həm də tarixçilərə sovet ideoloji aparatı tərəfindən təzyiqin güclü olmasından xəbər verir.

Məhz bu dövrdə Rusiya tərəfindən Şimali Azərbaycanın işğal edilməsinə münasibətdə «yüngül qəzəb» formulunu İran-türk işğalçıların basqınları və feodal ara müharibələri şəraitində «yeganə çıxış yolu» haqqında tezis əvəz etmişdir. Beləliklə müəlliflər oxuculara Şimali Azərbaycanın Rusiyanın tərkibinə könüllü daxil olması fikrini aşılırlar.

Qeyd olunan dövrdə Azərbaycan və Rusiya tarixşünaslığında Gülüstən və Türkmənçay sazişlərini qiymətləndirərək Rusiyanın Azərbaycan torpaqlarının və xalqının zorla bölüşdürülməsindəki əsas rolu inkar edilir. Hətta müəlliflər diqqəti rus çarizminin irticaçı işğalçılıq hərəkətləri ilə Rusiyanın Qafqaz xalqlarının, xüsusən Azərbaycan xalqının taleyində obyektiv mütərəqqi rolu arasında fərqlərə yönəldir və ikincisini haqsız olaraq yüksəldirlər.

XVIII-XIX əsrin əvvəllərində Azərbaycan-Rusiya əlaqələrinin əksər məsələlərinə münasibətdə tədqiqatçılar subyektivliyə yol vermiş və faktları təhrif etmişlər.

Faktlar, seçilmiş yanaşma və onların yanlış interpretasiyası guya Azərbaycan xanlarıyla Rusiya arasında səmimi dostluq münasibətlərinin mövcudluğu haqqında aldadıcı təəssürat yaradır. Rusiya təmayülü faktlarının şişirdilməsi ümumiyyətlə, onlardan rus qoşunlarının Azərbaycana hücumuna bəraət verilməsi, çar Rusiyasının regionda işğalçılıq siyasətinin inkar edilməsi məqsədilə istifadə edilməsi əksər müəlliflərin yanlış nəticəyə gəlməsinə səbəb olmuşdur.

Bununla yanaşı adı çəkilən tarixçilərin istər bütövlükdə tarix elminə, istərsə də XVIII-XIX əsrin əvvəli Azərbaycan-Rusiya münasibətlərinin öyrənilməsi tarixinə töhfələrini nəzərə alaraq qeyd etmək lazımdır ki, onlar bu münasibətlərin nəinki hərtərəfliliyinə, çoxaspektliliyinə diqqət yetirmiş, eləcə

də bu münasibətləri tədqiq etməyə çalışmışlar.

XX əsrin 60-80 illərində müəyyən dərəcədə XVIII-XIX əsrin əvvəllərində Azərbaycan-Rusiya münasibətlərinin tədqiq edilməsində tam dövrü tamamlayan böyük elmi arsenal formalaşmışdır. Bizim tarixşünaslıq analizimizin mərkəzində Ə.Ə.Əbdürrəhmanovun, F.M.Əliyevin, S.B.Aşurbəylinin, V.Q.Hacıyevin, Q.B.Abdullayevin, O.P.Markovanın, A.V.Fadəyevin, H.M.İbrahimbəylinin, T.T.Mustafazadənin, G.N.Məmmədovanın, C.M.Mustafayevin və digərlərinin daha maraqlı əsərləri dayanır.

Zəngin mənbəşünaslıq bazası müəlliflərə tədqiq edilən dövrdə Azərbaycanın Rusiya ilə istər siyasi, istərsə də iqtisadi münasibətlərini dərinlən araşdırmağa imkan yaratmışdır. Bu dövrdə hazırkı problemin bu və ya digər aspektlərə xüsusi olaraq həsr olunmuş və tədqiq edilən dövr ərzində aydın surətdə bu münasibətlərin müqayisəli analizi izlənən əsərlər meydana gəlmişdir.

Ancaq yuxarıda adı çəkilən əsərlərdə də tarixi həqiqətin təhrif edilməsi müşahidə olunur, əvvəlki kimi sovet tarixşünaslığında irəli sürülən konyuktura tələblərini yerinə yetirmək məqsədilə çar Rusiyasının işğalçılıq fəaliyyəti pərdələnir. Ümumiyyətlə, Azərbaycan və XVIII-XIX əsrin əvvəli Azərbaycan-Rusiya münasibətləri tarixinin birtərəfli izah edilməsində çar Rusiyasının siyasi xələfi olmuş sovet quruluşunun sarsılmazlığına inamın formalaşdırması məqsədi güdülürdü.

Bu mənada 60-80 illərin bütün əsərləri bundan əvvəlki əsərlərdən fərqlənmirdi, əksinə onların müəllifləri göstərilən problemin tədqiqində möhkəm kök salınmış ənənələri davam edirdilər. XVIII-XIX əsrin əvvəli Azərbaycan-Rusiya münasibətlərin inkişaf etmə meylləri, o cümlədən bu və ya digər hadisələrin, Azərbaycan-Rusiya münasibətlərinin müxtəlif tərəfləri barədə əksər müəlliflərin mövqeyi səlflərin mövqeyi ilə üst-üstə düşür.

Əvvəl qeyd edildiyi kimi genişlənmiş faktiki məzmununa malik 60-80 illəri işlərinin tarixşünaslıq baxımından təhli-
linin vacibliyi XVIII-XIX əsrin əvvəli Azərbaycan-Rusiya münasibətləri problemini ümumi tədqiqi mənzərəsinin yara-

dılması zərurətindən irəli gəlir. Xüsusən monoqrafiyaların, müdafiə olunmuş dissertasiyaların və digər elmi tədqiqatların böyük əksəriyyəti nəinki analizin seçilməsinin, tədqiq edilən məsələlər üzrə çoxlu yeni mənbələrin, hətta XVIII-XIX əsrin əvvəli Azərbaycan-Rusiya münasibətlərinin müxtəlif tərəflərinin və aspektlərinin əsaslı tədqiqinin göstəricisidir.

Bu illərdə tarixçilərin göstərilən problemə marağının artması istər Şimali Azərbaycanın Rusiyaya birləşmə konsepsiyasının qəti formalaşmasından, istərsə də ölkədə siyasi şəraitdən asılı idi. XVIII-XIX əsrin əvvəli Azərbaycan-Rusiya münasibətlərinin dərinədən tədqiqi çoxmillətli SSRİ dövlətinin mövcudluğunun sarsılmazlığını, könüllü dostluq prinsipləri üzərində qurulmasının təsdiq edilməsi zərurətdən irəli gəlirdi. Bu işə müəlliflər Azərbaycan və Rusiya tarixşünaslığında Azərbaycanın Rusiya ilə əlaqələrinin inkişaf mərhələlərini göstərmək, XVIII əsrin ikinci yarısında onların siyasətinin daxili və beynəlxalq vəziyyətilə əlaqədar dəyişməsinə, ayrı-ayrı Azərbaycan hakimlərinin Rusiyaya münasibətdə mövqelərini açmağı çar hökumətinin bütün XVIII əsr ərzində bu regionda siyasətini ardıcılıqla izləməyə, ilkin şəraitləri, inkişafı və əhəmiyyəti daxil olmaqla Şimali Azərbaycanın Rusiya tərəfindən işğalını hərtərəfli tədqiq etmək imkanı verdi.

İqtisadi-ticarət əlaqələri Azərbaycan ilə Rusiya arasında qarşılıqlı münasibətlərin tədqiq edilməsinin təməl daşını təşkil edirlər. Əgər əvvəlki müəlliflər bu əlaqələrin işlənilməsində ardıcıl deyildilərsə, 60-80-ci illərdə Azərbaycan ilə Rusiyanın göstərilən dövrlərdəki iqtisadi-ticarət münasibətləri Azərbaycan və Rusiya tarixşünaslığının diqqət mərkəzində olmuş və hətta bu məsələlərin tədqiqinə həsr edilmiş ayrıca elmi əsərlər meydana çıxmışdır.

Azərbaycanın Rusiya ilə iqtisadi-ticarət və siyasi əlaqələrinin bir-birindən asılılığının müəyyən edilməsinə xüsusi diqqət yetirilirdi, bütün müəlliflər bu məsələləri Azərbaycanın Rusiya ilə birləşməsi üçün zəmin yaratması nöqteyi-nəzərindən gözdən keçirirdilər.

Ticarət-iqtisadi əlaqələrin hər iki xalqın ayrı-ayrı

nümayəndələri arasında tanışlıq və ünsiyyətin əsasına xidmət etdiyi bir vaxtda, gözdən keçirilən əsərlərin müəllifləri əvvəlki mövqedən uzaqlaşmadan tədqiq olunan dövrdə Azərbaycan və Rusiya arasında qarşılıqlı iqtisadi-ticarət münasibətlərini Azərbaycanda Rusiya meylliliyin formalaşması və güclənməsi güman edilən və Şimali Azərbaycanın Rusiyaya XIX əsrin birinci rübündə birləşməsinin könüllü xarakterini müəyyən edən əsas hesab edirlər.

Bu əsərlərdə Azərbaycanın Rusiya imperiyasının xarici ticarətində mühüm rolu da qeyd edilir.

Tamamilə aydındır ki, Rusiya Azərbaycanla genişlənən ticarət əlaqələrinə öz işğalçılıq planları prizmasından baxırdı, ancaq müəlliflər iqtisadi-ticarət əlaqələri məsələsindən əvvəl qeyd edildiyi kimi, Şimali Azərbaycanın Rusiyaya könüllü birləşməsinin əsaslandırması üçün istifadə edirlər.

Əsərlərdə çar Rusiyasının bütün siyasətinin müstəmləkəçi mahiyyəti lazımı qiymətləndirməsə də olmasa, bu əsərlərdə Azərbaycan-rus ticarətinin bərabər hüquqlu olmaması, əlverişsizliyi haqqında fikirlərə rast gəlmək olar. Müəlliflər göstərir ki, istər tacirlərin özləri istərsə də, rus tacirləri ilə yerli hakimiyyət orqanları arasında münaqişələr, bərabər ticarət şəraitlərinin olmamasının, Azərbaycan tacirlərindən birtərəfli surətdə rüsumlarının yığılmasının və rus tacirlərinin Azərbaycanda gömrüksüz ticarətinin nəticəsi idi. Rusiya hökumətinin hərbi əməliyyatlar da daxil olmaqla rus tacirlərinin maraqlarını müdafiə etməsi üçün gördüyü tədbirlər, Rusiyanın bütövlükdə Azərbaycanla və bəzi xanlıqlarla ayrılıqda öz ticarət əlaqələrinin genişləndirməsinə can atmasını nümayiş etdirməsi bir daha Azərbaycan xammalının Rusiya sənayesi üçün əhəmiyyətini təsdiqləyir.

Tədqiqatçılar Azərbaycanın Rusiya şərq ticarətində yerinə və roluna xüsusi diqqət yetirərək Azərbaycan xanlıqların XVIII əsrin ikinci yarısında Rusiya ilə ticarətinin digər dövrlə müqayisədə sabit xarakterini əsas götürərək ticarət əlaqələrinin Azərbaycanın Rusiya ilə siyasi və diplomatik əlaqələri üçün katalizator olduğu nəticəsinə gəlmişlər.

60-80-ci illər müəlliflərinin Azərbaycanın Rusiya ilə iqtisadi

tisadi-ticarət əlaqələrində bundan əvvəlki tarixçilər kimi yaranan stereotiplərdən və meyllərdən uzaqlaşma bilmədiyinə baxmayaraq, onlar Azərbaycan xalqının Rusiyanın himayəçiliyinə guya könüllü istəyini əks etdirən mənbələri tapırdılar, məhz onların əsərləri XVIII-XIX əsrlərin əvvəllərində Azərbaycan-Rusiya münasibətlərinin sonrakı obyektiv tədqiqinin əsasını qoydu. Bu əsərlər onlarda saxlanılan materialın təkrar analizini tələb etməsinə baxmayaraq, bu gün də özündə bu sahədə yeni tədqiqatlar aparmaq üçün yaxşı zəmin təşkil edirlər.

SUMMARY

Historical events of the XVIII - early XIX centuries having affected on the course of its socio-political and cultural development in many respects predetermined the further destiny of the Azerbaijan people. Therefore studying of the Azerbaijan-Russian relations during the specified period was a subject of intent attention of historians of the 20-80-s of the XX century. Political and economic aspects of relations of Azerbaijan with Russia during the specified period have been reflected in the publications of the 20-40s of the XX century. M.Valili, R.Ismailov, D.Zeynaloghlu, V.M.Sisoyev, E.A.Pakhomov, V.V.Bartold, A.P.Fituni, M.A.Polievktov, E.S.Zevakin and others in their works to some extent viewed on the issues of the campaigns of Peter I to the Caspian Sea coasts, they concentrated attention mainly on the relation of ruling circles of Russia to the Azerbaijan governors and the attitude of the local population to Russian "protection" and cruelty of Russian conquerors, and expounded the aggressive actions of Russia in Azerbaijan. Authors pay attention to the Anti-Russian position of some Azerbaijan khans.

Weakness of source study base almost of all afore-mentioned works makes impossible the profound and argued reflection of cases in point. Being the first experience of a combined systematic account on history of Azerbaijan, the level of development of historical science of the time, absence of the objective and comprehensive approach to historical process have been reported in them. Absence of the critical analysis of Russia's policy, refusal in recognition of anti-Russian moods among Azerbaijanis, veiling of aggressive character of Russia's policy in Azerbaijan is characteristic for the majority of researches of the time. Moreover, at the time introduction of the Russians as rescuers had been started, for the first time the absurd thought on the conquest of Northern Azerbaijan by Russia as a unique correct way in the developed conditions is expressed.

At the same time these works have contributed their mite in working out separate aspects of the problem of Azerbaijan-Russian relations in the XVIII - the beginning of the XIX centuries, has been made the first, not absolutely right and objective step on the way of

determination of the authentic essence of the historical act for "joining" the Northern Azerbaijan to Russia.

In the second half of the 40-50s of the XX century in the Azerbaijan and Russian historiography was carried out a certain work in the field of studying of Azerbaijan-Russian relations in the XVIII- the beginning of the XIX centuries. However, not getting out of the frames of those restrictions which have been put in the 20s of the XX century the researchers were compelled to consider numerous issues on the given problem. Among the works of this period should be noted V.N.Leviatov, V.P.Listsov, G.G.Mehtiyev, M.Igamberdiyev, M.A.Ismayilov, A.S.Sumbatzadeh, A.Yukhta, Y.G.Safarov, A.N.Guliyev and others' works. The historiographic analysis of these works allows us to judge not only the political situation in the country, but also about the degree of dependence of science from party aims. Authors mainly defining moods of broad masses justify the colonialist aspirations of tsarism and ignore interests of feudal governors of Azerbaijan.

In the 50s a drastic change is observed in raising and the solution of question on Russian orientation in Azerbaijan. Authors show the adherence to thought on ostensibly firm Russian orientation of the population of the region during the considered period, in their opinion has been caused by progressiveness and political power of Russia in comparison with retarded Iran and Turkey.

Authors try to justify the aggressive character of Russian troops' campaigns to Azerbaijan, the imaginary benevolent relation of wide masses to Russia. Moreover, through all plots of some works passes the aspiration to show the coincidence of interests of the Azerbaijan population with those of Russia in the given region that corresponded to the Soviet ideology, according to which Russian people had rescued Azerbaijanis from inevitability to be won by retarded Iran and Turkey. Substitution by authors of aggressive character of actions and policy of Russia ostensibly with its noble intentions testifies not only to absence of scientific objectivity, but also shows all that force of pressure which was tested by historians from the Soviet ideological machinery.

At this particular time the formula of "the least harm" concerning the conquest of Northern Azerbaijan by Russia was replaced with the thesis about "the only way"(the only exit) in the conditions of invasions of Iran-Turkish conquerors and feudal intestine wars. Thus au-

thors bring readers to thought on voluntary occurrence of Northern Azerbaijan in the structure of Russia.

In the Azerbaijan and Russian historiography of this time at the estimation of Gulustan and Turkmenchay contracts the leading role of Russia in violent division, both territory of Azerbaijan, and its people is denied as well. Moreover, authors ascertain the distinction between the reactionary aggressive aspirations of Russian tsarism and objectively progressive role of Russia in the destiny of the Caucasian people, in particular - the Azerbaijani people and wrongfully ennoble it.

Concerning the majority of questions of history of Azerbaijan-Russian relations in the XVIII- early centuries, researchers showed subjectivism and the prejudication to the facts. Selective adjustment of the facts and their prejudiced interpretation makes deceptive impression about ostensibly sincere friendly mutual relations between the Azerbaijan khans and Russia. According to the wrong conclusion of the majority of authors, Russian orientation is made by them as the powerful defining factor and is used as for the justification of the entry of Russian troops to Azerbaijan, and on the whole, for denial of aggressive policy of imperial Russia in region.

At the same time, considering the contribution of the afore-stated historians both in historical science, and in history of studying of Azerbaijan-Russian relations in the XVIII- early XIX centuries, it should be noted, that they not only have paid attention on multiaspected and many-sided nature of the specified relations, but also tried to investigate them.

In the 60-80s of the XX century there was a huge scientific manpower, in certain degree having finished the whole epoch in research of Azerbaijan-Russian relations of the XVIII- early XIX centuries. In the centre of our historiographic analysis there were the most interesting works of the specified period, among which A.A.Abdurahmanov, F.M.Aliyev, S.B.Ashurbeyli, V.G.Hajiyev, G.B.Abdullayev, O.P.Markova, A.V.Fadeev, H.M.Ibrahimbeyli, T.T.Mustafazadeh, G.N.Mammadova, J.M.Mustafaev and others' works.

The rich source study base has allowed the authors to track more deeply both political and economic mutual relations of Azerbaijan with Russia during the studied period. At this time appear the works specially devoted to these or other aspects of the given problem

and in which the comparative analysis of the development of these mutual relations throughout the investigated period is visually traced.

However, in the afore-stated works is observed the distortion of the historical truth, as before, in order to meet the opportunistic requirements made to the Soviet historiography the aggressive aspiration of imperial Russia **is veiled**. In one-sided illumination of Azerbaijan history, in the whole and Azerbaijan-Russian relations of the XVIII-early XIX centuries in particular, as before the single aim was pursued - to form belief in firmness of the Soviet system, actually was successor of the policy of imperial Russia.

In this sense almost all works of the 60-80s essentially did not differ from the previous works, and on the contrary, their authors have as if continued traditions firmly taken roots in studying of the specified problem. Position of the majority of authors concerning the tendency of development of Azerbaijan-Russian relations of the XVIII-early XIX centuries coincides with the position of predecessors, including in regard to the interpretation of different events, the various aspects of Azerbaijan - Russian relations of the specified period.

Importance of the historiographic analysis of works of the 60-80s possessing as it has been stated earlier, with expanded actual maintenance, follows from the necessity to create overall picture of studying the problem of Azerbaijan-Russian relations in the XVIII-early XIX centuries.

The increased interest of historians to the given problem these years is connected with definitive formation of the concept of “joining” Northern Azerbaijan to Russia and political conditions in the country. The profound study of Azerbaijan-Russian relations of the XVIII-early XIX centuries started with the necessity of the approval of stable existence of the multinational state- the USSR on the voluntary friendly basis that has allowed authors of the Azerbaijan and Russian historiography to show stages of development of Azerbaijan with Russia, to track their change in the second half of the XVII century in connection with internal political and international situation, to reveal positions of separate Azerbaijan governors regarding to Russia, coherence of the policy of the imperial government in the given region throughout the XVIII century, to study in details the process of the conquest of Northern Azerbaijan by Russia, including its backgrounds, course and the importance.

The corner stone in studying the mutual relations of Azerbaijan with Russia is the trading-economic interrelations. If the previous were not consecutive in their elaboration, then in the 60-80s trade and economic interrelations of Azerbaijan with Russia in the specified period became object of rapt attention in the Azerbaijan and Russian historiography and even there were a number of scientific works in which these questions were specially studied.

The special emphasis was given to revealing of correlation in trade, economic and political relations of Azerbaijan with Russia, and almost all authors considered these questions under the perspective of creation the backgrounds for “joining” of Azerbaijan to Russia.

While trade and economic relations have formed basis for acquaintance and dialogue between separate representatives of both people, authors of the considered works do not depart from former positions and consider mutual trade and economic relations of Azerbaijan with Russia as a ground on which occurred the formation and ostensibly, strengthening of Russian orientation in Azerbaijan during the studied period, as a result having defined the “voluntary” character of joining of Northern Azerbaijan to Russia in the first third of the XIX century.

In these works the important role of Azerbaijan in foreign commerce of Russian empire is underlined.

Absolutely clear, that Russia considered extending commercial relations with Azerbaijan exclusively through the prism of her aggressive plans, however authors use the question on trade and economic relations as it has been noted earlier, as the grounds for “voluntary joining” of Northern Azerbaijan to Russia.

Though in works there is no due estimation for both the colonial essence, and the policy of imperial Russia in the whole, nevertheless, it is possible to meet statements about unequal and not mutually advantageous character of Azerbaijan-Russian trade. The authors note that the conflict, both among the merchants, as well as between the Russian merchants and the local authorities has been arisen for the lack of equal terms of trade: unilateral collection of duties from the Azerbaijan merchants in Russia and free trade of Russian merchants in Azerbaijan. Measures of the Russian government on protection of interests of Russian merchants, including the military actions, show resolute aspiration of Russia to expansion of the trade relations with Azerbaijan as a whole, and with some khanates separately, that once

again confirms the importance of the Azerbaijan raw materials for the Russian industry.

As a whole, having paid special attention to the place and role of Azerbaijan in Russian - East trade, the researchers have shown the stable character of trade of Azerbaijan khanates with Russia in the second half of the XVIII century, in comparison with the previous period and have come to conclusion that commercial relations were of some kind the catalyst.

In spite of the fact that the authors of the 60-80s, as well as previous historians, could not depart from the developed stereotypes and tendencies, and in trading - economic relations of Azerbaijan with Russia they found sources, ostensibly, of voluntary desire of the Azerbaijan people to pass under protection of Russia. Just their works have laid the foundation for the further objective studying of Azerbaijan - Russian relations of the XVIII-early XIX centuries. These works up today represent good help for new researches in this area though the actual material containing in them demands the repeated analysis.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Начало изучения азербайджано-русских отношений XVIII – нач. XIX вв. в русской и азербайджанской историографии (20-е – I пол. 40-х гг. XX в.)	9
Глава II. Разработка проблемы азербайджано-русских взаимоотношений XVIII – нач. XIX вв. во II половине 40-50-х гг. XX века.....	95
Глава III. Азербайджано-русские отношения (XVIII – нач. XIX вв.) на страницах изданий 60-80-х гг. XX века	232
§1. Политические аспекты азербайджано-русских взаимоотношений XVIII – нач. XIX вв. в азербайджанской и русской историографии (60-80-е гг. XX века)	232
§2. Вопросы торгово-экономических взаимосвязей Азербайджана с Россией в XVIII – нач. XIX вв. в азербайджанской и русской историографии 60-80-х годов XX века	369
Заключение	417
Xülasə	427
Summary	433

Mərziyə Sabir qızı İsgəndərova
XVIII-XIX əsrin əvvəllərində Azərbaycan-Rusiya münasibətləri
Azərbaycan və Rusiya tarixşünaslığında
(XX əsrin 20-80-ci illəri)

Компютер yığımı: Rəhilə Kazımova
Компютер dizaynı: Aynur Məhərrəmli

Yığılmağa verilmişdir: – 15 fevral 2009
Çapa imzalanmışdır: – 25 aprel 2009
Sifariş: №

Formatı: 60/90 – 1/16. Həcmi: 26,5 ç.v. Tirajı: 500

Kitab Azərbaycan MEA A.A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutunun Elmi İnformasiya şöbəsində yığılıb-səhifələnmiş və «Nurlan» nəşriyyat-poliqrafiya müəssisəsində hazır diapozitivlərdən çap edilmişdir.

Марзия Искендерова

**АЗЕРБАЙДЖАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ
XVIII- НАЧАЛА XIX ВВ.
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**